

ВОЛОГОДСКИЙ

ЛАД

2 (45)
2025 год

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2025

ВОЛОГОДСКИЙ
ЛАД

2

Ольга Сергеевна Белова в библиотеке Вологодской центральной библиотечной системы, где находится Центр писателя В. И. Белова

Молодые авторы чувствовали на себе пристальный взгляд классика. Одних это бодрило, других немного пугало...

Десятый, юбилейный

С 23 по 26 октября в Вологде проходил традиционный семинар молодых авторов имени Василия Белова

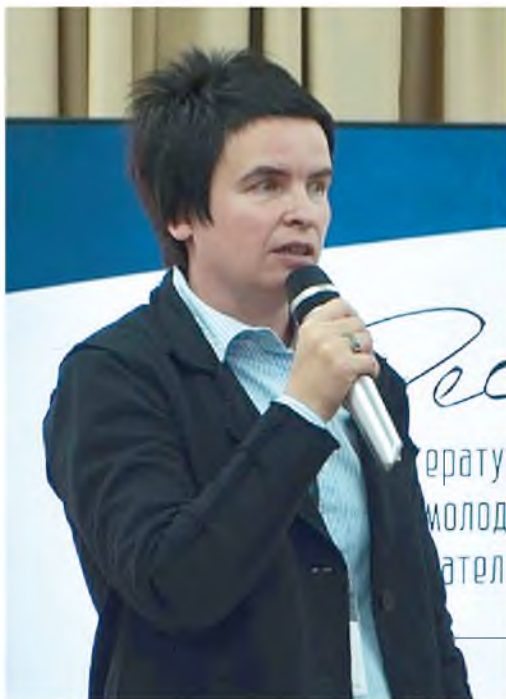
- Мне очень радостно, что семинар проходит именно в Вологде, - обратилась на открытии семинара к молодым авторам Ольга Сергеевна Белова, вдова классика. - Это поистине важное и нужное событие для всех.

Ольга Сергеевна полагает, что в нашем городе хранят плодотворные традиции русской литературы, которую великий писатель Томас Манн называл святой:

- Наша литература черпает силу в самом слове и в наших православных традициях - любви к Богу и ближнему. Это наша основа, которую нельзя утратить. И я счастлива видеть, что любовь к русскому слову жива, что наши молодые авторы стремятся сказать им что-то новое и искреннее.

Вот интересно: широкую славу принесла Василию Ивановичу повесть «Привычное дело». Вологодский мужик Иван Африканович стал для читателей выразителем православных традиций русского народа - хотя ни о вере, ни о Боге в «Привычном деле» ни слова! Видно, Василий Иванович хорошо чувствовал, что жизнь послевоенной деревни всё-таки строилась в основном на заветах предков. Писатель сумел это показать, ведь он не только хорошо знал эти глубинные ценности, понимал их значение во все времена и любил - искренне, по-сыновьи... Ольга Сергеевна говорила, что не понимает, как Василий Иванович сумел написать «Привыч-

• БЕЛОВСКИЙ СЕМИНАР

- В детстве я хотела стать председателем колхоза, - говорила Наталья Мелёхина, председатель экспертной комиссии семинара. - Мечта почти исполнилась...

Руководитель Центра писателя Василия Белова Марина Колесниченко - главный организатор Беловских чтений

ное дело»... Говоря иными словами, удивлялась, как недавний сотрудник райкома комсомола смог создать глубоко христианскую вещь. Наверное, в этом и есть писательская гениальность - за суетой внеш-

них обстоятельств видеть главное, что лежит в основе человеческой жизни.

Нынешний - десятый уже! - Беловский семинар от прежних отличается, в первую очередь, огромным количеством участников. Еще новинка - почти двадцать человек представили тексты и поэтические, и прозаические. Не все они, конечно, стали финалистами, но такое «многообразие» наводит на мысль не столько о широте творческих возможностей, сколько о желании «пробиться» любой ценой - не тут, так там...

Литературный семинар молодых авторов имени Василия Белова - важная часть Всероссийских Беловских чтений «Белов. Вологда. Россия». Его проведению способствовала финансовая поддержка городской администрации и Президентского фонда культурных инициатив. Организатор семинара - Центр В. И. Белова в Вологде.

Может быть, занятие литературой у молодых людей входит, извините за выражение, в тренд? Подумаем. А о чем они пишут, о чем думают? Конечно, больше всего - о любви. Взаимной или отвергнутой, навеки или на время... Но, конечно, не только чувства интересуют преемников Василия Белова и Льва Толстого.

Окончание на стр. 228

БЕЛОВСКИЙ СЕМИНАР •

На семинаре обсуждали вопросы очень серьезные - и в ходе открытых дискуссий, и при рассмотрении произведений молодых авторов. Разговоры шли порой острые, но скучными никогда не были: ведь литература - это всегда праздник для души...

Двое из Архангельска. Профессор САФУ Андрей Петров и член экспертной комиссии, член Союза писателей России Артем Попов. Кстати, оба - авторы «Вологодского ЛАДА»

Строги, но справедливы. Эксперты поэтической секции Илья Виноградов и Григорий Шувалов

• БЕЛОВСКИЙ СЕМИНАР

Важной частью семинара стала презентация сборника рассказов «Новосёлы» - первой книги участников сообщества «Новые деревенщики»

Печаль моя светла...

Наш журнал не раз печатал статьи Николая Васильева из Вельского района. Николай Павлович приезжал в Вологду, представлял в областной библиотеке свои исследования современной русской поэзии. Читатели «Вологодского ЛАДА» знают Н. П. Васильева как редактора литературной газеты Архангельской области «Графоман».

И вдруг сюрприз: на первой странице октябрьского номера «Графомана», который принесли в начале ноября, рукописное извещение: «История Графа завершается в декабре!» Хотя это не новость - Николай Павлович уже сообщал, что в будущем году литературная газета Архангельской области выходить перестанет, - сердце ёкнуло: как же так?.. Больше двадцати лет выходила, и вдруг - нате, завершается история? За эти годы мы, прилежные читатели «Графомана», уже привыкли ежемесячно находить в почтовых ящиках конверты с очередным номером 12-страничной газеты. Публиковались стихи и проза архангельских, вологодских, московских и многих еще других авторов - и профессиональных литераторов, и любителей; рассказывала газета о культурных событиях Русского Севера, представляла статьи об истории литературы, печатала читательские письма... То есть это вполне профессиональное издание о литературе и литераторах.

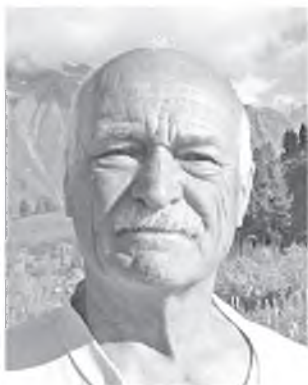
Конечно, отличалась архангельская литературная от «Литгазеты» и какого-нибудь сайта вроде «Стихи.ру». Больше 40 лет Николай Павлович Васильев проработал учителем в сельских школах Ленского и Вельского районов. Преподавал русскую словесность, несколько лет был директором Хозьминской школы. В школе трудилась и его жена Ольга. Вряд ли случайно на том же сайте «Стихи.ру» Николай Павлович подписывает свои публикации «Учитель Николай».

Учителем он был замечательным. Впрочем, почему - был? Николай Павлович и всегда ощущает себя в мире именно учителем. И не потому, что его тянет к нравоучениям. Да, он с охотой рассказывает, что его ученики должны - нет, не должны, никакого насилия над душами слушателей! - могут понять, читая ту или иную книгу. Он с радостью делится с людьми мыслями и чувствами, которые вызвали у него стихи, картина, музыка, кинофильм... - любое произведение искусства. Нередко редактор «Графомана» делится с читателями своими открытиями - стихами поэтов, по разным причинам не получивших широкой известности, но, без сомнения, достойных всенародной славы. Среди васильевских открытий - Владимир Николаевич Попов, Михаил Всеволодович Анищенко, Евгений Петрович Чепурных...

Наверняка просветительскую деятельность Николай Павлович продолжит и после прекращения издания газеты. Другими, конечно, способами - в книгах, выступлениях, журнальных публикациях он будет рассказывать о русской современной поэзии так, как это умеет только он.

Так что история хозьминской газеты все-таки не завершается, а продолжается - по-новому. В следующем номере нашего журнала будет опубликована новая статья Николая Павловича, а в январе Н. П. Васильев наметил выступления в Вологде. Будем рады новым встречам!

Андрей САЛЬНИКОВ

Евгений Кузнецов

Евгений Сергеевич Кузнецов родился в деревне Дмитриево Кирилловского района за три месяца до начала Великой Отечественной войны. В 1963 году закончил с отличием Томский инженерно-строительный институт. Четверть века преподавал в Уральском политехническом институте. Кандидат технических наук, член-корреспондент Международной академии наук экологии, безопасности человека и природы (МАНЭБ), член Русского географического общества. Мастер спорта СССР по альпинизму, чемпион СССР 1969 года. Печатался в российских журналах, автор нескольких книг стихов и прозы. Член Союза писателей России. Живёт в Екатеринбурге. В первом номере нашего журнала за 2024 год в разделе «Северный дневник» опубликованы выдержки из писем с фронта С. М. Кузнецова под названием «После победы встретимся и вновь заживем». Подборка подготовлена сыном фронтовика, прозаиком и поэтом Евгением Кузнецовым. Представляем читателям автобиографическую прозу Евгения Сергеевича.

Рассказы о детстве

ТЕПЛЫМ ИЮньСКИМ ДНЕМ (1948 г.)

В нашем доме была большая жилая комната (изба), располагавшаяся рядом с «зимовкой» Марфы. «Зимовка» - комната меньше и теплее, и Марфа, высокая и суровая с виду женщина, бывшая хозяйка всего дома, при продаже дома оставила эту комнату себе. Вход в эти комнаты был с длинного «моста» (так звали сени, разделявшие жилую и хозяйственную части дома). С сеней одна лестница вела вниз во двор, в котором было два хлева, а другая лестница вела на сеновал, «сенник». На сеннике было две небольших кладовки. Въезд с улицы на сенник не сохранился. Но он был

раньше. Въезд представлял собой когда-то наклонный бревенчатый накат из бревен. По нему на сенник могла въезжать лошадь с возом сена. Такие дома строили. В этом доме и прошло мое золотое, хотя и голодное детство. Очень редко, но иногда снится теплый летний день, и я у нашего дома, и вбегаю в него, и захожу в нашу комнату, и радостно распахиваю окно.

А вот как вспоминает моя сестра Лида (из ее письма, написанного в 2004 г.):

«Очень часто перед моими глазами встает образ маленького, худенького мальчика с веснушками на лице, со светлыми волосенками, на нем белая, вся штопаная-перештопаная рубашонка и темные штанишки на ляпочках, сшитые из старой ма-

миной юбки. Он бежит босиком по мягкой травке навстречу мне. Ведь мама была с утра до вечера на колхозном поле».

Помню солнечный июньский день. Это было последнее лето перед школой. Я бегал недалеко от дома. Забежал с улицы в дом. А мама говорит мне:

- Женька, иди обойди всех баб, скажи, чтобы шли к нам.

Я не понял, зачем это нужно, но пошел. Посетил домов пять, где было открыто. Вернулся домой. В избе у нас было полно людей, одни женщины. Мужики не вернулись с войны. Женщины сидели на лавках. Когда я зашел, они начали вытирать концами платков слезы. Я не мог понять. Потом кто-то тихо сказал мне, что умер папа. Папе было почти 44 года.

ЭКЗАМЕН У СЕСТРЫ (1948 г.)

Рассказ написан по воспоминаниям старшей сестры Лиды.

У Лиды была весенняя сессия в ЛЭТИ (Ленинградский электротехнический институт им. Ульянова (Ленина)). Она перечитала билет. Студентка Лида, с открытым милым лицом и русыми волосами, скромно одетая, заканчивала второй курс. Слова в билете были знакомы. Но их сочетание она никак не могла ухватить. Лида пыталась сосредоточиться - и не могла. От неясной тревоги сжималось сердце, и из тумана всплывали тягучие воспоминания. В зачетке ее были одни пятерки. И к этому экзамену готовилась, как всегда, добросовестно. Но что-то нехорошее происходило сейчас в мире, и она не могла попасть в нужную область, на ту волну, где был ее билет...

На учебу ее провожал отец. Она должна была ехать из Вологды в Ленинград. Народу на вокзале было так много, что они с трудом протиснулись к дверям теплушки. Обычные вагоны были все переполнены. Но как в теплушку залезть? Никаких ступенек, ногу не поставишь, не закинешь.

Что делать? Отец стал буквально впихивать ее в орущую неистовую грудь тел, и она, уцепившись за какой-то выступ дверей, повалилась на пол вагона. Кто-то тяжелым сапогом наступил ей на руку, и Лида закричала от боли. Появилась одна мысль: «Только бы не затоптали, только бы как-то встать». Встав на корточки и ухватившись за чью-то одежду, она поднялась. Отец в последний момент этого штурма громко окликнул ее и бросил ей сумку. Она пролетела мимо Лиды, но потом она нашла ее. В сумке, сшитой матерью из грубого льняного полотна, были лепешки из ячневой муки без примеси травы, которые мать испекла накануне, и старая папка с документами для поступления в институт. Поезд тронулся. Отец что-то кричал ещё ей, но Лида не расслышала его слов среди рева толпы. Скоро он потерялся из виду. Какое-то время Лида была в оцепенении от всего только что пережитого. Болела рука и стала на глазах пухнуть. Но сильней боли в руке вдруг пришла, навалилась невыразимая тоска об отце. Как он доберётся до дому, такой больной, истощенный голодом?

Отец вернулся с войны через три месяца после ее окончания. Лида закончила тогда девять классов. Пришел он с фронта постаревший, седой. Но это был любимый отец. И хотя в ту пору они по-прежнему жили впроголодь, им казалось, что всё пройдет, что всё это временно, ведь с ними папа, и они снова заживут счастливо. Стояло теплое лето. Лида с отцом и матерью часто сидели вечерами на крыльце старого дедовского дома. Младшие братики, набегавшись днем, крепко спали. Они беседовали о жизни. В основном говорил отец, а Лида с матерью слушали его рассказы о войне, о товарищах, о тех страшных событиях, что пришлось ему пережить. Когда он рассказывал о смертельных моментах, когда гибли только что разговаривавшие с ним бойцы, Лиде стано-

вилось жутко. Она прижималась ближе к его плечу, и отец, чувствуя, что ей становится страшно, менял тему.

После тяжёлых лет в деревне учеба в институте показалась Лиде легкой и интересной. Она ходила на все лекции, старалась записать всё, что говорил преподаватель, а если не успевала записать, оставляла чистое поле для написания потом. Многие предметы читались специалистами с заводов, технологами, конструкторами. Конечно, не все лекции были удобными для записи, но она старалась внимательно слушать и всё-всё понять.

Через год они с отцом уже так долго не разговаривали, он чувствовал себя нехорошо. Бросил курить, но дышал очень тяжело. Иногда смотрел на дочь извиняющимся взглядом, его часто душил кашель, и он после приступов ложился и долго лежал. Лида садилась рядом с ним на кровать, брала его руку и гладила тонкие высохшие пальцы.

В то лето Лида работала в колхозе как никогда, на самых трудных работах: косила, убирала сено, метала стога, жала рожь и ячмень, молотила зерно, заготавливала корьё для кожевенной промышленности и обрабатывала лён для сдачи государству. Куда бы бригадир ни посылал ее, она безоговорочно шла на самое тяжелое дело. И труд не пропал даром. За лето ей было начислено около ста трудодней. Это была большая прибавка к колхозной трудовой книжке матери. И Лида почувствовала себя взрослой, ответственной за жизнь родных.

В Ленинграде отменили хлебные карточки. Для всех это была такая радость, особенно для голодных студентов. Даже трудно было поверить, что можно купить хлеба больше шестисот граммов. В первые дни накупили столько, что думали, не съесть. Ели, ели и ели. Даже вечером ничего не варили. Только белые сайки и чуть-чуть подслащенный чай. Ведь белого хлеба и бу-

лок они не видели, продавали его сразу у прилавка, где стояла очередь бледных хозяек с соседних улиц за белым кусочком в двести граммов. Многие студенты остаток нормы (четыреста граммов черного) съедали тут же или по дороге в общежитие. Но староста Лидиной комнаты строго требовала весь хлеб приносить в коммуны, где она распределяла его на две еды. Никто не сетовал на это, и благодаря этому девушки не садились за стол без хлеба. После отмены карточек знакомые повара в студенческой столовке стали улыбаться ребятам. Старались побольше положить в тарелки гарнира, да и хлеб нарезали более толстыми ломтиками, чем раньше. Парни сначала брали по пять-шесть кусков хлеба, но потом стали наедаться.

Очередные зачёты были сданы вовремя, а все экзамены в зимнюю сессию - на «отлично». К Лиде в общежитие пришла троюродная сестра Галя, учившаяся в медицинском. Это была статная красивая девушка с природным румянцем на щеках. Обнялись с радостным визгом. Галя предложила Лиде вместе поехать на родину. Вначале поездом до станции Чебсара. На эту станцию приходили из деревень подводы со льном, в том числе и из их родного колхоза. И с ними можно будет уехать домой по зимней дороге. Лида с радостью согласилась. Они хотели ехать в первый же день после сессии, но получили просьбу от двоюродной сестры матери, тетушки Александры, зайти к ней перед отъездом. И девушки разыскали Александру. Когда они зашли к ней в комнату, сразу увидели огромный свёрток на стуле, который она приготовила для отправки своим родственникам. Поэтому она и пригласила их. Выпив по чашке чаю, девчата расклялись и пошли на остановку. Легко сказать - «пошли». Свёрток весил не меньше пуда, и им пришлось несколько раз останавливаться, чтобы отдохнуть. Похоже, что тетушка приняла их за «монгольских

лошадок». Лида купила всяких гостинцев братикам: сладких пряников, сушек, конфет, а матери - крупы: пшеница, риса, гречки. Но своя поклажа Лиды и Гали была в два раза меньше, чем мешок Александры. Успокаивало только то, что сокурсница сестры Гали, тоже Галя, по фамилии Ремизова, рыженькая такая веселушка, обещала их взять с собой. За ней должны были приехать на лошади или отец, или старшая сестра. Они ехали в одном плацкартном вагоне - две Гали и Лида.

Вот и станция Чибсара. Но, увы, на станции никаких подвод со льном не было. Зато Галя Ремизова сразу увидела своих родных, сестру и брата, радостно махавших руками. Те выскочили из саней и, обнимая ее, повели к повозке. Когда Лида и Галя крикнули ей, чтобы они хотя бы поклажу взяли, Галя Ремизова ответила, что нет места. Ответила с веселой улыбкой. Лошадь тронулась. Ремизова даже рукой не махнула.

Вокзал был большим проходным двором, заполненным народом - теми, кому больше негде было остановиться. Заняты были не только сколоченные друг с другом стулья, но и пол большого помещения. На полу были раскиданы матрацы и перины, на которых расположился целый табор цыган. По ним ползали груднички, дети побольше лежали под одеялами и какими-то другими тряпками.

Девушки остались стоять у вокзала. Сначала они ещё надеялись, что кто-нибудь подъедет из их края, но никого не было. Уже темно, зимние дни короткие. Что делать? Идти пешком десятки километров или остаться на вокзале? Решили не тратить время, пошли - тем более, что дорога знакомая. К счастью, около вокзала в куче мусора обнаружили поломанные санки. Вытащили. Полозья были целыми - это главное. Сняли одну из веревок с мешка Александры, кое-как связали, скрепили стоечки санок и пошли. Сначала было лег-

ко, дорога накатанная, санки скользили без всякого усилия. Стало темнеть. Они остановились на несколько минут, чтобы перекусить, а потом двинулись дальше. Дорогу переметала поземка. Извивающиеся белые косы сухого снега становились все шире и шире. Метель постепенно превратилась во вьюгу. Стало трудно везти санки и еще труднее определять дорогу. Когда совсем стемнело, вьюга сменилась густым снегопадом. Девушки почувствовали, что под ногами уже нет дороги, что они сбились куда-то в сторону. Решили вернуться, чтобы ощущать под ногами твердую основу. Постояли, пошли прямо, думая, что идут правильно. Но перед ними оказался мелкий перелесок, а потом и деревья. И они по-настоящему испугались. Леса не должно было быть! Что делать? Ещё и мороз начал усиливаться. Кругом темно, никакого жилья. Лида кое-как забралась на корявую березу, подлезла под самую вершину и огляделась вокруг. Галя стояла внизу, вся продрогшая. С радостью Лида увидела вдалеке какие-то темные постройки и несколько слабых огоньков. Значит, там деревня. Продираясь через ветви кустарника, они вышли из леса на поляну, а там уже было недалеко и до жилья. Увязая в снегу, дотащились до первой избышки. Постучали. Но им не открыли. Может, потому что много бродило тогда бездомных людей, даже грабителей, и люди боялись. Не пустили ни во второй, ни в третий, ни в четвертый дом. Они уже собрались было зайти в какую-нибудь баню или овин, не ложиться же в снег. Оставался последний маленький домишко в конце деревни. Постучали на всякий случай, не надеясь, что откроют. К удивлению, им открыли ворота, и девушки вошли в покосившиеся сени. Дверь в избу была обита старыми тряпками. Встретила женщина непонятного возраста, болезненного вида, исхудавшая, с грустью в глазах. Девушки объяснили, кто такие. Женщина сразу дала им кипятка. Выпив горячей

воды, они забрались на печь, прижались друг к другу и мгновенно уснули. Утром встали, едва рассвело. Хозяйки в избе уже не было. Вскоре она пришла, принесла сухого шиповника, чтобы заварить чай. Печка уже была растоплена, два чугушка стояли в устье печи, в одном булькала вода и варилась картошка. Когда девушки слезли с печки, увидели за столом троих ребятшек - все мальчики. Худенькие, большеглазые, они молча разглядывали посетительниц. Лида с Галей умбились из глиняного рукомойника, привели себя в порядок. Потом развязали свои мешочки с гостинцами и выложили на стол часть конфет, печенья, пряников. Ещё отсыпали хозяйке пшена. Та застеснялась, не хотела брать, но девушки сказали, что если она не возьмет, то они не смогут жить спокойно, что их замучает совесть. Ребятишки сидели, не шелохнувшись. Мать дала им по одному прянику и по одной конфете и сказала, чтобы не ели сразу, а поберегли. Сама же достала чугунок с картошкой, высыпала содержимое в деревянное блюдо. Каждый из мальчиков взял по картофелине и стал чистить. Хозяйка пригласила и девушек. Как давно девушки не ели горячей картошки с солью!

...Лиду пригласили отвечать. Туман воспоминаний испарился. Перед ней лежал билет. Взяв его, она подошла к экзаменаторам. Их было двое. Старый профессор и ассистент. Лида молчала, опустив глаза. Странное оцепенение охватило ее. «Придете в следующий раз», - словно издали, услышала она слова профессора. Ассистент держал зачетную книжку Лиды, хотел вернуть ей, но прежде чем вернуть, полистал и затем протянул профессору. Тот посмотрел на пятерки, потом очень внимательно на Лиду. «У вас что-то случилось?» - спросил он. Но Лида молчала. И профессор молчал. Потом, не сказав больше ни слова, он написал против названия дисциплины «удовл.» и расписался. «Спасибо», - тихо поблагодарила Лида, взяла зачетку из рук профессо-

ра, повернулась и почувствовала слабость. Еле дошла до двери. В коридоре, как всегда, ждали ребята из группы. «Ну что, Лидочка? Пять?» Лида молча показала три пальца и качнулась. Упасть ей не дали.

Она еще не знала, что только что умер отец.

ПОШЕЛ В ШКОЛУ (1948 г.)

А осенью я пошел в школу. Школа находилась в соседнем селе Колкач. Было тепло, и целый месяц мы ходили в школу босиком. Шли через поле над речкой Ягрыш, через ручей, перелесок и опять через поле. Мама сшила мне штаны (портки) из дотканого льняного полотна. И сумку для книжек и тетрадок. У нас был домашний станок, чтобы ткать полотно. Занимал он почти половину избы. Мама раз в год составляла его и ткала. Штаны и сумку мои она выкрасила в зеленый цвет.

В большой комнате за партами сидело два класса: наш первый и третий. Учителей не хватало. Пока ученики третьего класса выполняли задание, учительница работала с нами, а потом с ними. Тетрадей чистых не было. Писали на старых, между строчек, иногда на газетах. Нашей учительницей была Зоя Васильевна Макарова. Она научила меня выговаривать букву «р», потому что я говорил «л». Она спросила меня: «Слышал, как ворона каркает?» - «Да, слышал». - «Повтори». - «Карр», - сказала. «Вот, молодец. Чаше повторяй, и научишься». И я научился.

А за стенкой нашего класса жила в небольшой комнатке учительница нашей учительницы - Мария Иринарховна, старушка 1879 года рождения, награжденная орденом Трудового Красного Знамени. Она была дочерью попа, но отказалась уезжать с ним за границу и осталась в деревне учить ребятишек. Когда я пошел в школу, она уже не учила, но жила рядом, в небольшой комнате рядом с нашим клас-

сом. Она не стала переезжать в домик, который выделил ей сельский Совет. Ходила в черном платье с белым воротничком.

Мы сидели за одной партой с Толей Ручиным. Он тоже из нашей деревни Дмитриево. Сейчас он живет в Москве. Однажды мы шли по зеленому берегу нашей речки, и задал я ему необычный вопрос, еще не имея представления о том, что такое душа. Но Толя меня не понял.

ВЬЮГА (1949 г.)

Мы со Славиком спали на печи. Вьюга в трубе завывала. Мне стало страшно, я боялся, что маму загрызут волки. Ее не было уже несколько дней. А волков в ту зиму много было. Щи нам варила соседка. Я захныкал. Славик ткнул меня кулаком в бок, чтобы я перестал.

Мама с Василисой, мамой моего одноклассника Толи Щипкова, неделю назад ушли с «чунками» (длинными санками) за сто километров в Вологду за хлебом. Сто километров везли бабы на себе по мешку буханок ржаного хлеба. Хлебом и за ночь считывались. Но получилось так, что припозднились и засветло не успели в одну из деревень. Темнота застала бедных женщин в лесу. Дорога вся перемерзла. Деревки нарезали плечи. Каждый куст волком кажется. И думы в голове о ребятишках, о нетопленных избах. И вдруг, как кнутом, хлестнуло: «Ну вы! Пугала огородные! Лошадь напугали!» Действительно, лошадь с санями шаркнула в сторону. Председатель колхоза, а это был Федя Курашев, матюгнувшись, огрел лошадь кнутом и погнал дальше. Плохой человек был. Сколько из-за него страдали. Хоть бы мешки у бедных вдов взял. Запершило в горле у баб, натянули снова веревки и потащились...

Стукнули ворота. Неужели мама? Закутанная в полушалок, заиндеветшая, втащила она в избу мешок с застывшими черными буханками хлеба. Мы бросились

растопливать печку. Дрова плохие, ольховые, разгорались долго. Но вот пламя стало лизать поленья, и мы пододвинули к нему одну из буханок, чтобы отогрелась. А ждать не было сил. Вытащили буханку, думали, что отогрелась, и стали грызть. Сверху раскисший мякиш, а под ним мерзлый, не оттаявший слой.

И мы со Славиком грызли и грызли сладкий мякиш снаружи. Сладше этого хлеба я никогда ничего не ел.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ЯЙЦА (1949 г.)

Толя всё время ходил, наклонив голову, словно что-то искал. Мы вместе ходили из нашей деревни в школу в село и назад из села. Дорога, хотя и не такая длинная, полтора километра всего, казалась нам довольно длинной, и хватало ее на рассказы и разговоры. Семья Толи была, можно сказать, самой бедной в деревне. Тетя Нюра, мама Толи, с утра до вечера трудилась в колхозе, не отказываясь ни от какой работы, но на трудодни выдавали мало, и Толя с младшей сестренкой все время хотели есть.

Однажды Толя заметил, что чья-то курица второй раз заходит в густую высокую крапиву. Что там? И Толя решил тоже зайти туда. Раздвигая локтями жгучие заросли, проник в самую середину и ахнул. Перед ним белело большое гнездо яиц. Он стащил с себя латаную рубашонку и стал складывать в нее яйца, считая их. Двадцать четыре! Вот это да! Какое богатство! Держа на весу драгоценный груз, обжигая худенькие руки и спину с выступающим позвоночником, выбрался из крапивы, огляделся, нет ли кого рядом, и пробежками устремился к покосившемуся заброшенному сараю. В сарае было полутемно, пахло плесенью и мышами. Он прошел в дальний угол, положил свой груз на землю, сел и первым делом разбил и выпил подряд три яйца без соли и хлеба. Соль дома была, но идти за ней не хо-

телось. А хлеба, черного, с травой, оставалась дома последняя краюшка. Он все равно не решился бы взять ее. Утолив голод, решил немного посидеть. Горели обожженные руки и спина. Он представлял, как обрадует мать и сестренку, и незаметно уснул. Очнулся уже в сумерки. «Мама уже дома», - подумал он и пошел домой.

Войдя в дом по ветхому крыльцу, положил на затертый щелястый стол рубашку с яйцами.

- Ты где это взял? - строго спросила мать.

- Нашел в крапиве.

- Так это же чьи-то яйца! Чья-то курица не там неслась! Прасковьяна, скорее всего! Отнеси, иди, ей!

- Не пойду.

- Нет, пойдешь! - и тетя Нюра замахнулась на сына.

Он выскочил из дома, как был, без рубашки. Ему было горько. Горько от того, что пропала радость от находки, и горько от окрика матери. Почему-то он пошел опять в тот же сарай. Различил белевшую скорлупу, сел рядом и заплакал. Он не обижался на мать, ему было жалко ее, но идти домой не хотелось. «Пойду к Мишиным, переночую у них на сеновале. Там Славик с Женькой спят».

Мы со Славиком лежали на чистой дежюжке, посланной матерью, под большим лоскутным одеялом на душистой мягкой основе. Это были любимые наши ночевки. Мы еще не успели заснуть, как пришел Толя. И мы ему обрадовались. Слава сбежал в дом за какой-то рубахой и дал ее Толе.

- Забирайся в серединку! - сказал он Толе.

- Не, я с краешку, - ответил Толя.

- Почему ты без рубахи?

- Дома осталась. Так получилось.

Толя не стал больше ничего рассказывать и вскоре уснул.

Утром он сразу пошел домой. Он знал, что мать не будет его ругать. Толя зашел в дом. Яиц на столе не было. Мать переложила их в старую растрепанную корзину

и поставила на пол к печке. Но яиц стало меньше.

- Прасковье отнесла, это ее курица не там, где надо, неслась, - сказала мать, увидев удивленный взгляд сына. - Взяла только половину.

ПИСЬМО В 11 ЛЕТ

Один и тот же сон снился несколько раз. Изумрудные холмы. Голубое небо. По небу летит самолет. С самолета падает белый конверт. Покачиваясь, все ближе и ближе к земле. И чей-то голос: «Лида! Лида! Лида!» Почтальонша приносила письмо от Лиды. Мы его очень ждали. Она уже была в Сибири, далеко от нас. Уехала по месту распределения в город Томск. Мама переживала. А я очень любил Лиду. И решил написать ей письмо.

Не могу теперь читать его без улыбки. Написал я его в Кириллове. В том самом Кириллове, где находится Кирилло-Белозерский монастырь. Позже я узнал, что основан монастырь был в 1397 году монахом Кириллом, что в Смутное время монастырь пытались взять штурмом поляки.

Как мы добирались до Кириллова, не помню. Там жила моя тетя Люба, старшая сестра отца, а у друга Толи - тетя Нюра, тоже сестра отца. И нам захотелось у них погостить. И там я и написал письмо. Вот оно.

«Привет с Родины! Здравствуй, моя дорогая сестра Лида! С горячим, пламенным приветом шлю тебе письмо! Лида, ты спрашивала, как я сдал экзамены, об этом не беспокойся, я сдал их хорошо: русский (письм.) 5, русский (уст.) 4, арифметика (письм.) 5, арифметика (уст.) 5. Лида, я написал такие стихотворения после того, как написал «Осень»: «Весенняя радость», «Счастливая жизнь», «Песня», «Моряк». Лида, я не послал тебе содержание этих стихов потому, что я сейчас нахожусь в Кириллове, а стихотворения у меня дома. Я тебе пош-

лю их в следующий раз. Лида, я недавно ходил в кино «Гибель «Орла». Лида, смотрела ли ты это кино? Мне оно очень понравилось. Здесь говорилось о том, как погиб «Орел». Лида, здесь я прочитал такие книги: «В Заболотье светает» и «Иосиф Лагишвили». Лида, читала ли ты эти книжки? Ответь. Хорошо? Особенно мне понравилась книга «Иосиф Лагишвили». Здесь говорится о том, как росло революционное движение в Грузии в 1870-1900 гг. Ярко показана мысль о семинарии Горийского духовного училища. Этот самый Иосиф Лагишвили впоследствии был исключен из семинарии за то, что был революционером и читал запрещенную литературу, а потом был арестован и, наверно, расстрелян за то, что ударом кинжала убил ректора Корецкого. Я очень сочувствую этой книге и хочу быть, как Иосиф. Лида, я тебе советую обязательно прочитать эти книги, если ты не читала. «В Заболотье светает» - это тоже очень хорошая книга. Лида, когда я читаю интересную книгу, то у меня становится какое-то необъяснимое настроение, как могу душевно помочь герою этого рассказа. Лида, я стану больше читать книг. Из писателей мне всего больше нравится А. М. Горький. Он так хорошо пишет! Я хочу прочитать все его произведения. И еще я люблю его потому, что он вышел из бедной семьи и пережил столько трудностей и, наконец, стал писателем. Мне больше всего нравится его произведение «Мать». Я очень сочувствую ему.

До свидания.

Крепко жму тебе руку, твой Женя.
18 июня 1952 года».

МЕШОК ЗЕРНА (1952 г.)

Как тяжело доставался маме хлеб, чтобы нас прокормить! В колхозе на трудодни - мизер (все государству), со своей усадьбы - только ячмень, муку из которого мама смешивала с картошкой или травой. Те вещи, что остались после отца с фронта, об-

менивала на хлеб. Рассказывала мама, как блудилась во время большой вьюги, неся на плече мешок зерна из далекой деревни.

Ночью в зимнюю пору шла она домой. Несла на плече пудик ржи. Выменяла в дальней деревне на отцовские часы. Вьюга была. Дорогу замело. И к родной деревне не могла никак выйти. Ходит, ходит, видит: дома какие-то. Подойдет поближе, посмотрит - чужая, не своя деревня. А своей нет. Долго ходила, совсем из сил выбилась. Пока кто-то не сказал ей, что надо остановиться, перекреститься. Так и сделала. И сразу вышла. Видно, так сильно об отце горевала, что разум ослабел...

ЭХ, РАБОТА МОЯ ДЕРЕВЕНСКАЯ... (1953 г.)

Закончился пятый класс. Настало лето, и надо было помогать маме дома и на колхозных работах. Вначале дома. Мама научила вскапывать грядки, пропалывать и поливать. В земле была масса мелких камушков. И я выбросил за изгородь, наверно, целую тысячу. За изгородью была дорога к речке, а в дороге колея от тележных колес. И вскоре колея покрылась моими камушками.

Научился запрягать лошадь. Сперва надо подойти к лошади, лучше с кусочком хлеба и, не показывая ей уздечки, быстро набросить уздечку на морду, втолкнуть между зубов лошади железку удил, завязать уздечку и, держась за повод, завести лошадь в оглобли. Если лошадь брыкается, погромче крикнуть на нее, а может быть, и хлестнуть. Затем надеть хомут через голову лошади. Чтобы он свободно проходил через голову, хомут надо предварительно перевернуть. Пристегнуть оглобли к хомуту. Набросить на хребет лошади седёлку и подтянуть оглобли повыше тяжами от седелки. Затянуть под брюхом лошади подпружный ремень. После этого можно затягивать хомут, чтобы он плотнее прилегал к шее и груди лошади. Протянуть вожжи

от уздечки в телегу. Это все удавалось легко делать, потому что, если бригадир давал нам лошадь, то самую старую, клячу какую-нибудь, и она не брыкалась. Была в деревне старая кобыла, которую звали Пятилетка. Когда я первый раз, лет в девять, решил прокатиться верхом, меня посадили на Пятилетку, но она, сделав несколько шагов, свалилась на бок и придавила меня.

Мама сказала, чтобы я нарубил в лесу дров. Я взял топор, подточил лезвие бруском и пошел в лес. Прошел километра три. Там уже росли большие ольховые деревья диаметром ствола в нижней части до пятнадцати сантиметров. Ольха дерево мягкое, подрубалась легко. За несколько ударов срубашешь, потом отсекаешь ветки, начиная снизу, с толстых, а затем верхинку. Когда штук пять таких жердей срубил, подтаскиваешь их к лесной дорожке и складываешь аккуратно в одну кучу. И так, пока не получится целый воз. Мама шла на другой день к бригадиру и просила у него лошадь, чтобы привезти дрова. Бригадир Сашка Богданов давал обычно быка. Сам он гонял на молодом жеребце, сидя в двухколесной пролетке. Быка так быка. Куда деться бедной вдове. Добравшись до места порубки, я разворачивал быка в обратную сторону, грузил на телегу свои жердочки, перетягивал веревкой, чтобы не развалились в дороге, и мы трогались. Пройдя немного, бык вставал. Видимо, ему не нравилось напрягаться и тянуть груженую телегу. И напрасно я ругал его с матюгами, напрасно хлестал прутом. Бык стоял как вкопанный. И только когда ему самому надоедало стоять, он трогался.

Выгрузил я дрова недалеко от крыльца нашего дома. У невысокого крыльца с потемневшим дощатым навесом. А ближе к вечеру стал рубить на поленья. Долго рубил, представляя, что рублю не дрова, а фашистов. Рубил за брата Колю, за папу, которых уже никогда не увижу. Рубил в каком-то отчаянии, уже наступили

сумерки, а я рубил и рубил. И дорубил до конца. Выросла гора поленьев. И, когда я кончил, увидел на крыльце маму. Она прижимала к глазам платок.

В соседнем доме жили две женщины: совсем дряхлая старушка Фекола и ее дочь Марфа, возраста мамы. Фекола уже не выходила из дома. Им кто-то привез воз дровишек, но они так и лежали, сваленные у крыльца. И как-то нехорошо было: у нас дрова порублены, а у них одинокая, грустная куча лежит и лежит. Марфа была очень маленького роста (звали ее кто Марфутка, а кто Пытька), но все время была на колхозных работах, числилась в ударницах. Может, они планировали нанять кого-то разрубить дрова. Не знаю. В общем, я решил разрубить их. И на второй день, когда Марфутка была в поле, все разрубил. А Фекола не выходила из дома и не видела. И они терялись в догадках, не зная, кто им помог. Я молчал. Потом моя мама сказала им, что это сделал я. И пока Фекола была жива, она вспоминала об этом. В поленицу Марфутка сложила поленья сама.

Ячмень надо было перемалывать в муку. В доме у нас были ручные каменные жернова. Нижний жернов неподвижный, а верхний надо вращать рукояткой и равномерно сыпать зерна в его отверстие. Стояли жернова в полутемной кладовке с небольшим окошечком, а кладовка располагалась на сеннике. Роста мне не хватало, и мама подставляла мне под ноги небольшую скамеечку. Она рано утром уходила на колхозную работу, а нам со Славиком оставляла записку, что поесть и что сделать. И мне много раз приходилось молоть. В кладовке невесело, кастрюля с ячменем большая, сыпать много зерна нельзя, потому что тогда пойдет крупа, а не мука. Из всех работ это была самая нелюбимая.

В марте днем было тепло, а ночью морозец, и снег превращался в твердый

фирн - наст. Иногда наст был таким прочным, что мог выдержать лошадь с возом. Мама расстилала на наст выбеливать холсты льна, которые были вытканы ею на ручном станке. И холсты так отбеливались на снегу и солнце, что порой трудно было отличить их от снега. Мама поручала мне привезти на чунках дров из леса. О, с каким удовольствием я это делал! Эта работа была самая любимая! Идешь между елок, не проваливаясь, как по белому шершавому асфальту, легко тащишь чунки с хворостом и радуешься лесу и солнцу. А потом снег размягчался, и ноги начинали проваливаться.

А в июле была заготовка сена. Вначале мне поручали только шевелить валки подсыхавшей травы. А потом вместе со Славиком носить и складывать в копны. Но скоро и косу взял я в руки. Косили и убирали сено для колхоза. Пока не заготовит колхозник столько-то сена (не помню, сколько, но очень много) и не отметит это бригадир в своем журнале, косить на себя, на свою скотину запрещалось. И вот сухое погожее время (ведро) идет и идет, а дома еще ни клочка сена. А без козы, без овцы тяжело с ребятишками в зиму. И бабы в сумерки, сгибаясь под ношей сырой травы, носили ее из речной долины через огороды домой. А жали ее там серпами, так как косой между кустов размахнуться невозможно. Однажды рано утром пришли с мамой косить. Поляна с густой травой у края леса. Я был в сапогах. Но потом снял их, так как ноги к ним не привыкли. Пацанами все лето бегали босиком, не чувствуя ни камушков, ни острых травинок. На траве еще была роса. Мокрую траву косить значительно легче. Мама, конечно, ушла дальше по своей полоске, я отставал. И вдруг я наступил на что-то холодное и скользкое. Змея! Я резко отскочил, а она зашипела и поползла в нескошенную траву. Вначале я побежал к сапогам, обулся, потом назад, схватил косу, но змеи нигде

не было видно. Пошел в ту сторону, куда она уползла, и увидел ее. Разрубил косой на куски и разбросал их подальше друг от друга. Кто-то рассказывал, что куски змеи могут срастаться. А не укусила она потому, что была холодная, не активная.

Стоял теплый, но не жаркий августовский денек. Жали с мамой ячмень на нашей усадебной полоске. Мама показала, как работать серпом. И я быстро научился. Старался побольше захватить стеблей левой рукой, а серпом в правой срезать их ниже кисти. Перестарался и резанул палец на левой руке. Кровь сильно текла. Мама бросила свой серп, быстро сбегала на дорогу, сорвала подорожник, прижала к ране, заставила держать, а потом оторвала полосу от ситцевого своего платка и затянула. Так я и не помог ей толком. А белый шрам на пальце - как метка о золотом детстве.

НА УРОКЕ НЕМЕЦКОГО (1954 г.)

Учитель был высокий симпатичный шатен. Соболев Сергей Николаевич, сын попа. Предмет он хорошо знал и учил нормально. Но нас не знал. Далек был от нас.

Была зима. Я учился уже в шестом классе. Сидел за второй партой от учительского стола. Учитель посмотрел на меня и сказал: «Покуриваешь, наверно? Бледный такой». Слишком бледным показалось ему мое лицо. А мне до слез обидно стало. Не мог же я объяснить ему, что сегодня только пустых щей похлебал, даже не забеленных молоком, и что на подошвах валенок у меня в носках дыры, заткнутые тряпками.

Учитель задал какой-то вопрос. Мальчик, сидевший на передней парте, тянул руку прямо над учительским столом.

- Ты мне так в нос ткнешь! - сказал ему учитель.

- Ткни ему в ноздрю-то! - крикнул я. Так я ему отомстил.

Маму вызвали в школу.

Геннадий Иванов

Геннадий Иванов родился в 1950 году в городе Бежецке Тверской области. Детство начиналось в деревне, в полях, в начальную школу ходил в бывший барский дом из имения Слепнёво, где когда-то жили и творили Николай Гумилёв и Анна Ахматова. Потом семья переехала в город Канда拉克шу, на Кольский полуостров, - там жили в бараке на берегу Белого моря, там окончил школу, оттуда уходил в армию, в арктическое плавание, там работал в районной газете и начал писать стихи. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Автор десяти книг стихов. Написал три книги очерков о своей малой родине «Знаменитые и известные бежечане». Лауреат нескольких литературных премий, в том числе премии Ф. И. Тютчева «Русский путь». Первый секретарь Союза писателей России. Живёт в Москве. «Вологодский ЛАД» публиковал стихи Геннадия Викторовича. В предисловии к книге поэта «Ликуй, душа!..», изданной редакционно-издательским домом «Российский писатель» в 2015 году, говорится: «Геннадий Иванов - поэт, безусловно, христианский, поэт православный, глядящий на мир и на человека в мире «духовными очами веры», впитавший в своём творчестве также и на подсознательном, интуитивном уровне весь духовный и исторический опыт своего народа, отличавшегося в своём бытии, когда надо было - непреклонной стойкостью, когда надо - кротостью и смирением».

Осень смотрит в моё окно

*Пролетела бабочка, как в сказке.
Распустились флоксы поутру...
А кому-то броники да каски,
Да бои тяжёлые в Яру.*

*Лето, лето... А кому-то горе.
А кому-то маяться в плену.
Чтоб не жить нам в рабстве и позоре,
Мужики уходят на войну.*

*Кто вернётся, кто-то не вернётся.
Вдовы молодые, детвора...
Многим эта доля достётся -
Плакать ночью, тосковать с утра.*

*Нынче очень жаркая погода.
Не спасают тени и дома.
Лето, лето... Это время года
Холодней кому-то, чем зима.*

11.07.24

в бушующем Южном океане,
когда на вёсельной лодке, один,
он переплывал этот океан -
он шёл к мысу Горн
«ревущими сороковыми» широтами...
Шел самым опасным в мире
проливом Дрейка,
который называют кладбищем
кораблей...

Когда он погибал
под бушующими ураганными волнами -
он молился, молился, молился...
И обещал Господу Богу
и Николаю Чудотворцу,
что если спасёт его Бог,
то поставит он новые храмы
и часовни в России.
Он уже поставил их больше
двадцати...

Великий человек, великая вера!
Ему мало житейского моря,
где барахтаемся мы.
Но что же делать...
Господь избрал его.

Хотя и в житейском море
немало смертельных опасностей...
Но мы к ним как-то уже привыкли.
27.07.24

О ПРОПАВШЕМ БЕЗ ВЕСТИ ПОЭТЕ

Мы оба с ним из северного края.
Он в сыновья вполне годился мне.
Случайно или уж судьба такая -
Он вдруг пропал на СВО-войне...

Он был живым и числился в пехоте.
Пошёл он добровольцем воевать.

Ни в списке пленных,
ни среди «двухсотых»...
В каком же списке нам его искать?

В его стихах и мужество, и воля.
Его душа тянулась на Донбасс.
Известно только место боя - поле,
Снарядами изрытое не раз...

Вполне возможно, где-нибудь в воронке
Землёй засыпан, он сейчас лежит.
И никогда не будет похоронки.
Земля немало воинов таит.

Но, может быть, его найдут однажды
И сыновьям вручат его жетон...
Мы будем помнить, что он был
отважным,
Был настоящим патриотом он.

Мы обнялись тогда с ним на дорогу,
И я его перекрестил тогда...
Он был решителен и уходил он строго.
Таким его запомнил навсегда.

7 апреля 2024 г.

Мы далеко от пуля и от огня,
А где-то взвод
в ночи на штурм поднялся.
Они идут на штурм и за меня -
за всех, кто за спиной у них остался.

Они хотели б тоже мирно жить...
И как же мы должны их всех любить,
За них молиться и гордиться ими.
И нам они приходятся СВОИМИ!

19.07.24

Алла
Касецкая

Алла Георгиевна Касецкая (Воробьева) родилась в деревне Гончарка Вологодского района. Закончила десятилетку, выучилась на художника росписи по дереву. Стихи Аллы публиковались в журналах «Вологодский ЛАД», «Двина», «Подъём», «Литера», «Ротонда», а также в литературных сборниках, литературной газете Архангельской области «Графоман». Вышло несколько книг стихов и прозы Аллы Георгиевны. Член Союза писателей России.

СВЯТО МЕСТО

*Мне свято место, что нынче пусто, -
Не жнут, не пахнут ни так, ни сяк.
Деревня, хутор ли - захолустье,
Где всяк - Иван, да не всяк - дурак.*

*Мне свято место, где дед да баба
Хлебают тюрю да с молоком,
Где зреет репа, кудахчет Ряба,
Где солнце по небу колобком.*

*И, может, правда, что где-то слаще,
Вкуснее хлеб и хмельней вино,
Прозрачней воздух, вода звенящей,
И горы выше, и глубже дно.*

*Наверно, там же - синее дали,
Белее снег, зеленой трава.
Да Бог с ним! Я соблазнусь едва ли
Чужим-то небом. Пока жива,*

*Я как кулик - всё болото славлю
Своё. Пусть ряска здесь да осот...*

*А свято ль место, что я оставлю?
Рассудит тот, кто его займёт.*

РОДНОЙ ЯЗЫК

*Не хлебом единым, не хлебом
И даже, поверь, не водой
Живу я под искренним небом,
Живу, наполняясь тобой.*

*Шаги и движенья степенны -
Отсюда и гордость, и стать.
Несу в себе главную ценность -
Ах, только бы не расплескать!*

*Мне силы и мудрости хватит,
Соблазнам земным вопреки,
Тебя сохранить, не растратить,
Не выменять на медяки.*

*Дойдя до холодного камня,
Один на один с немотой, -*

Не бойся, тебя не предам я
На этой земле. И на той.

СЧИТАЛКА

Жизнь - как в сказочной считалке:

«Буду резать, буду бить».
Салки, жмурки, догонялки...
Всем придёт черёд водить.

Сашка, Мишка, Светка, Галка -
Сколько сбоку? - ваших нет!
Будь ты с палкой, со скакалкой,
Ножик вынут - всё, привет!

Ножик вынут, карты биты -
Где, чертята, ваша прыть?
Кто не спрятались - убиты.
Не убит - тебе водить.

«Били, били - не разбили
Золочёное яйцо...»
«Бабка с дедом жили-были...»
«Вышел месяц на крыльцо...»

Или, может, «из тумана
Месяц вышел» - не беда.
Лишь бы ножик из кармана
Не был вынут.
Никогда.

Осень сыплет листву -
Разноцветные фантики...
Я от века живу -
Были будни и праздники.

Мне ещё бы бежать,
То рискуя, то сетуя...
Но снимать урожай
Осень жизни советует.

И безмен, и весы
Приготовлены загодя...
Я ж с карманом пустым:
Ни гриба и ни ягоды...

С сединой в волосах,
У корыта разбитого...
На вселенских весах
Много ль жизнь моя вытянет?

Мой нем язык и губы деревянные,
Когда ты рядом... Но мои глаза -
О, как бесстыдно, нагло и обманно
Крадут всё, что руками взять нельзя:
Твою улыбку, драгоценность звука,
Бесценность взгляда, этот жест
скупой...

Зачем ты мне открыто тянешь
руку,
Не ведая, что обворован мной?

БЫЛИ МЫ

И я была, и город был, и снег,
И ты был где-то там...
почти что не был
За белой пеленой, за тьмою век.
...Иль века злого покачнулось небо
И рухнуло на неготовых нас -
Расплющило, расплвило, разъяло
И развело от рук, от губ, от глаз.
Вот - были мы...
А вот - уже не стало.

СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ

Исчезли кости... Хитин, слюда,
Фасеточных глаз многогранный
взгляд.

Ещё немного - и навсегда
Взлечу я в небо... И наугад -

Куда? - не знаю: туда, сюда...
У нас, стрекозьих, простая жизнь:
Мне много ль надо - вода-еда,
Да свет, да воздух - живи, держись.

Вот муравью тяжелей в сто крат -
Ведёт хозяйство, семейство, дом.

Ольга Корзова

Ольга Владимировна Корзова родилась в деревне Корякино Плесецкого района Архангельской области. После окончания АГПИ (Архангельского государственного педагогического института, ныне САФУ) работала учителем русского языка и литературы в родной Кенорецкой школе. Автор нескольких книг стихов. Стихи публиковались в журналах «Двина», «Север», «Наш современник», «Знамя», «Сибирские огни», «День и ночь», «Алтай», «Вологодский ЛАД» и других. В 2008 г. вступила в Союз писателей России. Является членом редколлегии журнала «Двина».

Синичье царство

МОЛИТВА

Забуди моё имя.
 Пускай растворится, как дым.
 И голос возьми -
 Ни к чему бесполезная песня.
 Позволь хоть снежинкой
 Кружиться над лугом моим,
 Над речкой и полем -
 Над всем этим краем безвестным.
 Пускай не у моря,
 Мне только б смотреть с высоты
 На эти дома,
 на ушедшие в небьель деревни,
 на лес поредевший,
 стоящие насмерть мосты -
 они, как часовни, застыли
 в молении древнем.
 Позволь мне остаться
 На стрелке затерянных рек

Песком или камнем,
 Прибрежную белую глиной.
 Не дай отступиться,
 Когда отступается век
 И прадед молчит,
 Укоризненно глядя
 Мне в спину.

Тянут без всякого волшебства
 Родина, поле, клевер...
 Словно из Божьего рукава,
 Птицы летят на север.
 Слышишь, как улица ожилась? -
 Воздух звенит упругий.
 Разве хватило бы им тепла
 Там, на счастливом юге?
 Светлого мира, где ждут гостей -

Вестников белой ночи.
Края - любить, поднимать детей,
Помнить заветы отчие.

Пойдём обратно. Холодно и сыро.
Неужто вновь придётся зимовать,
Топить жильё, в несовершенстве
мира
Своё несовершенство укрывать?..
А может быть, отложим все печали
И в лес нахлынем с самого утра,
Где листья не совсем ещё опали
И голос только пробуют ветра.
Хотя видны злоеющие приметы,
Мне радостно: пока ещё со мной
Ияркий куст, и этот полдень светлый,
И муравей на горке травяной.

ПЛАЧ ПО ЖУРАВЛЮ

Сколько лет проживу
в ожидании зим,
в ожидании новых утрат?..
Почему не сказал мне:
«Давай улетим!»
Отчего не позвал меня,
брат?

Травяная рубашка твоя
коротка.
Не сумела её доплести.
А у берега плещет
крылами река.
Или небо
в Господней горсти?

Ранний снег застилает
дорогу в поля,
и пора возвращаться домой.
Только чудится мне
дальний крик журавля
между тающим светом
и тьмой...

Три дня остаётся до снега.
А раньше б сказали: «три дни»,
И охнула б в поле телега,
И дрогнули в доме огни.

«Три дни» - и протяжно, и горько,
И словно окончена жизнь...
Столетий скрипучие створки
На палец уже разошлись.
Как мы. Если песенка спета,
Платком остаётся - «прощай»,
И призраком прошлого лета
Мелькнёт за окном иван-чай,
Седой, точно лунь, как наречие
Ушедшего вглубь языка...

И ноют озябшие плечи,
Как будто бы держат века.

Между двумя световыми дорожками
Лодка идёт по воде,
Меж берегами, осокой заросшими,
К не различимой нигде
Пристани тихой
сквозь сумерки поздние,
Плеск засыпающих волн...
Между речными и горными звёздами
Медленно движется чёлн.

Есть время для ветра и снега,
И горькой последней любви,
Неяркой, как низкое небо;
Как лес, где молчат соловьи,
Пустынной, безлиственной,
странной.
Но вдруг из-за каменных туч
Пробился, блеснув над поляной,
Случайный рассеянный луч.
Глядишь в осветлённые дали,
И сердце плывёт, как река.

Для поздней любви и печали,
Быть может, есть время пока.

Моё синичье царство не достанется
Теперь уже, наверно, никому,
Осталось мне смириться
и состариться,
Переходя в неведомую тьму.
Но лёгкий стук за окнами
послышится,
И хитрый глаз уставится в лицо.
И я пойду, пока живётся-дышится,
С тарелкой корма к птицам
на крыльцо.

Я чувствую синичьи коготки:
Отважно корм берут они с руки
И прочь уносят. Клювиков работу
Я слышу в первозданной тишине.
Стою, молчу, мне грустно отчего-то.
Увидят ли они меня во сне
Сегодняшнем, и если да, какую?
В ушанке, возле ветхого жилья,
Старухую с протянутой рукою?
А может, только внутреннее «я»
Им ведомо? На землю свет струится,
Преображая налетевший снег.
Погаснет он - и мне пора, и птицам
Спешить к ночлегу, находить ночлег...

Тесна мне старость, Господи, тесна!
Особенно когда тайком весна
Дохла на заспавшуюся землю,
И хлынул свет, и в розовом окне
Как будто новый мир открылся мне -
Бессмертный мир, и в нём неважно,
кем я
Почувствую себя: травой, водой,
Синицею, да только б молодой -
Не маленькой, но чуточку моложе,

Чтоб, валенки отбросив и клюку,
Бежать, торить дорожку ручейку,
Звенеть, как он,
хоть час - на воле Божьей...

Хозяйки нет, а дом и огород
Ухоженными кажутся покуда:
И роза под окном ещё цветёт,
И дремлет в кухне чистая посуда,
Но с каждым днём грустнее зеркала,
И ветра стон на чердаке протяжней.

- Уехала она или умерла? -
вы спросите. Да так ли это важно...

Была жара, и синий свод небес
Его манил из города на волю,
Где за рекою начинался лес,
Светлела церковь на холме у поля...

Он взял билет. Обшарпанный вагон
Нещадно тряс его на поворотах,
И то и дело прерывался сон.
В плацкартных нишах,
как в пчелиных сотах,
Гудел неугомонный род людской.

На станции, чуть тронутые светом,
Глядел он с непонятною тоской
И думал: «Хорошо бы этим летом
Побыть в деревне дольше, дом
поднять...

Уходят силы в суете и шуме.
Скорей бы утро.
Жаль, не встретит мать...»

Добрался он, а через сутки умер...

Что грустить о человеке? -
Был, да вышел. В небеса.

На столе - лекарства, чеки,
В телевизоре - попса.
Что он думал, что он слушал,
Разве нам не всё равно,
Кто и чем врачует душу,
Наболевшую давно?..
Вымыт, выбрит, успокоен.
Ни терзаний, ни обид.
Голубое-голубое
Небо в комнату глядит.

Дважды выпишься за ночь,
А всё далеко до рассвета.
Где-то лает собака,

Иначе б оглох в тишине.
Колобком укатилось
В края тридевятое лето,
Но осталось оно
Долгим радостным эхом
во мне.
Ветер зиму несёт,
Вон как стонет
В чердачном оконце.
Тяжела ему ноша,
Но бросить не хочет её.
Погружаясь в предзимье,
Томлюсь, как планета,
без солнца
И гляжу на огонь,
Что пока согревает жильё.

ИЗДАНО В ВОЛОГДЕ •

Журнал краеведов

В нынешнем году вышел очередной, 76 (5), номер литературно-краеведческого журнала «Автограф», издаваемого Вологодским союзом писателей-краеведов с 1997 года. Читатели найдут в свежем выпуске немало материалов о деятелях культуры России, чьё творчество связано с Вологодчиной.

Опубликована статья сотрудника музея-квартиры В. И. Белова Ксении Соколовой «Из народных глубин. Белов, Шукшин, Астафьев, Гаврилин». Вологодчина занимает особое место в жизни и творчестве каждого из них. Материал подготовлен на основе хранящихся в музее-квартире документальных материалов.

80-летию вологодского прозаика Роберта Балакшина посвящена статья краеведа Сергея Зеленина. Журнал предлагает несколько статей писателя по истории родного города. Сергей Зеленин также подготовил материал к 100-летию за-

мечательного русского поэта Алексея Ганина.

«Путь сатирика и эпоха» - так называется статья члена Союза писателей России Олега Ларионова, сына сатирика. Материал сопровождается публикацией рассказов Ивана Ларионова.

Краевед Александр Зельцер знакомит читателей с историей создания памятного знака жертвам политических репрессий в Череповце. Известный исследователь жизни и творчества Николая Рубцова Леонид Вересов - автор публикации «Портрет мамы поэта Николая Рубцова», а также статьи «Первая именная библиотека писателя Юрия Тарыничева».

Печатает журнал и другие краеведческие материалы, а также прозу и стихи Александра Драчева, Юрия Тарыничева, Николая Толстикова, Виктора Борисова (Вологда), Александра Роскова (Архангельск), Светланы Дурягиной (Чагода).

Николай Цыганов

«Родился в 1960 году в деревне Глебовское Кирилловского района, - пишет о себе Николай Александрович Цыганов. - Учился в Феропонтовской средней школе. Первое стихотворение сочинил в 14 лет. В 17 лет пошёл на работу на лесозаготовки в Запань-Нову. Военскую службу провел в Заполярье, во вспомогательном флоте». Более 40 лет Н. А. Цыганов трудится слесарем аварийно-восстановительных работ в коммунальной службе в Кириллове. Стихи Николая Цыганова в разные годы публиковали районные газеты «Новая жизнь» (Кириллов), «Маяк» (Вологда), а также областные - «Вологодский комсомолец», «На страже Заполярья» (г. Полярный). Печатали стихи Николая «Вологодский ЛАД» и московские журналы «Костёр», «Юность». Н. А. Цыганов - лауреат межрайонных премий: имени Станислава Мишнёва «Под синим небом» и имени Нины Груздевой «Твое имя», а также областной литературной премии имени Сергея Чухина «Настроив душу на добро...». Выпустил три сборника стихов.

Всё вижу белую дорогу...

НОВЫЕ СТИХИ

*Еще окно слезится чистой влагой,
Еще не слышно шума и речей,
А над ольхой, что сторожит овраги,
Восходит солнце в тысячу лучей!
Спасибо, Боже, за рассвет, за утро,
За небо с тучкой над моей избой.
Роса в траве играет перламутром,
И чинит сети паучок-изгой.
Стряхнула сон красавица калина,
И чешет ухо лапкой рыжий кот.
Хоть наша жизнь не ягода-малина,
Пусть не кончается, родимая, идет...*

*Вот и ветер стих, как тот мальчишка,
Что нашкодил мамке и молчит.
Сонный вечер подтянул штанишки
И залез на печь, на кирпичи.
Только за околицей, где роца
Белым дымом тянется к реке,
Горлышко малиновка полощет,
Спрятавшись в туманном молоке.
Этот день ничем не потревожу,
Я его запомню, как могу.
Потому что можно, всё же можно
Нашу жизнь прожить не на бегу...*

Развернула жизнь лицом к закату,
Где единый путь к святой горе.
Даже месяц смотрит виновато,
Да собака воет в конуре.
Открываю в завтрашнее двери,
Будто перед пропастью стою:
До чего же стал я суеверен,
Даже песен громко не пою.
Просыпаюсь, сонный и помятый,
Всё же дню и солнцу улыбнусь!
Развернула жизнь лицом к закату,
Но туда пока не тороплюсь...

Что ты, ветер, снова, брат,
невесел?
Улыбнись, давай-ка, не дури!
Ерзаешь по крыше, ноги свесив,
Сядь со мною рядом, покура.
Я пойму, родной, твои тревоги,
А попросишь - вместе погрустим.
Вижу, у тебя друзей немного,
А от прошлых - лишь остался дым...
Поиграй-ка лучше на свирели,
Пусто, друг, без песен и дорог.
Вот и я, прошедший сквозь метели,
Как и ты, всё больше одиноч...

Я ждал этой встречи, мечтая,
Чужая родная деревня,
Где месяц ночует в сарае,
А тучи зимуют в деревьях.
Где вечер, умывшись в тумане,
Идет переулком с гармошкой.
И где никогда не обманет
Святой огонек за окошком...

Пройдя пешком через года,
Я выйду к берегу забвения.

Ты не дрожи, моя звезда,
Пока горю, не вижу тления.
В краю березовых свечей,
Глухих болот, дорожной пыли,
Я не боюсь, что я ничей, -
Меня здесь помнят, не забыли...
Одно печалит: нет со мной
Кто б разделил за встречу чарку.
Шаги глухие за спиной,
От них становится мне жарко...

Выйду в ночь, когда звезды рисуют
Наши судьбы на темном холсте,
Когда души ушедших тоскуют,
Не найдя никого в пустоте.
Я давно никому не завидую,
Легче жить иногда лопухом.
На обиду не рвусь я обидою,
Никому не грожу кулаком...
Что менять - уже времени нету,
И дела не коплю на потом.
Говорю налетевшему ветру:
«Не шуми, подожди за углом...»

Пьяные туманы за окошком.
В доме жутко, как в лесной глуши.
Ты, душа моя, душа-гармошка,
Тяжело мехами не дыши.
То, что на задворках наших судеб
Мы с тобой оставили тогда,
Милая, скучать теперь не будем,
Всё сбежит, как вешняя вода.
Всё идет как надо, понемножку,
И конца не видно в том пути.
Не грусти, душа моя, гармошка,
Нам с тобою далеко идти...

Над речкой в камышах живет туман,
Грустят цветы, что подарило лето.
Не нужно за словами лезть в карман.

Здесь никого - никто не даст ответа.
У малой птахи дел своих полно,
Она в работе в зарослях осоки.
А звуки родины волною за волной -
Плывут, плывут: то низко,
то высоко...

Смешаю горечь осени
С тоской своей души.
Деревья листья сбросили,
И гаснут день спешит.
Не собирает бабушка
Ромашку, зверобой.
На небе - туч оладушки
На скатерти льняной.
Еще заря пытается
По-летнему дружить.
А жизнь всю старается
Скрипеть, пыхтеть, творить!

В желтых фотографиях стена
Да картина - с иван-чаем поле.
Кисточка рябины у окна -
Тишина, сдавившая до боли.
Выйду за ворота в ранний час
И росой цветочною умоюсь.
Не пытай, судьба, разлукой нас,
Не тягаться, милая, с тобою.
Вновь летит воспоминаний рой,
Не отбиться от него рукою.
На земле красивой и большой
Нам не будет никогда покоя...

Голуби устали ворковать
И уснули под стрехою дружно.
Только ночка всё не хочет спать,
Отражаясь лунным светом в лужах.
Я открыл окно в простор лугов,
Расстелили тень сушить рябины.
Голубой туман от берегов

Лёг холму зеленому на спину.
Голова пьянит не от вина -
От любви, наполнившей обитель.
И дрожит от тишины струна
Жизни той, которой мы не видим...

Успокой мне нервы, сигарета,
И, как дым, растай, моя тоска!
Вот еще одно промчалось лето,
Инея прибавив на висках.
Было всё: и праздники, и будни,
И костер разлуки и потерь.
Было всяко: и легко, и трудно,
А чего осталось мне теперь?
Отодвинув грусть, беру гармошку,
Пыль стряхнув с малиновых мехов.
И пою рубцовскую «Морошку»,
И не сплю до третьих петухов!

Греет ночь бочок у лунной печки,
Шелестит осокою река.
А заря уже, звеня уздечкой,
Собирает в стадо облака.
Движет утро по сырой дороге,
Захлебнулась травами коса.
Топчутся березки, грея ноги, -
Холодит июльская роса.
Занавесим поживей окошко,
И никто здесь нынче не продрог -
Налетели комары и мошки
На свечи веселый огонек.

Свет малиновый над рекою
Поглотила туманная мгла.
Над деревней хозяйской рукою
Ночь раскинула покровы.
Но в разливе березовом свечек,
В тишине патриаршей двора,
Нам на скрипке играет кузнецик:
Спать пора, спать пора, спать пора...

Мне по душе печали серых дней,
Тоска полей осеннего убранства.
И ты, мой друг, нисколько не жалея,
Что в этом мире нету постоянства.
И здесь, во мгле, где ночь не знает зла,
Вершится жизнь среди березок сонных.
Горит костер, и плавится зола
По всем прошедшим мимо
и прощенным...

Душа устала от тревог,
От суеты пустой, от сплетен.
Иду обочиной дорог -
Со мною ветер.
Но знаю точно, что найду
Тот уголок тепла и света,
И с ходу мягко упаду
В объятья лета.
Не нужно мыслить глубоко
И видеть тучи над собою.
Усну - спокойно и легко -
На травке, вскормленной грозюю...

На душе, как в переулке, пусто,
За окном беснуется февраль.
Ты возьми немного моей грусти,
Солнцем не облаканная даль.
В чем-то мы сегодня преуспели,
Где-то не дошли и до межи.
Не жалея, зима, своей метели -
В белом снежном танце закружи.
Всё равно весна откроет двери,
Будет ночью ясно, как и днем.
Мы с рожденья в сказку жизни верим,
Не потому ль так весело живем?..

Много их, ручьев и шумных рек,
Протекло по руслу нашей жизни.

Уходила осень, падал снег,
Охлаждая пыл судьбы капризной.
Пусть сегодня снова не до сна
И уже играют с солнцем тени.
Верю - не последняя весна
Прополощет нас в цветах сирени.
Только юность-птица не вернется,
Молодость не станет песней вновь.
Но на чувства сердце отзовется -
Разве есть запреты на любовь?..

Журнала блеклые страницы
Листает осень не спеша.
Кричат встревоженные птицы,
И им в ответ - моя душа.
Они готовятся к отлету,
А ей же в клетке прозябать.
И ей, моей родной, охота
Подняться в небо и летать.
Не бейся, милая, о прутья,
Побереги своё крыло.
И так вся жизнь, как на распутье,
А нам с тобою повезло.
Журнала блеклые страницы.
На них - листвы звенящей медь.
Кружат, прощаясь с нами, птицы,
И дай им Бог всем долететь...

Ни звезды, ни луны в небе нет.
Задремали, умаялись боги.
Я с последней надеждой на свет
Выхожу на большую дорогу.
Где ты, пеший? Где конный? Скажись!
Прокричи, прозвени удилами.
Неужели кончается жизнь,
Что не смог разглядеть за делами?

Ветер ночи душу прополощет.
Будет утро, как пустой стакан.
Стынет в поле без одежды роца

Да звенит о прожитом бурьян.
Взбухли тучи от воды, как жабы,
Ток гудит, спеша по проводам.
День, ломая ноги на ухабах,
Видно, не придет сегодня к нам...

Отлюбил, отмучился и сник.
Что осталось, всё положил рядом.
Запишу на память в черновик
Всех, кого любил я, ненаглядных.
Никому такого не желая,
Ветру прокричу: «Закрывь бы пасть!»
Чувствую, иду уже по краю,
Лишь бы не свернуть и не упасть...
Пусть же льется дней моих строка
В отчем доме да на теплой печке.
В прошлое зайду издали -
От болот, от леса и от речки...

Слава Богу, приближается к порогу
Пыльная дорога моих дней.
Буду жить тихонько, понемногу,
От прилета до отлета журавлей.
Буду печь топить, смотреть в окошко,
Вспоминать былое, будто сон.
Буду жарить на плите картошку
И варить из курицы бульон.
Буду слушать птичек, слышать грозы,
И всё это сердцем, не спеша.
И оттает от людских морозов
Наконец-то бедная душа...

Здесь не нужны высокие стихи,
Я обхожусь подручным материалом.
Деревня спит, прикрыв свои грехи
В ночи остывшей - снежным
покрывалом...
Ни тропок, ни дорог, ни берегов,
Лишь свет тоски с небес
на землю льется.

Я, как на острове, в доме среди снегов,
Где вечный ветер в окна бьется...

Вот она - святая правда наша
Горсточкой скупой серебра.
Мы давно не сеем и не пашем
И не копим в сундуках добра.
День пройдет всухую или в драке,
Может, что-то повезет добыть.
Утоляем голод «Дошираком»,
Начинаем родину любить.
Бродят мысли от куста к кусточку,
Мнут цветы, не оставляя след.
Обходя и впадины, и кочки -
Жаждают мысли вырваться на свет...

ПЕСНЯ

Позови меня на праздник,
день вчерашний,
Не оставь в сторонке, позови.
Лишь закат крылом коснется пашни,
Запоется песня о любви.
Побежит по топтаной дорожке
Там, где души лечит соловей.
И мужик опять возьмет гармошку,
И в округе станет веселей!
Вспыхнет сердце девушки капризной,
Кто-то возвратится в колею.
Бабушка, уставшая от жизни,
Топнет, вспомнив молодость свою!

Лодочка-шалашик у причала
В камышах, в осоке, на мели.
Я не помню самого начала,
Как меня в большую жизнь ввели.
Только часто по ночам не спится,
Вспоминаю страшную грозу.
Бесшабашный батя мой - возница,
Я же, шкет, свернулся на возу...
Сном тревожным пролетели годы.
Бати нет, и рухнул мой шалаши.

Но люблю я маму-непогоду,
Нрав её, и силу, и кураж...

Собираю в кучу хворост дней,
А она становится всё выше.
Разожгу костер, чтобы теплей
Было всем, кто рядом и кто слышит...
И друзья придут, и вся родня,
Чтобы вспомнить, как мы жили ладно.
Всем довольно места у огня,
И не будет никому прохладно.
Родина, хоть как ты ни крути,
Всё простит: затмение и промашку.
Напоит, накормит, приютит
И отдаст последнюю рубашку.

Вечер-конь застрял у кромки поля,
И заржал, тревожа даль и высь.
В небе, будто выеденном солью,
Дружной стаей звезды собрались.
Вот и клены перешли на шепот,
Серой шалью призакрыв красу.
Скрылся день, всё тише-тише топот,
Тишина упала на росу.
Всё, что происходит, не случайно,
Не старайся время обогнать.
На земле вершится жизни тайна,
Нам её, разумным, не понять...

ТРОПИНКА

По тропинке памяти иду,
Стелет прошлое тяжёлые туманы.
Вся она, как совесть, на виду
И меня, надеюсь, не обманет.
Годы пролетели, будто сон,
Что осталось, не пройти бы мимо:
«Принеси мне письма, почтальон,
Из далекой юности любимой!..»
Чтоб на миг, хотя б на миг вернуть
Красны зорьки, нежность поцелуя.
Чтобы смог спокойно я уснуть,
Обнимая ночь, не ревнуя...

Видел я, как целуются зори,
Глохнут птицы от яркой любви.
Я ж устал - не шумлю и не спорю,
Поубавилось света в крови.
Мне сейчас ночка лунная ближе
И дороги укатанный быт.
Всех жалею, судьбою обижённых,
Помню тех, кто под небушкой спит...

В той прекрасной стране,
где осталось печальное детство,
Нет уже никого, чтобы кто-то
окликнул меня.
Возвратиться б на миг,
надыхаться всем тем, наглядеться,
И пройти босиком по откосу
веселого дня.
Вот березы мои почернели,
как бедные вдовы,
Глажу ствол их шершавый,
а по листьям - знобящая дрожь.
И, прижавшись к стене
обветшалого старого дома,
Я шепчу в пустоту: «Ничего,
ничего не вернешь...»

Как глупо не видеть, не слышать,
не знать,
Что Родина просит помочь отдышаться.
И многим, конечно, на всё наплевать,
Но кто-то же должен и русским остаться?
Спрошу я у поля: «Родное, ответь:
Какой нас с рожденья поили отравой?
Какие же песни должны мы запеть,
Чтоб вновь поднялись наши травы?»
Мы стали ранимее и видим острей,
И жизнь заставляет во всём сомневаться.
Кричу я в разломы остужённых дней:
«Ведь кто-то же должен
и русским остаться!»

О стихах Николая Цыганова

Стихи самобытного вологодского поэта Николая Цыганова поражают своей глубиной и простотой. Он наследует традиции русской классической литературы, что в наше быстротекущее цифровое время делать сложно.

О чем его стихи? На это можно ответить словами Аполлона Майкова: «Память слез и умиление в вечность глянувшей души».

Тема земного и вечного проходит через все творчество поэта, хотя стихи просты. Но часто в простоте лучше высвечивается мысль. В такой простоте - глубина и философия жизни.

Стихи завораживают любовью к могучей и в то же время нежной русской природе - этому Божественному дару. Поэт слышит, как «разносит ветер робкий шелест леса», видит, как на закате «меркнет свет березовых свечей».

В стихах Н. Цыганова прекрасен и живописен мир природы, тесно связанный с быстротекущей человеческой жизнью.

*Ты верни меня в детство, кукушка,
Не вчера, не сегодня, сейчас,
С голубою луной над избушкой,
Чтоб поверилось в сказку хоть раз...*

Поэт говорит нам о связи прошлого и настоящего, о великом дару человеческой памяти, которая соединяет все периоды человеческой жизни.

*Детство, мое детство,
облако в штанишках,
Где ты затерялось в дебрях
жизни этой,
Где широким полем маленьким
мальчишкой
Я бегу навстречу солнечному свету.*

А через много лет:

*И вот я здесь: усталым и седым
Пришел из дней, присыпанных порошей,
Туман разлуки - словно горький дым
Над крышей дома памятью о прошлом.*

В стихах - ощущение времени, и всё в органичном единстве. Небольшими, но очень проникновенными строками поэт говорит об исчезновении русских деревень.

*Покосились избы и избенки,
Захирели яблони в садах,
Только филин голосом ребенка
Гукает о прожитых годах...*

Боль утраты - в стихах о таинственном даре Любви:

*И возьму твою руку в свою,
Поведу под дождем за собою,
У разбитой любви на краю -
Навсегда - мы останемся двое.*

Тревогой и печалью проникнуты некоторые строчки. Блок когда-то писал: «Жизнь трудна и прекрасна». Но без трагичного нет подлинной поэзии.

В стихах - ощущение космического пространства, в котором живет человек.

*Но пока земная благодать
Льет на сердце нежностью и светом,
Буду жить, и плакать, и страдать -
И встречать закаты и рассветы.*

Стихи поэта Николая Цыганова - несомненно, вклад в русскую поэзию. Они заставляют читателя думать о себе, о времени, о смысле жизни.

Ольга БЕЛОВА

Вера Коричева

Вера Николаевна Коричева родилась в 1964 году в городе Загорске Московской области (ныне Сергиев Посад). Окончила Московское художественное училище «Памяти 1905 года» по специальности «художник-декоратор». С 1986 года живёт в Вологде. Работала художником-оформителем в областном драмтеатре, театре для детей и молодёжи, на Вологодском вагоноремонтном заводе им. Калинина, дворником, слесарем-сборщиком. Автор трёх сборников стихов: «Планета тополей» (2006), «Родная чужбина» (2009), «В ожидании божественной лазури» (2012). Дипломант и лауреат ежегодных поэтических конкурсов «Посадская лира» (2007 - 2014), г. Сергиев Посад. Стихи публиковались в газетах и журналах России и Эстонии. В «Вологодском ЛАДЕ» неоднократно печатались стихи и критические статьи Веры Николаевны.

Картонное наследство

*Всё, что было его, - нынче ваше,
Всё для вас. Посвящается вам.*

Булат Окуджава

ГОРЧИЧНИКИ

*Открытки, открытки,
Крылатые и прытки,
Заполнили мамин
Поломанный шкаф.
Избавиться чтобы
От кипы забытой,
Готовлю хороших
Четыре мешка.*

*Мимозы и розы
И Деды Морозы,
Синицы и белки
И прочая тварь*

*В мою повседневность
Ворвались без спросу,
А с ними и праздники:
Весь календарь.*

*Седьмое, восьмое
И первое (дважды),
Девятое - главное,
Впрочем, число -
Летят хороводом
Картонно-бумажным
Из ярких картинок
И благодатных слов.*

*Емелина печка
И звонкая тройка,
Берёзки и ёлки,
И башни Кремля,
Доступные и*

Непролазные строки,
Шары-украшенья
И шарик-Земля,

Созвездья и солнце,
Сугробы и зелень,
Рябинный румянец
И верб серебро
В отсеке для почты
Почётно осели,
А я отыскала
Такое добро.

Душевным теплом
Дорогие картонки
Покрепче горчичников
Могут согреть.
Сдадутся не сразу
Засовы-заслонки:
Нечёткие почерки
Держат секрет.

Откопана кипа -
Там клады зарыты.
Оставлю на время
Ремонта редут.
В сады откровений
Открою калитки, -
Засяду читать.
А мешки - подождут.

МАГНИТ

Я, волнуясь, прочту
Письмена эпохальные...
Тётя Тоня из Ермиши,
Люся из Харькова,
Из Архангельска Надя
И Геля из Котласа,
Рядом - таллиннский Коля
И Таня московская,

Из хабаровских войск
Младший братец единственный,
Одноклассницы местные -
Дина с Мариною,

Тётя Поля из Нарвы
И Шура из Уускюлы -
Все писали к Людмиле
С теплейшими чувствами.

Примагнитила мама
Ашдод и Карелию,
Сахалин и Калугу -
Травой и кореньями,
Волшебством доброты -
Главным между волшебствами.
Подмосковье сманила
К местам путешествия.

Мимолётные: Минск,
Севастополь и Астрахань,
Львов, Кириллов и Тарту
С обратного адреса
Улыбаются скромно
Гостями незваными,
Породнившись
С Житомирами-Дагестанами.

Угадаю не всех
Отправителей - кто они?
Даже авторов писем,
Что мне адресованы.
Пожелали посланцы
Остаться под масками,
За пижонистой подписью
Спрятавшись мастерски...

Ленинградская Вера
И Вера из Вологды.
Распознаю их почерки,
Зелены-молоды.
Только в нише для писем
Смогли они встретиться
И загорскую Веру
Найти пятилетницей.

СМЕШИНКА

Вот дядя пишет к маме
Из дальнего Хабаровска,
Смешинку спешно шлёт сестре,

И мама улыбается.
Я только начинаюсь,
Ещё внутриутробная,
Но хохму дядину ловлю
И радость жизни пробую.

Письмо братишка пишет
Из дня дальневосточного,
Шуткует нежно над сестрой
И поздравляет с дочерью.
Мала и несмышлёна
(Дней сорок от рождения),
Я поглощаю с молоком
Смешное настроение.

Опять письмо Алёши,
Да с просьбами-вопросами,
Чтоб сообщила ТТД*
Улыбчивой курносицы.
(Давно известно было,
Что дочка будет Верой).
Слух - музыкальный у неё?
Поёт уже, наверное?

Ещё привет от братца:
В письме служивый хвалится,
Как нравится друзьям портрет
Двухмесячной племянницы.
Такая вот, смешная
И в-рамочке-портретная,
В армейской тумбочке живу,
Сама того не ведая.

Сижку, читаю письма,
Святые, как Писание,
И неприкаянно щемит
С былым соприкасание.
А мне седьмой десяток,
А мамочка - на кладбище...
В свободной комнате живу
У любящего дядюшки.

* ТТД - тактико-технические данные

ШТОРМИТ

Вижу приметы
Бабушкиной руки -
Строки качаются
Лайнером в ритме шторма.
Доченьке Ляле
Высланы на Соловки
Вести печальные -
Поездом, в тесной торбе.

Дочка получит
И надорвёт конверт,
Нетерпеливая, -
Нет под руками ножниц,
Почерк колючий -
Дома-в-окошке-свет -
Всё, что творится там,
Разглядеть поможет.

Первая новость:
Солятся огурцы
(Август извечно
Зимами озабочен).
Только тревожат
Старой тары торцы -
Как бы не дали течь
Огуречные бочки.

Главная тема:
Тайно женится брат,
Два приглашенья
Выпали из кармана.
Из-за невесты -
Брак не сулит добра...
Что в утешение
Доченька скажет маме?

И напоследок -
Верочкины дела.
Внучка двухлетняя
В целом не огорчает.
Кажется... в среду
Температура была...
Снова - здорова,
Просится к маме, скучает.

Текста немало -
В клетку тетрадочный лист
Плотно исписан,
Яблоко негде запрятать.
Строки финала
Виснут макушками вниз
Над обращением
И обязательной датой.

Дата бесценна
(Если стёрта печать)...
Мама страдает
Дочь не проймут минором.
Времени нет на печаль,
И что отвечать?
Время - спешить на свидание
С Бельм морем.

ВЕСНУШКА

Света - излишки,
Мир - не узнать!
Просится к мышке
На нос весна.
Капает мерно
С вербы-куста
(Мышками - вербу
Звали всегда).

Солнце частенько
Нынче не спит.
Юной студентке
Носик кропит.
Брызги привычно
Мечет весна.
Кожу девичьей -
Где белизна?

Люся-Сократик,
Носик курнос.
Прочих братьев
Лоб перерос.
Видимо, восемь
Пятей во лбу.
Школьные косы,
Краске - табу.

(Доченька, слышишь?
Ретушь вредна!)
Серую мышку
Красит весна.
Только рисует
Явно не там:
Охра и сурик
Сплошь по щекам...

Солнца - в избытке,
Март на носу.
С мышкой открытку
В сумке несу.
Пью из бокала
Звонкого дня.
Можно пока мне,
Мир - для меня!

ДОМОВОЙ

Устала письма разбирать
И прячу по коробкам...
Но кот по кличке Рыжий Брат
Ко мне скребётся робко.

Что ж, запускаю, раз пришёл.
А он, без церемоний,
Запрыгивает на горшок
Под дерево лимона.

Почувя оторопь мою,
Усы топорщит грозно
И на бегонию струю
Пускает виртуозно.

Иду на кофе погадать
И каплях стеарина
К хозяйке рыжего кота
(Её зовут Марина).

Не спрятать грусти под сукно,
В мешок холицовый - шила.
Сижу - взираю на окно
И дерево инжира.

Пошёл десяточек седьмой
От января, в котором

*Болтать отправилось письмо
О подвигах котových.*

*Да прямиком в родильный дом,
В стерильную палату...
Так побраталась я с котом,
Точнее, с Рыжим Братом.*

*Спросонья вижу далеко,
За гранью ада-рая.
И снова орошает кот
Бегонию с геранью.*

*Я говорю котяре: «Брысь!
Не бреди ночами,
Озоровать остановись!..»
А братец отвечает:*

*«Клянусь хвостом и головой,
Что мог бы пригодиться.
Я твой бессмертный домовой.
Не прогоняй, сестрица!»*

ПАРАШЮТ

*Дружные родичи,
Нам не чета,
Слаженно жили-тужили...
Можно ли письма
Чужие читать?
(Или - они не чужие?)*

*Мелки крупиночки-
Золотники,
Сладки изюминки в тексте.
Только - бумажные
Здесь сундуки,
Рвутся, а клады на месте.*

*Милой Люсяше
Повсюду хвала,
Ляльке начитанной - втрое.
Юная Люсенька
Вправду мила,
Солнце она золотое.
Круг отправителей -*

*Свят хоровод -
Нет ни конца, ни начала.
Мама - жемчужинкой
Вдруг назовёт,
Лялицей - брат величает.*

*Попросту - мамой
Зовёт её дочь
(Как-то ни нежно, ни грубо).
Скорые годы
Уносятся прочь,
Слаженность жмётся на убыль.*

*Странице-дочери
Редко пишу
(Пишет ли братец сестрице?)
Вот бы из писем
Пошить парашют,
Чтобы упасть - не разбиться.*

*Можно ли? Нужно!
Прочти - удивись
Почте запретно-секретной.
Шёлку из нежности
Строчки любви
Станут испытанной скрепой.*

КАРДАМОНЬЕ

*Вот послание
Иного колорита
(На конверте -
Геометрия иврита)
Из заморского
Приморского Ашдода -
Русским почерком
Размашистой породы.*

*Наливаются
Бутонами шафраны...
Кардамоном пахнет
Штемпель иностранный.
Из родного дома,
А не из круиза
Пишет маме
Из Израиля Раиса.*

Пишет Людочке
Ранимая разлукой
Медицинская коллега
И подруга.
(Было время,
Задружились в Дагестане
И совместно
Диссертацию верстали...)

По болезням переслать
Брошюры просит
И настойчиво зовёт
Людмилу в гости.
Белкой вертится -
И нету доли лучше.
К детям вырваться непросто.
Внучка - служит.

На дворе - ноябрь:
Жара и море света...
И к московским докторам
Летят приветы.
Закругляется
Вопросами про дочку
И на этом энергично
Ставит точку.

Ощущаю чудо жизни
Даром царским
И любуюсь
На диковинные марки.
И во сне моём
Забывшей частью речи
Буйно множится
Еврейский семисвечник.

КАРТОШКА

Пишет к Людмиле письмо
Александр, дед ермишинский.
Почерк кудрявый его,
Ятями щедро прошить,
Папу и Маму везде
Начинает с буквы заглавной.
(Бесы - подавно в узде
Правописи православной).

Хвалит сначала, потом
Порицает добрую внучку.
Ласково просит о том,
Чтобы вела себя лучше:
«Новый учебный пошёл, -
Непреренно станешь стараться!
Знаешь ли, нехорошо
Бить малолетнего братца...

Много у русских побед,
Полководцы славные были», -
Пишет в послании дед
К милой хорошей Людмиле.
С тылу, на том же листе,
В настроении переменчив,
Дочке Варваре отец
Пишет значительно мельче.

Больше, чем мутный хрусталь,
Интригуют тёмные строчки.
Почерка вязь непроста,
Требуется переводчик.
Впрочем, я «перевела»,
К закорючinke каждой дотошна.
Первыми были дела:
Выкопана ли картошка?

С прадедом рядом седьм
Одолимы пень да колода.
Горблюсь над сорок седьмым,
Послевоенным, голодным.
Дедушке рада вдвойне,
Героиня в-письмах-романа,
Машет косичками мне
Девятилетняя мама.

ЛЕСТНИЦА

Спускаюсь
По лестнице
Собственного
Детского почерка
На нижние этажи жизни.
Буквы -
Крупные,
Угловатые,

Разного размера
И начертания
Опасно шатаются
Под моим немалым весом.
Вот весёлая буква «О»
В конце слова «Письмо»,
Внезапно отскочив от края листа,
Мячиком подпрыгивает вверх
(Рискуя споткнуться - оступиться).

Однако
Благополучно
Попадаю на лестницу
Тысяча девятьсот
Шестьдесят девятого года
И вижу пятилетнюю Веру.
Она спускается с четвёртого этажа
Во двор
Выгуливать котёнка Дымку,
Хотя котёнок - всего лишь «маскировка».
На самом деле она спешит на свидание
С соседом-шестиклассником Васей.

(Почему-то я этого совсем не помню,
Но помнит бабушкино письмо,
Полученное мамой в Адлере,
Моя «Лестница» в том же конверте).

Мы пересекаемся с Верой на площадке
Между вторым и первым этажами,
Возле ящиков «для писем»,
И я её узнаю, а она меня - нет.
Ей сейчас не до чужой пожилой тётки,
И она даже не здоровается.
(Помнится - когда-то -
Пыталась представить себя взрослой,
И не смогла).

Провожая девочку взглядом,
Ибо дальше, за ней, во двор мне нельзя.
Однако пора восвосяи.

БЕЛКА

Шкатулки даже
Из открыток можно шить.

Вот белка серенькая
Шишку попрошит,
Расположившись
На фасадной стенке.
На крышке - тоже,
Но поменьше раза в три,
И погрызунью
Окружают снегири
И леса зимнего
Неяркие оттенки.

Здесь новогодние
Открытки собрались:
Старик-Мороз,
Дуэт и трио зимних птиц,
И скоморохи
Лихо пляшут в масках.
Сундук с подарками
На доньшко присел,
И леворучка-мальчик,
Рыженький сосед,
Его расписывает
Бирюзовой краской...

Двойной картон
Пробить иголкой тяжело,
И чтобы дело
Веселее-легче шло,
Дает мне бабушка
Напёрсток лишний.
Я над подарком маме
Радостно тружусь
И шов обмёточный
Упорно вывожу,
Сооружаю для шкатулки
Крышку.

Урок закончен,
И меня подушка ждёт.
И ночь морозная
Луну-лампаду жжёт.
Приветствую во сне
Друзей крылатых.
Веду себя свободно,
Как хочу,
И белочкой скачу

По кедрачу,
Его колючим
Шишковатым лапам.

Но годы канули,
И мама умерла.
И я шкатулку
У неё нашла:
Клестов, художника,
Хвостунью с шишкой,
Сундучные подарки:
Льжи, мяч...
Стежки надёжны -
Не порвать, не смять.
Выходит, я сама себе
Подарок шила?

НЕСМЕЯНА

Верочка-печальница
Плачет в три ручья.
Что же получается, -
Верочка ничья?

Стены санатория
Домом не зовёт.
Так терзает горюшко,
Что болит живот.

Несмеяна с мячиком,
Съельная княжна,
Бабушке и мамочке
Больше не нужна?

Все в казённом здании
Горьки вечера.
С бабушкой свидания
Кончились вчера.

Золотеют веточки,
Осени краса.
Не водили Верочку
Даже в детский сад...

К маме поскорее бы,
Да заказан путь.
Мамочке в Карелии
Нужно отдохнуть.

И у доброй бабушки
Полон рот забот:
С младшим внуком рядышком
Тоже устаёт.

Чтобы горе вынести,
Надо подрасти.
Только - Вера вырастет -
Сможет ли простить?..

Бабка престарелая
Я уже на треть.
Над письмом в Карелию
Погожу реветь.

Поголяю около.
Не введёт в дурман
С выбитыми окнами
Детская «тюрьма».

ОДИННАДЦАТЬ

А детей у неё - одиннадцать:
Восемь мальчиков и три доченьки.
И сама она - дама с сединами -
Вся на детках сосредоточена.

Богородица-Троеручица
Помогает силам утроиться.
Старший женится, средние учатся,
А меньшие - к школе готовятся.

Муж-священник в семье наездами,
Но - справляется, и не страшно ей.
Не одна человечков пестует, -
Занимаются домом старшие.

Вырастают - птицами вольными,
Разлетаются - листьями по полю:
Два погодка, будущих воина, -
В Уссурийске и в Симферополе.

Дочки взрослые скачут белками.
Нынче замужем, не за книгами.
Что постарше, уехала в Белгород,
А сестрица живёт в Чернигове...

Две Людмилы из Медицинского,
Две подруги, в учёбе первые.
У Люсяши детей - одиннадцать,
У Люсяшеньки - одна Верочка.

Сын сегодня в реанимации, -
Молит Бога об исцелении.
Напряжённая ситуация...
Но на письма - хватает времени.

К путешествиям непричастная,
Поступают - страхует отпрысков.
Выезжает редко, но с чадами.
Либо - дом подновляет в отпуске.

Про сестру да брата обмолвится -
О заботах или событиях -
Вера в Щёкино, Коля в Вологде.
Слава Богу, здоровы родители...

Пляшут буквины крупно-круглые
По бумаге спелыми вишнями.
Откровения между подругами
Не тускнеют в руках Всевышнего.

По-над Харьковом радость сгнула,
Небу дымному - волком воется...
Как там живы её одиннадцать, -
Три девицы и восемь воинов?

КОЛОДЕЦ

Эти добрые письма
Пришли из Калуги
Под седеющим штемпелем
Горькой разлуки
От загорского доктора,
В прошлом - хирурга,
Что уехал на жительство
К дочери-внукам.

Эти строки волнистые
Полуслепого
То спускаются вниз,
То взбираются снова -
По коварной Оке

Не без помощи лоций,
По монгольским пескам -
От колодца к колодцу.

Мамин добрый знакомый
Здоров, но не весел.
По холмам путешествую
С доктором вместе.
Вижу бойкую Лару,
Ленивца Серёжу
(Дедка добрый, и с тёзкой
Не может построже).

Я смакую письмо,
Не спешу - поскорее...
Слышу скрипку, гитару
И тенор Сергея.
(Доктор голос имел,
Пел душевно романсы.
Концертмейстером верным
Была моя мама).

Вижу так же отчётливо
Дочь его Нату
У колодца с ведром
И верблюдом горбатым.
(Дочка с зятем живут
У монголов в пустыне
Третий год, всё в трудах, -
Ищут ценную глину).

И хоть ходит играть ему
Консерваторка,
По любимому доктор
Скучает Загорску.
Помнит колокола
Музыкальное ухо...
Там остались знакомцы,
Родные по духу,

Захудальёй домишко
На горке Ильинской
И беседы о музыке
И медицине.
А Калуга - пуста,
А Калуга - чужбинна,

*И в квартире у дочки
Молчит пианино.*

*Странно: с доктором старым
Мы в чём-то похожи:
Пианино молчит
В моей комнате тоже.
И по письмам для мамы,
Тропой иноходца,
Продолжаю поход -
От колодца к колодцу.*

ТУМАН

*Тётя Поля из Нарвы,
От быстрой Наровы,
Посылает сердечный привет.
Как всегда, понемногу
Подводит здоровье,
А событий особенных - нет.*

*Почерк курицы лапой,
Ошибки в придачу, -
Не хитра перекатная голь.
Не окончила школу
Чудская рыбачка,
Приманила нужна
На Кренгольм*.*

*Провалились в туман
Братья Холод и Голод,
Пелагея согрета-сыта.
Над бурливой рекой
На мосту в Ивангород
Нет ещё пограничных
Застав.
Не спеша тает снег
На шоссе и на поле,
Первым аистом
В небе парит.
Не заглядывает
Что-то таллиннский Коля,*

*Не видала его
Года три.*

*Адрес пишет соседка,
Уже без ошибок,
Чтобы точно открытка
Дошла.
Пополнела и сделала
Платье пошире,
А для мужа - рыбацкий
Бушлат.*

*Поля дома сидит:
Всё домашнее ладит.
Муж работает, любит её...
А Людмиле, конечно,
Успехов желает
И - зажить с Николаем
Семьёй...*

*(Не читаю в словах
Для себя укоризны,
Созерцаю
Прозрачную глубину.
Но царапает по сердцу
Почерк куриный
Острым краем
Разбитых скорлуп.*

*Пелагею я помню
И... вовсе не помню
(У неё мы бывали
С отцом).
Фото нет, не увидеть
Лица тёти Поли, -
За туманом
Пропало лицо...*

*Но когда в городской
Засыпает квартире,
Ловит счастья
Таинственный миг:
Над ветвистой сосной
Длится взмах аистинный,
И... Чудское тревожно
Шумит.*

* Кренгольмская мануфактура - крупное прядильно-ткацкое производство, располагавшееся на острове Кренгольм и левом берегу реки Нарова

ЛЕТУНЫ

Далеко ли, близко до ночи -
Время скомкано пургой.
Антонина, тётя Тоночка,
Пишет к Ляле дорогой.

Слышно кошек - или дверь пищит?
Но - торопится успеть.
В городском посёлке Ермиши
Выключают в десять свет.
В хатке - радио молчащее,
Обнимает тишина.
Десять лет, как нету батушки,
И теперь живёт одна.

(Память полнится картинами:
Тонин папа был попом.
А наследников - одиннадцать.
Отобрали власти дом.
Разлетелись дети по миру
От опального отца.
Но с родителями Тоночка
Оставалась до конца).

Окружает живность всякая:
Певуны да Летуны.
И Мяуки миской брякают,
Эти - вечно голодны.
Отложила рукоделие -
Полотенце для сестры.
Солнца нет уже неделями,
И глаза не столь востры.

Всё-то ей температурится,
Кашель тоже не прошёл.
Под машиной пала курица,
Только пчёлкам - хорошо.
Ляле - шлёт советы разные:
Не спешить в ряды невест,
С певуном судьбу не связывать
И на нём поставить крест.

Дописала? Перечитывай!
Как бы что не упустить...
Почерк тётушки учительский

Удивительно красив.
Строки - грабельки исправные,
Знай дорогу разгребай.
Манит буква «Р» заглавная
Шляпкой круглого гриба.

Досконально и с пристрастием
Перечитываю текст.
Одурманивает фразами
Рукописный дивный лес.
Для кого, однако, писаны
Семь десятков добрых слов?
Буквы «Р» парашютистами
Приземляются в письмо.

Над кустарниками-соснами
Дельтапланят «Тэ» и «Пэ».
Летуны Всевышним посланы.
Для тебя и о тебе.

БИНОКЛЬ

Расстоянье до острова Сахалина
(расклад простой)
Измеряется преодолением, то есть:
Сто девяносто четыре часа на поезде
И двое суток водой.

Так написала однажды в своём
давнишнем письме
Однокурсница мамина, страница Таня,
Возле печи, в состоянии замерзания,
В окно наблюдая снег.

От сегодня - до тысяча девятьсот...
такого-то дня,
Как отсюда - до сказочного Сахалина.
В точке «тогда» прямые сходятся линии,
И «там» ещё нет меня.
Для пейзажа «Давно» такое письмо -
бесценный бинокль,
Заглянуть в незнакомое строки помогут.
Я увижу обрывками, очень немного,
В стране, где царь - осьминог.

Не ходила по Сахалину на лыжах
(там не была).

Илья Виноградов

Илья Леонидович Виноградов - мурманчанин. Родился в 1978 году. Автор девяти книг стихов и прозы, переводов поэзии с болгарского, французского и норвежского языков. Член Союза писателей России с 2014 г. С 2019 г. - председатель Мурманского отделения Союза писателей России. Публиковался в различных региональных и всероссийских журналах, включая «Литературную газету», журналы «Наш современник», «Дружба народов», «Север», в альманахах, антологиях, в том числе антология «молодой» литературы России «Заря» (издательство «Вече», 2018), изданиях Болгарии. Автор документального фильма «Дружба, отлитая в бронзе», сценарист художественного короткометражного фильма «Танец». Лауреат многих литературных конкурсов. Участник и эксперт совещаний молодых литераторов Союза писателей России начиная с 2018 года. Организатор и участник культурно-просветительской экспедиции «Международный славянский ход «Мурман - Балканы» (2018). Руководитель оргкомитета Международного литературного форума-фестиваля «Капитан Грэй».

Прорезающие тишь

ДОНБАССКАЯ ЕВА

*Яблонь дымок над Донбассом.
Еве - двадцатый апрель.
Ей бы до рынка добратся -
И не попасть под обстрел.*

*Проданы мамины кольца,
Голоден дом, как жнивье;
Где-то Адам добровольцем,
Нет новостей от него.*

*Фруктов эдемских не нужно -
Нужно картошки простой*

*На незатейливый ужин.
Ева, послушай, постой! -*

*К рынку не смей торопиться,
Через минуту прилёт.
Дым за ракетой змеится,
Смерть вдоль прилавок идет.*

*Тех, кто, нуждой опаляем,
Здесь торговал кто чем мог,
Тропкой прямой отправляет
В царство небесное Бог.*

Скошены райские кущи,
Розы и кровь пополам.
Взрывы ложатся все гуще -
Целят в больницу и храм.

Рыщет беды зверь матерый -
Ни прикормить, ни спугнуть.
Ева идет волонтером,
Как медсестрою в войну.

Дни от обстрелов дробятся.
Заново жизнь собирать
В помощь вам, дети Донбасса,
Ева - донбасская мать.

На терриконовых склонах
Будь до скончания дней,
Племя от Евы возвращённых
Непобежденных людей!

Пусть до скончания рода
Если уж дым над землёй,
Чёрный - от добрых заводов,
Белый - от яблонь весной.

НАД АТЛАНТИКОЙ

Кухня океанская погоды,
Бирюзовая сковорода
Жарит тучи дождевой породы
без стыда.

Мелкая вода светлей - и ладно:
Карты из учебников не лгут,
Островов разорваны олады
там и тут.

Поглядишь на легкие барашки -
От восторга стих прорежет тишь.
В глубину заглянешь -
ошарашен, замолчишь.

Тыщетонный сухогруз перчинкой
Кружит, будто выжил из ума.
А по курсу зыбко, беспричинно
встал туман.

Не накрыть стеклянной крышкой
вечность,
Ложкой бесконечность не черпнуть.
Солнце, как пельмень,
 плывет навстречу - добрый путь!

Божья поварешка синь мешала,
Не скудела солью длань Творца.
И воде, как жизни, -
ни начала, ни конца.

И я бегу в метро,
где, у Москвы в плену,
Огромный базилиевс
залег во всю длину.

А. Тарковский

Заранее подстроено
Единственный итог:
В песках сокрыта Троя
От моря на восток.

Коринфские руины
Скрепила тьмы печать,
Пылится по Афинам
Элладская печаль.

Тому, что знал философ,
Что воспевал поэт,
Лишь каменная россыпь
Щетинится в ответ,

И утешеньем спорным
Над хламом капитель,
Но вместо пенья хора -
Лишь ветра канитель.

А нам под древним солнцем
В минувшего лучах
Одно и остается -
Руины изучать.

Из пластиковых джунглей
Глядеть, тоску гоня,
На выстывшие углы
Великого огня.

И, слушая, как камни
Ведут свой разговор,
Признаться, что за нами
Не будет и того.

За будущего кромкой,
Забвенью одолев,
Одно дойдет к потомкам -
Метро как базилев.

Дня огонь отпылал и сник,
Опрокинулись ввысь чернила,
Отшумевший утих тростник.
Как стихи. Как любовь. Как родник
У заилненного Нила.

О тебе помятую, Нил!
Я в душе - фараон печальный:
Что казалось великим вначале,
Сет жестокий в прах обратил.

Понапрасну богов не зли:
Пирамиды лишь уцелели -
В них цари древней земли
Спят, прикованные к постели.

Пирамиды горят над песком,
Иссыхая под лунным дождем.

Бедный царь! Тесен твой саркофаг,
А на маске клеймом тревога.
В вечность Нил направляет шаг.
Грозно. Строго. Бесспорно - так,
Как в Каспийское море Волга.

КЛЕОПАТРА

Клеопатра, ночь тебе дарю!
Страшной платы от тебя не надо:
Да не осквернится кофе ядом,
Да не окровавит нож зарю.

Я за то, чтоб счастье задарма.
Хочешь - у меня стихов орава,

Хочешь песен? Я не знаю... право,
Голос слаб... Но тут решай сама.

Слухи о тебе порой резки,
Но провозглашаю: ты - не злая,
Это те, кому ты отказала,
Желчь глотая, чешут языки.

На тебе сошелся клином свет...
Юлий с Александром присмирели.
Не ревную к ним - нет, в самом деле:
Старикам - почет, вопросов нет.

Клеопатра, Клеопатра, Кле...
Преходящи красота и страсти.
Только то,
над чем и смерть не властна,
Хоть чего-то стоит на земле.

Грусть на струнах времени звенит.
Царства в безызвестное уходят.
Ты из Древнего Египта вроде?
Нет того Египта, извини.

Обратятся в прах и меч, и щит -
Все завоевания напрасны.
Лишь любовь под солнцем
не угаснет,
И на этом только мир стоит.

Лишь она, наперекор судьбе,
На века... Светает за рекою.
Оборвав стихи, заварим кофе.
Он в Египте, правда, так себе.

Все прогнозы сплошной обман -
Третий день дождевая стена.
Как рождает дожди океан,
Не исследовано сполна;

Как уходят капли в песок,
Океанскому зову верны, -
И воде истекает срок
Быть вдали от родной стороны.

*И к воде приходит печаль -
Хоть на небо само уйди.
Вышли мы из воды. А жаль,
Что на память одни дожди.*

*Вот стоишь, забыв, как дышать,
Что-то режет большее ножа.
То ли рвётся в небо душа.
То ли режутся щели жабр.*

*Паровозы бегут по планете,
Мимо трудностей, горестей мимо;
Станут ближе к родителям дети
И влюбленные ближе к любимым.*

*Через степи, леса и болота
Нервы рельсов протянуты чутко,
И мелькают в веселом полете
За окошками дней промежутки.*

*Это добрая, правда, примета,
Если дым над трубою как розы.*

*И вращается плавно планета -
Потому, что бегут паровозы.*

*Жег мороз две с лихвою недели.
В белом встал дворовой снеговик,
В белом вечнозеленые ели;
Но синицы бесстрашные пели,
Да и я поскулил - и привык.*

*Подбиралась зима к серединке -
Календарь в арифметике строг.
Как Сусанин под музыку Глинки,
В лес ушел я по свежей тропинке -
Хоть такой от закладчиков прок.*

*Вон они светляками мерцают,
В перигее луна, как во сне...
А снегам ни конца и ни краю.
Не словца ради - правда, не знаю:
Дольше люди живут или снег?*

Улица Поэта Романова

18 июня 2025 года в Вологде, в одном из новых микрорайонов южно-московской ориентации, наблюдалось шествие. Шествие явно санкционированное, ибо такое количество народу среди бела дня (или, скорее, среди серого вечера), с шарами и флагами, должно было получить некое одобрение, иначе бы не состоялось по причине отсутствия причин. Это с одной стороны. С другой - присутствие женщин с баянами-аккордеонами, мужчин в головных уборах забытых сражений, бородатых гитаристов бардовского пошиба с вечной тоской в милых усталых глазах, а также детей и учительниц в одной колонне намекало на смешение культурных стилей и кодов. Что вызывало предположение о стихийности и непреднамеренности. Встречные машины, объезжая заполненный тротуар, опасливо дистанцировались и притормаживали, некоторые, наоборот, прибавляли скорость и, давя вырвавшиеся на волю шары, подписанные

«18 июня», с визгом скрывались из виду. Что-то дионисийское было в этой колонне, радостно-беззащитной, поющей и пляшущей среди аполлонического холода новостроек и остановившейся у Ледового дворца по адресу «улица Поэта Романова, 1».

Не штурм ли замка Снежной Королевы? Пожилые Герды на бородатых оленях с отрядом сочувствующих идут освободить Кая своей мечты? Отнюдь. Ключевой локус - не Ледовый дворец, а Улица. Её исток, №1... Новая Улица, носящая имя Поэта Романова: 18 июня 2025 года исполнилось 95 лет со дня его рождения.

Для вологодской школы (не признающих данного литературного явления просим не беспокоиться, ибо всяк кулик из своего болота видит проблему по-своему, а потому имеет право всё отрицать) - так вот, для вологодской литературной школы личность поэта Александра Романова (18.06.1925 - 05.05.1999) обладает безусловной непреходящей ценностью: он был

Вологодские писатели. Слева направо: Юрий Леднев, Роберт Баланшин, Василий Белов, Василий Оботуров, Ольга Фокина, Михаил Карачёв, Александр Романов

и остаётся, наряду с Александром Яшиным, Отцовской Фигурой для всех тех, кто эту школу создавал, наполнял и поддерживал. Даже если из всех участников вологодского литературного процесса остались бы только Василий Белов и Николай Рубцов. Остальные, вынесенные за скобки (Виктор Коротаев, Ольга Фокина, Сергей Чухин и другие), не обиделись бы, так как физическое старшинство Поэта Романова и многолетнее служение собратьям в роли секретаря писательской организации - достойные тому аргументы. Имя его в поэтическом космосе светится скромнее, чем, например, звезда младшего литературного брата - Николая Рубцова, и в этом правда жизни: разная природа лирической акцентуации Рубцова и эпической - Романова, разные регистры таланта - всё это объективно и закономерно. Однако нельзя забывать, что такова судьба всех нянек и педагогов, каковы бы ни были их личные достоинства. Даже если «нянька и педагог» не воспитывал напрямую (прецедент Романова), а просто обеспечивал административно-хозяйственные условия для произрастания способностей идущих следом. Собственно, намерение воспитать поэта - идея априори безумная и по сути вредоносная, ибо имеет в основе богоборческую суть, однако часто педагог становится «хранителем камертона», этого вечно звучащего «ля», к которому всегда можно обратиться, утратив абсолютный слух, в минуты печали и темноты. Вообще проблема забвения Имени Учителя вечна. В литературном творчестве она менее осязательна, поскольку реальный тренинг для участников поэтической гонки не предусмотрен, однако имена педагогов, воплотивших свою энергию в харизме гениальных учеников, всё же нуждаются в профилактическом артикулировании, в том числе для обозначения ценности представляемой ими «школы» (например, не многие поклонники таланта Вана Клиберна

помнят имя Зары Левиной, пианистки из России, которая принесла в жертву собственный артистический талант: сначала в пользу карьеры мужа, пианиста Иосифа Левина, потом - на алтарь фортепианной педагогики, плоды которой известны всему миру).

Нельзя сказать, что Александр Романов-старший, неизменный соорганизатор и эксперт семинаров молодых авторов, кого-то целенаправленно «тренировал» и «обучал», но именно он не одному поколению начинающих дал редакторские рекомендации и для публикаций, и для вступления в писательский Союз, поэтому по праву воспринимается как один из китов-держателей Школы.

...Акция-шествие по улице Поэта Романова, скажем прямо, удалась. Во-первых, Улица Поэта - это звучит, и шествие по ней в День рождения Поэта, когда за окном капитализм - чего-нибудь да стоит. Во-вторых, вологодские улицы Яшина и Рубцова, а также улицы Пушкинская и Маяковского как бы не нуждаются в определении «поэт», а потому - частично - утратили поэтическую акцентуацию, по крайней мере, в ординарном звучании. Вологодская Улица Рубцова - просто Рубцова. Поэт пропадает. К тому же находится она вдалеке от сердца активности города, коротка и необустроена, как и печальная жизнь Николая Михайловича, и пройти её можно за семь недолгих минут. Ни шары, ни флаги не уместны, разве что букет полевых цветов и озябший велосипед. Только зачем и откуда они 3 января, в День рождения Поэта Рубцова? Короче, улица Рубцова короче и печальней. Хотя не факт, что традиция ходить по ней в связи с памяtnыми датами не зародится, ведь заканчивается она у самой реки, у самой Крещенской проруби, а все мы помним пророческие строки: «Я умру в крещенские морозы...». Так и вышло, день в день (Н. М.Рубцов, 03.01.1936 - 19.01.1971).

Это во-вторых. В-третьих, само направление и наполнение шествия оказалось символичным: вышла колонна из библиотеки на Конева, 6 (филиал Вологодской областной имени революционера Бабушкина) и почти час, двигаясь по пути следования к Ледовому истоку, раздавала открытки со стихами Поэта всем, кто не испугался этой рекламной продукции, - той, которая не призывает что-либо купить, а потому крайне подозрительна... Окончание маршрута - Ледовый дворец - символом Поэтической Жизни посреди Абсолютного Холода спортивных атрибуций - завершал акцию надежды на светлое будущее литературы. А надежда, как известно, умирает последней...

Когда народ прошёл свой путь и остановился в прерванном танце-шествии (метафорический аналог - смотреть: Бетховен, Симфония №7, часть II, проект Т. Курентзиса, MusicAeterna, хореограф - А.Вальц), так вот, к прерванному танцу-шествию, помимо удивления наблюдателей движения, прибавилось сдержанное любопытство посетителей Дворца, спешивших мимо раскинутого табора романовцев по своим спортивным делам. Особое внимание вызывали профессионально вальсирующие юные пары и прогуливающийся меж ними похожий на Павку Корчагина неюный человек в будёновке, при ближайшем рассмотрении оказавшийся сыном Поэта Романова, Александром Романовым-младшим. Кстати, кандидатом философских наук, опять-таки - преподавателем высшей школы, многие годы посвятившим служению памяти отца и не претендующим на звание поэта, что, в определённом ракурсе, читается почти как жертвоприношение. Это он подготовил к изданию вышедший в 2024 году в «Родниках» трёхтомник стихов и прозы А. Романова (Романов А. Слово, равное судьбе [в 3-х томах] - Вологда: Родники, 2024), он написал вступи-

тельную статью. Он многие годы, более четверти века, инвестирует собственную поэтическую энергию в толкование и популяризацию текстов отца. А мог бы продолжать свою, весьма оптимистичную поэтическую карьеру. «Чтобы не было больно за бесцельно прожитые годы»? Да ему и так не было бы больно, - будёновка тому порукой. А ещё он помогает организовать Романовский фестиваль на родине Поэта, более двадцати лет ежегодно вспыхивающий, как Благодатный огонь на Пасху, с неизменным беспокойством наблюдателей - снизойдёт ли, не снизойдёт?

В этом (юбилейном) году «огонь снизошёл» вновь: сельское поселение Воробьево, в зону ответственности которого входит и родная деревня Поэта Романова Петряево, организовало очередной праздник. Надо сказать, ежегодные подвиги главы поселения потрясают воображение: он (в нынешних обстоятельствах - она) собственноручно обкашивает сельское кладбище, где находится могила Поэта, а также улицы деревни, куда везут гостей и где под окнами родового Романовского Дома происходит Действо...

Опустим естественные для сельского праздника выступления в сарафанах, трогательные поэтические опыты соседей - посвящения Романову-старшему и его семье, но не обойдём участников-диссертантов. Да, по творчеству Александра Александровича пишутся исследования, и один из авторов такого исследования сказал слово о Построенном и сохраненном Семейном Доме поэта, сказал ярко и кратко, ибо недоумевал, почему только он со своим «Концептом Дома», как одинокий пастух в сочинении Джеймса Ласта, звучит на этом Празднике Поэтического Бессмертия? И нет ему ни конкурентов, ни соавторов - только одна бескрайняя петряевская ширь, которую обустроивают одинокие начальники поселений, женщины-косари - покровители сельских кладбищ?

Может быть, потому, что современный читатель часто бездомен и сиротлив. Ему некуда вернуться со своим «концептом дома», если он ушёл от родителей - обитателей городской квартиры. По крайней мере, пока в этой квартире есть кому жить...

...Было бы наивным предполагать, что творчество Александра Романова-старшего широко известно рядовому любителю современной поэзии. Потому что и нынешняя поэтическая «современность» категорически отлична от той, что претендовала на это определение даже 20-30 лет назад, и объект поэтического осмысления стремительно перемещается в зону небытия, как это ни грустно всем исследователям и участникам крестьянского мироустройства. Однако не только царственная фамилия, но и несомненные заслуги в создании поэтической Атлантиды Северной Деревни заставляют отнести к творчеству А. Романова с почтением. А биография его, написанная, например, психологом-аналитиком, могла бы быть озаглавлена не «Сын деревни Петряево», что тоже не погрешило бы против истины, а «Сын Учителя», ибо - да: он сын сельского учителя русского языка и литературы Александра Александровича Романова - Самого Старшего, ушедшего на войну, когда будущему поэту едва-едва исполнилось 11 лет, дело которого поэт А. Романов продолжал всю жизнь. В 1945-м отца уже не было в живых, а сын начал свою - Отцовской памяти - педагогическую стезю: Вологодский педагогический техникум, Вологодский педагогический институт. Два года высших литературных курсов в Москве несколько изменили тональность (1960 - 1961, руководитель поэтического семинара Я. Смеляков), но возвращение в Вологду и 11 лет работы секретарём писательской организации (с 1964 в разные сроки) заставили смодулировать обратно: в наставничество, заботу

и поддержание «концепта Дома», теперь уже среди братьев-писателей и молодых претендентов на сию роль. И первая поэтическая книга, вышедшая в 1956-м, для расстановки тематических акцентов называлась весьма характерно: «Признание друзьям».

Наиболее известные книги А. Романова (которых к сегодняшнему дню около тридцати) своими названиями тоже вопиют об особой миссии - дружить с поколениями старшими и младшими, удерживать, материализовывать, мифологизировать «Русь уходящую», деревенскую северную жизнь в лицах и числах, в ботанических, хозяйственных и исторических реалиях, которых всё меньше, как всё меньше тех, кто помнит и скорбит по ним. «За морем берёзовым» (1963), «Посвящение в родню» (1967), «Чёрный хлеб» (1975), «Пласты» (1976), «Русь уходит в нас» (1987), «Искры памяти» (сборник мемуарной и философской прозы) - всё это вехи размышлений Сына Учителя, который тоже хочет рассказать, научить, предостеречь от ошибок, допущенных и грядущих. Которому в его педагогической миссии трудно быть ещё и поэтом, ибо поэт и гений, «парадоксов друг», крайне редко подчёркнуто педагогичны... И ещё одна деталь. В стихах Александра Романова существует доминанта, свойственная практически всем авторам, чьё детство или юность совпали с началом Великой Отечественной: обращение к двум образам - образу Матери, на плечи которой легла трудовая военная страда, так и не закончившаяся в 45-м, и к образу Отца, который с войны не вернулся. Причём образ Матери - тёплый, осязаемо живой, а образ Отца воссоздаётся не напрямую, но через нескончаемую, когда-то начатую «мысленную беседу», где происходит сравнение своих дел и свершений с его героическим подвигом, где лирический герой старается дорасти, дозреть до того Мужского

• ПОЭТЫ О ПОЭТАХ

и Сильного, которое теперь уже только в памяти и стихах:

*А если - даже в малом деле -
Стою за правду до конца,
Представлю, как бы потеплели
Глаза сурового отца.
(«Дума об отце»)*

Герой А. Романова часто ощущает себя подростком, которому важно НЕ быть сиротой, которому необходимо, чтобы НАД ним - всё ещё не одно поколение взрослых: к ним можно обратиться за помощью и наставлением. Не случайно многие герои его стихов и поэм («Северяновна», «Мать», «Павла», «Прощание с матерью», «Очевидец» и др.) - старики и старухи, символизирующие то родительское начало, без которого так трудно взростеть.

Что касается жизненных обстоятельств, то и тут образ Поэта Романова сопрягается с отцовской позицией, которая проявлена и в его собственной семье (отец трёх сыновей, главная опора младших в роду Романовых), и в писательском сообществе (секретарь писательской организации, наставник и опекун молодых, редактор и учитель - выпускник Вологодского педагогического института). Лирический герой Александра Романова (оставим дискуссию о смерти Лирического Героя как такового - во времена А. Романова он ещё достаточно жизнеспособен), так вот, лирический герой Романова - прежде всего Сын и Представитель Рода: из семи разделов 1-го тома собрания сочинений пять имеют доминирующую тему сыновней ответственности, покаяния, продолжения памяти и вписанности в свой Род: первый («Земля отцов и дедов», 48 стихотворений), третий («Материнский свет», 33 стихотворения), четвёртый («Лишь память затронешь», 35 стихотворений), пятый («Встанем в круг родства», 31 стихотворение), шестой («Сторожевой луч»,

16 стихотворений). В более романтической, иногда любовно-лирической тональности, с небольшими модуляциями написаны стихотворения второго раздела («Ради светлости дня», 32 стихотворения), в обобщённой, философской - шестой («Сторожевой луч», 16 стихотворений), а поиски себя, осознание своего поэтического кредо - в последнем, седьмом разделе («Переполен весь любовью к людям, к миру, к небесам», 24 стихотворения).

Можно только предполагать, были ли в поэтическом опыте А. Романова произведения, относящиеся, по Юнгу, к опыту проживания архетипа Героя, характеризующиеся жёсткостью, любовным безрассудством, агрессией, ошибками выбора, покорением «новых земель», метафорическим захватом «чужих территорий», гибелью от испепеляющих страстей и предательств: в этом томе архетипический Герой воплощён предположительно в идеальном образе Отца, который ещё до рождения Сына пережил все эти катаклизмы. А вот архетипы Мудреца и Ребёнка в поэзии А. Романова высказаны наиболее полным образом, и нам спокойно и надёжно с лирическим героем, исповедующим их доброту, ответственность и покаяние. Ни чьё «чужое» (от «земли» до «возлюбленной») не захватывающим, ни о чём «неродовом» не помышлявшим, потому что всё, что нужно для счастья, - «немыслимо своё»:

*Земля не чья-нибудь, не божья -
Во все концы, во все края
Она до самой дальней пожни
Лежит немыслимо своя...*

Однако не только А. Романов, но и многие поэты, чьё бытие было взорвано войной, остались приверженными той психоролевой позиции, в которой их застал «взрыв»: например, образ дочери чрезвы-

чайно характерен для лирической героини О. Фокиной (её война застигла в неполных четыре года); ребёнком, ощутившим неизбывное сиротство, часто предстаёт герой Николая Рубцова (война началась, когда ему было неполных пять лет), - они, в отличие от одиннадцатилетнего А. Романова, не заменили ни Отца, ни Мать, они остались детьми-сиротами и сполна претерпели невозможность получить любовь и защиту.

Осторожно сошлёмся на психоаналитическую теорию развития, которая гласит: та стадия, где возникает травма, навсегда актуализирована как зона дефицита, попытки восполнить этот дефицит делятся всю жизнь. Причём ребёнок останется ребёнком, родитель родителем, и нет сил «вырасти» или сбросить груз ответственности, который навсегда вписан в психическую структуру и бессознательно актуализируется в моменты кризиса и нового дефицита. Метафорически такая психоролевая позиция - это та «одежда», в которой удалось спастись из горящего дома, тот возраст, в котором пришлось пережить катастрофу, те актуальные страхи и тревоги, которые «заякорили» движение и не дают плыть дальше, если наступает кризис, если прорастает лишённость, если паруса жизни обессилил энергетический штиль.

Разумеется, все эти состояния актуализируются в творчестве несмотря на реальный возраст автора, но для А. Романова ситуация осложнена тем, что у него это не одна роль, а дихотомийное, раздирающе-противоречивое ощущение Ребёнка, который теряет Отца, и - Отца, которым, в связи с утратой кормильца, суждено стать Ребёнку («Имена становятся отчеством - Это наши уже имена! Пусть достойно звучат - мне хочется - И в грядущие времена...»). Потому что больше заменить Отцовскую Фигуру нечем: «Понимаю: право нелёгкое - Ставить имя с другими в ряд - Все

равно что между эпохами На виду, на ветру стоять». И между ними, этими «эпохами», «на ветру», между самоощущениями Отца и Ребёнка очень трудно поместить нормальную мятежную юность, юность и молодость - с правом на ошибку, непослушание, бунт и даже измену во имя отделения и самостоятельности. Сын Учителя... - разве возможно для него такое романтическое бесчинство? И немалым скачком во времени, в возрасте, в самоощущении становится реальность перехода от Ребёнка - к Старцу, Отцу, Мудрецу, без примиряющей Взрослости:

*Давних лет ребячьи лица
Светятся издалека.
Манят вволю набродиться
В зелени березняка.
Подхожу - они всё выше.
Я к стволу щекой приник.
И в широком шуме слышу:
«Это ты? Уже старик?»*

Якоря любви и ответственности цепко держат героя А. Романова у берегов его «берёзового моря» - «зелени березняка», заставляя многих читателей искать «неопубликованное», где и мятеж, и жесткость, и кровь, и измена. Искать и не находить. Но, возможно, именно эти «якоря» не дали лирическому герою А. Романова сорваться и потерпеть крушение. И, возможно, именно поэтому до сих пор большая часть людей, кто с шарами и флагами шёл по улице Поэта Романова, - это те, кого он не предал и не обидел, кого любил и защищал всю жизнь: начинающие поэты, старики, пожилые женщины и дети.

...Утром 5 мая 1999 года Поэт Александр Романов вышел из своего дома по улице Октябрьская, 8 и упал замертво недалеко от подъезда, едва успев завернуть в междомовой проём. Несколькими минутами позже Поэт Ольга Фокина вышла из соседнего дома по улице Октябрьская, 10

и, завернув в тот же проём, встретила с Поэтом Романовым, который в своём последнем падении уже не смог поприветствовать её. Ольга Фокина отогнала слетевшихся птиц и вместе с вдовой Поэта Виктора Коротаева, Верой Коротаевой, которая шла мимо из своего дома по улице Октябрьская, 38, засвидетельствовала трагедию. Они сообщили о случившемся и встали на охрану Поэта Романова, пока не приехали подобающие службы.

Эта кончина и то, что её сопровождало, кажется фантазмагорией, но всё было именно так: сведения из первых уст. Видимо, потому, что Вологда, несмотря на свой уютно-благостный имидж, имеет места демонической силы, где энергия поэтических потоков создаёт некие «воронки», которые закручивают даже самых непарадоксальных участников литературного процесса. И ещё потому, что поэты и писатели Вологды, покровительствуемые отцами города, последние лет пятьдесят предпочитали селиться «гнездами», переезжая из квартала в квартал, обозначая маршруты, которые теперь вписаны в экскурсионные путешествия по городским литературным местам: в пяти минутах от означенного места десять лет, до момента отъезда на родину, жил Виктор Петрович Астафьев, в доме Ольги Фокиной в то время обитал и Василий Ива-

нович Белов (ныне присутствие классика обозначено существованием на Октябрьской, 10 музея-квартиры В. И. Белова, в этом году отмечающего своё десятилетие). Так что Александр Романов и в момент ухода оказался, что называется, «среди своих»: не в больнице, не на трассе, а посреди полыхающей цветущими черёмухами Вологды, в окружении тех, кого опекал и наставлял. Нынешняя улица Поэта Романова находится совсем не там, где он жил и умер: она новая и южная, по ней народ едет на Москву, а не в северном направлении родины Поэта. Однако то, что она есть, делает возможным материализоваться самому Поэтическому Духу Вологды: во всех участниках шествия, со всеми их шарами, флагами и баянами - в отчаянно-трагическом веселье, посреди высоких скоростей и широких транспортных полос. И эта новая улица Поэта Романова - не только символ верности традициям, поддержания истории Рода, надёжности и верности, она ещё и парадоксально романтична, потому что улица Сына Учителя - это, согласитесь, в наше время явление редкое. Как, собственно, и сам Учитель и продолжающий его дело Сын.

Инга ЧУРБАНОВА-НИКИТИНА,
кандидат филологических наук,
член Союза писателей России

На склоне лет...

О книге стихов Александра Пошехонова

Много лет назад, страшно сказать сколько, в восьмидесятих годах прошлого века, запала мне в память строчка: «Клок соломы искрит на снегу, / Словно осени прядь золотая...».

От каждого поэта что-то задержалось в памяти. От Ломоносова: «Открылась бездна, звезд полна; / Звездам числа нет, бездне дна...»; от Батюшкова: «О, память сердца! Ты сильней / Рассудка памяти печальной...»; цитировать можно долго. Автор строчки, приведённой в начале, - вологодский поэт Александр Пошехонов. Вологодский в том смысле, что живёт в Вологодской области, в Череповецком её районе.

На самом деле он давным-давно поэт масштаба российского. Об этом свидетельствуют хотя бы его многочисленные публикации в главном из «толстяков» - журнале «Наш современник». Сегодня, не перечисляя заслуг Александра Пошехонова в русской литературе, о которых можно найти информацию в вездесущем интернете, хочу сказать о его книге с названием «Простыми, тихими словами...», изданной в 2023 году.

Книга наполнена любовью к родному, что сопровождала автора на жизненном пути - и в детстве, и в зрелые годы, и вот теперь - уже на склоне лет. Природа; близкие по крови и близкие по духу люди; время - такое разное, но с достоинством пережитое; память; дар творчества; дар любви и дружбы; обретение веры - вот круг тем, затронутых и высказанных простыми, тихими словами.

И обо всём - живописно, образно и ёмко. Вот как сказано о марте:

*...А март - то цветёт, то недужит,
То плачет негромко во сне:
И зимним причудам послужит,
И робко прижмётся к весне.*

*И нехотя как-то, с оглядкой,
Боясь раскалить кирпичи,
Сжигает сугробы украдкой
В своей необъятной печи...*

Книга Александра Пошехонова - не о шумном городе, где никуда не денешься от плодов прогресса, которые всего лишь способствуют комфортному существованию, обретаемому за деньги; где в гонке за ними, за покупным счастьем все сред-

• ПОЭТЫ О ПОЭТАХ

ства становятся хороши. Книга о другом. Ведь есть то, что за деньги не купишь. Ну как тут не вспомнить Пушкина: «На свете счастья нет, но есть покой и воля... Давно, усталый раб, замыслил я побег / В обитель дальнюю трудов и чистых нег...». Пошехонов по-своему сказал об этом, с учётом происходящих в стране перемен: «Я ушёл в свою Россию...». В ту Россию, которая была и продолжает оставаться источником доброй силы. Сей источник востребован автором, и благодаря ему будет востребован читателями книги «Простыми, тихими словами...».

Во что верит автор? Вот как он отвечает на этот вопрос:

*Грущу порой - скрывать не буду.
Но всё же грусть моя светла.
Есть вера в Бога, вера в чудо,
Есть вера в добрые дела!*

Его книга и есть то самое доброе дело, которым в конце концов сдвигаются горы нанесённого в души мусора. А рождались очистительные строки в сельской глубинке, где автор надолго оставался наедине с собой и с тем, что сотворено Богом Отцом, Вседержителем. И недаром слова сложились в строки: «Пусть в душе моей будет бездонное небо / И божественный свет - навсегда, навсегда!»

А ведь ночное бездонное небо теперь только там и увидишь:

*И вечером, прислушавшись к печи
С её патриархальными углями,
Я лгну душой к мерцанию свечи
И к блеску звёзд над сонными полями!*

Многие строки из книги Александра Пошехонова «Простыми, тихими словами...» - готовые афоризмы. Например: «Во сто крат любого «лайка» / Слово доброе дороже»; «Кто-то от свободы умирает, / Кто-то начинает процветать»; «Надо выбирать судьбу по росту / И греху не подавать руки».

Стихи Александра Пошехонова находят, находят и будут находить отклик в чуткой на истинное поэтическое слово душе. Свой отклик закончу его стихотворением:

*Простыми, тихими словами
Пою отчизну, как могу:
Родные пажити, я - с вами,
Я - с вами, ивы на лугу.*

*Свои - в любое время года,
Вы и надёжней, и вольней
Бунтарской, призрачной свободы
И злых неоновых огней.*

*И всякий раз, когда сгорает
Вдали вечерняя заря,
Мой домик кажется мне раем
В студёной дымке января.*

Юрий МАКСИН,
поэт, член Союза писателей России

На языке сердца и памяти

Новая книга Марины Николаевны Кошелевой «Здесь - для души моей Родина. Николай Рубцов в культурном ландшафте «Толшма», написанная в соавторстве с Еленой Николаевной Рубцовой, - больше чем литературное произведение.

Это живой диалог с читателем на языке памяти, где лиричные зарисовки переплетаются с философскими размышлениями, создавая многогранный портрет долины реки Толшмы - её природы, истории и людей.

Издание структурировано как мозаика: каждая глава - самостоятельная новелла, но вместе они образуют цельное полотно. Предисловие задаёт тон, раскрывая связь этих мест с «тихой лирикой» Николая Рубцова. Последующие страницы дышат жизнью - здесь истории местных жителей органично сочетаются с краеведческими и литературоведческими исследованиями. Особую поэтичность придают детали: шум реки, запах свежего хлеба, скрип половиц. Это не просто воспоминания - это попытка сохранить ускользающий мир.

Марина Кошелева выступает в роли хранителя культурного наследия. Её проект «Острова свои обогреваем» включает в себя глубокое исследование влияния Толшменского края на творчество Рубцова и одновременно - Рубцова на край родной; кропотливую архивную работу с до-

кументами и фотографиями; создание интерактивного пространства памяти через публикации на сайте «Музей «Журавли».

Особую ценность представляют приложения - они превращают книгу в продуманный краеведческий труд. А после словие оставляет ощущение завершённого, но такого душевного разговора. Почему этот проект важен? Он не только помогает спасти от забвения истории обычных людей и исчезающих деревень.

Кроме того, проект создаёт «место памяти» даже для тех, кто никогда не бывал в благословенных Толшменских краях, так как пробуждает желание исследовать корни собственной малой родины.

«Здесь - для души моей Родина...» - книга, которая говорит на языке сердца. Она напоминает, что в каждой, даже самой скромной судьбе есть красота и смысл. А через исследование связи Рубцова с Толшменским краем автор показывает, как земля может формировать творческую душу.

Марина Николаевна Кошелева выступает проводником между эпохами. Её труд - это гимн «малым родинам», которые дают нам одновременно корни для опоры и крылья для полёта. Это книга, после прочтения которой хочется бережнее относиться к своей земле, своей истории - к тому, что связывает нас с вечностью.

Анастасия ЧЕРНОВА,
член Союза писателей России

В нынешнем номере редакция решила построить раздел «Книга в журнале» по-новому: обычно здесь публиковалась какая-то крупная вещь - роман, повесть или тематическая подборка материалов. Нынче предлагаем читателям своеобразный сборник вологодской современной прозы. Открывает его проза одного из самых известных писателей-вологоджан - Анатолия Ехалова. Тарножанка Надежда Юрова - тоже из славной когорты писателей, не раз выступавших в «Вологодском ЛАДЕ»: мы печатали не только рассказы Надежды Михайловны, но и её очерки и стихи. А вот интересный прозаик Елена Блицко из Кичменгского Городка в нашем журнале дебютирует: надеемся, подборка рассказов нового для наших читателей автора оставит у них самое доброе впечатление. Завершает выпуск «Книги в журнале» фрагмент новой книги хорошо знакомого нашим читателям прозаика Дмитрия Ермакова: книга называется «Берестяные грамотки (книга наблюдений)».

*Анатолий
Ехалов*

Анатолий Константинович Ехалов родился 28 марта 1951 года в деревне Новинка Ярославской области в семье учителя. Закончил факультет журналистики Ленинградского госуниверситета. Действительный член Петровской академии наук и искусств. Член Союза писателей России, автор более двадцати книг прозы и публицистики, многих сценариев для документального кино. Лауреат Государственной премии Вологодской области по литературе и искусству, а также многочисленных премий и фестивалей в области литературы и кино. Знаменитыми на весь свет стали организованные Анатолием Ехаловым на просторах нашего края народные праздники коня и коровы, бани и топора... «Национальная культура держится сегодня на чудесных самородках, - считает известный писатель Вадим Деметьев (кстати, один из авторов нашего журнала). - Их нужно всего лишь отыскать в каждом городе и селе, объединить и вдохновить. Это и сделал Анатолий Ехалов. Если не во всей России, то хотя бы в родной Вологодской области». В будущем году Анатолию Константиновичу исполнится 75. В преддверии юбилея журнал печатает подборку прозаических произведений А. К. Ехалова - нашего постоянного автора.

Тайна села Великого

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ

Глава 1 ДЕРЕВЯННАЯ ДОРОГА

Анатолий ЕХАЛОВ

К обеду наша лодка вышла на Рыбинское водохранилище. Перед нами лежали гигантские просторы самого крупного в мире рукотворного моря, по которому бежали, рождаясь где-то за горизонтом, несчитанные стада белопенных барашков.

Наша экспедиция подходила к концу.

В метрах двухстах от берега мы увидели большой остров, поросший соснами.

- Думаю, на нем и остановимся, встанем с подветренной стороны в затишке, наварим ухи и будем ждать Кронида, - предложил дед Маркел.

Мы не возражали. Остров оказался болотистым, хотя и достаточно сухим. На нем рос обильно черничник, брусничник, на кочках, увитых клюквенными плетями, уже наливались крупные ягоды. В ветвях кустарников порхало множество птиц. На самой высокой сосне дед показал нам гнездо орлана-белохвоста, птицы довольно редкой. Над водой носились с криками чайки, а над их шумной компанией парила скопа - рыболов, выцеливая в воде добычу.

Мы привязали лодку к ближайшему дереву, поставили палатку, запалили костерок и пошли собирать на компот чернику.

- Мишка, гляди! - тревожным шепотом позвал меня Санька, едва мы углубились в редкий сосняк. Меж стволов на мшанике стояла большая собака с поджатым хвостом. Собака настороженно смотрела на нас.

- Потерялась! - воскликнул я, уже готовый поманить беднягу.

Но собака зло осерилась, показав желтые клыки, и шерсть на ее загривке поднялась дыбом.

- Волк! - крикнул Санька и взмахнул ведрком.

Собака присела на задние ноги, резко отскочила в сторону и тут же исчезла из наших глаз.

Мы многозначительно переглянулись с Санькой и принялись собирать чернику, уже переспевающую, сладкую, как мед. Мы тут же позабыли про волка. Скоро рты и руки наши были черны, и мы начали наполнять ведрко.

Сначала ноги наши утопали во мху, но неожиданно мы вышли на какую-то твердую поверхность. Я разгреб сапогом мох и обнаружил под ним бревенчатый настил, правда, наполовину сгнивший, но еще достаточно прочный.

- Дед! - закричал Санька. - Мы тут нашли деревянную дорогу.

Дед Маркел, оставив костер, подошел на наш призыв.

- Вы пока собирайте ягоды, а я прогуляюсь.

Дед выломил из валежины шест и пошел обследовать пространство. Он прошел этой деревянной дорогой, наверное, метров сто, как вдруг мы услышали его удивленный возглас.

Мы поспешили на его крик.

- Быть того не может! - удивленно восторгался он. - Это остатки той самой избушки, которая пятьдесят с лишним лет назад приютила меня в трудной ситуации на ночь.

Перед высокой сосной стояли, вернее, лежали догнивающие останки бревенчатой избышки, скорее всего охотничьей.

- Видите? - дед Маркел стоял на коленях перед останками избышки, разгребая руками мох и лишайник, покрывавшие бревна.

Мы с Санькой тоже опустили на колени.

- Видите эти буквы, вырезанные на косяке: «М.А.Ж.» - Маркел Анатольевич Жабреев... Эти зарубки оставил я в далеком теперь детстве. А это значит, что место, где мы сейчас находимся - наше старое деревенское болото: Большая Чисть... Вот она - русская Атлантида! - взволнованно воскликнул дед Маркел.

- Расскажешь, дед?

- Обязательно расскажу. Но сначала дело.

Мы стали возвращаться к костру. И тут опять остроглазый Санька, шедший впереди, затормозил:

- Да тут целый зоопарк! - приглушенно сказал он, указывая рукой в сторону большого ивового куста.

Лосиха с лосенком мирно паслись тут, с аппетитом поедая ивовые побеги.

- Не станем тревожить их, - придержал нас дед. - Пусть царствуют.

...На костре уже закипала в котелке вода. Задумчивый дед опустил для навару ершей и окуньков и, выждав несколько минут, вычерпал их из котелка. После положил в навар несколько картофелин, лук, разделанного на куски леща, лавровый лист, перец.

От аромата приспевающей ухи у нас с Санькой засосало в животах. Но тут мы увидели вдалеке среди вскипающих волн белый парус. Наверное, это спешил к нам на своей белозерке Кронид Софронов. Сердце мое взволнованно забилося.

В кармане деда Маркела зазвонил мобильник.

- Смотрите, без нас не начинайте, - услышали мы в трубке насмешливый знакомый голос.

- Без нас? - сердце мое забилося еще сильнее. Значит, он не один. Неужели он с ней? Я едва удержал себя на месте, такое было желание броситься в воду и плыть навстречу.

Я заметил, Санька тоже был взволнован и напряженно вглядывался вдалеку.

Минут через пять я уже разглядел стоящего на корме Кронид Софронова рядом с девочкой, золотистые волосы которой трепал ветер Рыбинского моря.

Скоро высокий нос белозерки мягко ткнулся в остров.

В едином порыве мы бросились к ней навстречу.

Золотая Рыбка шагнула с высокого борта прямо мне в руки, и я бережно, как тончайшую хрустальную вазу, перенес ее на берег. Дед Маркел и Кронид Софронов обнялись, как старые добрые друзья.

А потом мы хлебали уху, пили чай, разговаривали про Белое озеро, про Тотью, библиотеку Ивана Грозного, про погоду и виды на урожай...

- Дед, а ты хотел рассказать про русскую Атлантиду, - обратился я, наконец, к деду Маркелу. Дед отозвался не сразу.

- Это, ребята и есть русская рукотворная Атлантида, - сказал невесело дед Маркел. - Сейчас где-то здесь, под нами, лежит на глубине старинный город Молога. А еще города: Весьегонск, Калязин... И еще восемьсот деревень, три крупнейших монастыря, сто сорок церквей, десятки дворянских усадеб, сотни тысяч гектаров лесов, лугов, пашни, сенокосов...

- Как так? - поразился Санька. - Почему их затопили?

- Не спеши, Саша, - отвечал дед Маркел. - Всему свой срок. Мы вам все расскажем по порядку.

Тут подал голос Кронид Софронов:

- Посмотрите, друзья, на тот берег - чудо-то какое! Остров-то наш - дрейфующий. Пока мы тут уху ели, он уплыл километра на два...

И верно, остров наш медленно продвигался вдоль береговой линии.

- Что за ерунда? - возмутился Санька. - Как это понимать?

- Это не остров, ребята, - сказал дед Маркел. - Мы с вами, как я уже сказал, высадились на болоте. А механика происхождения такого дрейфующего острова проста. Когда эти гигантские просторы были затоплены, то под водой скрылось и множество болот. Однако болота - это бывшие озера, которые затянулись со временем растительностью и торфяными пробками, через какое-то время всплыли и стали дрейфующими островами со своею растительностью, лесом, живностью.

- Ничего себе! - поразился я. - Сколько лет этот остров-болото плавает здесь?

- А лет пятьдесят, никак не меньше. Раньше на нем маленькие сосенки росли, а теперь это уже настоящий бор. Тут целый мир, я полагаю, рай для животных...

- Понятно теперь, - сказал Санька. - И как тут было раньше? Расскажи, дед Маркел.

- Хорошо, - согласился дед Маркел. - Расскажу вам не сказку, а быль из моего давнего детства. Слушайте, коль запросились.

Мы поудобнее устроились на моховых кочках дрейфующего острова, и дед Маркел начал свой рассказ.

Глава 2 ДОРОГА К ДОМУ

Когда-то, друзья мои ясноглазые, я был таким же школьником вроде вас. Учился я тогда в большом районном поселке километров за десять от родного дома.

В том поселке день и ночь кипела гигантская стройка. По улицам, сотрясая дома, сновали груженные бетоном самосвалы и перевозившие грунт скреперы, похожие на исполинских кузнечиков. В русле большой реки гремели и стнали землеройные снаряды. По ночам над поселком шарили по темному небу длиннорукие прожекторы башенных кранов, и оно, словно грозное, озарялось вспышками электросварки.

На реке строили гидроэлектростанцию и шлюз большого искусственного канала.

В народе с тревогой тогда говорили, что скоро наши деревеньки, стоящие по берегам, будут затоплены. Жителей их перевезут в благоустроенные квартиры нового города Пятиморска, который своим рождением соединит сразу пять морей.

Будущее беспокоило и волновало. Родной деревни было до слез жалко, поэтому лишний раз хотелось побывать дома. И мы бегали из интерната домой при каждом удобном случае, не страшась расстояния и погоды.

Однажды в середине зимы по каким-то делам я припозднился в интернате, товарищи мои много раньше ушли в деревню, а я только под вечер отправился на положенный школьнику выходной.

И вот шагаю я в деревню, а мороз уже выстоялся изрядный. Высыпало на небо звезд несчитано. Сияют они, как гирлянды на новогодней елке. Снег от мороза не скрипит, а буквально визжит под ногами. Прибавляю ходу, нос в шарфе пря-

чу, уши - под воротником. Скоро уж и поселок из виду скрылся, одна только огненная шапка над ним в небе осталась. Думаю, часа за полтора добегу до родного крылечка.

Правда, я тогда не один был. Рядом со мной бежал дружок мой веселый - уши торчком, хвост колесом - шестимесячный щенок по кличке Пыжик. Но в деревне его звали Котопсом... В прошлое воскресенье увязался он за мной и жил неделю под интернатским крыльцом, дожидаясь хозяина. А теперь радовался, что домой идем, забегал вперед, в глаза заглядывал, хвостом накручивал.

Я его предыдущим летом завел. Заработал на заготовке ивового корья полтора рубля и купил у мельника дяди Миши Костыгова щеночка. У того собачка Кукула жила, уж такая разумная, что только не разговаривала. Из щенка этого должен был вырасти толковый пес.

Когда я брал его, он еще совсем маленьким был, мамку сосал, и я рассчитывал докормить его козьем молоком из соски. Опыт по выкармливанию малышни у меня был: года два назад выкормил так трех котят, у которых кошка погибла.

И вот занес я в дом щенка и уже устроил его в углу на подстилке и вставать начал, как тут что-то мелькнуло в воздухе, и я буквально на лету перехватил нашу кошку Муську. С диким воем бросилась она с печки защищать своих котят.

Тут же руки мои были изодраны в кровь ее когтями. Но я не выпустил разъяренную Муську и сумел выбросить ее за дверь. Но тут же она ворвалась в дом через подполье, и опять руки мои были исполосованы когтями.

Я не спал всю ночь. Казалось, что нашу кошку невозможно примирить с появлением щенка. Но под утро я ее поймал и накрепко запеленал ей ноги бинтами. А потом подложил к котяткам, которые тут же принялись ее сосать. Через минуту подсунул и щенка. Тот не растерялся и присоединился к компании. Кошка извивалась, страшно завывала, но бинты не позволяли ей пустить в ход когти. Утром она уже смирилась со своей участью, приняв в свою семью еще и щенка.

И так месяца два столовался этот «котопес» Пыжик на кошачьих харчах, подрастая не по дням, а по часам. Скоро он уже больше кошки был. Поймает ее на дворе за шиворот, несет на подстилку, положит ее и сосет... Вся деревня приходила на это чудо глядеть... Потому и прозвали моего Пыжика Котопсом, ну, да он и не обижался.

...До Большого Леса было еще далеко, темнеть начало. А мне нужно было пройти две недружественные деревни: Костянки и Братково.

Ребята из этих деревень воевали с нами давно. И когда мы возвращались из интерната по субботам, они караулили нас, чтобы подраться. Если мы шли всей гурьбой, противники наши не решались затевать сражение, а только провожали нас от деревни до деревни, обстреливая снежками, но если нас было мало или ты шел один, тут уж держись: скоро по загревку находят, а то и нос расквасят для порядку...

Но и мы им спуску не давали: только сунутся чужаки в нашу деревню, вся ребятня в боевую позицию строится.

Вот вам удивительны такие нравы, только у нас никто обиды друг на друга не держал: ни маленькие, ни большие ребята. Каждая деревня тогда защищала свои пределы от вторжения чужаков. Может быть, потому Россия и сильна была боевым духом своим в защите и большой, и малой родины.

И все же я рассчитывал, что смогу незаметно просочиться деревнями: темно, да и морозно засады устраивать. Но ошибся.

В Костянках вывалили из проулка трое ребят и пошли за мной следом до другой деревни, которая желтела огнями в километре через поле.

Можно было броситься в бега и оторваться от преследователей. Но показывать неприятелю свою слабость было противно, и я пошел к следующему деревенскому реду. Не доходя до Браткова, я увидел, как от темнеющих на фоне звездного неба домов выделились еще три фигуры и преградили мне путь.

Я остановился. И тут сзади догнал меня увесистый удар, от которого я ткнулся лицом в снег. Тут же на меня кто-то навалился, но я изловчился и вывернулся, оставив внизу нападающего. Меня окружили, я тяжело дышал, готовясь встретить новую атаку.

Но мой верный Котопес ощерился, залаял, срываясь на визг, и попытался укунить первого парня, стоящего передо мной.

Ребята попятились. Я позвал Пыжика к себе, готовый к новой атаке.

- Чего делать-то будем? - сказал старший парень в фуфайке и шапке с заломленными назад ушами. - Если по-честному, то надо один на один. Вот Венька тебя стукнул, так с ним и дерись.

Вытолкнули Веньку, который, как я увидел, не горел большим желанием драться. Но деваться было некуда. Мы сцепились и покатались по снегу. Скоро я был уже наверху. Венька хлопал расквашенным носом.

- Ну, все по чесноку, - сказал старший парнишка. - Только мы вас, затеряевских, все равно колотить станем, если через нашу деревню пойдете.

Я ничего не ответил, поправил почти пустой рюкзак на спине и пошел дальше. Впереди уже темнел елками на фоне звездного неба Большой Лес.

Жил-был поэт

Мне двадцать пять лет. Я сидел в кабинете «Вологодского комсомольца», собирался в командировку. Тут дверь распахнулась, и на пороге явилась квадратная фигура поэта Игоря Васильевича Тихонова.

Он был в кирзовых сапогах, коричневых штанах с начесом, потертом бушлате и выдавшем виды треухе. Он более походил на беглого каторжника, чем на человека, который кормится литературным трудом.

Игорь пробуравил меня насмешливым взглядом.

- Едешь куда?

- В Череповецкий район. В Мяксу.

- О! - загорелся радостно он. - И я туда же. - Из кармана бушлата он вытащил пачку писательских путевок для выступлений в трудовых коллективах.

- Едем вместе! Почитаем стихи, познакомимся с людьми. Это же почти наша родина!

Мы оба с ним были с реки Шексны, иначе - пошехонцы, и Игорь считал своим долгом опекать своего молодого земляка.

- А еще у меня там свояк живет - первый или второй муж моей тетки. Тетка померла, так он на другой женат. Вот только я его фамилию забыл. То ли Дронов, то ли Додонов...

Я согласился ехать с Игорем в паре, не подозревая еще, какие приключения ждут меня на этом пути.

Игоря Васильевича Тихонова я в ту пору знал еще недостаточно хорошо. Было ему около пятидесяти. В начале шестидесятых он выпустил три книжки стихов и тогда считался самым перспективным из молодых вологодских поэтов. Причем две книжки - «Северянка» и «Зеленая глубина» - вышли в московских издательствах. Потом были еще книги. В Сибири, на Волге.

А потом понесло Игоря по просторам родного Отечества от западных до восточных границ. Талант во все времена кормил неважно. Игорь зарабатывал себе на жизнь шабашками. Красил крыши и фасады, плотничал. В перерывах между шабашками продавал редакциям свои стихи.

В Сибири переводил на русский с подстрочников поэтов малых народностей.

- О, скольких я сделал классиками! - размахивал он кулачищами. - Беру подстрочник: «Улус, мой улус. Олешки пасутся, солнышко светит...»

Пишу:

И солнышко проходит над улусом,

Как рыжий конь в коротком поводу!

Потом снова шабашил, гулял, спускал заработанное.

Мне говорил, что у него было семь жен, а может, и восемь, - наверное, загибал для куража, но стихи про любовь у него были страстные:

Заглянула прямо в очи,

Вся из песен и огня...

А потом четыре ночи

Лихорадило меня...

Трех его жен я видел. И вот этот Игорь, известный поэт и землепроходец, шабашник и донжуан, появился в моем кабинете.

- Едем на вокзал за билетами! - сказал я.

- Что? - театрально возмутился поэт. - Какой дурак ездит в командировки за деньги? Пойдем, я тебя научу ездить бесплатно.

Мы отправились в магазин.

- Вот видишь, уже сэкономили, - говорил он, покупая любимую треску горячего копчения и водку.

Затем поехали ночевать к его матери, жившей с сыном Тихонова - Васей - в деревянном домишке Октябрьского поселка. Кроме них в доме была еще одна из жен Тихонова, приехавшая из Сибири.

А наутро пошли на заправку.

- Сейчас я договорюсь с шоферней, - сказал Игорь, - и через полтора часа мы будем в Череповце.

Но шоферы отворачивались от него. Уж больно разбойный вид был у Игоря. Мне пришлось прятать его за бензоколонку и самому договариваться с попуткой.

- Ты не пугайся, тут у меня еще дружок, человек веселый.

Действительно, Игорь заливал байки всю дорогу, и шофер едва удерживал руль. Вся жизнь Игоря - какая-то невероятная страшная байка.

Одно время он работал в шекснинской редакции. Переходил реку Углу и провалился под лед. Лед уже распался. Все, кто видел это, решили: конец мужику, нужно вызывать водолазов.

Но каково же было потрясение, когда через несколько минут у берега вышел в промоину «утопленник». Провалившись, он подо льдом по дну шел пешком к берегу. И вышел.

Однажды он красил крышу трехэтажного дома и сорвался вниз. Пока летел, сообразил, что лучше упасть на руки и на руках спружинить.

Но удар об асфальт был силен. Игоря с разбитой головой и грудью, покалеченными руками увезли в клинику. Думали, не жилец, а он уже на второй день балагурил с сестрами, объявил себя идейным и требовал, чтобы над его кроватью непременно был повешен портрет Генерального секретаря Л. И. Брежнева.

Вскоре к кровати стали водить интернов, демонстрируя его как экспонат невероятной живучести. Делегации приходили каждый день, с Игоря снимали одеяло и оглядывали, ощупывали, простукивали его квадратное могучее тело, забинтованное, словно кокон шелкопряда. Игорю это не особенно нравилось, и он потребовал плату за демонстрацию собственных достоинств. Портрета вождя не наши, и не прошло и недели, как Игорь сбежал из лечебницы.

В книжном издательстве в шкафу лежал его походный чемодан. Когда на душе у Игоря начинали скрестить кошки или возникали семейные ссоры, он приходил к Ивану Королеву, директору издательства, извлекал свой чемодан со сменой белья и рукописями и отправлялся туда, куда глаза глядят...

На этот раз дверь в издательстве отворилась пинком сапога: руки не действовали, и на пороге появился Игорь Тихонов - за чемоданом.

- Еду в Карелию. На свежем воздухе быстрее заживет.

- Куда ты без денег, без билета?

Игорь саркастически усмехнулся:

- С деньгами-то и дурак уедет.

...В Мяксу мы попали под вечер. В конторе я познакомился с главным агрономом, секретарем парткома, побеседовал с ними. Игорь тоже не отставал, ходил по кабинетам и в каком-то из них травил байки.

Спустя недолгое время меня отыскал парторг:

- Там этот мужик в бушлате говорит, что он поэт и что с вами приехал, и требует ночлег. Мы думали, что он с зоны «откинулся» да на работу приехал устраиваться.

Я подтвердил поэтическую сущность Игоря, но все же колхозники его к себе в дома не пустили. Игорь ночевал один в малотопленной комнате для приезжих.

Но наутро он стал среди мяксинского населения своим в доску.

Он читал стихи на мехдворе трактористам, артистично, емко. И стихи были мужицкими, остросолеными. А то открывалась вдруг в этом битом и тертом жизнью, но не сломленном, упрямом человеке такая чуткая лирика небесной голубизны, что диву даешься - эва, какая душа-то трепетная у русского Ивана!

*Живой порыв души и тела,
Сама возвышенность мечты -
Все потому лишь уцелело,
Что есть на белом свете ты.
И надо мною, где б я ни был,
Лучами ясными слепя,
Взошло бы разве солнце в небо,
Когда бы не было тебя...*

Дня три Игорь триумфально ездил по мехдворам и фермам, читая колхозникам стихи. И все пытался отыскать своего родственника, вернее, бывшего свояка Дронова или Додонова. Или кого-то с более-менее похожей фамилией...

Я вернулся в Вологду один. И вдруг через неделю является на пороге Игорь в обычном своем наряде и радостно сообщает:

- Нашел!
- Кого?
- Сваяка. Первого мужа моей покойной тетки.
- Ну, и как же его фамилия?
- Не поверишь - Смирнов!

...В последние годы он оставил свои странствия. В крохотной деревушке за Норобовом, поближе к родине, купил дом, пас совхозных нетелей, огородничал, выращивал кролей, овец. И радовался такой чудесной перемене в себе, и тосковал по уходящей России:

*Кричат сычи над мертвой баней,
В избе напротив свет погас.
Похоже, впрямь вот-вот настанет.
Россия, твой последний час...*

На трагическую смерть поэта Сергея Чухина написал несколько строк, никому не известных, а для печати непригодных:

*Пусть существу всего хватало, -
Душа существовать устала.*

.....

*Он пал в пути, как лошадь пала,
Которой некуда идти.*

...В последнее лето Игорь Тихонов заготавливал для бань веники. Взял в работы бывшего «зека». Осенью Игоря не стало. У него, видимо, вышел спор с этим человеком, и тот, рассказывают, ударил Тихонова поленом так, что снес ему чуть не половину головы. Но Игорь устоял. Замотал голову тряпкой, приехал домой. И еще жил несколько дней. Последние слова его были: «Все! Кровоизлияние».

И он упал. И больше не поднялся.

Игорь был из тех русских, про которых говорил враг: «Русского мало убить, его еще нужно повалить».

*Зачем в поруганной Отчизне
С январским холодом в крови -
Неистребима воля к жизни,
Бесстрашно жадна плоть любви?
И я с отчаянья иль сдуру
Зажгу сегодня в окнах свет,
И пусть на это смотрит хмуρο
Мой безразличный сельсовет...*

Однажды в июле

...Стоял июль-грозннк, самая макушка лета. Солнце хоть и жарило, но не было того испепеляющего зноя, поскольку то и дело за речкой над боровыми кряжами вспухали грозовые перевалы и шли, грузно и грозно, на лесные поселки, разгоня деревенскую живность по дворам, а покосников - по шалашам. Шли короткие грозы с неистовым сверканием молний, ворчанием и грохотом, веселыми ливнями, после которых дышалось легко и вольно...

Лешка вернулся из леса, где собирал морошку. Мать уже целую бочку этой волшебной ягоды, стоявшую в чулане, залила студеной ключевой водой. Зима все приберет...

Он искупался в реке и, отобедав, вышел на улицу погулять. Лешке тогда было лет двенадцать. Сталин еще был в силе и правил страной мудро и бережно. Так, по крайней мере, рассказывали по радио и в газетах. Да и в самом деле лесные поселки благоденствовали.

Пережили войну, ребятишек на улицах порхало, что воробьев.

Лешка выбрался за околицу к конюшне, где вокруг лошадей всегда крутилась ребятня. Он тоже хотел взять коня, чтобы искупать его на омуте.

На берегу речки паслось поселковое стадо. Здесь были овцы с ягнятами, козы с козлятами, тут паслись и телята. Коровы паслись отдельно. У них был свой взрослый пастух. А мелкорогатую скотину обычно пасли ребятишки.

Нынешним летом на весь сезон была подряжена Любашка Лесникова, девчонка из большой, многодетной семьи, которая осталась без кормильца - отец погиб на фронте.

Старшие братья Любашки уже подросли, примеряли на себя мужскую работу в лесу, но нужда все-таки заставила отдать девчонку в пастушки.

Почему-то Лешка давно выделил эту девчонку среди всех остальных.

Они жили по соседству. Зачастую Любашка, заигравшись, ужинала у них, вместе со всеми спала на широкой печи, баловалась вместе со всеми...

Но было в ней что-то такое, чего Лешка не мог объяснить. Она была года на три старше Лешки. И когда они баловались на печи, она вдруг затихала, замирала, и Лешка ощущал на себе ее внимательный, испытующий взгляд, от которого непонятно почему у Лешки начинало обноситься голову.

Ему уже не хотелось больше шалить, бороться, смеяться... Вслед за ней и Лешка замирал, прислушиваясь к себе. Любашка смотрела на него, и он смотрел на нее и не мог отвести взгляда, хотя ему хотелось в это время сбежать, спрятаться куда-нибудь, чтобы никто не заметил его смущения и замешательства, чтобы одному пережить непонятное томление в груди.

Кое-что Лешка уже понимал в этой жизни. Он знал, что между мужчинами и женщинами существует любовь. Что все обитающее на земле живет парами и от этой совместной жизни заводится потомство.

Лешка знал и как это происходит. Но все это было как-то примитивно и тупо, некрасиво, что он не мог перенести это действие на себя...

Он представлял, что любовь между людьми должна свершаться где-то в поднебесье, в цветущих куцах одним лишь сплетением рук, движением губ и блеском глаз...

Любашка лежала на берегу, закрыв платком от солнца лицо. У него перехватило дыхание. Платье у нее было задрано, почти целиком обнажая крепкие загорелые ноги.

Лешка остолбенел и стоял недвижимо над девчонкой, которую знал уже несколько лет, с которой ели из одного блюда, с которой делили одеяло на печи... А тут, на его глазах, девчонка превращалась в девушку, как будто это был цветок, раскрывавший свои лепестки под солнцем.

Любашка почувствовала присутствие человека, поправила платье и стащила платок.

- Ты, Леша, не на конюшню? Возьми на меня Звездку или Челку. Вместе в омуте искупаем их.

Звездка и Челка, хорошо знакомые и любимые детьми лошади, на которых возили из лесу бревна на складку, которых они кормили кусочками хлеба и купали в реке, сегодня уже не были прежними Звездкой и Челкой. Сегодня их крыли...

- Звездка! Челка! - кричали дети, протягивая кусочки хлеба. - На-на-на!

Но лошади не отзывались, даже ушами не прядали, они словно погрузились в какие-то неведомые людям раздумья, далекие от мирской суеты, и только иногда под кожей у них пробегали нервные импульсы. Они покорно дали завести себя в деревянные станки для случки и терпеливо стояли в ожидании судьбы, изредка поглядывая на тесовые ворота конюшни...

Там, где в темной утробе конюшни, в отдельном кабинете стоял племенной жеребец Маяк, слышались глухие удары и нетерпеливый стук копыт, ржание, схожее с раскатами грозы.

Звездка и Челка отвечали на этот любовный призыв кротко и скромно...

Конюшней заведовала Лешкина мать, и все, что происходило с лошадьми, чтобы они были не только вовремя накормлены и напоены, но и покрыты вовремя жеребцом, чтобы приносить здоровое потомство, все было ее заботой..

...Было уже около полудня. У изгороди стояли несколько человек, пришедших поглазеть, как будут крыть лошадей. Тут были и мужики, и бабы, и ребятишки, словно воробы, облепившие изгородь.

Похоже, и люди вместе с лошадьми испытывали какое-то внутреннее напряжение и нервную дрожь.

Тут внутри конюшни раздались крики:

- Открывай давай! Не удержим!

Ворота распахнулись, и на яркий солнечный свет, хрипя и сотрясая ржанием пространство, вылетел Маяк. Он весь был как один сплошной мускул. Шея, ноги, круп каждым движением показывали его неукротимую мощь и силу. Шерсть его лоснилась на солнце, грива и хвост струились тягучей волной.

Жеребца держали на веревках два мужика. При каждом движении коня железная узда врезалась в бархат губ и удерживала его на месте.

Казалось, с выходом Маяка мир незримо изменился. Его обволокло каким-то невидимым тягучим мороком, под который попали все: и смиренные лошади, и пришедшие поглядеть на случку мужики и бабы, и дети, облепившие изгородь...

Маяк, увидев лошадей, ожидавших его выхода, презрев боль, взвился на дыбы, оглашая окрестность торжествующим любовным призывом...

И тут Лешку кто-то дернул за порточину. Это был новый начальник лесочастка.

- Вот что, Леша, - сказал он, прищурившись, оглядывая фигуру парнишки, - Завтра чуть свет отправляйся-ка ты в Усолье, в банк за деньгами. Больше послать некого.

- Ладно, - тут же согласился Лешка, радуясь возможности совершить увлекательную прогулку и побывать в райцентре.

- Тогда пошли в контору, дадим тебе записку в банк. Котомка у тебя как-небудная есть под деньги?

Начальник еще раз оглядел Лешку с ног до головы.

- Денег много будет. На весь лесопункт зарплата, и еще с Барсуков придут к нам, да с Медвежьей... Донесешь? Сдюжишь?

- Сдюжу! Я, дядя Ваня, с мужиками бревна катал и не уступал им.

- Верю, - согласился начальник.

Наутро чуть свет Лешка был уже в пути. До Усоля было километров тридцать пять лесными дорогами да сенокосными тропами.

Нужно было торопиться, чтобы до обеда успеть в банк. За спиной болтался рюкзак с подорожниками, мать успела испечь калитки с картошкой, выдала бутылку молока. Отец повесил на плечо парнишке одностволку и дал три патрона, заряженные дробью, что сразу подняло Лешку в собственных оценках.

Он буквально летел по дорогам и тропам. Вокруг был уютный и обжитой мир, лесные поселки переходили в огороды, за огородами начинались покосы, уставленные душистыми стогами. Все вокруг было выкошено до последнего кустика и клочка травы, отчего пожни и луга казались искусственно подстриженными лужайками и манили пробежать по ним босиком и поваляться, вдыхая запахи замирающего под солнцем разнотравья.

Лешка шел тропами вдоль реки, в которой среди кувшинок гуляли стаи узяей и голавлей, снова погружался в сень сосновых боров, не чувствуя усталости. К середине дня был уже в райцентре. Он подал кассирше в банке записку и мешок.

- Поди погуляй пока, - сказала она. - А с обеда приходи, я приготовлю деньги.

Гордый своей значимостью, Лешка, закинув на плечо ружье, пошел бродить улицами почти пустынного райцентра. Люди были или в лесу, или на сенокосе.

Он зашел в столовую, нашарил в кармане мелочь, которую дала в дорогу мать, и заказал полную тарелку щей.

Напившись чаю, Лешка снова пошел в банк. Кассирша выдала ему рюкзак, набитый пачками денег.

- Тут сто девяносто пять тысяч, - буднично сказала она. - Понесешь, так отдохай почаще. В лесоучасток к вам я позвоню. Когда, думаешь, придешь домой-то? Ночевать где будешь? Может, в Барсуках попросишься в контору поспать, либо в Медвежьем?

- Да я добегу сегодня, - гордо сказал Лешка.

- Смотри, - сказала кассирша и закрыла окошко...

Лешка пошел в обратный путь. Не доходя до Барсуков, попался почтальон на велосипеде, мужичок лет пятидесяти.

- Я тебя узнал, - сказал он, поправляя сумку. - В Барсуках говорят, что парень из Соснового деньги несет. Люди зарплату ждут.

К вечеру Лешка был уже на середине пути. Он еще только подходил к Барсукам, как почувствовал запах жареных котлет с чесноком. И тут голод дал себя знать. Столовая еще работала.

Радостный, он взбежал по ступеням и открыл дверь.

- Заходи! Ждем тебя, - заворковали молодые поварахи. - Звонили из Соснового. Говорили, что деньги понесешь, так просили накормить.

Лешка бросил в угол мешок с деньгами и сел за стол. Тетки поставили на стол тарелку со щами и котлетами с пюре.

- Поди в контору ночевать, - сказали молодухи, когда Лешка управился с угощением. - Там в кондейке тулуп есть, кинешь его на лавку - и спи.

Лешка прошел уже километров около шестидесяти. Оставалось еще километров пятнадцать. И хотя усталость уже давила на плечи, он похвалился перед поварахами.

- Добегу, - сказал он. - Не впервой...

- Силен, - удивились поварахи.

Лешка закинул за плечи мешок, повесил на шею ружье и пошел дальше. Он даже себе не признался бы, почему он так торопится. Там, в Сосновом, осталось у него одно неисполненное дело.

Он обещал Любашке взять коней и покупаться вместе с ней на омуте. Он представлял это совместное купание, и его обжигало и торопило какое-то неизведанное ранее чувство...

Скоро стало темнеть.

«Все знают, что я с деньгами иду. А вдруг какой-нибудь вербованный захочет ограбить меня... Не пойду дорогами, пойду вдоль реки тропами».

И он спустился к реке. Но не прошел и пяти километров, как почувствовал, что мысли его путаются, и время от времени Лешка словно проваливался в пустоту. Несколько раз он умывался в реке, но сонливость продолжала одолевать. И вот, переходя по бревну, брошенному через высохший ручей, он покачнулся, ноги его соскользнули с бревна, и Лешка упал в траву.

...Проснулся уже утром следующего дня.

Его голова лежала на коленях у Любашки, и она гладила его волосы рукой.

- Проснулся, - ласково сказала она.

Душа Лешкина взмыла под небеса от счастья.

- Это ты одним днем, выходит, обернулся? - спросила она Лешку. - Надо было в Барсуках ночевать. Зачем в канаве-то? Мало ли чего? Коровы пойдут, наступят...

Лешка хотел сказать, что он торопился на свидание к ней. Но не сказал, постеснялся.

- Пойдем, - предложил он Любашке, - искупаемся. - Вода классная!

- Нельзя мне с тобой купаться, Лешенька, - сказала Любашка.

- Это почему? - удивился Лешка. - Всегда можно было, а теперь нельзя. Я отворюсь, а ты зайдешь в воду...

- Нет, Леша. Все равно нельзя.

Она глянула на него ласково и выдохнула:

- Я, Леша, папу твоего люблю.

- Так я его тоже люблю...

- Нет, Леша, я по-настоящему люблю. Как женщина.

Лешка замер, пытаясь осознать сказанное. Казалось, что сияющий солнцем день рухнул на землю. В глазах стало темно.

- Ты только никому не говори. А то мамка и братья меня со свету сживут...

Лешка сидел молча, не в силах выдать из себя ни слова. Он все понял. Понял, почему уходил по вечерам отец, почему он среди рабочего дня появлялся на берегу реки с удочкой, почему так весел и радостен был в последнее время...

- Ты иди, Леша, тебя ждут! - сказала Любашка и слегка подтолкнула его.

Он подхватил ружье, мешок с деньгами и побрел дальше к видневшемуся на высоком берегу поселку. Слезы бежали по его лицу, и Лешка, не стесняясь, размазывал их по щекам.

Несколько раз встречные лесорубы и покосники спрашивали его:

- Чего, Лешка, несешь ли деньги-то?

- Несу.

- Много ли несешь-то?

- Сто девяносто пять тысяч! - машинально отвечал Лешка.

- Ого! С премиальными, значит, нынче...

- А чего плачешь?

- Устал сильно...

К началу рабочего дня он был уже в Сосновом. Начальник лесопункта, увидев Лешку, все же спросил:

- Пришел, значит?

- Пришел...

- Ну, так вот поставь мешок в кондейку к кассиру. Иди, умойся. Да приходи к вечеру за зарплатой. Тридцать рублей выпишу тебе.

Надежда
Юрова

Надежда Михайловна Юрова родилась в Тарногском районе. Окончила областное культпросветучилище в 1980 году, до 1994 года трудилась в районной библиотеке, с 1994 по 2017 год - корреспондент районной газеты «Кокшеньга». Член Союза журналистов России. В 2019 году Надежда Михайловна выпустила первую книгу - сборник рассказов о любви «Ниточка с иголочкой», некоторые из них были опубликованы в «Вологодском ЛАДЕ». В 2020 году в Вологде с успехом прошла выставка «Поэзия акварели»: Наталия и Вера Шашерины представили свои работы, навеянные хокку Надежды Юровой, и наш журнал рассказывал об этой выставке. «Пишет она легко, воздушно, чисто и честно» - так охарактеризовала известная вологодская писательница Татьяна Андреева творчество своей давней подруги. Легкость, честность и чистота - эти черты свойственны любому произведению Надежды Юровой, будь это рассказы, картины или стихи.

Нищенка

90-е годы минувшего столетия были сокрушительными. Рухнула великая империя под названием Советский Союз, и осколки ее жестко ранили живущих в ней людей. Ушлые и предприимчивые наловили «крупной рыбы в мутной воде» и стали долларовыми миллионерами. Большинство же потеряли все, что имели. Я из тех простных и нерасторопных, по кому кризис прокатился безжалостно. В стабильные 80-е годы жила как все: работа на заводе, казенная квартира, муж и дети. Планировала покупки от аванса до зарплаты и знала точно: с голоду не умрем. С полочки могла позволить себе купить ситцевое платье, а в выходной посмотреть кинофильм в ДК.

Привычный мир рухнул за полгода. Одним из первых в городе закрыли предприятие, на котором трудился муж, потом встал и наш завод, и я превратилась в безра-

ботную. Еда в доме закончилась, дети часто болели. Муж запил по-черному и тащил из дома все, что можно поменять на водку, из-за этого мы начали ужасно ссориться.

Пособие по безработице платить перестали, а новой работы так и не нашлось. На хлеб зарабатывала вязанием и шитьем. Летом собирала ягоды и грибы на продажу, на вырученные деньги готовила детей в школу. Иногда ходила убираться в дома разбогатевших подруг, рассчитывались едой и ненужными шмотками. Это было унижительно, и я плакала, потом стало все равно. Подбирала на улице пустые стеклянные бутылки, пузырьки из-под лекарств и сдавала за бесценок, покупала в продовольственных магазинах исключительно просроченные хлеб и молоко, битые яйца и подгнившие фрукты - дешевле в два раза. Из этого и готовила еду. А еще пекла пироги и печенье из варенья, застоявшегося с доисторических времен, и прочих не очень-то привлекательных продуктов. Научилась стирать белье щелоком, который варила по бабушкиному рецепту из золы и воды. Продала все приличные наряды и ходила в старых вещах, много лет пылившихся на антресолях. Я не читала книг и забыла, зачем пишут письма и дневники, не вспоминала прошлого и боялась будущего. Все мысли только об одном - где найти деньги, как прожить этот день и чем накормить семью. Мне незачем было подходить к зеркалу, знала, выгляжу отвратительно и кожу ссутулившись, как старуха.

Скольжению вниз под гору не виделось конца. Жизнь беспросветна, ее хотелось побыстрее закончить. Так бы, наверное, и случилось, если бы не одна встреча.

Это встреча состоялась во вторник, в три часа дня. Я притащила в магазин огромный рюкзак пустой пивной посуды - «урожай» за день, а на сданные копейки купила килограмм обрезных яблок, четыре битых яйца, пакет прокисшего молока и два коробка спичек. Чувствовала себя почти счастливой: из этих продуктов сделаю на ужин отличные блинчики с яблоками. У меня же дома есть мука!

Едва вышла на улицу, как ко мне неожиданно подъехала крутая иномарка. Таких в наших краях еще не бывало. «Наверное, хотят спросить, как проехать в гостиницу или где находится ресторан?» - подумалось мне. Из автомобиля вышел симпатичный мужчина, одетый с иголки. Улыбнулся:

- Привет, Светланка! Привет, красавица! Отоварилась? Смотрю, шикуюешь?

Судорожно пытаюсь понять, кто это, откуда известно мое имя, стыдливо прячу свой продовольственный запас в рюкзак и с ужасом узнаю в незнакомом красавце Семена, моего Сеню - первую любовь... С момента расставания мы не виделись четырнадцать лет. Вот это встреча!

«Господи, какой он красивый! И почему мы расстались? Какая я дура, что не дождалась... С ним бы точно не знала нужды и каталась как сыр в масле...» - мысли носились в голове, как зерна в кофемолке.

- Как дела? Как живется, ненаглядная? - и смеется белозубо. - Садись, подвезу!

- Нет, - говорю как можно хладнокровнее, - спасибо! Пешком привычнее, мне тут недалеко. А живу так же, как и все. В худом житье перемен не бывает.

- Каждому свое, - философствует, - каждому по заслугам. Ты, я вижу, совсем не изменилась... Кофточка все та же, памятная, в которой на свидания бегала. Крепкие раньше вещи делали, разве пуговицы другие. По одежке тебя и узнал.

- Давно ли приехал на родину? Как твое житье? - задаю вопрос, чтобы хоть как-то уйти от злосчастной кофточки.

- Отлично живу! - хвастается, - Лучше всех наших земляков, вместе взятых!

Что отлично, я и сама вижу и без подробностей. Сеня соловьем заливается, во всех красках повествует, как высоко поднялся и много зарабатывает, в каких

хоромах живет, куда ездит отдыхать во время отпуска, какие подарки везет племянникам и как деньгами сорит в ресторанах. И так образно говорит, что даже белая зависть берет - «живут же люди!» - и слушать хочется.

Потом голос понизил да и спрашивает:

- Света, а ты не хочешь старую любовь вспомнить и со мной уехать? Я богатство наживал не для себя, мне лично на деньги наплевать... Давно планировал друзьям доказать, что они не чета мне. Ну, и за тобой заодно... Ты ведь давно за меня замуж хотела?

Молчу, ошеломленная, своим ушам не верю... Я этих слов столько лет ждала, ночи не спала, чемоданы паковала. А нынче от своей нужды на край света бежать готова. Тем более с Сеней.

Пытает дальше:

- Ты меня часто вспоминаешь?

- Нет, - говорю, - совсем не вспоминаю. Память - непозволительная роскошь. Если про тебя думать да страдать, так и с мужем не пожить.

- Так он же горький пьяница! Брось алкаша, и поехали! Надеюсь, будешь заботливой женой. Даю тебе три часа на сборы.

- Что так спешно? Я же не одна, у меня дети...

Он засмеялся довольно:

- Согласна, значит! - и руки потирает. - Ну, так и быть, если хорошо попросишь, то тебя, нищенку, и с прицепом возьму. Я же всегда говорил: кроме меня, ты никому не нужна!

Вот она, ключевая фраза: «Ты никому не нужна!» Столько раз слышала это от Сени, что почти поверила в свою ущербность. Он - солнце, а я спутник на его орбите...

Что-то в голове моей щелкнуло. Стало легко, светло и спокойно. Выпрямилась, помолчала минуточку, потом поклонилась поясно и сказала ровным голосом:

- Спасибо, барин, за честь! Дозвольте идти. - И пошла, не оборачиваясь.

С этого дня уныние в нашем доме сошло на нет. Я перестала плакать, сделала генеральную уборку, подала на развод с мужем и стала заниматься сетевым маркетингом по продаже косметики. Из меня получился хороший продавец и организатор. Через три года я уже ездила на своем автомобиле, подаренном компанией. Появилась уверенность в будущем. А прошлое? В прошлом я сделала одну серьезную ошибку - влюбилась без памяти в эгоиста, красивого и избалованного. Семен водил меня за нос долгих шесть лет. Назначал свидания и не приходил, неделями не отвечал на письма и звонки, обещал жениться и откладывал, клялся в верности и изменял. Я очень переживала в разлуке, но стоило ему вернуться, сменить ироничный тон на вкрадчивый - сердце мое таяло быстрее вешнего льда. Это казалось блаженством и радостью - мириться с ним, надеяться, что вместе будем навсегда... Сеня, как мы условились, уехал на год на заработки и исчез на четырнадцать лет. Я ждала четыре года. Не приехал и к себе не позвал... Каждое его слово принимала на веру, оправдывала любой поступок, ждала помощи и поддержки. Вначале мне хватало силы любить за двоих. Потом силы иссякли.

Попытка устроить судьбу с другим закончилась печально. Впрочем, вины перед бывшим мужем не испытываю. После развода он бросил пить, завел новую семью и счастлив с молодой женой.

А Сеня так и остался бобылем. И в том, что у него нет семьи, он винит только меня.

Тринадцатая

- Могу вас порадовать, дорогая, в целом все у вас хорошо! Развитие плода проходит нормально. Берегите свое здоровье, побольше позитива! Физические нагрузки - умеренные, ешьте свежие фрукты и овощи, печень говяжью... Возьмите рецепт. Следующий раз приходите на консультацию через 10 дней.

- Спасибо Вам большое, доктор! До свидания! - говорит благодарная пациентка.

- До свидания! - говорю я и еще раз на прощание напоминаю: - И не забывайте принимать йодосодержащие препараты!

Сегодня мой обычный рабочий день в женской консультации поселковой больницы. Я очень люблю свою работу, свой поселок и горжусь тем, что за 42 года трудовой деятельности спасла жизни сотням женщин, помогла появиться на свет тысячам здоровых малышей! У меня самая прекрасная в мире профессия. Я врач-гинеколог! И я всегда знала, что буду счастливой, несмотря ни на какие трудности!

В августе 1943 года мой отец вернулся с фронта с двумя тяжелыми ранениями, истощенный и больной, комиссованный подчистую. Мама лечила его травмами с невероятным упорством и терпением. Летом сорок четвертого он уже метал стога, а это, надо сказать, работа тяжелая. Я родилась 13 мая 1945 года и стала первым послевоенным ребенком в округе. Меня назвали в честь знаменитой Катюши. Нет, не оружейной установки, а песни. Мама говорила: «Нам тяжело досталось, а Катенька везучая, будет жить в счастливое время, нам утешение и радость в старости!» Маме шел сорок девятый год, я - тринадцатый ребенок в семье.

В голодное неурожайное лето 1947 года мама попала в жнейку* и умерла по дороге в больницу. Отец вдовство тяжело переживал, заботился о нас, как мог, но через год умер, простудился на сплаве леса и умер. Оказалась я на попечении сестры Аглаи (ей тогда 16 лет исполнилось), я ее так и звала - мама Геля. Сестра замуж побоялась выйти, и как она рассказывала, на то были свои причины.

Наша семья мытарилась в бедности, в войну особенно. Двухэтажный родительский дом дотла сгорел за десять лет до моего рождения - в 1935 году, вместе со всей живностью. Семья ютилась в небольшой, вросшей в землю, тесной избушке у самого оврага. Из всего подспорья - огород, лес и река, скотины так и не завели. А в деревне без коровы - голод да нужда, ни молока, ни мяса... Дети росли как придорожная трава, сами себе предоставлены, родители все дни на колхозной работе, бабушка и дедушка репрессированы и высланы в Коми Республику. Одежда и обувь латаная-перелатаная, одни подшитые валенки на всех. С ранней весны до поздней осени бегали босиком, жили впроголодь. Три мальчика умерли во младенчестве, у двух сестер и брата имелись врожденные уродства, поэтому в школу они не ходили. Самый старший брат Степан, которого я знала только по фотографии, был настоящий богатырь, пропал без вести в октя-

* Жнейка - сельскохозяйственная техника, предназначенная для уборки зерновых культур. Жнейка могла быть на тракторном или на конном ходу.

бре 1942 года. Судьба Гели, Петьки, Маняши, Илюхи и Фени ничем не отличалась от судеб других деревенских детей: закончили по 4 класса и пошли с утра до ночи в колхоз батрачить.

На детей-инвалидов никаких пособий не давали. До совершеннолетия дожил только Кирюха, он вообще не ходил, по избе перемещался юзом, сидя на одной ноге. Был он добрым, терпеливым, со мной играл.

Сколько себя помню, меня любили все - папа, братья и сестры, соседи, сверстники. И я всех любила. Моя мама в молодости слыла первой красавицей во всей волости, а я - похожа на нее. Даже маленькая никогда не плакала, не болела, всем смотрела прямо в глаза и улыбалась. И мне в ответ улыбались и отдавали самое лучшее. Я ценила это. Ни в чем не видела препятствий, рано выучилась рукоделию, быстро собирала ягоды, ловила рыбу, плавала, бегала на лыжах, училась в школе на «отлично» и твердо знала: буду врачом, чтобы вылечить всех на свете инвалидов.

В 5-м классе объединили учеников из трех начальных школ, класс оказался большой - 27 человек. 1 сентября я увидела своих одноклассников - и Сашу. В Сашку я влюбилась без оглдки с первого взгляда.

Саша был невероятно смелый. Не боялся злых собак, мог забраться на самое высокое дерево или переплыть реку во время разлива. Однажды он подрался со старшеклассником, защищая двоюродную сестру. Он был настоящий герой. Все девчонки в классе восхищались им. А Саша восхищался мной. Однажды он написал записку: «Катя, ты лучше всех в мире!» - и я ему поверила. Мы лидировали в классе в учебе и спорте, у нас сформировались одинаковые интересы и способность понимать друг друга без слов.

Экзамены сдали на «отлично». Окончание школы восприняли как праздник, даже не подумав, какой трудной будет дорога впереди. Наверное, это большое облегчение - не знать будущего. У каждого из нас жила мечта, Саша мечтал стать летчиком, а я - врачом.

Разлука - испытание, которое не оценишь, пока не перенесешь. Я поступила в Архангельский медицинский институт, Саша - в летное училище в Прибалтике. Год учебы на первом курсе обострил чувства, пробудил взрослые желания. Мы писали друг другу письма каждый день и считали часы до нашей встречи на каникулах. Даже учеба в вузе, куда я так стремилась, казалась бессмысленной, я готова была все бросить, лишь бы находиться рядом с моим Сашей. Но несмотря ни на что, сессию я сдала на «отлично». И вот они, долгожданные каникулы!

Лето поблизости с любимым человеком проходило сказочно, несмотря на то, что в сенокосную страду дел невпроворот. Загребая сено или поливаю огород, а душа поет - вечером увидимся. Свободное время мы проводили вместе, ходили в кино и на танцы, гуляли до рассвета, много говорили о смешном и серьезном, не желали расставаться ни на минутку. Односельчане считали нас идеальной парой, верили в счастливое будущее. И я верила!

Был конец августа, до отъезда оставалась неделя. Субботний вечер выдался теплым, беспросветно-черным, каким бывают только августовские вечера... Мне было чуть грустно и щемило сердце. Саша тоже молчал. И звездопад! Казалось, звезды сыплются на соседний луг, только руку протяни... Мы наперебой стали загадывать желания, каждый свое и общее. Помню, как Саша произнес:

- Я хочу, чтобы мы не разлучались никогда.

И не дождавшись, пока упадет звезда, я выпалила:

- Да! Я готова стать твоей женой!

Слова, которые так долго таились в груди, прозвучали, стало невероятно легко и просто, начали строить планы, как совместить учебу и семейную жизнь. Целуя меня на рассвете, Саша сказал:

- Это последнее наше расставание. В понедельник подадим заявление. Я зайду за тобой, и мы пойдем в сельсовет и официально станем мужем и женой! Ура!

Утром в понедельник он не пришел, не пришел он и вечером. Обеспокоенная, рисуя в голове самые страшные катастрофы, я прибежала к Саше домой за семь километров. На крыльце почуяла неладное. От порога вижу: за столом на лавке сидят тетя и дядя, мать стоит в проеме кухонной двери, а мой Саша с понурой головой сидит на краешке стула поодаль.

- Что случилось? - встревоженно спросила я. Саша еще ниже опустил голову.

Речь повела тетя:

- Катенька, мы знаем, что ты хорошая и умная девочка. Учись на здоровье и дальше! Глядишь, что толковое и выйдет... Саша не может никак на тебе жениться...

- Почему? - удивилась я.

- Во-первых, Саша очень молод, и женитьба помешает учебе в летном училище. Во-вторых, вы не пара. Ты ему не подходишь.

- А мне кажется, мы очень даже подходим друг другу, - дерзнула я. - Мы семь лет дружим, и вы не мешали этой дружбе.

- Дружите на здоровье и дальше, кто вам мешает, а жениться нельзя, - вставил слово дядя.

- Ты сама-то подумай. В вашей семье половина уродов, - вступила в разговор раскрасневшаяся мать, голос ее был резким и злым. - Разве ты сможешь родить здоровых детей? У вас наследственность плохая, родилась ты от старой старухи тринадцатой по счету, все силы у нее забрала. Тебе счастья на роду не написано, долго не проживешь сама, Сашке век заешь, и нам с тобой только маяться. Мне внуки-уроды не нужны. Сашенька у нас один-единственный, кровиночка, ему нужна нормальная здоровая жена и здоровые дети.

Они еще что-то говорили, но я уже не слушала, я смотрела во все глаза на моего Сашу, ждала, что он стукнет кулаком по столу и скажет: «Ну-ка, бабы, цыть! Я Катю обижать не дам, я ее очень люблю и женюсь на ней, как обещал...» Но Саша не проронил ни слова и этим молчанием поразил меня в самое сердце.

Вернувшись домой, я немедленно собрала чемодан, той же ночью вышла на большую дорогу, не объяснив Геле причины скорого отъезда, отбыла в Архангельск. Саша присылал письма, но я не читала. Душу поработила пустота, будто я поселилась на пепелище. Чуть не бросила учебу... Неистребимое желание узнать, почему злой рок преследовал нашу семью, заставило идти к цели. Оказывается, причина проблем со здоровьем братьев и сестер скрывалась в нехватке йода в организме. Если бы в 30-е годы медицина была доступна простым деревенским жителям, если бы маме и детям дали йодосодержащие препараты, хотя бы йодом ладони раз в неделю намазали, все сложилось бы иначе, и шесть братьев и сестер жили бы полноценно. Увы, ничего нельзя исправить в прошлом, реки не текут назад.

Став дипломированным врачом-гинекологом, я попросила направление в Кичменгско-Городецкий район Вологодской области, где обо мне никто ничего не знает. В первый же год работы вышла замуж за коллегу, заведующего детским отделением, человека прекрасных душевных качеств. У нас родилось трое детей - две девочки, Аглая и Инна, и сын Степан. Все они оказались вполне здоровы, успешно закончили вузы.

С Сашей я больше не встречалась никогда. Говорят, он недавно женился в четвертый раз. Надеюсь, что новая жена достаточно здорова и подходит для него по всем параметрам.

Чужое - всегда чужое

Это уж я усвоила в жизни наверняка: все свое надо иметь, на чужое не заглядывать, даже если худо лежит и вроде как бесхозное... Чужое - оно всегда чужое, впрок не пойдет.

Родом я из лесного поселка, семья многодетная, жили по теперешним меркам бедновато, да не хуже других. Я в семье четвертая, донашивала одежду за старшей сестрой, а Маруся - толстушка, поэтому платья на мне болтались, как на коле, сестру это сместило, а меня злило. «Городские» обноски своих дочерей присылала папина двоюродная сестра из Кирова, в тех посылках встречались юбочки да блузочки с вышивкой бисером или шелком, а чаще - тряпье, годное разве на половики. А я мечтала об обновках. Первое платье лично для меня сшили только на выпускной вечер в 8 классе, да и то на деньги, заработанные в каникулы. То фиолетовое платье из искусственного шелка, с длинными пышными рукавами, воланом по вороту и подолом-солнцем и до сих пор висит в шифоньере как привет из юности.

Родители все дни на работе, а на нас с Марусей домашнее хозяйство, огород и ответственность за младших четырех братьев. Маруся рано к плите поставили, а на моей совести - чистота да порядок в доме. Как я пыль вытирать не любила, так и не передать, а приходилось каждый день. Отец придет с работы, белым носовым платочком проведет где-нибудь на дальней полке и скажет строго, глядя на пыльный след на платке: «Елена, экспертиза показала, не бывать тебе в кино в эту неделю». В том, что он слово сдержит, никаких сомнений не было, а в кино очень хотелось, поэтому старалась изо всех сил.

Спятого класса субботняя стирка - моя обязанность, белье гладить и по полочкам в шкафах раскладывать - тоже. У нас уже машина стиральная имелась - «Ока», поэтому считалось, что дело для девочки в 11 лет посильное. А на речку таскать на коромысле в корзинах? «Так ты не клади полные, - советовала мама, - лучше два раза сбегай...»

В школе училась легко, без «троек», в нашей семье все толковые вышли, отцу на родительских собраниях голову прятать не приходилось.

После восьмилетки поехала в Вологду в техникум, на бухгалтера учиться. Городской жизни до этого и не видывала, боялась, да и старшие подружки пугали,

что буду скучать по дому и не приживусь. Прижилась сразу же! Все понравилось: преподаватели в техникуме, общежитие, удобства, девчонки в комнате, поездки на автобусе, кино по выходным, сливочное мороженое с лимонным сиропом в блестящих вазочках. А еще больше понравилось в перерывах между занятиями ходить по магазинам, примерять туфли на каблуках и босоножки на танкетке, лаковые сапоги-чулки, пальто драповые, болоньевые куртки, особенно импортные, они куда лучше наших моделей сидели, приглядывать модные ткани, выбирать ажурные чулочки. Студенткам-первокурсницам все это, конечно, не по карману, мы очень редко покупали что-либо, но мечтать о том, что малиновые финские сапожки с металлической молнией и настоящим мехом внутри, которые завезли в универмаг, когда-нибудь станут твоими, нам никто не запрещал.

Стипендия студента техникума - 30 рублей. Что можно купить на эти деньги? Буханка черного хлеба - 14 копеек, батон нарезной - 25 копеек, поход в кино - дешевый билет 30 копеек, проезд на автобусе - 5 копеек, дедероновые чулочки из ГДР - 3 рубля 60 копеек, чехословацкие босоножки - 16 рублей, туфли кожаные - 30 рублей, австрийские - 65 рублей, сшить самую дешевую блузку из ацетатного шелка в ателье - 4 рубля, юбку из лавсана - 6 рублей. Что это были за юбочки - «в обличку», или клеш, или в складку - на 20 сантиметров выше колена - неслыханная смелость! Поколение наших мам колени не показывало, а в 70-е такая мода пришла. Все деньги мы тратили на наряды, как в пословице - «на себе шелк, а в животе-то шелк».

Наверное, можно было из дому припросить денежку, другим шли почтовые переводы, а мне отец сказал, провожая: «Большая уже, снимайся своим». Ростом и правда, меня Господь не обидел, на физкультуре всегда первая в шеренге, и в баскетбольной команде как рыба в воде. А в остальном: ростом с ёлку, ума с шишку - пятнадцать годов всего.

Спасибо родителям, что по почте присылали раз в месяц посылку с продуктами - фанерный ящик килограммов восемь по весу: тушенка, свиное сало, варенье, лук, топленое масло, грибы, печенье, чай.

В комнате теснилось шесть девочек-однокурсниц, по вечерам питались все вместе, готовили по очереди на общей кухне, а утром - чай с вареньем и белым хлебом. От белого хлеба сами становились как булочки, набрали к Новому году килограмма по три. Соседки по комнате, что жили рядом с городом, ездили домой на выходные, привозили с собой пироги, картошку, рыбу озерную - у кого что найдется. А когда ешь из общей кастрюли, живешь одними заботами, то подружиться проще простого, и мы сошлись с девчонками крепко, везде вместе, не разлей вода.

Нарядов у каждой - кот наплакал, в основном это в магазине купленные кофточки или свитера ручной вязки из объемной пряжи, платья в цветочек или костюм-двойка, пара блузок, юбочки, рейтузы, брюки... Фасоны у всех похожие, только расцветка разная. Приняли всей комнатой решение: гардероб общий, каждый день в новом наряде ходить будем.

Личным и неприкосновенным осталось только нижнее белье, к нему особое уважение, безусловно отстирано и отутюжено, его никто не должен видеть. Из разреза блузки непозволительно выглядывать лялочке от бюстгальтера, а нарядное платье непременно надето поверх кружевной сорочки или подъюбника в тон платья, и кружева никогда не выглядывают из-под подола. И чулочки узорные без единой затяжки и морщинки на атласном поясе с металлическими застежками...

Каждая вещь ценилась очень, ухаживали бережно. Замачивали, стирали вручную, штопали, подшивали, модернизировали, вязаные вещи распускали, а из распущенных ниток придумывали новые вещи.

Утром начнем на учебу собираться, и пошло: «Таня, можно твою блузку сиреневую с рюшами?», «Кать, ты сегодня в клетчатой юбочке пойдешь? Нет? А можно мне ее надеть?», «Девочки, чур, сарафан мой коричневый никто не трогайте...»

И самая большая очередь утром - нет, не в ванную комнату или туалет - к утюгу. Ткани легко мнущиеся, поэтому одежду следовало хорошо прогладить, а иногда отпарить через марлю, убрать пятно, устранить лоснящийся блеск тряпочкой с уксусом. Вещь обязана быть не только без морщинок или заломов, но и безупречно сидеть! Кому-то требовалось отпарить брюки-клеш и навести острые, как бритва, стрелки, кому-то заложить складки на юбке, кому-то высушить только что постиранный шелковый платок или косынку.

К концу учебного года поняла я, что коллектив - это хорошо, да нельзя всю жизнь в общем ходить, мы же не инкубаторские! Пора заводить свой гардероб.

В летние каникулы приехала домой, устроилась ученицей к Ангелине Петровне - лучшей портнихе в ателье нашего поселка. Родители мое рвение одобрили, благо интерес к шитью еще с уроков домоводства замечали: фартучки, юбочки на швейной машинке «Зингер» строчила на «пятерки».

Заказов знаменитой мастерице поступало море, на три месяца вперед! Заиметь «платье от Ангелины» - почти то же самое, что «от Славы Зайцева», об этом мечтали модницы всей округи, приезжали даже из соседних районов.

Полки в ателье забиты отрезами кримплена, трикотина, шифона, поплина, нейлона... Материал дорогой, до 30 рублей за метр, поэтому самостоятельно редко кто за такое брался, хотя в то время швейная машинка в каждом доме - работница. Чинили, перелицовывали старые вещи, шили ситцевые летние платья, юбки, фартуки, фланелевые халаты, постельное белье, занавески. Да и в магазинах не пустые полки, можно купить готовое.

У Ангелины Петровны руки золотые, а характер - нет, на словах резкая, с людьми не церемонится. Так отбреет, что на всю жизнь запомнится. Но мастерица - от Бога, поэтому на дурной нрав старались не обращать внимания, а ежели кто делал замечание, говорила: «Не я к тебе пришла, а ты ко мне. Вон Бог, а вон порог...»

В любом отрезе ткани она видела произведение искусства, цветы на платьях, ею скроенных, складывались в великолепные букеты, а полоски на юбке-восьмиклинке срастались так, что даже из кособокой тетушки получалась стройная, хоть на подиум выставляй.

Работала Ангелина Петровна как проклятая, по 12-14 часов в сутки за шитьем сидела, того же требовала и от других. Меня мама подучила: «Ленка, не придумай перечить Геле, помалкивай, она дело знает, ты не смотри в рот, а смотри в руки. В руках работа кипит, а не на языке. Да беги к ней как на свиданье, с радостью. Может, и выйдет толк из тебя».

Тот, кто был «себе на уме» да ежели языком трепал, долго рядом с Ангелиной усидеть не мог, выгоняла в шесть секунд, да с такой славой, что потом долго не отмоешься. Рассказывали, мол, была у нее напарница, да какой-то секрет выболтала соседям. Так Ангелина втихаря посадила чернильное пятно на недошитое свадебное платье, и пришлось той напарнице не только неустойку заплатить, но и штраф, и работы лишиться. Хотя, конечно, может, все и не так было. Ангели-

на же расстроенную невесту спасла, платье сшила за одну ночь, да такое шикарное, что в нашем поселке и не видавали.

А ежели человек по нраву ей, то всю технологию кройки и шитья раскрывала: свое дело правила, но заодно проговаривала и для подшефной - что за чем идет. Казалось, что у нее и на затылке глаза - все насквозь видела, даже мысли читала, как открытую книгу.

Сколько лет было Ангелине Петровне? Тридцать девять - расцвет жизни, но мне она казалась старой.

Июль я проработала у Ангелины «на подхвате», о деньгах даже не заикнулась. Делала все, что поручит, корпела над шитьем от зари до зари, переделывала, ежели что не так, а «не так» на взгляд наставницы, случалось нередко. Ангелина Петровна придиралась к каждой мелочи - величине стежка, узелкам, натяжению верхней нити, упавшему на пол лоскутку и не на месте оставленным ножницам. Как теперь понимаю, из таких вот мелочей и складывается профессиональный почерк - начало пути к мастерству, и на этом нельзя останавливаться. Каждый день надо работать и учиться, учиться и работать.

Следующий месяц пошел лучше, Ангелина доверила первые самостоятельные заказы - танцевальные костюмы для клуба - вернее, не совсем самостоятельные, по ее выкройкам и под ее неусыпным контролем. Костюмы получились удачные, а номер, для которого их шила, девочки исполняли на районном смотре, их фотография красовалась в газете.

К началу нового учебного года я сшила кое-что и для себя - синее кримпленовое платье с белым воротником. На свою первую зарплату купила зимние финские сапоги с молнией, не малиновые, как мечтала, а черные. И твердо решила: никому не позволю носить мои наряды. Что моё - то моё, а чужое - чужое.

Сентябрь второго учебного года выдался невероятно солнечным и теплым, это нас радовало. Еще бы, работать на уборке льна куда приятней в сухую погоду, чем в дождь. Нас отправили шефами в колхоз «к черту на кулички», мы летели «к месту приписки» два часа на самолете «Аннушка» и два часа тряслись в кузове грузовика, усевшись на свои сумки. Нас, двенадцать студенток-второкурсниц, командировали в отдаленный колхоз «Светлый путь» в богом забытую деревню, расположенную на высоком берегу извилистой реки, и поселили в старинном просторном двухэтажном доме у одинокой пожилой хозяйки. Манефа Иринеевна давно привыкла к тишине и не очень-то была рада нашему табору, от нас - одни заботы. Но другого подходящего жилья в деревне не нашлось, и хозяйка грустно вздохнула: «Куда вас девать-то, живите...»

В деревне все говорило о достатке - широкая улица, колодцы-журавли, сияющие железом крыши домов, ферма на взгорке и тучное стадо коров, зерновой ток, новенькие трактора «Беларусь»... Но что-то уже просвечивало печальное, невозвратное, отсутствие детворы, что ли...

Льняное поле, на котором нам предстояло славно потрудиться, раскинулось прямо под окошком Манефиного дома и до леса. Поле огромное - 102 гектара. Бригадир объяснил:

- Лен в этом году славный уродился, хорошим номером сдаем. Справитесь раньше, чем за три недели, - неволить не будем, поезжайте домой. Деньги сразу же начислим, еще и премиальные получите...

- Это, девки, вам и вправду счастье подвалило, - потдакнула хозяйка. - Встали утречком пораньше, грабельки в руки - да и пошли бабки ставить, глядишь, до завтрака рядок туда-сюда и прошли... Вам сильно повезло, мы раньше на свою полосу за десять верст бегали... Кабы нас было поболее в деревне жителей, так мы бы сами все поле выпластали. А теперь сила не собирает, всех денег не заробишь. Ваше времечко пришло.

- Может, это и хорошо, что поле в шаговой доступности, только вот до клуба, магазина и столовой 7 километров идти пешком надо, поход до центра три часа займет, - возразила наша староста Альбина.

- А зачем клуб, зачем магазин и столовая? - удивляется Манефа, - продукты завтра утречком бригадир на тракторе привезет, молоко на ферме возьмете, сколь душа пожелает, обед вам печка сварит...

- Хорошая у вас печка, бабушка, - смеется веснушчатая Таня, - ежели сама варит.

- Так мы печке немного подмогнем, в чугунок положим да за заслонку поставим, все и готово будет.

- А если скучно будет, у вас же телевизора нет, - фыркает вечно недовольная Светка, - как мы вечером в клуб пойдем?

- А зачем вам идти в клуб за весельем, - хитро щурится хозяйка, - веселье само к вам прибежит... Или приедет.

- Это как это? - не понимает Альбина.

- Доживешь - увидишь, - сказала Манефа, как отрезала. - Разбирайте вещи да ко сну располагайтесь. Не лениться приехали. Рано разбужу.

Со льном умели работать только трое из нас, остальным пришлось науку осваивать. Наука вроде и нехитрая, быстро поняли, что парами получается сподручнее. Одна граблями лен на полосе сгребает, от стерни отрывает и небольшую кучку формирует, а вторая - подхватывает эту кучку обеими руками, раскидывает веером, помогая ногой, и ставит конусом вертикально к земле. Через день-другой лен подсохнет, и тут уже задача посложнее: собрать две-три бабки вместе, выкинуть из пучков сорную траву, выравнять стебли льна и крепко перевязать, так, чтобы сноп не разваливался и получался крепким и аккуратным. А вязку делать - целая наука: горсточку льна разделить на две части, соединить обе части внахлест и скрутить, споро перекидывая из руки в руку, чтобы вязка стала мягкая и прочная. Затем протянуть вязку на земле, на нее уложить лен так, чтобы «талиа» у снопа была где-то на высоте 10-20 сантиметров от корня. На эту науку мы потратили не один день, и не один день ходила за нами Манефа Иринеевна, рвала «жидкие» вязки и приговаривала:

- Ой, девки, пока не научитесь крепко сноп вязать, так и мужа в узде не удержать. Учитесь, пока я жива, - и делала новые вязки, тонкие, крепкие и вязала снопы так, чтобы ни один стебелек уже не вылез. - Сноп должен быть как игрушечка, хоть как поверни, а он целехонек.

Затем снопы ставили в суслоны, и когда готовых снопов на поле становилось изрядно, приезжал трактор и снопы длинными вилами подавали на воз, а на телеге Марфа Иринеевна и кто-нибудь из наших, чаще всего Татьяна, она со льном знакома с раннего детства, принимали и складывали вершинками наружу. Воз рос все выше и выше, сужаясь к верху, затем кидали жом и закрепляли веревкой, так, чтобы воз не раздувало ветром и снопы не потерялись по дороге на льнозавод.

Когда отправили первый воз и бригадир вечером сообщил, сколько мы заработали, радости нашей не было предела. Смекалистая Ирина взяла бумагу и карандаш и прикинула:

- Это что же получается, мы на этом поле можем по две сотни каждая зарабатывать?

- Можете, ежели погода позволит да лень не одолит, - подмигнул бригадир.

Вечером мы решили, что завтра будем работать шустрее, надо только пораньше лечь и пораньше встать. Пораньше лечь у нас не получилось. В восемь часов вечера, когда хозяйка уже заперла дверь, в окно постучали.

- Кого там леший несет?! - возмутилась Иринеевна и выглянула в окно. - Долго и не было... Девки, к вам кавалеры приперлись.

- Кавалеры? - захихикала Катюшка. - Хорошенькие? Пойдем посмотрим!

- Девчонки, никаких кавалеров, - строго сказала Альбина, - мы их не знаем. А вдруг это местные маньяки, утащат вас в лес и закопают, мне потом за вас отвечать.

- Тьфу ты, дура, - сказала тетя Манефа, внимательно всматриваясь в окно - незваные гости стояли как раз в свете уличного фонаря, - маньяков у нас отродясь не бывало... Это, поди, Степка с товарищами или Серега с братом из-за реки...

- Ну, Серега не Серега, - строго сказала Альбина, - это мы завтра разберемся, ночью никто знакомиться не пойдет, пусть приходят светлым днем, там и поговорим.

Действительно, молодые люди назавтра приехали на мотоциклах в обеденный перерыв с предложением:

- Девчата, приходите на бал «Золотая осень» в субботу. Ждем! - и упали на своих «железных конях».

До субботы оставалось четыре дня, у нас начался переполох и смятение. Хочется выполнить обязательства и поднять льна побольше, чтобы денежку зарабатывать, хочется истопить баню и все перестирать, хочется сходить на почту и позвонить маме, и вообще домой хочется. Да еще вдобавок к нашим разногласиям тетя Манефа повредила ногу, слезая с воза, и заявила:

- Девки, сами кашу варите, сами баню топите, я вам в няньки не нанималась.

В няньки и никто не нанимался, а отвечать за хозяйство надо. Бросили жребий, править по дому досталось мне.

В субботу объявили выходной, истопили баню, помылись, начуфурились, оделись понаряднее и пошли в сельский клуб. Я в своем новом синем платье, туфли с ремешком... Пока ремешок застегивала, пряжка и отлетела. Я чуть не плачу, бегу к квартирной хозяйке за помощью:

- Манефа Иринеевна, шило и нитки дайте, мне обувь надо починить...

А она в ответ:

- И не думай, Еленка, все бесполезно.

- Что бесполезно, - не понимаю я, - чинить бесполезно? Туфли почти новые, я быстро пришью...

- Чинить туфли не бесполезно, а ходить в клуб тебе бесполезно... Ничего толкового не выйдет, лучше дома сиди, - отговаривает хозяйка.

- Еще чего, все пойдут - и я пойду, - горячусь я.

- Дай-ко туфли-то, я посмотрю...

Я и подала. Манефа взяла ножик сапожный, отпоролла обе пряжки и приказала:

- От - сиди и шей, а про клуб даже и не думай!

Ох, я распахивалась, обула на ноги первые подходящие по размеру башмаки, что у двери стояли, и вслед за девчонками побежала.

Бал в клубе, правда, оказался хорош, концерт большой местная молодежь поставила, и песни, и сценки смешные, и стихи. А потом танцы начались и конкурсы. Конкурсы мне не очень, а вот потанцевать, это да, особенно вальс. Мы хорошо вальсировали с Ирккой, летали по залу как птички, почти не касаясь пола. Кстати, башмаки я, оказывается, Иркины надела, ей они немного жали, а мне как раз.

И тут медленную музыку включили. Смотрю, к нашим девочкам местные ребята направляются, вот Танюшка уже с рыженьким, вот Света с долговязым, вот к Альбине в широких клешах патлатый подкатывает. Всех разобрали, одна я стою, как тополь на Плющихе, хоть сквозь землю провались. Стало мне казаться, что все на мои башмаки дурацкие смотрят. На втором танце - то же самое, и на третьем. Объявили «белый танец», решила, что сейчас точно кого-нибудь приглашу. Я уже встала, и в этот момент подходит ко мне молодой человек, высокий, мне ростом под статью, с черными волосами, и улыбка наглая:

- Девушка, вы не меня ждете?

- Нет, - говорю, - жду, когда танцы кончатся, чтобы отсюда скорее уйти.

- Что обувь-то такую красивую рвать, давай я тебя на мотоцикле отвезу.

- Еще чего! Не дожدهшься, - фыркаю я.

- Дождусь, я терпеливый.

Танцевать в этот вечер я больше и не планировала, сидела, ноги под скамейкой прятала, сбежать одна побоялась.

Домой добирались весело, с песнями и шутками, в сопровождении десяти местных рыцарей. А назавтра только и разговоров про то, кто с кем познакомился и какие планы на вечер.

Я решила: за семь верст киселя хлебать - это не про меня и на танцы больше ни ногой. Стыдно мне было туда показываться. Уж лучше я шитьем займусь, пока девчонки прохлаждаются, благо хозяйка разрешила ее машинкой швейной пользоваться. Машинка оказалась отличная, ножная, строчит, как пулемет. Два вечера - и платье готово. Хозяйка глянула на мое усердие и из сундука достала два отреза китайского шелка, двадцать годов ждавших своего часа, сказала: мне сошьешь блузку, а второй отрез тебе. Взяла выкройку из «Крестьянки» и сшила. Обе блузки получились на загляденье, особенно та, что для меня.

А пока я строчила, подружки мои времени не теряли, кавалеров себе завели и по ночной деревне гуляли. Вернувшись под утро, шептались и счастливо хихикали, меня жалели, что я бесчувственная. А я не бесчувственная, меня гордость на танцы не пустила.

Лен мы убрали за две с половиной недели, деньги намеченные заработали, и у нас еще осталось время, чтобы съездить до начала учебы домой. Поездка домой - вот о чем мечтают все студенты - целая неделя.

Отправляли нас тем же путем, что и привезли, на грузовой машине до аэропорта. Правда, около машины стоял рев. Танька обнималась со своим рыжим, Альбинка цеплялась за своего патлатого, а Ирка ревела, что Гоша не пришел ее провожать, а она жить без него не может.

Я утешала Ирку как могла. Тут и Светка давай реветь.

- А ты-то что ревешь? - удивилась я. - У тебя же парень в Вологде, ты радоваться должна, что с ним встретишься.

- Да, а вдруг Петя придет в Вологду, найдет меня, а я с Сашкой, и они подерутся? Что тогда делать?

Смех, да и только.

Приехали мы в аэропорт, стали покупать билеты, и тут выяснилось, что у меня нет ни кошелька, ни паспорта, все оставила на окошке в Манефином доме. Расстроилась очень. Машина колхозная уже обратно ушла, а до деревни 40 километров. Решила, что до темноты еще далеко, пойду пешком, а если посчастливится, поеду на попутке. Километр иду, четыре, восемь... как назло, ни одной машины из райцентра, весь транспорт мне навстречу, а я на него и внимания не обращаю, что толку от встречных. Решила присесть на придорожном камне. Вдруг мотоцикл останавливается, молодой человек кричит:

- Далеко ли собралась пешочком?

- До деревни Высокой, - говорю.

- Забыла что-нибудь? - и смеется.

А мне не до смеху. Присмотрелась, лицо вроде знакомое. А мотоциклист:

- Так, может, у меня есть то, что забыла? - и шлем снимает. Ба, да это тот, чернявый и насмешливый, что на танцах подкатывал. Обрадовалась я ему, как никому и никогда не радовалась, бросилась обнимать, даже в щеку поцеловала. Оказывается, Манефа Иринеевна обнаружила мою пропажу, выбежала на улицу, а машина наша уже подъезжала к лесу. Что делать? Решила отнести мои документы в колхозную контору, а по дороге встретила племянника на мотоцикле.

- Вот я и поехал в райцентр, нельзя же девушку оставить без документов. А вещи где твои?

- Я в камеру хранения сдала...

- Садись, подвезу, - глянул на часы, - может, на второй рейс успеешь, у нас в запасе полчаса....

- Шанс есть, поехали! - обрадовалась я.

Как мы мчались! «Только небо, только ветер, только счастье впереди...» Буквально в двух километрах от райцентра на мосту застрял комбайн, и проехать не было возможности, но мой герой рванул через речку по отмели, брызги летели во все стороны, и мы промокли до нитки. Но мы, кажется, даже не заметили, а когда «ИЖ» взревел и вынес нас по узкой извилистой тропке вновь на дорогу, оба мы были в полном восторге.

В аэропорт мы успели, хотя рейс заканчивал посадку. Я побежала в кассу, не обращая внимания на испачканную одежду и сырые волосы.

Кассирша оценила мой совершенно ошалелый вид, покрутила у виска:

- Девушка, ты ненормальная, какие билеты? Есть одна бронь, командировочный из обкома партии. Ждем. Если он откажется, то твое счастье и билет твой.

Я выбежала на улицу, чтобы наверняка видеть, едет или нет тот самый командировочный, от которого зависит счастливый билет. Едва я оказалась на улице, мой спаситель бросился мне навстречу:

- Лена, ты решила остаться! Вот здорово! - подхватил и поцеловал меня в висок. Я опешила:

- А откуда ты знаешь, как меня зовут?

- Так я же вез твой паспорт.

Тут засмеялась и я:

- Так нечестно, я же не знаю, как тебя зовут.
- Меня зовут Игорьь.
- А фамилия?
- А фамилия у меня такая же, какая будет у тебя.
- Никонов?
- Нет, Илюхин. Ты тоже будешь потом Елена Илюхина...

В репродукторе раздался треск и недовольный голос диспетчера: «Гражданка Никонова, подойдите к кассе, повторяю...»

- О, кажется, мне повезло, и я улечу на этом рейсе, - воскликнула я, чмокнула провожатого в щеку, - спасибо тебе за выручку.

Билет мне действительно достался, я спешно получила багаж и поспешила на самолет. В последнюю минуту оглянулась и подумала: «В этом парне есть что-то особенное, родное, притягивающее, даже трагичное... Жаль, что я не увижу его никогда. Жаль...»

Я прилетела в Вологду и в тот же день уехала на неделю «к мамке на пирожки». Дома меня приняли радостно, еще бы, явилась с деньгами, в отличном настроении и радужными планами в голове. Назавтра побежала в ателье, поздороваться с наставницей, а заодно сделать выкройки, чтобы сшить себе брючный костюм.

Ангелина Петровна была не в духе, а может, я пришла не вовремя, она ругалась с уборщицей: та неаккуратно побелила печку и чем-то еще не угодила. Она бушевала не на шутку и не собиралась тратить время на меня. Но когда увидела новые модные журналы с выкройками и металлическую баночку растворимого кофе «Ленинградский», просияла:

- О, Ленка, приехала! Ставь чайник... Да рассказывай, что нового?
- Все хорошо у меня, Ангелина Петровна... - начала я, выкладывая печенье.
- Да я не про тебя, у тебя-то я и так вижу, что все в порядке, - перебила меня мастерица. - Что нынче новое в магазинах? Фурнитура, ткани...
- Да мы только что из колхоза, нигде не была, только успела в киоске аэропор-та журналы купить...
- Журналы - это хорошо, - кивнула она, перелистывая страницы. - Ты что с ними делать собралась? Полистать - и все?
- Я вам в подарок...
- И подарок - это тоже неплохо, пригодится... А сама-то что собираешься де-лать?
- Вот этот костюмчик сошью, - я ткнула пальцем в понравившуюся мне мо-дель и покраснела.
- Сможешь? - испытующе посмотрела она.
- Буду стараться, может, и выйдет, а если не выйдет... - уверенность в моем голосе пропала.
- Нет, милая, так дело не пойдет, - решительно перебила Ангелина. - Если ты не веришь в свои силы, да еще и надеешься только «на авось», не видишь в голо-ве, как все делать, то ничего путного не выйдет...

Я молчала смущенно. Ангелина тоже замолчала, отпила пару глотков кофе, отодвинула кружку. Взгляд ее поменялся. Она начала выспрашивать меня про

учебу, житье в городе и будущую профессию. За все лето ни разу не спросила, ей было все равно.

Отвечала я вяленько, да и что я могла рассказать о том, в чем мало понимала. Да, снова буду ходить на занятия, писать конспекты, волноваться перед зачетами и экзаменами...

- Ленка, а может, ну ее, эту профессию бухгалтера, зачем она тебе, чужие деньги считать, все дни над бумагами корпеть... Цифры, цифры, цифры... Никакой от них радости. У тебя же все мысли только про шитье да про наряды, - вдохновенно заговорила Ангелина Петровна, - да и получается у тебя. Мне как раз из райцентра позвонили, молодежную бригаду надо создать. Я тебя первую возьму.

Лицо мое вытянулось от неожиданности, такого поворота дела я никак не ожидала.

- А как же учеба? Стыдно бросать, засмеют, а отец вообще убьет, - залепетала я.

- Не ты первая, не ты последняя, кто учебу бросил и домой вернулся. Невелик позор, не в подоле и принесла. Переведись на заочное отделение. Двух зайцев убьешь...

- Я подумаю, - сказала я, прощаясь. Хотя уже вбегая на родное крыльцо, знала точно: я буду лучшей на свете портнихой!

Мое решение удивляло всех не очень долго. Родители одобрили, при условии, что я продолжу учиться. В техникуме, когда я пришла писать заявление о переводе, не очень-то поверили, что продолжу учиться. Девочки в комнате меня не поняли совсем, объявили бойкот и заявили, что не желают больше со мной общаться как с предательницей. И только Ирка пообещала, что обязательно даст мне свои конспекты, когда я приеду на сессию.

Пожалела ли я о своем выборе? Нет, не пожалела. Хотя совмещать учебу и работу было совсем не легко. Часто так бывало: надо писать контрольные, готовиться к сессии, и как раз в это время куча срочных заказов. Свободного времени совсем не было. Но это совсем не расстраивало, а наоборот, приносило радость. С удовольствием смотрела на заказчиц в сшитых мной платьях, нравилось, что они приходили снова, приходят их подружки. И правда, портниха - хорошая профессия, полезная, радостная... Шьешь, ночи не спишь, устанешь, а получишь удачно - силы сторицей возвращаются.

Два года пролетели быстро, учеба в техникуме заочно ничуть не легче, чем учеба очная, те же требования, те же экзамены, разве что нет переживания, куда распределят после госэкзаменов.

Бывшие мои подружки по комнате разлетелись кто куда. Альбина закончила с отличием и продолжила образование в институте, Светка выскочила за солдатика и уехала в Ростовскую область. У Иринки было «все сложно», с той самой поездки на уборку льна она переживала по своему Гоше. Той же осенью его забрали в армию, она с ним переписывалась, ездила в часть, когда ему давали увольнение.

Эти поездки не прошли бесследно: госэкзамены подруга моя сдавала уже с токсикозом. Ирка отчаянно верила, что матерью-одиночкой не станет, и если ее возлюбленный придет в октябре, то ребенок родится в законном браке. Свадьбу, по Иринкиным подсчетам, предстояло сыграть на Октябрьские праздники. Обо всем этом я узнала случайно, столкнувшись с подругой в сентябре на автовокзале:

- Ленка, мне очень нужна твоя помощь. Я же к ноябрю ни в одно платье не влезу. А мне хочется красивое белое свадебное платье, такое, чтобы я выглядела красивой, а не толстой каракатицей. Пообещай, что ты приедешь ко мне и сошьешь?

- Хорошо, только ты мне сообщи заранее.

На том и сошлись.

К Иркиной свадьбе я начала готовиться заранее: отложила великолепный белый гипюр, ткань для чехла, купила жемчужные пуговицы, а для второго дня подобрала нежный голубой шелк. И себя не забыла, сшила темно-синее бархатное платье.

По распределению Ира попала в колхоз-миллионер, где председатель - ее родной дядя, а отец - главный агроном. Так что свадьба планировалась пышная, ждали только жениха.

Я взяла отпуск на работе и приехала в село за две недели до торжественной даты. Встретили меня радушно. Иркин старший брат Иван работал кинемехаником, мы с ним сразу подружились. По вечерам я с Иваном вместе ходила в клуб и в окошечко из кинобудки смотрела фильмы. Почти ночью мы возвращались обратно, и если все уже спали, то мы тихонечко пили чай на кухне и хихикали.

Наряды для невесты я сшила вовремя, оба платья получились на загляденье. Голубой цвет Ирке очень к лицу, и ткань струящаяся, животика почти не видно. И вот как раз в тот самый момент, когда Ирка примеряла платье из гипюра, в дом пришел долгожданный жених, в длиннополой шинели с красными погонами. Хоть и ждали его, а приход его всех застал врасплох. А как известно, свадебное платье увидеть раньше времени - плохая примета. Шум, суета... Я кричу:

- Ирка, быстро за занавеску, переодеваться!

Куда там! Ирка меня не слушает, с радостным криком любимому на шею. Ее понять можно, она так его ждала. Мать, Галина Ивановна, навстречу жениху не вышла, а отец в это время был на работе.

Ирка со своим Гошей уединились в комнате, а мы с Иваном и тетей Галей пошли на кухню стол накрывать, чтобы гостя с дороги потчевать. Иван меня передразнивал, как я смешно бежала за Иркочкой и пыталась закрыть платье невесты подвернувшейся под руку накидкой на кресло. Сказать по правде, я даже этого и не запомнила.

Через два дня начались свадебные хлопоты, насчет стола никто не сомневался, всем занимались повара в столовой, торжественная часть - это уж работники клуба. Моя задача была простая: красиво одеть невесту, ну, и заодно помочь и всем членам семьи. Два последних дня я только и делала, что уютжила, подгоняла одежду по фигуре или исправляла ошибки неизвестных мне портних.

Иркина семья мне сразу понравилась, хотя и не без странностей - показушная, все-то им надо, чтобы лучше, чем у других. Городские родственники понаехали, гостей за свадебным столом планировалось человек двести. Жениху это все, похоже, очень не нравилось:

- Зачем такая прорва народу? Я думал, мы распишемся, посидим в семейном кругу, и все.

- Что мы, нищие какие-нибудь?! - возмутился отец.

- Вы, может, и состоятельные, да я пока нищий. Я не могу так!

- А как ты можешь? Без свадьбы спать? - начал повышать голос дядя-председатель. - Все будет так, как и намечено, а твое дело, зятек недопеченый,

сидеть за свадебным столом, гостям улыбаться. Чай, не бесприданницу берешь, вот ключи от новой квартиры.

- Что не «бесприданницу», всем гостям видать...

- Это ты на что намекаешь? - встревожился отец.

- Сами знаете...

Ирка в слезы, я ее увела в другую комнату. Надо ехать на регистрацию, а у нее тушь потекла. Утешаю подругу, как могу, а мне тоже нехорошо стало: чувствую, гроза вот-вот разразится.

Тут «Волга» под окном засигналила, автобус подошел. Все засуетились, заулыбались, как будто и не спорили минуту назад.

В сельсовете - красная ковровая дорожка, музыка торжественная, народу куча, женщина-регистратор в темном парчовом платье с лентой через плечо, цветы в руках невесты... Я - свидетельница со стороны невесты, Иван - свидетель со стороны жениха... Вот уже и до слов дошли - «объявляетесь мужем и женой! Теперь жених может поздравить невесту свадебным поцелуем...»

И тут жених поворачивается ко мне и целует прямо в губы. У меня в глазах свет померк. «Что?» - не поняла я? «Что?» - не поняли все присутствующие. Затем он разворачивается и выходит прочь из зала регистрации. Вот уж немая сцена из «Ревизора». Я смотрю ошалелыми глазами на невесту, Ирка набрасывается на меня с кулаками, Галина Ивановна начинает выть, а отец - материться, женщина-регистратор с ходу выпила два бокала шампанского...

Первым пришел в себя Иван и побежал догонять сбежавшего жениха, за ним следом еще какие-то парни. И только неуместный Мендельсон звучал, напоминающая, зачем мы все собрались.

Жениха все-таки догнали. В ноябре в одном костюме и туфлях далеко не убежишь. Местная молодежь Гошу отмутила изрядно, так что свадебный костюм оказался весь в грязи. Жениха отвели домой, он умылся, переоделся в ту самую дембельскую форму, в которой пришел в дом невесты. Гвардейские значки и значок «Лучший стрелок» ему шли гораздо больше, чем тот дурацкий цветок из гипюра, что я сделала для жениха в цвет Иркиного платья.

Все, кто был приглашен, пошли гулять на свадьбу в столовую. Свадьба, говорят, была очень веселая, все смеялись, что это впервые, когда свадьба начинается скандалом, а заканчивается радостью. Обычно все бывает наоборот. Только я не гуляла на этой свадьбе. Надо же было кого-то назначить виноватым. Я как раз подошла. Приехала тут, понимаешь ли, какая-то, чуть все дело не испортила. Нечего на чужое зариться.

Собрала я свои вещички, - да на попутку скорее, ждать пришлось недолго. Сначала обидно мне стало на этого самого Гошу: что на него нашло? - А потом смех разобрал... «Чудны дела твои, Господи...» Это же тот самый парень, который на самолет меня провожал, - Игорь, Гоша... Что же я раньше не догадалась? Говорила мне бабушка Манефа: «Ничего хорошего не выйдет», а я в Иркиных туфлях побежала... Не бери чужого да слушай старших. Все свое надо иметь.

Как дальше у Ирки с Гошей жизнь сложилась? Мальчик родился вскоре после свадьбы, квартиру получили, Гоша работал на тракторе, Ирка осталась верна полученной в техникуме профессии, а Гоша - нет. Ушел он от Ирки через четыре года, а заодно увел невесту у брата Ивана. Но это уже совсем другая история.

На всё воля Божия

Смотрела я сегодня, как семнадцатилетняя племянница собирается на выпускной вечер - взволнованная, юная, влюбленная - кружится в светло-лимонном платье перед зеркалом, всматривается в свое отражение и мечтает о неизведанном счастье. Точно так же, как когда-то перед этим зеркалом кружилась и я.

Мои подружки в классе седьмом начали заглядываться на мальчиков, бегать на танцы в клуб и даже завели себе кавалеров. Меня это совсем не интересовало, лет до шестнадцати. Я любила читать книги по естествознанию, отлично училась в школе и мечтала стать всемирно известным ученым, таким же, как Софья Ковалевская. Гордилась, когда говорили, что я на нее внешне похожа.

Как я относилась к противоположному полу? Настороженно. Все парни казались глупыми, грубыми и насмешливыми. И еще я слыхала от старших, что у пацанов одно на уме: обхитрить, обесчестить и бросить девушку, и потом похвастаться перед друзьями своими победами. А девушка без чести обречена на гибель: ее и замуж никто не возьмет, и родители из дома выгонят. Поэтому предпочитала держаться от молодых людей подальше. Но, как гласит народная пословица, чего боишься, на том и надсадишься.

Своего суженого я нашла в лесу. Тот год был обилен на грибы и ягоды, и мы с подругой каждый день ходили на дальние лесные вырубki за брусникой. Федор поблизости охотился на боровую дичь и вышел к нам по просеке. В чем он был одет, как играло солнце в карих глазах, я помню и сейчас до мельчайших подробностей. Хотелось подойти к нему поближе и не спешить никуда. Статный охотник поздоровался с нами, сказал весело-ободряюще пару слов, постоял минут пять и пошел своей дорогой.

С этого мгновения я ни о чем и ни о ком больше думать не могла. Видеть его, слышать его голос - вот что хотелось больше всего. Как произвести впечатление, завладеть его вниманием и все узнать о нем? Планы захвата рисовались один невероятнее другого. Наверное, такой и бывает любовь с первого взгляда.

Чем больше я собирала сведений об этом человеке, тем больше понимала, что положение мое скверное. Но чем больше люди о нем говорили невероятно, тем больше я распялась, мне хотелось его оправдывать и защищать. Фёдор приехал в наши края по распределению после окончания лесного техникума. Начальство его хвалит. Живет на квартире у пожилой родственницы. Смущало то, что Фёдор уже был женат, но молодая жена отказалась ехать в глушь (сказать по правде, от этого сердце заходило жалостью). Вся деревенская молодежь каждую субботу обязательно ходит в кино и на танцы, а он нет. Ни за кем не бегает, никому предпочтения не отдает, а девчата сами на шею вешаются. «Разве так бывает?» - недоумевала я.

Сознаться в своей симпатии я не могла даже подругам, на смех же поднимут! А стоило, наверное, об этом поговорить с умными людьми. Я считалась девочкой рассудительной и изо всех сил старалась погасить бурлящие эмоции. Но всё напрасно. Чем крепче я себя сдерживала, тем опасней разгорался пожар. В душевных муках и пустых мечтаниях прожила четыре месяца. И, может быть, моему разуму досталась бы победа, но случай свел нас однажды вечером на узень-

кой дорожке. Герой моих терзаний шел по едва заметной заснеженной тропинке прямо навстречу, и отвернуть каждому из нас было решительно некуда. Федя подошел ко мне вплотную, молча обнял и поцеловал крепко прямо в губы. Я чуть не умерла от неожиданных ощущений и заплакала. Это был первый поцелуй в моей жизни, и он нисколько не походил на литературные описания из школьной программы. Он сказал: «Я все знаю. И я тебя люблю!»

В художественных книжках, отражая переживания героев, часто пишут: «Вся жизнь пронеслась перед глазами...» Так и со мной. Я мысленно цитировала Татьяну Ларину: «Вся жизнь моя была залогом свиданья верного с тобой...» Сказать честно, ничего глупее и придумать нельзя, как брать взаймы слова и поступки вымышленных персонажей. А с другой стороны, на что и на кого опереться? Я ничего не знала о жизни, разве что «Евгения Онегина» наизусть. Мне казалось, что я сейчас же умру от счастья или страха и окажусь на седьмом небе. Тогда я еще не знала, что эту волшебную фразу с признанием в любви Федор говорит всем без разбору. И довольно успешно!

В тот вечер он проводил меня до дома, прощаясь, обнял так нежно, так ласково смотрел в глаза... Это ли не счастье! И назначил свидание на завтра. Всю ночь я не спала, строчила стихи, витала в грезах и мечтала о прогулке под луной. У нашего охотника зрели другие планы. Федя уже был изрядно избалован женским вниманием и ни в чем не знал отказа. А я об отношениях и представления не имела.

Первое свидание. Я волновалась и не находила себе места. Не знаю почему, но у меня кружилась голова. Мы играли в снежки, рассказывали смешные истории, целовались под фонарем, и я, наивная, считала поцелуи. Мороз крепчал, мы изрядно замерзли. На краю деревни в окне сторожки горел свет, над трубой струился дым. Федор предложил зайти, чтобы погреться и выпить чаю вместе с пожилой сторожихой тетей Фросей. Тетя Фрося славилась добрым нравом, умением варить вкусный травяной чай и бесчисленными историями про старое житье. Мы зашли в сторожку, но тети Фроси там не оказалось.

Неожиданно Федя выключил свет и начал напористо раздевать меня, ласкать мое лицо, шею, грудь. Кровь закипала в жилах, в ушах стоял непрерывный звон, я не понимала где небо, а где земля, день сейчас или ночь... Но сквозь сладострастное, неведомое доселе наваждение вдруг начала осознавать, что надо мной висит реальная угроза, которой я так боялась с детства. Еще минута, и мое тело окажется в полной мужской власти. Это и есть любовь? Такие отношения воспевают великие поэты и восхищаются ими? Походя, в тесной сторожке, на неприглядном тряпье? Если это произойдет сейчас, то как жить дальше? Меня же убьет родитель! Поступиться ВСЕМ казалось абсолютно невозможным, а Федор не намерен отступать. Сила и опыт явно на стороне мужчины. Чем отчаяннее я сопротивлялась из последних силенок, тем больше он распался. Еще мгновение, и все бы закончилось «тяжелой» статьей уголовного кодекса... Мои родители были яркими атеистами и не подумали дитятко окрестить, но я видала, как молится бабушка в закутке, и нам, внучкам, говаривала: «Богородица никогда не выдаст...» Последним проблеском сознания взмолилась к Пресвятой Богородице за помощью и защитой: «Богородица, заступись!» И, о чудо, молитва нашла скорый отклик. Охотник ослабил хватку, и я вырвалась.

Полуодетая, без платка, прибежала домой вся в слезах, бесшумно юркнула в свою постель, чтобы не разбудить родных, и два дня не выходила на улицу. Каза-

лось, горю и унижению нет конца, самые светлые чувства растоптаны. Как жить с таким срамом? Федора с той минуты обходила за семь верст. И никому ничего не сказала.

Молодость берет свое. Умные книги, простой домашний труд, рукоделие и занятия спортом помогли пережить стресс. Я оплакала и похоронила свою первую любовь, простила Федора и посчитала себя виноватой во всем случившемся. Что и говорить, хороший урок. Почти обожглась на молоке, научилась дуть на воду.

Через два года я встретила своего будущего мужа, ровесника по возрасту, и через пять лет мы сыграли свадьбу. И все у нас как у людей - машина, квартира, дача. И пусть больше никогда не испытывала таких умопомрачительных эмоций, но зато добилась успеха в науке и спорте. На этом можно бы и закончить мою «повесть о первой любви». Но эта история не только моя, но и Федора. Федор отработал в нашем районе положенные три года и уехал «на Севера». Нигде подолгу не задерживался. Лет пять назад Федор приезжал в нашу деревню на похороны тетки, завещавшей племяннику все свое имущество: надеялась, что тот перестанет скитаться и оседет в наших краях.

Время было осеннее, охота в самом разгаре, и Федор загостился. И как водится в таких случаях, банька, выпивка, душевная беседа в мужской компании, воспоминания молодости. Мужики подначивают его, мол, какой ходок был! А он, понутив голову: «Было дело...» - и поведал невеселую историю о том, что после встречи с одной малолеткой из этой деревни что-то с ним приключилось... Остыл. Вся могла ушла, как отрезало. Больше ни с кем и ни разу.

На все воля Божия.

Елена
Блицко

«Мне сорок лет, - рассказывает о себе новый автор нашего журнала. - Всё это время живу в Кичменгском Городке; половину этих лет - работаю корреспондентом районной газеты «Заря Севера». Окончила Великоустюгское профессиональное училище по специальности «художник-оформитель. Пробовала писать стихи, когда училась в школе, потом в училище. После этого меня пригласили на работу в редакцию - писать по-другому. Стихи публиковались в сборниках «Звезда Поюжья». Все это не назовешь «путём в литературу» - скорее, это какие-то сначки по кочкам, между которыми длинные временные промежутки. Как-то при мне сказали, что в нашем районе никто не пишет прозу; решила, тоже шутя, это дело исправить. Так появился ворох коротких рассказов о девочке из сельской местности, где старое отживает долго, а новое приживается медленно. Оказалось, то, что я пишу, знакомо и близко совершенно разным поколениям. Одни читатели говорят, что местами смешно, другие - что плакать хочется... Писателем себя не считаю, разве что рассказчиком».

Ленкины рассказы

«М-М-М, ЗИСТЕ ПА...»

Не знаю, откуда вы родом, а я - из зыбки.

Появившись на свет, я плачем и криком отвоевала половину единственной комнаты, в которой ютилась большая семья. Деревянная зыбка представляет собой обычный ящик, напоминающий корыто для свиней; примерно столько же места я и занимала.

Зыбка подвешена за четыре угла толстыми веревками и привязана к прочному железному кольцу, врубленному в потолок по центру. Никаких тебе вуалевых завесов - весь мир на ладони. Выглядывай да глазей. «Ммм-ммм, зисте па, ммм-ммм, зисте па...»

А кольца такие и сейчас можно встретить в старых деревенских домах, куда не добрался ни один евроремонт. Да не каждый помнит их предназначение. Подвешат тебя с рождения в зыбке на такое кольцо, - и ни одна сила притяжения не коснется.

«И стертые веревки так скрипели, так замолкали каждый раз нежней...» - приятно думается мне при этом. Чего никогда бы не подтвердили делившие со мною мироздание.

Зыбка была новенькая, потому что предыдущие дети кричали менее эффектно, и их сразу укладывали в статичные кровати.

Но в центре комнаты висела зыбка, покрашенная в зеленый цвет оттенка всех казенных учреждений. В зыбке - в центре мироздания - находилась я.

Это, может, какая-нибудь Сикстинская или иная мадонна склонялась над колыбелью. Да и у той-то были - ясли. Деревенская женщина - моя мать - склонялась над зыбкой.

В надежде хоть одним глазом подремать перед рабочим днем, она раскачивала зыбку ногой, спущенной с еще одного оплота деревенского жилища - русской печи. Да раз и прикорнула, прислонив голень к горячей стенке - на достаточное время для того, чтобы получить основательный ожог.

В представлении современного человека в колыбели качают только младенцев. Наверно, в прошлом к этому относились проще: я спала в зыбке, пока не начала из нее выпадать. А точнее - вышагивать.

Проснешься так утром и, не потянувшись, вышагнешь, брякнувшись об пол. Бережет, говорят, Бог алкашей да детей: встанешь да пойдешь!

По радио, из белой коробки радиоприемника, поет необыкновенный: «Ммм-ммм, зисте па, ммм-ммм, зисте па...» Каждый день поет!

А в маленькое окошко бьет солнечный свет - изобильно, как по празднику. Во дворе - гуляет бабушка. По выковренной мохнатой, низкорослой ромашкой земле. А где лепестки? А нет лепестков у душистой ромашки! Только пшеничные, пахучие, многочисленные головки вышивают ковер.

И пробуждение это - с вышагивания-то! - всегда как откровение и открытие. Вышагивать ведь можно только - навстречу чему-то. Это взрослый знает, что можно еще - и вниз.

Но...

- И даже последний кусок мыла забрала! - с каким-то даже удовлетворением, возмущенная неслыханной, еще не виданной ребенком наглостью, повторяю я отцу.

Стоило на время отлучиться, разлучиться с зыбкой, как пришла в дом цыганка. Намеренно - за зыбкой. Потому что глаз да глаз нужен был за ней! Не хватило глаз. Ничего не могли сделать, - все забрала: и зыбку, и хлеб весь, и мыла последний кусок.

Как можно плакать, если у взрослых мыла последний кусок отобрали? Это мы можем не мыться: попади только в баню, - последнюю кожу с головы сдерут!

Поделиться страшной новостью, обрушившейся на дом, расшатавшей основы основ, - необходимо было идти к отцу, который работал на стройке.

«Ведите меня к нему!» - не просила, приказывала, потому что мочи нет. Обухом пришибло, камнем придавило: нет больше зыбки. Всегда была и не будет больше.

И вот хожу я по недостроенному чердаку, где отец занимался отделкой мезонина.

Ох, уж каких-то только мезонинов не бывает на свете: в иных как согнешься, так полжизни и проживешь. По правильному ли назначению применяется слово - прижимистый? Я бы называла прижимистыми людей, вынужденных жить в мезонинах с низким потолком.

Но отец строил не такой. Во весь рост!

Увлеченно работая топором, он покачивал головой на все лады, подстраиваясь под мои возмущения.

«Ой-ей-ей! Ты подумай...» - повторял он. Он меня лучше всех понимает в таком вопросе, и точно смеяться не будет.

И как не заметить было плохо скрываемой его улыбки? Ведь - через года - вижу ее. А тогда - не разглядела. Интересная штука зрение: физическое с годами слабеет, а внутреннее - острее, получается.

«И последний кусок мыла...» - повторял он за мной. Вон же она, улыбка - за медленным поворотом головы!

Этот последний кусок мыла, якобы унесенный цыганкой, эта точечная подробность и странный набор украденного - хлеб, мыло, зыбка (нет, зыбка, хлеб, мыло, - если по первостепенности) не оставляли никаких сомнений в том, что злодейство действительно было совершено. Человек верит в подробности.

Так, избавив от зыбки, занимавшей половину крохотной комнатки, меня лишили родового гнезда.

Много позже я узнала, что у слова «зыбка» есть и другое значение, - рыболовная сеть, натянутая на раму. Так и быть, рыбка я, оказывается.

На долгое время оплакиваемая мною зыбка, взрастившая меня и вынежившая, была свалена на темный чердак как без вести пропавшая.

И только с переездом в новый дом оказалась так же цинично сваленной среди недопиленных дров - на тот же распил.

Деловито оглядев ее, - «в наших бродячих братствах рыбачьих пляшут - не плачут!» - я даже ногой ее слегка попинала, как автомобилисты проверяют шины. Рухлядь.

А жизнь, она зыбкая, зыбкая...

ЧУГУНЫ БЫЛО ТРОГАТЬ НЕЛЬЗЯ

Чугуны было трогать нельзя. Но от них так вкусно пахло, что не трогать их тоже было нельзя. Выставленные на шесток русской печки, покрытые несколькими слоями черной сажи, причудливо спрессовавшейся на покатых стенках, они источали такой необыкновенный запах, что даже пройти мимо было сладчайшим удовольствием. Главное, - проходя, посильнее вдохнуть этот жар от чугунов.

«Чугуны не трогай!» - сопровождал тебя при этом каждый раз грозный возглас. Каждый сверчок знай свой шесток. А я не свинья, я всего лишь сверчок. На этом же шестке - чугуны для свиней.

Они всю семью кормят. Поэтому и их кормят вкусно.

Не то что некоторых. Некоторых супом травят.

Нальют в низкую тарелку - на глубокую-то я уж совсем не соглашусь - нальют и «пока не съешь». И не знаешь, когда кончается это «пока не съешь». Что за время суток? Который час?

Человек, говорят, с годами «ссяжается». Вот и бабушка уже не растет, а вся сселась. Она так и говорит: «Я-то уж ссяжась». И я уже ссяжась над этим супом, а он и не думает остывать.

А по тарелке бегают нарисованные и счастливые звери, которых не травят супом. Не врут, что лука в нем мало. Прозрачный лук, которого мало, так и норovit слиться с бульоном и залезть в ложку. Не бывает мало лука. Но самое страшное - это разжевать белый кусочек картошки, а он окажется - салом!

А звери - бегут. Точнее - едут. По краю злосчастной тарелки с супом. Заяц на самокате, лиса на велосипеде, волк на мопеде, медведь на мотоцикле. Друг за другом по кругу. И если мешать суп по часовой стрелке ложкой, то можно пред-ставить, что это разгоняет зверей. И чем интенсивнее ты работаешь ложкой, тем больше они ускоряются, и вот-вот догонят друг друга, а может, врежутся и даже свалятся с транспорта прямо в противную жижу. Конечно, жижа в результате вы-плескивается на стол. На вечно липкую клеенку.

Эти столовые клеенки тоже надо запретить, а не чугуны трогать. Клеенки, они и только из магазина принесенные, уже - липкие. От новой клеенки запах так и бьет в нос. А со временем она и вовсе впитывает в себя все запахи на свете. Зато по этой клеенке бегают охотники с собаками. Их хоть каждый день спра-шивай: «Ну, как охота?» Если никто не ответит - тот, кто сидит и покуривает трубку, обязательно да кивнет головой. Мол, хорошая охота. Охотники корич-невые с ног до головы. У них коричневые ушанки, как у папы. И коричневые лица, как у папы. И ружье, как у него. И много-много коричневых собак в раз-ных позах. Вот если бы пересчитать всех собак и всех охотников и посмотреть, по сколько собак на каждого приходится: по одной или больше... Но я считать не умею. А когда считать не умеешь, не досчитаешься. И суп никуда не денет-ся. Зато я знаю, что буду делать, когда вырасту. Я не буду есть суп. Вот прямо за столом и вырасту. И не буду.

Ведь если уж здесь не кормят из чугунов, так хоть бы картошки на печке на-пекли. Нет ничего вкуснее печеной картошки.

Выберут самые крупные картофелины, почистят их, порежут на кружочки и, посолив, выложат прямо на раскаленную плиту, как карты. И ждут. Потом пере-вернут вилкой на другую сторону. А запах уже расходитя... Картошка-то подру-мянилась, а местами и вовсе вздыбилась черными аппетитными пятнышками. Одним запахом можно насытиться.

А чугуны для поросят даже нюхать не дают. Сначала еще надеешься, что это, может быть, тебе. Но «отойди от чугунов», - говорят. Что, интересно, в них варят, что хочется прямо руками из чугунов черпать? Сверху корочкой все запеченной покрыто и пахнет так, что голова кружится. Свины здесь в почете.

Маленьких поросят держат прямо в доме в большом деревянном ящике с со-ломой. Они там сидят и похрюкивают. Потом бабушка нальет в тяжелую голу-бую миску молока, крошит в него хлеба. А я заберусь с ногами на стул и вся съежусь от предвкушения. И как только бабушка откроет дверцу ящика, порося-та - со всеми их пяточками и хвостиками - выбегут прямо на кухню. Начнут ты-каться носиками в молочко, и нет ничего интереснее, чем за этим наблюдать. И чем громче они причмокивают, тем выглядят милее.

Наевшись, они начинают бегать по комнате, но их никто не загоняет обрат-но. Дают набегаться. Но набегаться у них особо не получается, - по гладкому полу скользят копытца и ножки разбегаются в разные стороны. Только если каждая в отдельности набегается. Но всех это веселит и укрепляет во мне мысль, что вы-пускают их не для корма, а для представления. Мне их жалко. Зато их кормить потом из чугунов будут, а мне опять не подходить.

Много позже, шутки ли ради, я все-таки спрошу маму: «А пошто вы поросят-то вкусней меня кормили?»

Но взгляд её мне уже будет не описать. В течение вечности, нависшей надо мною гильотиной, она одаривала меня своим взглядом, в котором читалось недоумение, граничащее со страхом, - кого же она все-таки родила?

«Очистками-то? - наконец, спросит она, решив, что многоречивый взгляд уже испепелил меня достаточно. - Очистки от картошки с крупой. Тебе сварить?»

УГОДЬЯ НЕСЧИТАННЫЕ

Владения у меня были большие, угодыя несчитанные.

Или под кустом в малиннике сиди, или в палисаднике прятаясь, а хочешь - выходи на берег, руки в стороны раскинь и стой на ветру, пока не надоест. Вся река твоя. До поворота.

В какой-то момент, конечно, по утрам на противоположный берег приходили пастись коровы. Кто их пускал на твои берега, неизвестно, но с этим временным вероломством приходилось мириться.

Но в целом, если ты одинок - мир в большей степени принадлежит тебе одному, потому что не приходится им делиться. И он - не деленный-то - в разы больше!

Это потому что я - единоличница. Одна бабка в колхозе свиней приворовывала, а другая их, недельных, выхаживала. А единоличница в семье я!

Мне, если чего и надо, так эту реку и чтобы по ней всякие коровы без разрешения не ходили.

Но каждое утро они вырисовывались по белесому туману из-за поворота реки, словно их кто-то гладью по зеленому полотну вышивал. Черные, пятнистые, рыжие... Вышивает их кто-то, вышивает, потом собьется, распустит весь узор, - пустой берег стоит. А утром снова - вырисовываются. Ничего не поделаешь, - время коров.

Только если бабушку на берег сводить. Положит она под тебя прямо на траву высокую подушку, достанет из кармана фартука игрушечную мышку, и сидит - за ниточку дергает, а грызун бегаёт. Играется бабушка. Может до вечера играть, если не остановить. Ей делать нечего, она со мной - сидит.

Вот если бы она не сидела, а смогла пойти со мной за тот поворот, где река кончается. Посмотреть бы, кончается там река или дальше бежит? Хотя куда ей бежать, - дальше, поди, и жизни-то нет. Да и бабушка, наверно, слишком старенькая, чтобы за реками бегать, - не уйти ей далеко. Сидит уж пусть, играет своей мышкой. Радует, как малый ребенок. «Смотри, смотри, - говорит, - как бегаёт». Мышка бегаёт, река бежит, я одна на подушке сижу, единоличница.

А за ледяным ручейком, высланным глянцевыми камушками, - табор цыганский.

Высокий берег - это ведь что? Это вниз угор да вверх угор. На одном угоре я, как барчонок, на подушке, на другом угоре - люди живут. Двигаются, двигаются. То к реке с какой посудиною подойдут - ополоснуть, то ее же на землю прямо бросят. Тут и там у них на земле медные тазики - и пустые, и с остатками еды. Ходят босые, - ну, как мы. Они тоже как узор на полотне, - сегодня есть, завтра будут, а послезавтра, может, и следа не останется. Зола от костра только если, пара тряпок каких.

Много позже в старых подшивках местных газет я прочитаю, что цыгане каждое лето приходили на этот берег, где сосновый бор. Еще в сороковых годах здесь

же располагался их табор, и сюда же приходили походом местные пионеры. Пионеры пели, а цыганский мальчик танцевал, - писали газеты.

Сегодня-то есть, а завтра?

Вечером приведут меня - вниз по угору, вверх по угору, - в маленький табор.

Темно уже, только речка местами блестнет, как подмигивает. А глаза уже сами закрываются, - тяжело целый день-то ничего не делать. Не продать ли тебя хотят? Да кто тебя купит, - с подушками.

К тебе подводят черненького мальчика - то ли по возрасту, то ли по росту определив, что должны найти общий язык. А ноги у него - по колено в красной глине. Вот ведь чем люди-то занимаются, а ты все на подушках в траве сидишь.

А глаза уже смыкаются, - какие мальчики, какие ноги. Зевается так, будто одеялом теплым укутали. Завтра опять коров следить. Без меня и пасти-то их некому. Уйдут еще за поворот, где река кончается. Где и жизни нет. Какая там жизнь, - дальше берега...

Не я ли вышиваю этот пятнистый узор - гладью по зеленому полотну? Вот захочу, и не будет коров... Вот захочу... И не стало.

«СТРАШНО ТОЛЬКО ГОГОЛЯ...»

- Он там гроб себе колотит! - сказала так, как будто он яму себе роет.

Пилит сук, на котором сидит.

Ну, гроб и гроб. Хоть десять раз повтори, страшнее не становится.

Страшно только Гоголя перед сном читать - скребется.

Нам на литературе рассказывали, что раньше в деревнях в каждом доме в сенях домовище стояло. Иной, может, сразу после свадьбы себе это домовище справит, а сам и жену, и тещу переживет. А домовище стоит, только темнеет от времени.

Знаю я эти разговоры.

Отец уже давно на меня смотрит, не отрываясь, за столом.

Не выдержишь:

- Ну, чего?

- Ничего... - улыбается. - Представляю, какой ты вырастешь.

Сидишь, как на прививке, - терпишь. Может, чего красивое придумает, а оно и получится. Когда на тебя смотрят, улыбаясь, ты, хочешь - не хочешь, красивее становишься. Супротив.

- Умирать вздумал! А я? - прожигает мама его взглядом.

- Так это же не я вздумал. Врачи говорят, - разводит папа руками. - Ты мне ширину плеч смеряй лентой?

- Тьфу на тебя!

Но разговоры одно, а гроб другое. Это не продолжение. И не подтверждение тому, что врачам прям на слово поверили. Этак все бы себе с рождения гробы готовили. На вырост.

Ну, делает человек себе гроб. Потому что умеет. И рамы оконные умеет, и двери. Дома строил, и гроб получится. Не понимаю, зачем из этого делать трагедию.

У бабушки давно всё собрано на смерть. И платье, и сорочка, и платки носовые. Гребешок еще в волосы.

У нее столько на смерть собрано, сколько у меня на жизнь нет. Даже бальзам «Звездочка» имеется.

Перебирает время от времени. То, говорит, в красном платке положите. То, говорит, в зеленом. Сама даже не кашляет.

Или - вон соседка пожилая. Пришла как-то, говорит, шейте мне платье на смерть. Ну, не смогли отказать, - дело такое. Ходила она, ходила на примерки. А как готовое на себя надела, всё, говорит, летом гулять в нем пойду. Еще и заприплясывала по комнате. Как тут со смеху не прыснешь.

А отец - плотник. Ему что - платье себе готовить?

А страшно... Страшно только Гоголя перед сном читать - скребётся.

Перекусив после школы, иду в мастерскую.

- Бери рубанок, - говорит отец.

- Вот еще, - отвечаю.

Что я, маленькая? Двенадцать лет, между прочим.

- А раньше любила строгать, - напоминает.

- Так это когда было!

Вспомнит тоже.

Раньше-то интересно было. И как доска из шершавой в гладкую превращается, и как стружечки кудрявятся. Вон, и рубаночек мой маленький лежит. Даже когда на большие доски перешла, не отказалась от него. С привычки-то быстрой своим отстругаешь. Он легкий, аккуратный.

На скорость соревновались. Уступал. И вот когда поймешь, что тебе уступают да подыгрывают, значит, всё - выросла. Какой теперь рубанок?

- Да у меня тут занозы какие-то остались, - врёт. - Пройдись-ко, просмотрел.

Врё-оот. Вылижет все, как на выставку. Занозы какие-то. Поговорить просто не о чем.

- Не боишься?

- Вот еще. Страшно только Гоголя перед сном читать, - скребётся, - бравирую заготовленной фразой, наблюдая за эффектом.

Мы тут, между прочим, не в стружках родились, а книжки почитываем. С некоторых пор у меня появилась мода умничать.

В стружках ты, в стружках родилась. Вот в этих самых стружках - узких, как серпантин, и широких колбасных отрезках. А запах...

- А вот, если... Ну, например... - трюсь я около свежесбитого, белого гроба.

Ну, как о таком попросить? Может, о таком и не просят.

- Полезай, - кивает папа, догадавшись. Забираюсь с табуретки, так как гроб стоит высоко. В какую сторону ложиться - не знаю. Чему нас только в школе учат?

Лежу без ощущений. Ну, залезьте в пустую коробку, - кроме ощущения, что вам не фиг делать, - других не получите.

- Я как панночка... - говорю, улыбаясь. Ох уж этот Гоголь.

- Так она ж старухой была, - заливается он.

Теперь у нас в мастерской стоит домовище. Мне нравится его так называть. Домовище - слово литературное. Как будто и не гроб вовсе. А так - гроб на потом. На когда-нибудь.

А другие стороной пусть обходят и шепотом друг другу передают. Громко-то им страшно. Хотя страшно только Гоголя перед сном...

- Продал гроб-то, - через некоторое время скажет мама. - Мужичу какому-то понадобилось, он и отдал. Гроб-то красивый был...

КОРОМЫСЛО

Она шла, сохраняя какое-то равновесие не только ведер, а мира в целом.

Что-то замирало в нём, в мире-то. Кусты немели.

Да и всё превращалось в давно просохшую картину на холсте. Которая еще жила, быть может, пока на неё наносили и наносили мазки. И, вроде бы, не решишь ты на этот последний штрих, оставь её немного незаконченной, и в ней осталось бы дыхание. Но вот же, - вылизали до канона. И нет в ней - жизни. В ней нет - сомнения...

Так же неестественно цепенело всё вокруг, вмиг становясь бутафорским, когда шла она с полными ведрами. И клонила усталость и старые дома, и старые заборы.

Только женщина спокойно выступала с коромыслом на плече, жестяные ведра едва покачивались при ходьбе. Не сплеснув, не пройдёшь... Не признанное никем, неоцененное искусство.

Ни до, ни после, кроме мамы, я не видела в реальной, не постановочной, жизни - женщину с коромыслом.

А старые дома, свезённые на этот пустырь из разных деревень, где жили хоть сколь-то более зажиточно, - видели. Их называли «раскулаченные». Будто сами дома, а не хозяев подвергли конфискации имущества и высылке в чужие края. Хотя, собственно, так и есть. На совесть ставленные хозяевами, они стали общежитием для людей всех мастей и укладов. Но именно как такового уклада-то им и не хватало. И окна домов старели, и старились с еще большим отчаянием от пренебрежительного отношения - не своё! - к ним жильцов.

Но как же шла им эта женщина с коромыслом, и сама-то большую часть жизни ютившаяся по углам да маленьким каморкам, к жизни-то не предназначенным. Шла и проходила мимо.

Как будто немного отстающая от жизни, - какие коромысла да палки для белья? - она подходила этим высоким темным домам, скорее, по духу. Возможно, по взгляду своему тяжелому.

Я бежала рядом с ней, как коротко обстриженный домовёнок с болтающимися руками и подпрыгивающими ногами. Голова - на двести семьдесят градусов, как у совы. Торопко. Лапти на ноги, чисто - домовёнок. Где подобрала? Не по воду ли ходила?

Да и на что я тебе... Все-то дома надо мной смеются да дразнят: «Карапузик, карапузик, съел у бабушки арбузик». Даже реплику дали почти что гамлетовскую: «Я не ел, я не ел, я на печке сидел, с тараканом дрался...» Выступаю. Кланяюсь. Но мама не обращает внимания, что у неё растёт, - похожее или пришлое.

Сбитая фигура ее, по которой ваяли все скульптуры крестьянских и посткрестьянских женщин, которых рисовали в поле, в бане, на реке; коричневый загар, не коснувшийся только овальных, как островки, шрамов от прививок; черные, тяжелые волосы, заколотые шпильками в округлую кулышку, - всё это приобретало стать. И всё это приобретало стать только в определенные моменты. В моменты, где, видимо, мать чувствовала себя уверенней всего. Там, где тяжелый труд горбил человека, давил на него, заставляя рвать жилы, оставалось только сохранять достоинство.

Стать эта, каждый раз заставлявшая меня замирать в детстве и до сих пор поражающая воображение, проявлялась в самых привычных, бытовых делах. Как

наклоняла она колодезное ведро, чтобы перелить в своё, как отбивала воду и мыло деревянным бруском при полоскании белья на реке, как замешивала она тесто в большой кастрюле...

Торопко бежит, запыхавшись, с пустым коромыслом, пытаясь на бегу пристроить его как можно удобнее, - то ли двумя руками перед собой нести, то ли под мышкой зажать. Едва изогнутая большая то ли доска, то ли палка с выемками для ведер, - не так-то удобна для ношения.

Коромысло было старенькое, дерево - обмякшее от времени и постоянного использования. Доброе такое дерево. Раньше как-то вещи старели или благородно, или по-доброму. В зависимости от сословия вещей. А сейчас, раз - и в хлам!

Мать выступает с ведрами в руках позади.

А колодец, как из песни. На него, не пропев, не посмотришь. Забираюсь на ступеньку, горланю: - Колодец, колодец, давай воды напиться! Колодец, колодец, дай неба глоток!

Заглядываю, отодвигая в сторону деревянную крышку, - есть ли там небо. Если неба не отражается, то и воды такой не надо, - зря ходили.

Отражается. Облака - мягкие, как куча ваты, - бухнулись прямо в воду. Намокли. Мы их сейчас подцепим, вычерпнем.

- Вычерпни мне облако... - прошу.

- Слезь с колодца, куда ногами-то! - ругается. Директором завода пугает. Как выпрыгнет, как выскочит!

А сама краси-и-ивая! Только ей об этом никто не говорит. А если не говорит, откуда узнаешь?

Вот если бы приехал к нам какой дурненький художник, он бы сказал:

- Стойте, женщина! Вот на этом угорчике прямо с ведрами! Как будто вы сейчас будете спускаться вниз...

- Еще чего! - скажет мама. В ней нет сомнения.

А во мне есть. И нарисует художник, как приплясываю я на ступеньке у колодца. А в окно выглядывает страшный бармалей. А я его не боюсь. Может быть.

ИДУ К ПРИДУРКАМ

Иду к придуркам. С конем.

Конь уже выгорел немного на солнце, потому что я бросаю его посреди двора. Но я знаю, что в душе он ярко-красный. А если потянуть за маленькое колечко на шее, то он заржет, как настоящий. Ей-богу! За это я его очень уважаю. Ведь в человеке что главное? Голос. Может он его подать или нет.

- Опять к придуркам пошла? - уточняет бабушка из окна.

- Нет, - говорю, - не к придуркам.

- Это у нее катание красного коня, - доносится голос отца. Он, в отличие от бабушки, в окна не высовывается.

- Они стукнут так! - угрожает бабушка. Ей всё время кажется, что меня может кто-нибудь стукнуть. Или просто запугивает.

Но я же знаю, на что иду. Я же от них - держусь.

Их все называют придурками. Вечерами они то в сарайке, то в гараже возятся. Разбирают один и тот же мотоцикл: соберут, разберут, соберут.

Ржут как лошади. Издалека слышно. Это в гараже. Мне туда как раз и надо.

В прошлый раз главный придурок дал мне ржавые подшипники, а я видела, что у него есть - блестящие, красивые. Я в одном из фильмов видела, как мужчина крутил в руках два таких шарика. Не знаю, зачем, но мне теперь - надо.

Колеса у коня дребезжат. Это, конечно, огорчает. Когда и сам-то дрожишь, - непонятно, на что похож. А тут - конь все-таки.

Главное, делать вид, что тебе ничего не нужно.

Недавно эти придурки проявили целую кучу фотографий «Ласкового мая», чтобы девки с ними в клубе общались. Просто так они с ними общаться не хотят. Хотя кого можно привлечь «Ласковым маем»? Ладно бы Цоя распечатали. Так с ним, поди, и фотографий-то нет. Я его только пару раз по телевизору видела. Будет он фоткаться, чтобы эти придурки фотки его направо и налево раздавали. Один «Ласковый май», да в гараже - «Сектор газа».

Но придурки напечатали «Ласкового мая» и трясли стопкой этих фотографий с довольными рожами, как будто дело сделано. Утром главный пришел с рожей разбитой. Тоже отпечатали. Бабушка говорит, что они без зубов скоро останутся. Придурки, да еще и без зубов.

Или вот, - повесили на стену голую девку и прохаживаются мимо нее. Косые скоро станут. Раздели человека и гогочут. На самих и в одежде смотреть больно: один долговязый, другой тощий, третий... Поручик Голицин, корнет Оболенский... Все из местного ПТУ.

- Опять прискакала? - спрашивает главный придурок.

Шутки у них все время одни и те же. «Что у тебя на носу?» - пока проверяешь, могут и схватить. Какой совсем больной, так и сливу поставит. Ходи потом с синим носом. Сестре такую посадили раз. Я - держусь.

- Ты чего с конем-то таскаешься? - решил привязаться один из. - Большая ведь уже!

- Большие у вас на стенке голыми висят, - говорю.

- Гы-гы-гы, - сотрясает корнета.

- В школу ведь скоро пойдешь, - еще одному делать нечего. - Гы-ы-ы.

Коня куда не притащишь, - будет на чем хоть сидеть.

Старушки, вон, у нас все с палками ходят. Так они когда где остановятся, всем тельцем на эту палочку как насыдут, повиснут на ней, - всё легче. Чего бы мне и не таскать коня, - день-то долог.

Можно и к подшипникам незаметно подкатить. Особенно если знаешь, где они лежат.

Главное, стерпеть.

Один скажет что-нибудь совсем не смешное, а все и давай ржать. А тот, кто сказал, - громче всех ржет. Запретить бы так смеяться. А то как лошади. За это я их очень не уважаю. Человек должен иметь - голос.

- Недаром вас называют придурками.

- Гы-ы-ы.

Скоро и говорить разучатся. Одно «гы» да «гы». Два слова в кармане. То за ними и не лезут.

Только главный придурок не в духе.

- Ну-ко, иди отсюда!

Выставил и дверь прикрыл.

Мы идём с конем. Перемен требуют наши сердца.

В руке у меня перекатываются два ярких, чистеньких подшипника. Не знаю, зачем, но мне - надо.

ВЫХЛОПНАЯ ТРУБА - МОЯ МАЛАЯ РОДИНА

Выхлопная труба - моя малая родина. Дымовая труба льнозавода.

У кого-то на ум приходят березки, а то и целые лесные опушки. Передо мной же - замаравшийся заводик, как в угол поставленный на берегу реки.

А что будешь делать? Как ни крути - место, которое формирует твоё мировоззрение и чувство принадлежности, говорят.

У москвичей, вон, вообще малой родины нет. Только большая.

- Что я, кроме завода-то, видела? - говорила всякий раз мама, если ей пришлось признаваться, что она в чем-то не разбирается. Некомпетентна то есть. Но мы не будем бросаться такими словами. Мама с пятнадцати лет проработала на льноперерабатывающем предприятии и не заслуживает, чтобы в нее вообще чем-то бросались.

Он хоть и маленький, но иногда мне тоже кажется, что, кроме льнозавода, я ничего не вижу. Настолько он проник в мою жизнь, - как будто пропитал её специфическим запахом обработанного льна. Запахом бродящего хлебного теста, между прочим.

- А лён голубеньким цветет... - говорила с улыбкой мама. - Нравится мне, как он цветет. Красиво.

Как сохранялся этот образ голубого цветения в бесконечном, оглушающем гуле сушилок среди нависающей килограммами пыли?..

«И только небо в голубых глазах поэта» - как упоительно летит, летит треста...

Съемщица волокна, она часто попадала за сушилкой своей - на снимки местной газеты.

- У меня сушилка прямо у входа, - возмущалась, - так меня и надо каждый раз снимать...

Я смотрю на старые вырезки, такие же неказистые, черно-белые, и прорастают они махонькими голубенькими цветочками. Прорастают и прорастают. Лён ты мой голубенький, лён ты мой... Льются вот слёзы. А лён мочить нельзя. Сгниет весь лён.

Запах тресты, конечно, - это как хруст французской булки для кого-то. Скорее что-то метафизическое. Что-то на лиричном.

На самом деле из этого грязного заводика выходили самые чистые люди. В то время как деревенские люди в баню ходили по субботам, заводские принимали душ после каждой смены.

В детстве я маму и видела-то только по вечерам, и пахла она исключительно мылом.

Распаренная до красноты, с полотенцем на голове, заходила она в дом и наполняла кухню запахом банного мыла. Пила горячий чай из блюдечка, как купчиха Бориса Кустодиева.

Поставив локоть на стол (как нельзя?!), она держала блюдечко с чаем на растопыренных пальцах и устало дула на горячий чай. Вы когда-нибудь пили чай из блюдечка?

И я нет. Разбавь холодяночкой да живи спокойно. Да кто запомнит, что вы чай холодяночкой разбавляли? А тут - целые картины с тебя пишут. Потому что это - искусство же!

Самовар у кустодиевской купчихи и то наш - и блестит как наш, и меркнет так же. Только кружка у мамы была интереснее.

На чашке голубенькой - синие волны, синие чайки и облака. На чашке голубенькой - синие рей, синие мачты и паруса.

И синяя надпись - «Плавание Магеллана».

Как резануло же меня над книгой Владислава Крапивина «Журавлёнок и молнии», когда по сюжету Журка (по какому сюжету, если Журка всех остальных - живее?) «подошел к столу, взял в ладони тяжелую чашку с синим кораблем и надписью «Путешествие Магеллана». Покачал тихонько».

- Вы с Ромой всегда из таких пили, из больших, чтобы лишний раз не наливать. Их две было, а потом одна разбилась, - сказала учительница.

Из больших, из больших! Их точно в доме было две - мамина и бабушкина. Одна потом разбилась. Разбилась потом и вторая.

Владислав Крапивин, неужто вы надпись попутали...

Не успела спросить. А вы в своей жизни многое успеваете или тоже вылетели в трубу?

Попуститесь.

Может, про вас уже всё написали классики.

Или под слоями краски на старом холсте наскребут реставраторы руку самого Микеланджело, а там до боли знакомые черты. «Что за женщина такая, - скажут, - волосы - как будто пек на солнце расплавился...»

А она на местном заводе работает и слыхом не слыхивала. Вот.

«ЛЕНКА, ЛЕНКА...»

Если сильнее раскататься, то пролетаешь прямо над речкой. Пяткой оттолкнешься от неба - не упадешь.

- Слышала? - спрашивает отец, выпуская как бы между прочим сигаретный дым.

Все время - как бы между прочим. Он может его и не выпускать.

Задержит, - где? Куда ушёл... А может и вовсе колечки пускать: лови да на пальцы нанизывай...

Опять что-то пропустила.

- Не слышала, - слезаю неохотно с качели. - Где?

- Рыбки с тобой разговаривают.

Скажет тоже. Рыбы и не говорят вовсе. Только зря спускалась.

Вода - далеко внизу. Темная, темная. Только местами на ней волнующие - живые - блики. Солнце совсем расплавилось. Устало гореть. Как после бани - еле дышит. Пышкает тяжело на том берегу.

- Да ты слушай, - говорит. - Видишь, выпрыгивают. То одна, то другая: «Ленка!», «Ленка!»

Не верю. А все-таки...

- Так это они, поди, дышат так. Воздух хватают.

- Так и дышат, - соглашается. - «Ленка», «Ленка»...

Меня это вполне устраивает. Пусть они мной дышат. Я их ловить не буду, плавайте, сколько хотите. Рыбу еще вонючую есть. Тоже в вас - одни кости.

У меня малины - целый берег. Вдоль и вниз. Вылезешь из зарослей, как побитый. Сидишь на берегу - царапины зализываешь, как собака. Все тело зудит. Хуже только крапива. Растут всегда вместе. Нет бы, крапива на том берегу росла. Там тоже - вон, сколько места. Расти не хочу.

Рыбки, и правда, одна за другой в тишине из воды показываются. Подпрыгнут над водой, кувыркнутся, как на качели, и с плеском снова в воду. Не слышно, чтоб «Ленка, Ленка...» Но одним ухом - прислушиваюсь. Делать мне нечего, чтоб двумя.

Попройдет зуд, отпышкаешься, и снова можно в кусты. Главное, не свалиться вниз по берегу, - высоко. Покатишься, так накатаешься. Малина запахом обносит, - в голове аж звон стоит. Необыкновенный, приглушенный звон. Как будто издалека, а на самом деле - здесь вот, прямо. Звенит малина. Что бы и рыбкам не заговорить?

Снова выползаю на берег. Чтоб выкарабкаться, приходится хвататься за колючие ветки. А то и за крапиву рукой схватишься.

- Крапива - полезно, - скажет папа.

Ага, полезно... Поди, катайся!

А это-то откуда? Была же речка - как фотография в журнале: четкая, глянцевая. Все паром покрылось, как в бане. Солнце утонуло. Нахлебалось воды-то с такого жару.

- Дыма-то, - подозрительно смотрю на отца.

Курит и курит на берегу. Но не столько же. Дым уплывает от него в сторону речки, - то тонкой струйкой, то клубами. Отмахиваю руками. Размахиваю.

Всю речку обкурил, хоть топоры вдоль берега вешай...

И только временами доносится: «Ленка! Ленка!»

«ПЕРЕПОЛОШНАЯ»

- Встану я, благословясь, пойду, перекрестясь... - шепчет на полном серьезе бабушка.

Повторять заставляет. Избавляет меня от хворобы. Хворобу эту она сама и придумала. А что она, хвороба-то, тоже, поди, человек.

- Из дверей в двери... - продолжает она.

Это значит, сначала в коридор, а потом через уличные.

- Из ворот в ворота...

Так это я за калитку выйду, а куда дальше? Где я еще одни ворота найду?

- Это просто говорится так! - возмущается бабушка. - Не надо никаких ворот искать. Просто повторяй: из дверей в двери, из ворот в ворота. Пойду по правую сторону...

- В Городок?

- Зачем в Городок? По правую сторону!

- Так по правую сторону к Ленину и выйдешь.

Смотрит на меня молча.

Так бы меня, поди, и стукнула. Но она ведь - лечит. От хворобы. А тут еще стукни сверху, весь процесс насмарку.

- Ты пошто девка-то такая? - спрашивает. - Встану я, благославясь, пойду, перекрестясь. Перейду чисто поле, выйду к морю-океяну...

- На море-океяне, - бабушка старается не останавливаться, а то я опять к Ленину заверну. - На море-океяне есть бел-горюч камень...

Есть бел-горюч камень! Лежит посреди реки камень огромный. С него большое течение заканчивается. До него кое-как по камням ступаешь, так и сносит тебя водой. А как дойдешь, можно выдохнуть. Считай, уже на том берегу.

Прям заколдованный камень. Если уж течение на нем заканчивается, то там, может, и ворота вторые?

Залезай на него да приплясывай. Как там бабушка-то учит: «У меня семь ключей от семи замков...»

У меня семь ключей от семи замков - по всему двору насобирала. Тяжелые все, ржавые. «Что другим не надо - несите мне». И еще один никчемный ключик - маленький, ни к чему не подходит...

- Никакого толку, - делает вывод бабушка. - Давай лучше переполох с тебя сниму, да и хватит.

Переполохов у меня, если верить бабушке, действительно, хватает. По три на день. Снимай, как груши с яблони.

Она бросает на пол тяжелый нож - лучник, которым от полена лучинки нащипывает, - и приступает его ногой. Поджигает какую-то паклю. Обкуривает меня, как покойника.

А делай, что хочешь, только банки не ставь.

Есть у нее аккуратный такой коричневый ящичек, а в нем аккуратно так лежат то ли баночки, то ли колбочки пузатые. На головешки облысевшего одуванчика похожие. Главное, чтобы бабушка до них не додумалась.

Проведет внутри банки огнем да как пришпандорит к спине. Присосется баночка, как пиявка к коже, пойдешь отдери ее! После присосок этих вся спина в красных кружочках, как будто на тебе партия инопланетян ночью приземлялась.

А то еще золы горячей наскребет из печки, завернет ее в платок и к горлу привяжет. Или над чугуном под одеяло дышать посадит, - вся кожа от жара с лица слезет, а тебя все под одеялом держат, - и сами смотреть не хотят.

- Эксперименты ставят? - уточняет папа, бросая то ли понимающий, то ли насмешливый взгляд.

- Да какие эксперименты? - не дает ответить бабушка. - У меня у самой зуб уже какой день болит, мочи нет.

- Так ты покури, - предлагает отец.

- Еще чего скажешь. Никогда не курила, так это я сейчас-то пошто начну.

- Ну, как хочешь. Зуб-то бы и прошел.

Через некоторое время бабушка снова подходит с вопросом:

- Правда, что ли, помогает? Врешь ведь, наверно...

- У меня же не болит, - отвечает папа, затягиваясь сигаретой. - Садись, давай, к печке.

Бабушка - вся, как она есть, - в платочке своем и фартучке с оборками - садится на стул у печки и держит неловко врученную ей сигарету. Папа объясняет, с какого краю к ней подступать.

Давлюсь от смеха. А-то весь эксперимент насмарку. А надо бы - ставить и ставить.

- И правда, вроде помогает, - хочет верить, накашлявшись, бабушка.

Лежу ночью, повторяя заученное: «Встану я, благословясь, пойду, перекрестясь, матушка возьмет ведро, молча принесет воды...»

- Ты пошто девка-то такая?

«ДЕВКИ В ОЗЕРЕ КУПАЛИСЬ...»

«Девки в озере купались...» - дребезжит кассета. Изодранная вдрызг кассета в перемотанном изолентой магнитофоне. «Даже в школу не пошли...»

Купайтесь, девки, купайтесь. А меня на тракторе взяли кататься. На весь-то день. «Опа-опа, Америка-Европа, Азия-Евразия, что за безобразия».

Пока до деревни-то ещё с братом ехали, - ничего.

В магазине девка мясистая выложила грудь на прилавок:

- Это не дочка ли у тебя? - спрашивает у брата. Лыбится.

- Дочка - говорит. Лыбится.

- Зачем она их на прилавок-то кладет? - спрашиваю.

- Продавать будет, - ржёт.

Он на днях из армии вернулся, - ему палец покажи, - ржёт.

- Кто ж их купит?

- Найдется кто-нибудь.

Придут за хлебом, а у нее товару-то!

- А потом и хлеб на этот же прилавок? - уточняю.

- А что с ним сделается.

- Не пойдем сюда больше, - говорю.

- Так здесь один магазин на всю деревню.

- Дома поедем, - ещё раз говорю.

Он из армии на днях вернулся, - ничего не понимает. Что за безобразия...

Мы роем карьер. Возим песок.

«Едет поезд из Стамбула с красными вагонами, а ну-ка, девки разгружайте...»

Опа-опа...»

Трактора тарахтят, как старики. Как на них молодые парни работают, да ещё и хохочут? Позор, а не машина. Всю голову расколотило этим тарахтеньем. Растрясло, что очертаний своих не помнишь.

Иду в лес. Ну, как лес: две осинки, три сосенки, - медведь бы не напал!

В кустах сидят местные курильщики. Испугались. Поняли, что не взрослый их застукал. Успокоились. Поняли, что девочка - опять испугались. Как пить даст, - сдаст.

- Ой, мне-то что! Курите больше, так не вырастете.

- Ты в каком классе учишься? - спрашивают.

- В четвертом, - так я и скажу, что только первый кончила. Да где им и видно-то в таком дыму!

- О, как Сашка, - говорят. И показывают на самого мелкого. Меня ниже. Ну, если у них самые мелкие в четвертом учатся...

- Не растет у вас Сашка-то, - говорю.

- Да пошла ты, - спокойно говорит Сашка.

- Гитлер сидит на берёзе, а березка гнется, - запекает один матерщинную частушку. - Посмотри, товарищ Сталин... Опа-опа, Америка-Европа...

- Я больше вас знаю, - говорю.

- Всех, - уточняю.

- Девки в озере купались... Азия-Евразия... - начинаю.

- Сидит печник на печи... - соревнуются, кто кого перематюкает. - Хочет сделать три рубля... Опа-опа!

- Полюбила парня я, да оказалось... Опа!

- Едет поезд из Стамбула с красными вагонами... - вспоминают в свою очередь.
 - Полюбила тракториста и, как водится...
 - У тебя все какое-то - полюбила да полюбила, - говорят.
 - Валентине Терешковой за полёт космический армянины подарили... Опа-опа! Америка-Европа. На горе цветет цветок голубой да аленький, ни за что не поменяю... Азия-Евразия.

Меня уже зовут обратно в карьер. Исполняю последнюю. Нелюбимую. Без матов.

- Не выходят девки замуж за Ивана Кузина, а у Ивана Кузина большая кукурузина.

Кто за этого Ивана Кузина плешивого с его огородом-то пойдет? Насадил кукурузин. У нас самих грядки - бесконечные: с одного края начнёшь чистить, другого - не видно. Девки-то тоже не дуры. Огородник нашелся. Не картошки и насажал. Кукурузин каких-то. Бегу в глину. По глине в глину, с глины на глину. По узкой дощечке только пробежать осталось и уже - у трактора. Падаю в самую жижу. Опа-опа! Америка-Европа... Зажевало пленку у кассеты. Так всю и переде́ргивает: сейчас тяни ее тихонько, тяни, в надежде, что не порвётся. Фиг тебе!

А разбирать если магнитофон придется, выпадут тараканы сушеные. У нас все сушеное: сухари, грибы, тараканы. Даже компот - из сухофруктов.

Брат разряжается отборными.

- Не пуцу, - говорит, - в трактор.

- Тьфу на тебя, - говорит.

Ещё только плюнуть на меня и остаётся. С меня и так грязь стекает - и с волос, и с одежды.

Бросает на сиденье какие-то тряпки, везёт к родным. Отмывать ли, топить...

За трактором бегут местные курильщики и радостно скандируют мое имя. Не знают, как в последний-то путь провожают.

- У вас баня есть? - спрашивает брат у родных. В смысле - топили ли.

- Чучело это, - говорит, - отмыть надо.

- Что с ней случилось-то? - спрашивают.

- Песни пела, - говорит.

- Вот как нынче-то поют, - удивляются, - и в грязи изваляются.

Чучело ведут в баню, наливают тазики.

- Ты чего ее ругаешь-то? - спрашивает брат. Другой. Неродной.

- Вам оставлю, - угрожает родной.

- На что она нам?

- Песен много знает.

- Ну-ка, - просит.

- Не выходят девки замуж за Ивана Кузина, - пою я сквозь слезы, засунув голову в тазик.

Мне и себя жалко, и Ивана Кузина - немножко.

Дают мне халат до пят старушечий, платок на голову. Увязывают, как хорошую.

Лишь бы себе не оставили.

Я их и знать-то не знаю. Только по рассказам. Азия-Евразия...

Бабушка у них есть одна слепая. Я слепых отродясь не видела. Как они живут, света не видая?

- Иди, я на тебя посмотрю, - говорит.

Страшнее страшного, - слепой человек посмотреть на тебя хочет.

Трогает руками мое лицо, лёгкими движениями ощупывает. И пальцы у нее словно добрые, теплые.

- Вот сейчас, - говорит, - знаю, как ты выглядишь.

Да чего она там знает. Придумала какую квазиморду и успокоилась.

- У меня глаза зелёные, - уточняю.

- Зелёные - это хорошо, - кивает.

Может, частушку ей какую спеть... Как я без частушек-то выгляжу...

Приехали домой.

- Ты где была-то? - спрашивает мама. Ей тоже не нравится чужой халат и платок смиренницы.

- Все ли Косково и Лысково обошла? - спрашивает.

- Она песни пела, - объясняет брат.

- Какие ещё песни?

- Спать ложу-у-уся, под подушку фотокартоцку кладу-у-у, - завываю я с горя. - Собираюсь увеличить фотомордоцку твою-у-у...

- Так хорошие песни, - говорит мама. - Раньше и мама такие пела.

Всю ночь меня трясет, как в автобусе. Просыпаюсь на каждой остановке. Опа-опа! Дребезжит склеенная лаком для ногтей кассета...

Дмитрий
Ермаков

Дмитрий Анатольевич Ермаков - член Союза писателей России. Родился в 1969 году в Вологде, где и живет. Первая книга его прозы «Такой день» вышла в 1997 году. С тех пор издано больше десяти книг Дмитрия Анатольевича - среди них рассказы и повести, романы, проза для детей. Рассказы, повести Д. Ермакова публиковали ведущие журналы России.

Берестяные грамотки

(КНИГА НАБЛЮДЕНИЙ)

ГРАМОТКИ

...Смотришь на ствол берёзы - светлая кора вся в чёрных насечках. И кажется, будто это строчки книги, которую вечно разгадывать людям.

Вспоминаются тут и берестяные грамоты, что находят археологи...

И у меня свои берестяные грамотки, вот они - за окном, вот - на берегу речки... Я читаю их. Что прочту - то и запишу...

ПЕРО НА ВОДЕ

Голубка и два голубя на песчаном берегу пруда. Они, неуклюже переваливаясь, входят в прогретую солнцем воду, топорщат перья, моются.

Один голубь (сизый с отливом красавец) бесцеремонно отталкивает голубку (серую, маленькую) с лучшего, видимо, места - там, наверное, и вода теплее, и песок мельче... Она покорно отходит в сторону.

Тут второй голубь (он крупнее, сильнее) отталкивает первого. Тот вынужден уступить, отходит. Голубка и вовсе выбирается на берег, чистит клювом пёрышки.

Однако же, пока более сильный голубь нежится в тёплой воде, первый выходит на берег, и, раздуваясь, клоня голову, поскрёбывая крыльями по песку, обхаживает голубицу...

Кошка, тощая, серая в тёмную полосу, прижав уши к голове, натянув струной хвост, на мягких бесшумных лапах приближается к голубям. Каждый из них размером почти с эту кошку, но инстинкт и голод толкают её на охоту...

Она не успела даже прыгнуть - голуби сорвались, с шумом улетели.

И кошка исчезла в траве.

Приди человек минутой позже - и не увидел бы ни голубей, ни кошки: весна, солнце, песчаный бережок, спокойная вода. И только чуть покачивается перо на воде...

Так-то и всё в жизни.

КОЛОКОЛЬЧИКИ

В парке старинной усадьбы растут колокольчики - крупные, голубые, специально выведенные. Посаженные когда-то, наверное, руками крепостного садовника, растут они в чудом сохранившейся усадьбе вдоль ещё угадываемых дорожек парка, среди старых лип, дубов, в беспорядочных зарослях кустов, на берегах прудов, в которых раньше плавали лебеди, а ныне лишь зелёная, на лягушачью икру похожая, ряска...

В усадьбе ещё целы некоторые здания. Двор перед двухэтажным, с антресолями, домом образовывали два флигеля, сделанные в едином стиле. Один из флигелей недавно сгорел, чёрное пятно пепелища на его месте. Того гляди та же участь постигнет и второй флигель, и главный дом. Глохнет, дичает парк...

Как знать - сохранится ли усадьба (сохраним ли её мы, люди?) или сгинет, как десятки других усадеб, от которых остались лишь неожиданные липовые и дубовые аллеи посреди леса, или старые заболоченные пруды, или большие синие колокольчики, напоминающие забывчивому миру о бывшей живой жизни...

РОДИНА

В селе Куркино я бывал много раз. Много раз обходил вокруг большого усадебного дома и заходил внутрь... Поэтому сейчас, снова оказавшись в этом селе по газетной работе и своему хотению, поняв, что приехал рано и решив прогуляться, не стал задерживаться у дома, а сразу пошёл через парк к прудам и речке.

Пруды с зелёной цветущей водой, берега обложены крупными булыжниками. По недавно сделанным мосткам и тропе я прохожу мимо верхнего и нижнего прудов на плотину через речку Спасовку.

Впрочем, Спасовка она только на картах, все называют речку Дери-нога, видимо, от финно-угорского названия (Дернога или что-то подобное), приспособленного к славянскому звучанию. В этом народном названии - отголоски давних времён, когда жила здесь легендарная и летописная весь, а рядом с всей селились славяне, русские, выходцы из новгородских и ростовских земель...

Шум воды на стоке плотины завораживает и успокаивает... Утка и её уже подросшие утята, как поплавки, покачиваются, не уплывают...

Перед плотиной река разлилась в озеро, за плотиной - ручей в высоких берегах. И если выключить из зрения приметы нынешнего времени, то можно представить, какой была речка и её берега в те древние времена...

Я перешёл на другой берег. Здесь сарай и погреб с двускатными крышами. За сараями луг и лес... Говорят, что именно тут и был «оленик» (будто бы в этом лесу владельцы усадьбы, дворяне Резановы, заводили оленей)...

Тихо, и уже жарко, и большой шмель перелетает с цветущего лопуха на иванчай, коричневая бабочка недвижно сидит на ромашке...

Жаль, что я не знаю названия всех трав и цветов. Ведь в каждой травине, в каждом названии - мой язык, моя родина. «Лопух», «ромашка» - кто так назвал их и почему?..

Я возвращаюсь через реку и мимо прудов в парк... Старые деревья, запах земли, солнечно-зелёные пятна на траве... В этом парке всегда хорошо...

Пожилой мужчина с ведром в руке нагоняет меня со стороны прудов и родника. Разговорились, познакомились.

Его зовут Николай Петрович. Он рассказывает:

- Я родился в деревне Слобода, которая была в трёх километрах от села. Её давно уже нет. Всё мелиораторы запахали. Оставались ещё вековые берёзы, сами погибли потом...

...Мы стоим рядом с «музыкантским павильоном». Здесь жили барские музыканты. Это даже сейчас, без всяких балконов и веранд, которые были раньше (на фотографиях видно) - красивое здание, хоть уже и пустое, запущенное. Оно красиво своей соразмерностью и простотой. И особенно хорошо смотрится на фоне старых деревьев и стоящего рядом главного усадебного дома. Хороший архитектор был у Резановых...

- А там вон стоял ещё флигель - двухэтажный, деревянный, - кивает мой новый знакомый. - Недавно и сгорел-то...

Да, флигель сгорел несколько лет назад...

- Парк только в прошлом году привели в порядок, а то было тут запущено, задало всё по неуходу, - рассказывает Николай Петрович. - А раньше-то, когда предприятие работало, за парком следили, наводили порядок... И дом и парк содержали - всё было совхозное. В парке выкашивали траву и всю вывозили на силос. В парке проводились праздники: на окончание посевной, например. Там сцена была, танцплощадка... Пруды тоже в семидесятых годах ещё чистили, содержали в порядке... Все мы очень жалеем, что такое крепкое хозяйство нарушили. И никто не виноват.

Николай Петрович работал здесь сорок лет. Как же не жалеть-то ему и таким же, как он, труженикам, что уникальное хозяйство уничтожено...

- Хозяйство было племенное, нетелей и быков по всей стране от нас увозили. И элитным семеноводством занимались... А потом всё на спад пошло...

- А церковь старую помните?

- Церковь помню, конечно. Я, когда в школу ходил, она пустая стояла, мы в неё бегали, баловались. Была в ней ещё тракторная ремонтная мастерская. Потом удобрения хранили. А когда новую школу построили году в семидесятом, церковь через несколько лет и снесли, она совсем рядом со школой была - вот и решили снести, тогда ведь была борьба с религией. А зачем было красоту такую губить? В куполе внутри вся роспись оставалась до самого разрушения - как вчера нарисовано. - Николай Петрович вздохнул, помолчал...

- Церковь сломать не могли, пока не пригнали два танка. Тросами в руку толщиной разрывали стены... Кирпичом потом некоторые ямы в погребах обкладывали, битым - дорогу подсыпали... Теперь вот новую церковь построили - ну и хорошо!.. Мы с детства к церкви были не приучены... Креститься умеем, а молить не знаем... Но как колокол зазвенит, в душе-то отзывается. Если бы не была церковь нарушена, если бы не запрещалось - и мы бы, конечно, были другие, народ бы другим был. Ведь, вспомните, в девяностых народ как бесноватый стал, только о деньгах все и думали!..

Мы шли по дорожке от парка к пятиэтажным домам, и все прохожие здоровались с нами...

- Пятиэтажки эти построили в конце шестидесятых, а до них на этом месте был сад селекционной станции. Вон яблоня, ещё от сада осталась. Пробовала яблоки - кислые, выродилась...

Тут ударил на колокольне колокол... И мы, пожав руки, расстались. Я один пошёл к церкви...

Когда я вошёл, батюшка объяснял немногим прихожанам значение евангельского рассказа об исцелении Иисусом бесноватого...

...Потом я ехал по дороге, на протяжении трёх километров обсаженной с обеих сторон яблонями... Автобус выехал на широкую трассу, и за окном поплыли поля, дома, деревья, травяные луга, речки... Родина...

ШИПОВНИК

Куст шиповника вырос на склоне оврага.

Сначала это был совсем маленький кустик. Но год от года он разрастался. Хотя осенью его хлестали дожди, зимой засыпало снегом, весной ручьи, сбегавшие в овраг, подмывали его корни, летом палило нещадно солнце.

Каждую весну распускались на кусте нежно-розовые цветы. Когда лепестки облетали, на месте цветов появлялись ягоды.

Уходило тёплое пёстрое бабье лето. Уже выпадал по утрам иней, окрашивал всё в неяркий серебристо-молочный цвет, а ягоды всё ещё висели на голых ветках.

Прилетали птицы: сороки, сойки, но им больше по вкусу сладкая после первых морозцев рябина.

А потом падал снег. Ветки гнулись под его тяжестью, ложились на землю. Редкие неопавшие листья скорёживались, чернели, уходили в себя. Корни не впитывали из промёрзшей земли соки. Куст засыпал на всю долгую зиму.

А просыпался под весеннюю песню синички. Днём, когда пригревало солнце, ветки становились мокрыми, а ночью весь куст покрывался хрустальной корочкой и тихонько звенел, покачиваясь на ветру.

Солнце припекало всё сильнее. Злые бурлящие ручьи устремлялись на дно оврага. Но куст цепко держался за кручу.

Всё больше, пышнее разрастался шиповник. То тут, то там появлялись молодые кустики.

И вновь распускались нежно-розовые цветы. И осы, перелетая с куста на куст, переносили пыльцу. И снова всё было как в прошлом году, как будет и в будущем. Потому что так и должно быть всегда.

1993 год, осень.

КАБАН И ЛИСОВИН (рассказ отца)

Раскрываю тетрадку в чёрных твёрдых корочках, читаю написанные бледными сиреневыми чернилами строчки. Писал отец...

«Бывают же чудеса у Матушки-Природы... В прошлую зиму было - поставил я капкан на лисовина (он по старому кабаньему следу прошёл).

Прихожу через день - свежие кабаньи следы, капкан затоптан. Что ж, такое бывает. Снял капкан.

Через несколько дней проверил то место, вижу - кабан больше не приходил, а лисовин опять прошёл, и вроде бы недавно. Я поставил капкан.

На следующий день прихожу - и что же? - кабан по лисьим следам подошёл к капкану и выкинул его в сторону, а лисовин при этом шёл рядом, по моей лыжне.

Ладно, думаю, не глупее я вас. Поставил капкан на лыжне, со всеми предосторожностями, да и морозец мне на руку - отбивает запах.

Снег был рыхлый, и лисовин, как я и предполагал, снова шёл по лыжне. Кабан рядом. Это я всё по следам на следующее утро вижу. Совсем рядом они, впереди меня. Я остановился, в ружьё оба патрона с пулями зарядил, кабан - это не шутка. Дальше иду. Там уж поле. За кустом встал, вижу - лисовин идёт прямо к капкану, не сворачивает. Кабан чуть позади, сбоку. Бегут, будто друзья на прогулке. Лисовин к самому капкану подошёл и вдруг встал. Неужели учуял? Кабан тоже остановился.

И тут лисовин шагнул вперёд. Всё! Но что такое - лисовин успел отдернуть лапу, отпрыгнул в сторону. Мой грех - капкан был поставлен с очень чутким сторожком, это и спасло зверя.

Кабан от радости аж запрыгал, снег во все стороны летит. А лисовин деловито вернулся на лыжню, обошёл капкан. И побежали они дальше, рядом. И точно - весело им, радостно. Да и мне-то уже не обидно...

Вот такие в природе чудеса случаются».

И я закрываю тетрадь... Всматриваюсь в природу глазами отца...

ВЫСШЕЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Говорим: «Люблю природу» (и я говорю!). Имеем в виду при этом, что любим красивые пейзажи с рекой, лесом, полем, прогулки по парку, походы за грибами, костёр на берегу... Но ведь в природе-то и жесточайшая борьба за выживание, и катаклизмы... И смерть на каждом шагу.

Любим ли такую природу? А надо любить. Потому что природа - это жизнь, в которой и красота, и жестокость, и смерть - как итог земного существования.

Но любить и принимать природу такой, какая она есть, можно лишь веря в высшее предназначение земной природы.

МИР ИНОЙ

*Всего лишь в полушаге мир иной -
жучиньй, птичий, рыбий, травяной,
в неравное движенье погружённьй,
в пуху, в хитине, в перьях, в чешуе,*

*в стихиях разных - воздухе, земле,
воде, до дна лучами осветлённой.*

*Спокойная разумная трава,
пронзённая стрижами синева,
и день пока что отличим от века...
Но свяжет всё в единый рай и ад
присутствие безмолвное и взгляд
присевшего на камень человека.*

Вот прочитал стихотворение Сергея Пагына и сижу потрясенный... Что можно сказать об истинной поэзии? Можно сказать многое. Можно промолчать, мучительно и радостно принимая душой слово - новое и вечное... Принимая мир, открытый словом поэта...

НЕВЕДОМЫЙ МИР

Тряский «пазик» встал. Мы вышли из автобуса и пошли по верху плотины через реку Сухону. Невысок водопад, а впервые идёшь - не по себе от падения воды прямо под тобой, от непрерывного шума, от этих шапок пены чуть не вровень с плотиной.

А ниже плотины рыбаки на лодках, кидают и кидают спиннинги и удочки. Чайки носятся над водой, скрипуче орут, ныряют за добычей... Берега пологие, низкие.

Перейдя Сухону, мы сворачиваем направо и идём сначала вдоль реки, а потом сворачиваем в луга, оставляя за спиной непрерывный водяной шум плотины.

Дорога сухая, пыльная. Почва песчаная. Справа и слева виднеются деревеньки, в которых и старые покосившие избы, и новые, будто игрушечные, дачные дома.

Песчаный холм наполовину срезан. И в стене получившегося обрыва ласточки нарыли норки и носятся в воздухе, ныряют в свои пещерки и снова вылетают... Дети заворуженно смотрят - ещё не видывали такого в своей жизни, и мы-то, взрослые, застыли, наблюдая за ласточками.

Тропинка сбоку взбегает на этот холм, и вскоре мы уже вверху, а ласточкины норки под нами.

С вершины холма через прекрасный сосновый бор бежит лесная дорожка, сухая, податливая. Смолистый сосновый запах словно сгущает здесь воздух, делает его тягучим, горьковатым...

И не сразу понимаешь, что вся земля между стволами сосен по обеим сторонам дороги покрыта не просто травой: листья, растущие из одного корня, сначала расширяются, потом сужаются, на кончиках пожелтели... Ландыши! Везде, кругом - ландыши. Как же бывает здесь красиво во время их цветения...

Дочка, которая идёт рядом со мной, вдруг говорит спокойно: «А там змея лежит». Я оглядываюсь и вижу, понимаю, что мы все прошли мимо (мы шли по правой стороне дороги, а она лежала слева) гадюки. Чёрная, где-то в полметра длиной, застыла волнистой лентой. Переползала, видно, дорогу, услышала наши шаги, не успела спрятаться, замерла...

Мы пошли дальше. Но я уже шёл впереди и будто бы не специально постукивал по дороге веточкой, внимательно глядел перед собой. Понимал, что другой, неведомый нам мир рядом, вокруг нас, что мы в нём и должны быть внимательны и осторожны, чтобы не пропустить важного и не допустить беды...

Что-то ещё ждёт нас на этой дороге...

РОЙ

Шли по летней сухой пыльной дороге, через сосновый смолистый лес, между разнотравными лугами, уже видны были впереди крыши нашей деревни. День тихий, до белизны выцветший и чуть подсиненный...

Вдруг откуда-то сзади, из-за леса, стал надвигаться сперва едва слышимый, потом всё более явственный гул.

Потом небо потемнело, и на дорогу легла тень от нагнавшей нас тучи.

Чёрная тень накрыла и белесую пыль дороги, и выцветшие придорожные травы и листья...

Я поднял голову, и вслед за мной вверх посмотрели жена, сын и дочь... Туча стремительно двигалась и гудела. Была в этом грозном движении неумолимая воля, страшная сила...

Рой лишь несколько мгновений летел над нами, обогнал и стремительно унёсся вперёд, будто таща за собой по земле чёрную тень...

- Пчёлы, - сказала Ирина.

- Или осы, - сказал я...

Мы шли дальше, поражённые, молчаливые...

Дочь вдруг сказала:

- Кто-то их расстроил...

И все засмеялись. Но я подумал: «А не дай Бог расстроить этих пчёл... Или ос...»

СМОРОДИНОВЫЙ ЧАЙ

...Чёрный от копоти чайник, полный колодезной либо речной воды, вешается над огнём, языки огня лижут его. Дёгтевый дым от сгорающей берёсты, как-то попавший в чайник уголёк, речной и травяной запах - всё будет в этом чае.

Вот заподпрыгивала крышка, пена и вода полились из носика - шипение, пар. Быстро снять чайник с огня и сунуть в кипяток заранее приготовленные листья смородины, нарванные в палисаде или с дикого куста на берегу реки. Дать настояться - пусть чайник будет с краешку костра. А пока - поджарить на веточке кусок хлеба. Он угольно подгорит с одного края, будет пахнуть зерном и огнём.

И наливать чай в кружку. Ничем не разбавлять, сахару положить...

...А вечер сжимается вокруг костра, искры в небе сливаются со звёздами, из леса слышен крик птицы, вспышки пламени высвечивают родные лица. Ничего нет вкуснее смородинового чая...

ОКУНИШКА

Поплавок сразу под воду ушёл. Вынырнул - и снова под воду. Чувствуется хищник. Леса натянулась. Лёшка встал в лодке. Тоже натянулся весь...

- Подсекай! - я не выдерживаю. - Тяни!

Лёшка самостоятельность проявил и выдержку. Дождался, когда поплавок снова под воду ушёл и уже не вынырнул... Тут он дёрнул. Лодка качнулась, и себрюная рыба взлетела на конце лесы.

Окунь был не большой, но сильный. И Лёшка победил его.

...А вечер был ветреный, серый и даже здесь в рыбном раю - зарастающей старице реки - клёва особого не было. Но был тихий плеск вёсел, были утки на воде

и в воздухе, была тишина, прорезаемая дальним гулом лодки-моторки... Была первая в жизни самостоятельно пойманная рыба.

Отпустили мы окунишку - пусть подрастает.

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

...Жизнь в мелочах, которые надо научиться замечать и любить. Падающий лист, лёгкое касание женской руки, улыбка ребёнка... Всё это - миг. И это жизнь. С любовью прожить всё это и (хоть и страшно, конечно) уйти туда, за грань. Ведь всё это, все эти «мелочи» - не случайно даны нам.

УПОКОЙ

Приснился отец, погибший много лет назад. Такой, каким и запомнил я его на всю жизнь, навек: морщинистый, с грустными глазами, в чёрно-белой кепке, брезентовой куртке и штанах, затёртых на бёдрах до блеска, под курткой рубашка в жёлтую и коричневую клетку, за плечами рюкзак.

Он ничего не говорил, никуда не звал. Сразу увиделось: мы идём в лес. У меня в руках корзинка. Я ребёнок.

Идём знакомым прогоном, лугом, по тропке, заросшей подорожником. Солнечный светлый день.

Так хорошо рядом с отцом...

Я спросил:

- Папа, а ты же умер?

- Да.

- Хорошо тебе, спокойно...

- Покоя нет, покоя нет...

Больше он ничего не говорил. Мы шли и шли.

И странно - лес не приближается, будто на одном месте топчемся.

Я уже устал. Отец уходил от меня, не оглядываясь, всё дальше и дальше, в любимый свой лес...

И тут я проснулся.

...Вот записал этот сон, и вспомнились слова поэта: «Я не знаю, что это такое, я не верю вечности покоя».

Но, Господи, упокой душу его.

ВЫПРЯТАННОЕ СЛОВО

... Так у нас было - отец жил в деревне Суворково Грязовецкого района, а я с мамой в Вологде и на все каникулы ездил к нему (мать отвозила), там каждый вечер ходил за козьим молоком к соседской бабушке.

- Вот я выпрячу сейчас, - говорила баба Саня и уходила в свой закуток, оставляя меня на лавке у окна, возвращалась же с тёплым ещё пирожком или конфеткой. Будто она специально это для меня припрятывала и когда я приходил - выпрятывала... Пирожок (с маком или яйцом) я съедал тут же, запивая молоком...

... Однажды отец рассказывал матери (я рядом был):

- Спросил у бабы Сани, где бы немного удобрения для огорода взять. Она и

сказала: «Да в шоломе возьми». Я уж все скирды вокруг деревни переворошил. Опять к ней - нет, говорю, в соломе удобрений. А она засмеялась и показала - вон шолом, в нём удобрения. Это сарай у нас за огородом.

Я помню тот сарай, а точнее - гумно или овин, специальное строение (это я, конечно, гораздо позже узнал) для сушки и обмолота снопов. В моё время ничего там уже не сушили и не молотили, а были свалены рваные мешки с каким-то химическим удобрением. И в Суворкове это называлось не гумно, а именно шолом (иногда произносили с ударением на первый слог, иногда - на второй). Мы играли в том шоломе (я помню, что и деревенские мои приятели именно так его называли), пытались курить «сигареты» из газеты и сухих ивовых листьев...

Но проходили годы и ещё годы, уходили люди, я долго не бывал в тех местах... Узнал, что сарай для молотбы - это гумно... И даже стал сомневаться: а правильно ли я запомнил ту историю? Слово будто спряталось от меня.

Я спросил про «шолом» у своего двоюродного брата (он лет на двадцать старше меня), жившего в Суворкове, и он ответил, что не знает такого слова. Это меня вовсе смутило. Я уже думал, что напутал что-то с этим «шоломом» (уже сам посмеивался над собой: «Откуда в северной деревне еврейское приветствие?..») Но неясность оставалась, и она волновала меня.

И однажды я стал рыться в словарях. И когда не нашёл «шолома» в словаре «Вологодское словечко» - даже расстроился, выходило, что слово, которое я помнил с детства - ошибка моей памяти... Но в предисловии к этому словарю прочитал: «Это школьный словарь вологодских говоров. Он создан на основе большого научного труда - Словаря вологодских говоров, под редакцией Т. Г. Паникаровской. В двенадцати выпусках <...> содержится свыше 26 тысяч местных слов». Это была моя последняя надежда... Я нашёл 12-й выпуск словаря, пролистал до буквы «ш»... «Шол...» и был разочарован, не было и там слова «шолома», а было «шоломя, см. шеломя». Я вернулся к «шеломя»... И наконец слово выпрыгало! На 82-й странице я прочитал: «Шеломе и Шёломе, Шёломя и Шеломя, крыша, навес над площадкой для молотбы сжатого хлеба, льна. Гумно-то крытое было, а шёломя - крыша над гумном. Гряз. Жерн.»

«Гряз. Жерн.» - это Грязовецкий район, деревня Жёрнаково - соседняя с Суворковым.

Итог моих поисков: «шёлом», а не «шолом» в значении - крыша над гумном (и в этом значении смыкается и с древнерусским «шеломом» - шлемом); и само крытое гумно - тоже шёлом или шёломя, шёломё...

И мой двоюродный брат Игорь сказал мне позже: «Я вспомнил... Только ведь не шёлом говорила баба Саня, а шёломё».

Нет уже ни деревни Суворково, ни бабы Сани, ни шёлома... А слово есть, живо. А раз живо слово - не всё ещё потеряно...

ПОРА ГРИБНАЯ

«И вот пришла пора грибная!» - воскликнул поэт. И я за ним восклицаю: «Пришла пора грибная!» На городских рынках и прямо на ступенях магазинов раскладывают продавцы свой лесной товар. Белые - с шляпами, будто маслом помазанными, с жёлто-зелёной бархатной подложкой, с толстыми крепкими ногами; оранжевые, зовущие - подосиновики; скромняги - серые подберёзовики... Рано

в этом году грибы пошли. А и хорошо! Пусть растут, радуют нас, ждут нас. Только бы вырваться из душного города к полю, к лесу, к мягкой лесной тропе, еловым ладаном наддышаться...

*... Отныне, отдыха не зная,
Березняком да сосняком
С корзиною да посошком,
Как мирный леший, без пути
Иду - абы куда идти...*

И непременно свой царь-гриб найду!

*...И вот я бью челом грибу,
Благодаря свою судьбу.
Уколы ласковые хвои
Меня спасут от всякой хвори.
Иду по чаще напрямиком;
Лес - мне, а лесу я знаком...*

Порой кажется, что это не Сергей Чухин, а я написал.

Нет - чужих ни стихов, ни грибов не надо...

Ну, грибов-то на всех хватит. А стихи Чухина - они же не чужие мне, если я дышу ими, если шепчу вместе с ним:

*... Глухими парками,
Потом лугами
Пойду один
Неведомо куда,
Пуškai ромашки
Светят под ногами,
Пуškai горит
Над головой звезда.
Пуškai тропа моя
Течёт всё дальше
И не даёт
Нигде передохнуть...
Такая тишь!
И мне отрадно даже,
Что предстоит ещё
Обратный путь.*

Дело, конечно, не в грибах, а в пути... Но и в грибах тоже.

Он ведь обязательно выскочит под ноги, когда уж выходишь из леса, дождавшийся тебя подосиновик...

А пока - набраться терпения и делать свою работу, в ожидании грибного и прочего летнего счастья...

ГРИБНЫЕ МЕСТА

В. М. Тарасевичу

Всего пятнадцать минут на автобусе - и мы за городом. Тут наши грибные места. Нам передал их наш друг - Виктор Михайлович. Всё показал - где заходить в лес, по какой дорожке идти, куда сворачивать...

Теперь ездим, ходим. Ещё восьмой час утра, а мы росистым лугом от дороги идём к лесу. В осиновом подросте на окрайке уже могут быть грибы, но главные, лучшие места дальше. Выходим на лесную дорогу - мягкую, податливую, в следах от сапог, перекрытую кое-где стволами павших ёлок и берёз. Можно и прямо тут найти сыроежку или серый гриб подберёзовик, а Лёшка в последний наш грибной поход и белый прямо на дорожке нашёл... Но вот уходим с дороги в ельник - тут уже не спешим, в оба гляди... Как-то раз мы с Лёшкой в этом ельнике, на пятачке, может, метров десять на десять, штук тридцать одних белых нашли. Ельник в смешанный лес переходит - и здесь уже не только белые, а и подосиновики крепкие, с оранжевыми шапками попадают. Сыроежки, волнушки, кубарь и прочая «соленина» - везде...

Неподалёку перекликаются ещё грибники. Их тут много бывает, и никого без грибов не оставит лес. «Наши грибы от нас не уйдут», - знаем и мы с Лёшкой.

Возвращаемся на дорожку. В вёдрах наших уже не пусто - «на жарёху» есть. А мы переходим на другую сторону лесной дороги - там тоже грибные места, и там собираем...

Но пора и присесть, перекусить. На валежину садимся, достаю из рюкзака термос, хлеб... А и вкусен же обычный чай в лесу, а ещё подсолённый хлеб, огурец... Перекусил - не торопись. Сиди, слушай, гляди... Ветер шумит в вершинах деревьев; где-то опять перекликнулись грибники; махонькая серая птичка села на ветку в метре от нас и не боится, не улетает... Мгновение - и нет птички, как и не было, только ветка качнулась. Пахнет грибами. Белые пятна грибницы кругом на земле. А вон-то, под ёлочкой-то - не гриб ли? Подходишь: нет, не гриб, лист сухой. Но если бы не подошёл - не увидел бы, что дальше-то, под кустом - подберёзовик стоит-ждёт... Ещё ходим. И обязательно находим свой царь-гриб - большой, на толстой ноге, с коричневой, будто маслом помазанной, шляпой. Белый.

И уж на выходе, у крайних осинок вдруг выскочит прямо под ноги бодрый подосиновик, как последний подарок (ведь сколько сегодня мимо него грибников прошло, а он нас дождался)...

И так всегда бывает, каждый раз. А потому что грибные места.

ПОСЛЕДНИЙ ГРИБ ЛЕТА

Последний летний день. Завтра Лёша пойдёт в школу, а сегодня мы идём в лес, на наши грибные места...

Идём туманным, зарастающим кустами лугом. Туман рассеивается, тает. Уже видны паутинки в капельках росы, натянутые между травинами...

И прямо на тропку выбегает птичка, птенец - крупный, но не умеющий летать. Подпрыгивает, быстро-быстро машет крыльшками, но не может взлететь. В два шага мы догоняем его. Он уткнулся в траву сбоку тропы, смотрит, повернув голову, круглым глазом...

- Папа, не трогай его!

- Конечно, зачем же трогать, только посмотрим.

- А это какой птицы птенец?

- Не знаю.

- Посмотрю в определителе птиц, - говорит Лёша.

Птенец уже и глаз прикрыл. Ждёт, бедный, что будет... Да ничего не будет, беги... Мы отходим на шаг, и видим, как он вскакивает и убегает в траву, под куст... Где же мать-то его? Разве ж можно такому неумехе одному по тропкам бегать...

Мы входим в лес. Он уже наполовину потерял листву, стал светлым, только темно-зелёный еловый подрост пятнает берёзово-осиновую прозрачность. Но каждый лист на земле - жёлтый, красный, коричневый - прикидывается грибом...

Мы идём по лесной дорожке, мягкой, землистой, травяной. Солнышко встало, поливает дорожку светом. Хочется идти и идти по ней... Но мы сворачиваем в лес, под лапы высоких елей. Мы ищем грибы. Сегодня их мало, пока что лишь два нашли - один подосиновик в траве у дороги и один белый здесь, в ельнике...

- Папа, папа, иди сюда! Папа!.. - Я подхожу. - Ёжик! - говорит Лёша и указывает рукой.

Он ещё не свернулся, а только застыл колючей кочкой. А когда я перед его носом палочку ткнул - злобно фыркнул и даже попытался палочку укусить. И ещё раз... Ишь какой грозный!

Я той же палочкой его снизу подтолкнул, и тут он перевернулся на спину и свернулся в шар, так что и носа не видать.

Мы осторожно потрогали его колючки. Колкие!

И отошли. Минуты три стояли ещё, смотрели на ежа, но тот всё не разворачивался...

- Пойдём, папа, он, наверное, чует нас... Его тоже ведь ждут...

Пошли...

Не быстро, но наполнялись наши ведёрки: подосиновики, серые, белые, серыежки, склизкие кубари...

Присели перекусить, и рядом с нами на ветку села малюсенькая, серая с розовой грудкой, птичка... Потом ещё и заяц выскочил из куста впереди нас и стремительно запрыгал между стволами - тёмно-серый, со светлым пятном хвоста...

- Не лес, а зверинец какой-то, - будто бы недовольно, пробурчал Лёшка, когда из лесу выходили.

И, как обычно, ещё гриб нашёл. Последний в это лето...

Но ведь впереди ещё осень...

ПРИДОРОЖНЫЕ КАМНИ

Древний ледник, отступая, оставил впадину Кубенского озера (как умирающий Змей Горыныч когтем процарапал). Камни-валуны на нынешних полях и лугах - тоже наследие ледника, уносившего с собой древние горы да и растерявшего их...

Не менее тысячи лет пашутся земли близ Кубенского озера, столько же и убирают люди с этих полей камни, а их всё не становится меньше.

И сегодня вдоль старой Кирилловской дороги то увидишь огромный замшелый валун, похожий на уснувшее доисторическое животное, то горку свежённых с ближнего поля камней поменьше...

Придорожные камни хранят в себе ледниковую стужу, они помнят первые борозды от сохи на этой земле, в них память о крепких, корнистых крестьянских ладонях...

Мы идём по дороге; над нами - серо-голубое облачное небо; справа, за ивовыми шапками водополя - гладь Кубенского озера с едва различимым корабликом Спас-Камня; слева - поля и бороздящий их плугом трактор...

Придорожные камни, затаенно, вбирают память о нас...

В СЯМЕ

Спелая осень, высокое небо, ветер пахнет дождём и яблоками...

Я снова в благословенной Сяме...

Мы помолились в храме Мартинаиана Белоозерского о рабе Божьем Владимире (Гиляровском), послушали рассказ Валерия Кумзорова об истории Сямы...

Казалось бы, не раз я бывал здесь, не раз писал об этих местах, а опять узнаю новое, потому что история любого места - это глубокий колодец, и чем больше из него черпашь, тем чище вода знания, тем больше её, ибо колодец этот неиссякаем...

Ну, а если не черпать из колодца - затянет его грязью и тиной, обвалится сруб, зарастёт яма дурной травой... Но это ведь от нас зависит чистота и глубина колодцев нашей истории, памяти. И стоит зачерпнуть из такой ямы, и со дна тут же забьёт животворный родник, и яма снова превратится в колодец.

Мы стояли на краю смиренного деревенского кладбища у деревни Горки - места упокоения многих и многих рыбаков, крестьян, тружеников и тружениц; у развалин Покровского храма, в котором венчались родители Владимира Гиляровского, крестили его самого, в котором молился и исповедовался вместе с семьёй и будущий великий авиаконструктор Сергей Ильюшин...

Тысячелетия и века сошлись на этой горке. Как рыбацкая леса, натянулась здесь нить истории - от рыболовецких бригад, выводивших свои катера в озеро и распускавших в нём невод, до тех немыслимо далёких, но родных нам людей, выводивших в это же озеро свои лодии... Дёрнешь за один конец этой леси, а на другом живой тугой силой отзовется рыба-память...

2019 г.

ДОЖДЯ БЫ...

Утром выехали из города на редакционном «уазике».

Жаркий день начинается. И вчера такой был, и позавчера... Трава - как сухие ломкие волосы.

В низинках, по лесным окрайкам и у пересохших ручьев зелень гуще, стебли выше - там сохранилась почвенная влага...

«Дождя надо, дождя», - твердят агрономы, механизаторы. Все.

Механизаторы обедают в поле. Вроде бы и рановато обедать в десять утра. Но на работу-то выехали они в четыре. «Нормально работаем. Ещё бы трава была нормальная. Дождя надо...» - говорит бригадир, сидящий с тарелкой супа на коленях в тени своего трактора. «Дождя надо...» - вторят мужики из бригады.

Рядом незакрытая силосная яма, на краю её трактор-трамбовщик. Остро пахнет мятой травой...

Равнодушное солнце висит над полем. Небо белесое, сухое...

Прощаюсь с мужиками. Едем в следующее хозяйство - и там всё повторяется. «Дождь нужен!»

Едем по тряскому, намозоленному колёсами просёлку: мимо зарослей борщевика (этой заразе и засуха не беда), мимо старых изб, мимо дач, мимо высыхающего пруда, мимо внезапной радуги над струей воды из шланга на дачном огороде...

...По пути заезжаем в музей-усадьбу. Другая жизнь: усадебные здания, церковь, могильные плиты, тихие аллеи. Тропинка сбегает к сдвоенным прудам, на которых спокойно плавают утки. В вершинах лип и дубов плавно похаживает тёплый ветер. Зелень только вокруг прудов яркая, дальше на листве и траве, везде - будто налёт сухой пыли...

Возвращаюсь к белоколонной усадьбе, а на крыльцо выходит внучка последнего владельца. Ей много лет, большую часть их она прожила за границей. Теперь летами приезжает сюда...

Она здороваётся. Смотрит в небо. Говорит: «Нужен дождь...»

Вот так, наверное, её дед до отъезда за границу в семнадцатом году выходил на это крыльцо, в небо смотрел. И прадед, и прапрадед... И мужики так же косили траву, и обедали в поле, и просили дождя, а потом, когда дождь был не нужен, просили вёдра...

...Мы снова едем. Над дальним лесом сбиваются в копны белые облака.

ТИШИНА

Лучшая музыка - тишина.

Мы живём в тишине, наполненной когда-то Словом. В дарованной Словом нам, людям, тишине.

Всё живое наполняет эту тишину (или разрушает её) - звуком. Тишина леса - это шелест листвы, шорох травы, вскрик птицы, дыхание человека и зверя...

- Тю-ю-у, тю-ю-у, тю-ю-у... - слышится из придорожных кустов.

- Чивы, чивы, чивы... - откуда-то прямо с дороги.

- Др-р-ра, др-р-ра, др-а-а... - из лугов «дёргает».

- Уф-ух-уф-ух... - по окрайку леса проплыла ширококрылая тень.

И снова: «тю-у, чивы, др-ра-а...» И шелест листвы и травы, и шорох земли под ногой. И кажется - чьи-то шаги и вздохи за спиной...

И всё это сливается в неумолчную ночную тишину...

А тишину венчает небо, на котором уже высветились звёзды...

ПОКОЙ

(из неоконченного)

Храм этот - церквушка малая - хоть и городским считается, а уж за городом. Топать да топтать до него от настоящего-то города по асфальтовой ныне дороге, по краям которой домишки с огородами и палисадами, и по правой стороне между теми домишками проблескивает неширокая спокойная речка... Бегают и автобус, но даже не специально до храма, а мимо него - к пляжу. Вокруг храма старое, всё в зарослях кустов, травы, кладбище - вздыхают над могилами высокие деревья. Местами сохранилась ограда вкруг кладбища и храма, но давно уже никого

та ограда не держит - полуразваленные опорные столбы из старинного ещё кирпича, натянутая кое-где и прорванная металлическая сетка, дощатая, тоже проломанная во многих местах или даже разобранная на костры загорода...

Прихожане, конечно, есть, но их немного - из города всё же далеко и трудно добираться, а рядом лишь несколько домишек с доживающими в них век стариками. Только на храмовый праздник и наполняется эта церковь до краёв и даже с перехлёстом...

А знавал храм и «лучшие» времена. Время-то было тяжкое на самом деле - лишь один кафедральный собор в городе не был закрыт да вот эта церквушка пережила все гонения и разорения... И в самые безбожные годы шли и шли женщины (были, конечно, и мужчины, но всегда казалось, что - женщины, женщины, старухи...) в своих косынках, со своими горестями и надеждами...

В начале девяностых одна за другой стали открываться закрытые прежде церкви в городе. И поток прихожан сюда, за город, в ручеек истончился...

А покойно здесь (именно - не «спокойно», а «покойно»), тихо, вечерами особенно. Налетит ветерок с речки, прошумит листвой; простучит недалёкий поезд, и снова тихо...

А тишины и хотелось ему больше всего.

И вот она, казалось, уж и недостижимая, нежно ласкающая душу, несравнимая ни с какой самой прекрасной музыкой - тишина.

Он сперва и не заходил в храм. Побродит между могил, посидит на скамейке перед каким-нибудь камнем с едва читаемой уже надписью... «Купец первой гильдии Хомяков Иван Фёдорович. Жизнь земная - секунда. Жизнь небесная - вечность»...

Однажды и в храм вошёл - от дождя ли спрятаться или помолиться, откуда же знать? Да так с тех пор и стал заходить...

ЖИВЫЕ МЁРТВЫЕ

...Раньше как было: умер человек, какое-то время его облик, голос, что-то ещё связанное с ним, помнятся, постепенно забываются...

Потом появились портреты (картины). Глядя на портрет (не всегда и похожий), можно было вспомнить облик.

Потом появились фотографии, радиозаписи, видеосъёмка... Теперь вот - страницы в «соцсетях». Человек уходит, умирает, но вот его «страница», и на ней фотографии, записи голоса, видео... И он будто бы и не ушёл - удерживает его компьютерная сеть...

Но ведь это мешает нормальному отношению к умершему. Нормальная «внутренняя» память заменяется внешней картинкой.

Раньше - забывался плотский облик, но будто бы высвечивался со временем духовный образ человека. И общение с умершим становилось духовным - молитва о нём, вера в его молитву о тебе...

Сейчас всё это труднее и больнее: нажал на кнопку и видишь, слышишь родного человека... И удалить - нет сил...

ПОСТУПОК

Мысль - это поступок, а на поступок способен не каждый... Но ведь мыслят, то есть думают - все... Нет. Часто мы лишь повторяем чужие слова, чужие мыс-

ли, уверяя сами себя, что это наши мысли, потому что они удобны, потому что они общеприняты, обычны, не беспокойны... Привыкая к таким не своим мыслям, отучаемся мыслить самостоятельно. Но лишь самостоятельная мысль не исчезнет. Она нова, даже если повторяет чужие слова. Даже если кто-то уже промыслил эту мысль до тебя, но ты пропустил её через свою душу, прожил её - это твоя мысль, это твой поступок, это то, что останется после тебя, ибо истинная, живая, самостоятельная мысль - бессмертна.

Стремиться к самостоятельной мысли-поступку...

МОРЕ И БАБОЧКА

В Анапе я жил в частном доме на втором этаже, куда вела крутая деревянная лестница...

Шёл к морю. Казалось, обычный горизонт - может быть, лес на горизонте или что-то тёмное... А это было море. Думал подойти прямо к воде, а пришлось остановиться у высокого обрыва: каменистый берег внизу, и волны...

По боковой дороге спустился к берегу, к воде. Разулся, вошёл в воду. И сразу порезал ногу (левую).

Сидел на большом камне. Брызги долетали до меня. Солёный, йодистый воздух, ветер... Волны - то еле заметные, то побольше, пенясь, секлись о камни... Постоянный гул, плеск, шипение воды...

Вечером сидел во дворике под лестницей на второй этаж, был тёмный звёздный вечер. Тепло. Сигарета, чашка кофе, фонарь на стене. Тут же - руку протянуть - вишня, спелые ягоды...

Большая, тёмная (в свете фонаря не разобрать, чёрная или синяя) бабочка, с размахом крылышек в мою ладонь, села на перила лестницы. Я взял её за крылышки, с усилием оторвал от перил, сам не знаю зачем. Подержал и выпустил. Она затрепыхалась, с трудом перелетела на морщинистый ствол дерева.

- Ночная бабочка. Теперь это редкость, - сказала пожилая хозяйка дома, сидевшая на скамье под окном.

Её внук хотел взять бабочку, но она остановила:

- Не тронь. Если повредишь пыльцу - погибнет.

Когда я снова глянул на дерево - бабочки на стволе уже не было...

Утром я снова спустился к морю.

Море было розоватое у берега (солнце вставало со стороны берега, за горой), дальше фиолетовое, бирюзовое... На берег катились большие, широкие волны, а от берега - маленькие, короткие. И эти волны сталкивались и создавали рябь, будто дождь сеял по воде...

Этот берег, волны, камни, ночная бабочка, тёплые южные звёзды... Было ли? Со мной ли?..

ВОЛЧОНОК И ЗВЕЗДА

А вот ещё что было в лесу...

Однажды волчонок проснулся летней звёздной ночью, выбрался из своего логова под старым выворотнем, принялся и понял, что окружён тысячами деревьев, миллионами травинки, бессчётным множеством зверей, жуков, кузнечиков, птиц...

Он впервые так сильно почувствовал огромную жизнь вокруг себя потому что он совсем недавно стал жить один. Раньше рядом с ним всегда была его мама-волчица, его братья и сёстры, и он чувствовал только их запахи. Теперь он был один на один со всем лесом и с тем, что было за лесом и над лесом, и даже под лесом...

Волчонок рыскал по ночному лесу, и то одна, то другая тень метались от него - заяц, ещё кто-то. Даже огромный задумчивый лось стороной обошёл волчонка. Все убежали и прятались. И только долго держался их запах...

А вверху, над деревьями - звёзды. Они не убежали и не пахли, но они были недосыгаемы. Если бы волчонок умел лазать по деревьям, хотя бы как медвежонок, он залез бы на макушку самой высокой сосны и, наверное, мог бы дотянуться до звёзд, он обнюхал бы их, лизнул бы тёплым языком... Но он не умел лазать по деревьям...

Вдруг волчонок услышал шёпот. Это не был шелест листвы, это не был шорох мышки или ежа в траве... Нет. Это был шёпот. И он слышался сверху. С неба.

Это шептались звёзды. Волчонок стал слушать их, но никак не мог разобрать, о чём же они говорили.

И вдруг одна звёздочка подмигнула ему и сказала: «Волчонок, сейчас ты один, тебе не с кем поговорить. Ты можешь говорить со мной, я всегда отвечу тебе...»

И волчонок поднял морду к небу и сказал: «Спасибо, звёздочка! И я всегда буду говорить с тобой!»

Звери слушали и вздыхали: «Это волчонок вырос, стал взрослым волком и воет на звёзды. Надо его остерегаться. Опасный зверь - волк...»

А звезда говорила с волчком и совсем не боялась его. О чём они говорили - только они знают.

У каждого зверя, у каждой звезды, у каждого человека - своя судьба, свои повадки, своя жизнь. Но очень нужно, чтобы каждому - человеку, зверю, звезде - было с кем поговорить...

Журнальный вариант.

Международный конкурс современной духовной художественной литературы «Молитва»

Организаторы конкурса духовной художественной литературы «Молитва» приглашают вологодских прозаиков и поэтов принять участие в творческом состязании.

Конкурс объявляется с целью развития и популяризации современной художественной духовной литературы. В настоящее время верующие поэты и прозаики создают достойные, отражающие современность произведения, несущие в себе обращения человека к Богу. Задачи конкурса: поддержка самого широкого круга авторов, создающих новую духовную литературу, и популяризация их творчества; содействие в распространении духовной культуры в современном обществе.

Заявки на конкурс принимаются с 14 октября 2025 года по 1 марта 2026 года. Конкурс организован при участии Союза писателей России, православных издательств, известных прозаиков и поэтов, литературоведов, литературных критиков, руководителей литературных объединений и клубов, литераторов-священников, преподавателей вузов и семинарий.

Информационно конкурс поддерживают портал Издательского совета Патриархии «Правчтение.ру», литературные журналы «Эхо Бога» и «Литсоты», сайт «Ветрово», посвящённый творчеству иеромонаха Романа (Матюшина-Правдина), журнал «Вологодский ЛАД», общественное движение «Русская мечта», газеты «Юг право-

славный», «Приазовская степь» и другие.

Участвовать в конкурсе «Молитва» могут авторы старше 18 лет, пишущие на русском языке.

Конкурс проводится в двух номинациях: проза (максимально 40 000 знаков с пробелами) и поэзия (до 200 строк).

Победители в номинациях «Проза» и «Поэзия» будут награждены ценными призами.

Союзом писателей России учреждён специальный приз «Честь и духовность».

Издательством «Вольный странник» (главный редактор - митрополит Тихон Шевкунов) учреждён специальный приз «За лучшее прозаическое произведение о пути к Богу».

Благочинием города Таганрога учреждён специальный приз имени святого праведного Павла Таганрогского «За лучшее прозаическое произведение о святых местах», награда - икона старца и денежный приз.

Заявки, которые должны соответствовать Положению о Международном конкурсе современной духовной художественной литературы «Молитва», нужно отправлять на электронный адрес: molitva-konkurs@mail.ru

Подробная информация на сайте конкурса: <http://molitva-konkurs.ru/>

Он искренне и горячо служил Богу и людям

К 70-летию со дня рождения протоиерея Сергея Колчеева

Памяти пастыря

Сергей Колчеев родился в Москве 9 декабря 1955 года. Сергей долго искал свой путь в жизни: учился на международном отделении факультета журналистики МГУ, но за год до окончания учёбы ушел в армию.

Поступил на художественно-постановочный факультет Всесоюзного государственного института кинематографии и с отличием закончил его в 1988 году. Однако таланты будущего священника проявились в другой сфере деятельности - духовной.

«Во мне постепенно зрела уверенность в том, что единственное дело, которому я хочу посвятить свою жизнь, - это служение Господу в Его Святой Церкви», - так писал он в автобиографии. Оставив Москву, он уехал в Никольский район. В то время здесь еще не было ни одного действующего храма, действовал только молитвенный дом в д. Кожаево под Никольском. Сергей осваивал церковное чтение и пение, поступил в Московскую духовную семинарию, стал псаломщиком. 4 декабря 1990 года архиепископ Михаил (Мудьюгин), управлявший тогда Вологодской епархией, рукоположил его во диакона, а 31 марта следующего года - во священника.

Трудами отца Сергея была передана верующим Казанская церковь в райцентре, он стал настоятелем прихода, при-

Протоиерей Сергей Колчеев

ложил немало усилий для восстановления храма - первой возрожденной церкви в районе. Отец Сергей восстанавливал не только храмы; он возрождал в душах людских веру, помогал прийти к Богу тем, кто был готов к этому. Он окормлял верующих не только в районном центре, но ещё в нескольких приходах - в Дунилове, Аргунове, Борке...

Именно благодаря настоятелю Казанского храма никольчане лучше стали знать своих святых - преподобных Симона Воломского, Тихона Крестогорского, а также подвижников благочестия, погибших за веру Христову в годы гонений. И дело не только в том, что стараниями отца Сергия начали приводить в порядок Казанскую церковь в селе Дунилове и Симоно-Воломскую пустынь, что поставили Поклонный крест на месте расстрела никольских священников - эти и многие другие материальные знаки благочестивой памяти, поставленные трудами отца Сергия Колчеева, конечно, важны, но не менее важны и знаки, оставленные в сердцах верующих, взрослых и детей, которым священник помог понять истинные ценности нашей жизни. В Никольске отца Сергия знали, наверное, все. Он умел найти общий язык с каждым - независимо от уровня образования собеседника, его общественного положения... В этом затерянном в лесах уголке Вологодчины он, выросший в Москве и воспитывавшийся в элитных вузах, искал то, чего ему не хватало в столицах.

Он искал - и находил! - черты настоящей Руси - самобытной, мастеровитой и смелой, любящей и работать, и веселиться. И - главное - верящей в Бога. Протоиерей Сергей Колчеев делал всё, чтобы пережившие безбожное лихолетье люди снова смогли увидеть в своей поруганной Родине - Святую Русь.

Ему было нелегко. Больше 10 лет отец Сергей служил один на нескольких приходах, и здоровье не выдержало. Осенью 2022 года его направили в онкологическую больницу в Вологду, врачи сделали операцию, но - болезнь оказалась слишком запущенной. 22 января 2003 года протоиерей Сергей Колчеев скончался. Вечная ему память! Отпевание было совершено в московском храме Девяти Мучеников Кизических. Проводить отца Сергия в путь всея земли приехали близкие ему люди из Вологды, Москвы, Нижнего Новгорода, Архангельска, духовные чада батюшки из Никольска и Великого Устюга.

Редакция «Благовестника»
(газета Вологодской епархии
«Благовестник», №1, 2003 год).

ОТ РЕДАКЦИИ. Уже после кончины отца Сергия в Вологодской картинной галерее прошла выставка его работ. Все они были выполнены до рукоположения: батюшка был человеком редкой целеустремленности, и когда начал служить в Церкви, живописью заниматься перестал. «Нужно делать что-то одно: либо Богу служить, либо живописью заниматься» - считал он. Служению у престола Божия батюшка отдавал всего себя, и прихожане Никольского храма это понимали; они очень уважали батюшку и как могли поддерживали. Много сил отец Сергий отдавал воскресной школе; с учениками совершал паломнические поездки - батюшка хотел, чтобы ребята научились любить Бога, чтобы они поняли смысл церковной жизни. И дети отвечали ему любовью. Об этом говорят публикуемые материалы.

Отец Сергей Колчеев крестит николевских ребятишек в водах реки Юг. Фото Алексея Колосова

Не надо забывать о нём - это важно для нас

Отец Сергей был удивительным человеком, он был ни на кого не похож. Он был прекрасным художником - и не смог заниматься этим больше (или не захотел), после него осталось огромное рукописное наследие...

В сопроводительной записке к дипломному циклу работ о св. Александре Невском будущий о. Сергей написал, что главной его задачей было «показать состояние, в котором происходят события. Духовное состояние, что характерно для древнерусской литературы, подчёркивает состояние природной стихии. Главным выразительным средством для меня здесь является свет во многочисленных своих образах <...> По этому принципу построена вся композиция в целом; она и должна представлять собой единое целое».

Духовное значение картин и фотографий отца Сергея мне видится в первую очередь в том, что всё это творения, созданные душою, сначала искавшей Бога,

шедшей к Богу, а потом служившей Богу. Виды Измайлова, Кашина, Переславля, Оптиной Пустыни, Троице-Сергиевой Лавры зовут нас, как тихое ласковое слово, они утешают, радуют, освещают душу тихим светом, который он так любил, который он так ценил, который он так помнил, который он так искал и к которому он, в конце концов, пришёл. В его картинах - красота русской природы, увиденная глазами чистой души, искавшей и нашедшей Единое на потребу.

Думаю, что память о нём очень нужна нам, потому что отец Сергей он жил и спасался в одно с нами время, в одних с нами условиях, в той же самой обстановке, а для николевчан и дуниловцев - на тех же самых улицах. Опыт, который мы можем получить, вникая в его жизнь, бесценен тем, что он современный, актуальный, тот же, что и наш с вами.

Даниил КОЛЬЦОВ,
однокурсник о. Сергея во ВГИКе

«Не давайте детям пропасть!»

Будучи секретарем комиссии по религиозному образованию Вологодской епархии, я просматривала фотографии воскресных школ: готовила выставку. Классы, увешанные яркой «наглядностью» - текстами молитв, цитатами, «лестницами»; ученики за партами, девочки в платочках, строгая классная дама у доски, опять классы... Стоп! Эта фотография была так не похожа на все остальные... Весна. Храм среди цветущих верб. Его крыльцо залито светом. А на крыльце, в этой весне и в этом свете, сидят девчонки стайкой пестренских птичек, с ними учительница, а в руках у нее Евангелие...

Отец Сергей школьными делами занимался увлеченно. И мне советовал: «Не бросайте школу, детей. Они не дадут вам состариться, а вы не давайте им пропасть!» В слове «пропасть» выделял «пасть», а рядом снова писал «пропасть», только ударение ставил на первом слоге. Становилось все ясно...

На вечерние беседы с батюшкой приходили молодые девушки и ребята. Пили чай из граненых стаканов в металлических подстаканниках. Это напоминало поезд. И беседы были такие же доверительные, какие случаются между дорожными попутчиками. Малыши-воскресники мечтали позвонить в колокола на деревянной колоколенке рядом с храмом и очень любили играть с батюшкой в подвижные игры. Отец Сергей шутил по этому поводу: «Подвижные подвижники...» На уроках читали Евангелие, разбирали прочитанное. Батюшка умел объяснять просто, подбирая удачные сравнения, свежие яркие образы. Была поздняя осень: конец ноября, а снега еще не было. Беззащитная, непокрытая земля, деревья, с которых облетела листва, - они открыты всему и все принимают... Смирение...

Молились вместе в храме. Готовились к исповеди и причастию, замечали: «Батюшка строгий! Но как на душе потом легко становится!» Всей школой отмечали праздники. Показывали спектакли. Ходили в экспедиции, сплавливались на плотах из пластиковых бутылок по реке Юг. Возделывали землю: как-то отец Сергей показал мне огромные релейники, сказал: «Вот волчцы. А цветы там, возле храма. Земля может быть цветущей, а может зарости этими вот волчцами - все от нас зависит!» Странствовали, даже на Соловках побывали...

И все это ради одного - воспитания доброго сердца. Отец Сергей любил цитировать пушкинское: «чувства добрые я лирой пробуждал». Считал, воспитывать чувства нужно с малого. Например, любовь к ближнему начинается с простого внимания. А дети не могут сосредоточиться, не умеют держать внимание, не управляют, не владеют собой. Значит, надо сначала этому научить...

Беда, когда церковное воспитание не касается сердца человека, его чувств - «сердце его далече отстоит...» Помню, как с горечью батюшка вспоминал слова одного «мудрого» иподиакона, который сказал ученицам воскресной школы: «Вы, девочки, красьтесь и юбки носите короткие, главное, чтобы отец Сергей не узнал!» Вот она, причина лицемерия, - «ум с сердцем не в ладу». И вот маску уже не отодрать от кожи лица. Как прощителен был Грибоедов!

Батюшка верил в силу педагогики. Об этом рассуждал так. Есть мнение, что благодать сама научит человека всему. Это может быть так, а может и не быть. За этим можно просто спрятать свою лень и тупость. Есть два способа обучения. Один: брось щенка в воду. Коли выплывет - на-

чился. Нет - стало быть, «не судьба», «нет воли свыше». Это универсальный педагогический принцип. Почему универсальный? Потому что устраивает большинство. А второй способ - подготовка, тренировка, постепенность. А потом уже в воду... Отец Сергей своих учеников к этой «воде», к жизни в нашем безумном мире - «новом Вавилоне», готовил. Не изолировал от мира, а учил в нем жить, жить правильно. Он был против «оранжерей», которые пытались создать педагоги в некоторых церковных приходах. Своих выпускников на приходе насильно не держал, но грустил, если они уезжали из Никольска: «Так, пожалуй, у меня все разъедутся, и дебрь лесная опустеет совсем. Но я думаю: не так важно, вернутся они или не вернутся, - быть угодным Богу и людям можно всюду...»

Он верил, что как бы ни сложилась жизнь его учеников, память о церковной благодати поможет им в минуты сомне-

ний: даже если случится в жизни заблудиться, они выйдут на дорогу, ведущую в храм. А здесь благодать Божья поддержит и укрепит. Рассказывал мне батюшка: ехал он как-то раз в московском метро в подряснике, подошел к нему молодой человек, спросил скептически: «Да неужто случаются чудеса в наше время?» Отец Сергей ответил: «Случаются! И самое большое чудо - преображение человека Божьей благодатью!» Он верил...

В любительском фильме о поездке никольских ребят на Соловки есть одно место. Море штормит. В волнах - катерок с детьми. Чувствуют себя они неважно: кому-то страшно, кому-то плохо от качки, кто-то замерз. А отец Сергей с ними рядом: подбадривает, поддерживает шуткой, согревает. И показывает рукой вдаль. А вдали уже видны стены монастырские. Для меня это символ...

Инна МАКЕДОНСКАЯ

Батюшка учил не словами, а примером

С отцом Сергием я познакомилась в воскресной школе при Казанском храме г. Никольска, училась тогда в 6 или 7 классе. В начале учёбы о. Сергей узнал, кто крещёный, а кто ещё нет, - тех он крестил бесплатно. На занятиях по воскресеньям после службы мы изучали Ветхий, а затем Новый Завет. Было очень интересно и увлекательно. После занятий мы всегда пили чай и беседовали на разные темы.

В воскресной школе был организован театральный кружок, в котором участвовали почти все. Запомнился Рождественский спектакль, на который были пригла-

шены родители. А после, уже в Москве, мы показывали этот спектакль перед детьми, по-моему, из детского дома.

В Пасху всегда ходили на природу, а потом о. Сергей разрешал тем, кто раньше всех придёт в церковь, залезть на колокольню и звонить, пока все остальные не подойдут.

За время пребывания в воскресной школе мы побывали в разных святых местах, не только в нашем Никольском районе (например, в Дунилово нас родители отпускали даже с ночёвкой). Были в Ярославле, Вологде, Кириллове, Москве...

Даже на Соловки отец Сергей нас возил. На Соловках запомнилось, как мы пришли на обед, который всего 15 минут. Начинался по звонку колокольчика и через 15 минут заканчивался, снова по звонку. А мы этих правил сначала не знали. Отец Сергей пока с кем-то разговаривал, прозвенел колокольчик - обед закончился. Он так и не пообедал.

Побывав на святых местах, мы всегда возвращались с чувством радости. Нам казалось, что стали чище душой, добрее сердцем. А когда отца Сергия спросишь: «Как поверить в существование Бога, ведь я его ни разу не видел?» - он отвечал: «Воздух ты тоже не видел никогда, но знаешь, что он существует!»

Даже после окончания учебы в воскресной школе я заходила к отцу Сергию за советом, благословением. С ним всегда было интересно и легко. Запомнился такой совет: прежде чем согрешить, подумайте, стоит ли это делать. И теперь, спустя столько лет, мы идем по жизни, помня эти слова батюшки...

Валентина МИШЕНЁВА (Шапкина),
Никольск

* * *

Отец Сергей учил нас терпению, смирению, любви к ближнему - и не на словах, а своим примером. В ситуациях, которые вызывают у любого злость, обиду, уныние, батюшка вёл себя сдержанно, смиренно, ко всем относился с пониманием. Он был спокойным, со всеми

ровным, не настаивал на своём мнении. «Друзья мои!» - обращался он к детям из воскресной школы.

Как-то постепенно рос интерес к воскресной школе - расширился круг друзей, там была добрая атмосфера. Занятия начинались сразу после Литургии, во второй половине занятий к нам всегда присоединялся отец Сергей (после Литургии батюшка совершал Крещение) . Он заходил тихо-тихо со стороны алтаря - как бы не помешать ходу занятий... Там была маленькая келия, необычайно уютная, оттуда веяло теплом и пахло ладаном. Иногда мы там исповедовались, особенно перед большими праздниками. Я уже потом поняла, что к детям у батюшки был особенный подход; на исповеди он помогал понять, как надо относиться к причастию, к службе в храме, к воскресной школе, да и вообще к жизни.

В летний период в воскресной школе были каникулы, но мы постоянно приходили в храм к батюшке. Отец Сергей прививал нам любовь к природе, рассказывал, что он чувствует, когда меняются времена года. Например, перед Вербным Воскресеньем мы почти всегда отправлялись с батюшкой за ветками вербы. Он рассказывал о явлениях природы очень красиво, с душой; например, обращал наше внимание на ручьи, бегущие из-под сугробов тающего снега. Казалось, живём среди такой красоты, а внимания не обращали раньше, нам всё казалось обычным, ничем не примечательным...

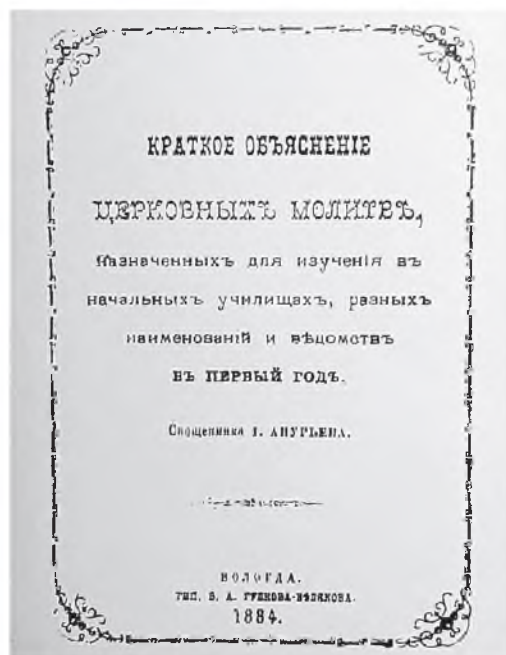
Елена ВЯЛЬШИНА (Стельникович)

Русский просветитель священник Иоанн Анурьев

В нынешнем году наш постоянный автор, известный исследователь истории вологодской литературы Леонид Николаевич Вересов подготовил к изданию репринт очень интересной книжки. О чем она и кто ее автор, рассказывает писатель-краевед.

Вологодский священник Иоанн Анурьев составил «Краткое объяснение церковных молитв, назначенных для изучения в начальных училищах, разных наименований и ведомств в первый год». Небольшая эта книжечка выпущена в свет в Вологде в 1884 году. Она случайно попала мне в руки. Изыскания показали, что издание это было уникальным в своём роде, как уникальным был и его автор - настоятель Лазаревского кладбищенского храма в Вологде. Его литературное наследие составляют не только духовные сочинения для самых широких кругов русского народа, но и книги по ремёслам.

Иоанн Анурьев - настоятель Лазаревского кладбищенского храма в Вологде. Родился в 1839 году в Вологде, его отец, диакон Иоанн, служил в Вологодском кафедральном соборе. В 1858 году Иоанн окончил Вологодскую духовную семинарию с аттестатом второго разряда; в 1862 году сдал экзамен при семинарии и был удостоен степени студента. Был определен к Лазаревской кладбищенской церкви в Вологде. Женился на Елизавете Садовой, дочери покойного настоятеля храма Александра Садова, и обязался содержать детей умершего тестя: Владимира, Стефана и дочь Юлию, за последнюю должен был вносить по 50 рублей в год в Ярославское училище. 5 сентября 1865 года рукополо-

Обложка репринтного издания одной из брошюр отца Иоанна Анурьева. Подлинник обложки дошел до нас в очень плохом состоянии, издателю пришлось набрать название книжки в современной орфографии

жен в сан священника к Лазаревской кладбищенской церкви. Был инициатором и руководителем работ по постройке нового Лазаревского храма на Горбачевском кладбище (по проекту архитектора В. Н. Шильдкнехта). С 1870 по 1879 год был членом комитета по постройке семинарии,

параллельно с 1871 по 1878 год - членом комитета по устройству духовного училища. В 1872 году работал в комиссии по созданию экспериментальной кассы епархии. С 1877 года преподавал Закон Божий в городских приходских училищах: второго мужского и первого женского, а также был репетитором по русскому языку в пиларском классе 82-го резервного батальона, где безвозмездно преподавал Закон Божий и русский язык. Был членом ревизионной комиссии по свечному управлению и при устройстве епархиальной типографии, депутатом от духовенства в комитете о народной трезвости.

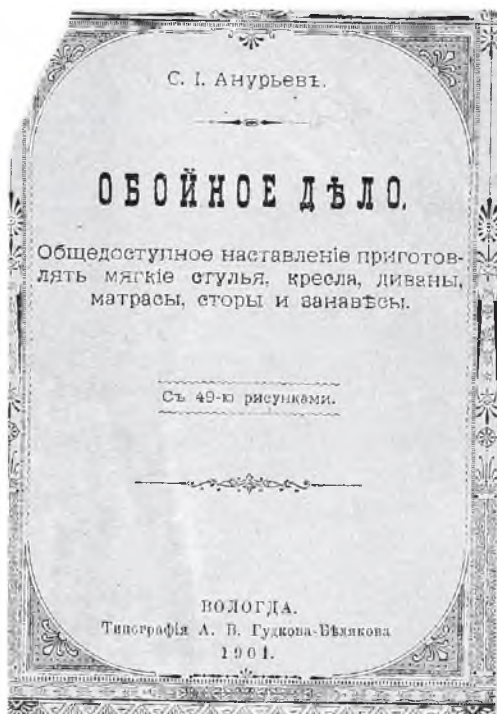
Отец Иоанн - автор не только богословских трудов, но и также серии пользовавшихся большой популярностью изданий по переплетному, столярному и другим ремеслам. Постоянный член строительной комиссии по духовному ведомству, участвовал в перестройке здания духовного училища и духовной семинарии, а также семинарской церкви в Вологде. Вот как писал в некрологе священник Сергей Непеин о любви почившего к книгам и литературе: «...Действительно, книгам он отдавал много своих досугов, часто и подолгу беседовал с ними. Шумной компании живых людей о. Иоанн не любил, а книги буквально окружали его отовсюду. Громадная и всесторонняя библиотека осталась после покойного. Он обладал богатой эрудицией в самых разнообразных вопросах. Систематизировать свои книжные сокровища до последнего времени собирался покойный, да так и не собрался...». Скончался 20 октября 1907 года в Санкт-Петербурге в клиническом военном госпитале. Похоронен 25 октября в Вологде, у северной стены им построенного храма.

На четвертой странице обложки книги Иоанна Анурьева о молитвах - список книг автора, которые можно было приобрести в конце XIX века. В этом списке

Леонид Вересов выступает с докладом о деятельности священника Иоанна Анурьева на краеведческих чтениях в областной библиотеке

нет книг о. Иоанна по ремёслам: токарному, столярному, обойному делу (изготовление мебели), которыми в совершенстве владел автор и профессионально советовал, как ими овладеть самостоятельно (даже было пособие по возведению каменных и деревянных зданий), исключение - книга по переплётному делу. Зато есть книги по богословию, разъяснению его трудных моментов для детей, солдат, крестьян, мещан. Приведём некоторые названия духовных брошюр о. Иоанна Анурьева: «Беседы с детьми о молитве Господней», «Что такое воскресный день», «Августовское водосвящение...», «Детям приходских училищ в память от законоучителя», «Молодым солдатам в память от духовного отца», «Объяснение церковных молитв детям. Уроки по «Закону Божию». Первый том учебника начальных училищ», «Как переплетаются книги. Опыт ознакомления детей приходских училищ с переплётным мастерством»... Интересно, что на последней странице обложек книг, изданных отцом Иоанном, указан не только перечень книг автора, но и замечательный по краткости адрес автора: «Священнику И. Ануриеву в Вологду».

Елена Леонидовна Демидова, главный библиотекарь отдела редких книг Вологодской областной универсальной научной библиотеки, в статье «Со знанием дела и знанием читателя», опубликованной в газете «Красный Север» 5 февраля 1991 года, отмечает, что в издательско-просветительское направление вологодской культуры предреволюционного периода значительный вклад внесло местное духовенство: «...Иоанн Ануриев - автор двадцати книг. Удивительны они тем, что только половина их духовного содержания, остальные же - мирской тематики...». Убежден, что только широко образованный и уверенный в себе человек мог взять на себя смелость трактовать осно-

вы религии, обучать в книгах ремёслам и нужным навыкам в быту.

В советское время книги отца Иоанна - и катехизические, и посвященные ремеслам - изымались из библиотечного фонда и уничтожались, в лучшем случае их отправляли в спецхраны при государственных столичных библиотеках. Поэтому, по нашему мнению, возвращение её в

литературную жизнь имеет огромное значение. Брошюра вологодского священника о кратком объяснении молитв чудом сохранилась у мамы моей жены. В конце 2024 года Н. В. Кузнецов осуществил издание репринта этой редчайшей книги в череповецком издательстве «Окраина». При подготовке книги к переизданию я посчитал необходимым познакомить читателей с автором книги и немного рассказать, почему она такая редкая. В конце книги помещены фотографии некоторых книг отца Иоанна Анурьева, Лазаревского храма и места упокоения отца Иоанна. Репринтное издание было вручено участникам православных краеведческих чтений «Вологодская духовная семинария: преподаватели, воспитанники, выпускники», состоявшихся 27 марта нынешнего года в секторе редких книг Вологодской областной универсальной научной библиотеки, где я выступил с докладом об этом издании и его авторе. Подлинник брошюры передан в областную библиотеку, познакомиться с ним можно в отделе редких книг.

Леонид ВЕРЕСОВ,
историк литературы,
руководитель Череповецкого филиала
Вологодского союза
писателей-краеведов,
член Союза писателей России

От редакции. Одну из книг отца Иоанна опубликовал наш журнал - было это в то время, когда он назывался «Лад. Журнал для семейного чтения». В 1992 году журнал опубликовал извлечения из пособия «Столяр-самоучка». Вышла книжка в Вологде в 1893 году. Отец Иоанн Анурьев прекрасно владел многими ремеслами, старался передать людям свои знания и опыт. Отец Иоанн издал более двадцати книжек, половина из которых посвящена разным ремеслам: кузнечному, переплетному, малярному, токарному, строительному... Некоторые из них выдержали несколько изданий.

Продолжая традиции, шествует своим путём

Об академике живописи Валерии Страхове

Валерий Николаевич Страхов на сегодняшний день - самый титулованный художник Вологодской области: он народный художник Российской Федерации, действительный член Российской академии художеств, профессор кафедры рисунка, живописи и композиции Академии акварели и изящных искусств Сергея Андрияки в Москве. 25 февраля 2025 года мастер отметил свое 75-летие.

К славному юбилею в главном здании Вологодской областной картинной галереи, в залах, где экспонировалась выставка Ильи Ефимовича Репина, была проведена юбилейная выставка выдающегося живописца.

Это третья персональная выставка В. Н. Страхова в Вологде. Первая прошла в далеком 1995 году в «Русском доме», на ней экспонировалось 100 этюдов художника. В 2020 году в филиале Вологодской областной картинной галереи МТЦ «Дом народного художника Владимира Корбакова» новой выставкой отмечали очередной юбилей мастера. Нынешняя экспозиция - самая исчерпывающая по представленному материалу: из 200 картин и этюдов, написанных с 1980-х годов по настоящее время, автор избрал 160 произведений. Сам Валерий Николаевич на вопрос журналистов, как он готовился к этой выставке, ответил так: «Эта выставка - результат всей моей жизни».

И действительно, в этюдах и картинах на выставке разворачивается вся его цельная, полная упорства и преодолений судьба. Вот крохотный этюд «Таёт снег. Деревня Хемалда» 1995 года. Здесь прошло все детство, школьные годы, учеба в Ирдоматской средней школе. Поэтому для него и

для тех, кто интересуется его биографией, этот внешне непритязательный, но очень живописный этюд отзывается тревожно-сладким воспоминанием далекого времени. Деревня запечатлелась в его душе образами виденных престольных праздников, порой сенокоса, когда ликует вся природа, лесом за околицей. В школе проявился и интерес к живописи, первый восторг Валера Страхов испытал от «Портрета сына Арсения» кисти Василия Тропинина, увиденного на репродукции в журнале «Огонек». Художник вспоминал: «Я подолгу смотрел на него. Все меня в нем восхищало, а особенно глаза и волосы».

Не от него ли возникло у него уже в Московском художественном институте им. В. И. Сурикова желание заниматься портретной живописью? Тогда же он увлекся парсунной, в ее манере сделав портретный этюд своей жены Татьяны. На выставке можно увидеть «Портрет поэтессы Натальи Сидоровой» 1990 года и «Автопортрет» 2014 года, свидетельствующие о возможностях художника и в этом жанре.

Но путь до Москвы для скромного паренька из Ирдоматской сельской школы был не близок. Сначала он поработал калибровщиком в сталепрокатном цехе Череповецкого металлургического комби-

Ирина Николаевна Балашова, автор статьи о творчестве В. Н. Страхова, у полотна «Вологда»

ната (нынешней «Северстали»), одновременно посещая изостудию при Череповецком краеведческом музее. От ее руководителя, талантливого педагога С. П. Пескова, он узнал о Ярославском художественном училище, куда и поступил после службы в армии. Здесь собралась целая ватага будущих вологодских художников: А. Савин и Е. Савина, В. Антонов и Н. Антонова, С. Глущина и В. Глушин, В. Страхов и Т. Страхова. Здесь Валерий полюбил русских живописцев А. Г. Венецианова, А. К. Саврасова, В. И. Сурикова, А. П. Рябушкина.

Успешно закончив училище, Валерий получил направление в институт. Здесь, как мы уже отмечали, он мечтал о портретной живописи. Но, придя к И. С. Глазунову, руководившему этим классом, юноша услышал от него нелестный отзыв об авторе крестьянских сюжетов Аркадии Пластове, которого буквально боготворил. Так глубокое увлечение этим художником, пришедшее также в детстве, отторгло Страхова в юности от возможности учиться по классу портретной живописи. На третьем курсе Валерий, наконец, нашел своего педагога - Виктора Григорье-

вича Цыплакова. «Я понял, что это тот художник, о котором я мечтал», - признается Валерий Николаевич. Мастерская Цыплакова была особым явлением Суриковского института, базирующимся на традициях московской школы живописи с коровинским методом, особым пониманием импрессионизма и пленэра. Но они приобрели в ней новый смысл через обращение к изначальным ценностям русского искусства - к Рублеву, Дионисию, новгородской и псковской иконописи, Венецианову, Сурикову.

В русском искусстве второй половины XIX века сложилось так, что задачу прославления красоты божьего мира взял на себя пейзаж, художники выстраивали идеал русской эстетики и нравственности в образе отечественной природы. Буквально через 100 лет эти идеи продолжились. В конце 1970-х - начале 1980-х годов в советском искусстве постепенно народилось, а вернее, возродилось в пейзажном жанре традиционалистское национальное направление. Отталкиваясь от пейзажей-реконструкций Москвы XVII века Аполлинария Васнецова, советские художники

наполнили ретроспективные темы новыми мелодиями.

В этом была потребность общества. В начале 1980-х годов страна готовилась к празднованию юбилея Куликовской битвы, в Суриковском институте читался цикл лекций, который так и называли - куликовский. Историки, писатели, поэты выступали с лекциями, докладами, читали прозу и поэзию; студенты слушали народные хоры. Смысл русской истории постигался через православие, в этом было новаторство. Валерий Страхов, учившийся в институте в 1978 - 1983 годах, впитывал все услышанное на этих лекциях, это формировало его мировоззрение.

А выдающийся живописец В. Г. Цыплаков стал педагогом, воспитавшим живописцев, возродивших реалистическое направление. Высказывания Виктора Григорьевича звучали как афоризмы и выражали сущность русского реалистического искусства: «Не мертвопись, а живопись!»; «Пишите светлее. Натура сама по себе светла. Если взять верные отношения, то и живопись получится светоносной». В живописной системе В. Цыплакова каждый элемент изображения, нюансы цвета, фактура мазка выражали определенный смысл.

Цыплаков понравился Страхову, но и студент из Череповца запал в душу строгому профессору с непростым характером. Валерий стал его лучшим учеником. В системе Цыплакова работа на пленэре, светопись были основой. По воспоминаниям сокурсников по Суриковскому институту, никто так, как Валерий, не передавал воздух, свет. И действительно, его этюды 80-х - 90-х годов поражают особым светом - то обволакивающим предметы, то трепещущим («Март. Чистый снег», 1993, «Весна. Снег растаял», 1993). Начинающий художник учился мастерству на русской иконе, полотнах А. Г. Венецианова и А. К. Саврасова.

В результате напряженных трудов В. Страхов, как ученик В. Цыплакова, стал последним хранителем традиции валерно-колористической живописи, поэтому для него свет, «светолитие» - форма выражения трудноуловимых духовно-национальных интуиций. Всмотриваясь в его пейзажи, можно процитировать слова А. Венецианова: «Зрение есть форма, с помощью которой душа, получая понятие света чувственного, возносится к нравственному».

Валерий, хотя происходил родом из крестьян, но только в институте стал приобщаться к православию, церковному древнерусскому искусству. Мудрым проводником в этот мир, наставником стал искусствовед Н. Н. Третьяков, которого многие студенты московских вузов вспоминают с теплотой. Тонкий знаток древнерусской живописи художник В. Н. Забелин, также преподававший в Суриковском институте, открывал перед молодежью ее тайны. Поэтому, приезжая на каникулы в Вологду, Валерий писал и Спасо-Прилуцкий, и Кирило-Белозерский монастыри. Художник смотрел на архитек-

В. Г. Цыплаков стал педагогом, воспитавшим живописцев, возродивших реалистическое направление. Высказывания Виктора Григорьевича выражали сущность русского реалистического искусства: «Не мертвопись, а живопись!»; «Пишите светлее. Натура сама по себе светла. Если взять верные отношения, то и живопись получится светоносной».

турный пейзаж глазами русского паломника - от святыни к святыне, когда встреча с церковью - всегда событие.

Поэтому не случайно московский искусствовед Виктор Калашников писал, что Страхов уже в годы учебы в столичном вузе нес в душе зерно большого живописного сказания о Русском Севере. И первым весомым «словом» в этом сказании стала его дипломная картина. Он решил писать Вологду. Первое глубокое знакомство будущего художника с этим городом произошло во время службы в армии, его часть располагалась в Красных казармах, приходилось часто ходить по улице Чернышевского, плотно застроенной еще в XIX веке жилой деревянной архитектурой, причудливо украшенной кружевом резьбы. Валерий был очарован ансамблем строений в обрамлении пышных старинных деревьев. Кроме того, в Вологде жила будущая жена Страхова - Татьяна, она обращала его внимание на особенности зданий, открывала заповедные уголки древнего города.

Часто бывая в Вологде на каникулах, Валерий решил создать обобщенный образ этого города, где мирная и грозная история гармонично сосуществуют с нынешним днем, с повседневными буднями и праздниками. И так это ему удалось, что дипломная картина «Вологда» обозначила целое направление в советской пейзажной живописи.

Не всё, правда, было просто: ангелу-хранителю Страхова профессору Н. Н. Третьякову пришлось объяснять ректору института, почему в картине нет новостроек. Чтобы пресечь все придирки к любимому ученику, он даже написал статью, в которой обозначил идейную программу картины: это, во-первых, старинная жизнь, вписывающаяся в историю страны; во-вторых, - город обитания людей, и, в-третьих, художник поставил себе живописные задачи, с которыми блестя-

ще справился. Доводы профессора были приняты, и за свою картину «Вологда» В. Страхов получил оценку «отлично с похвалой Государственной комиссии». Картина осталась в методфонде института.

Работая над картиной, художник обратился к знаменитой книге 1914 года Г. К. Лукомского «Вологда в ее старине», описывающей всю храмовую и гражданскую архитектуру города. Удивительно, но на первом плане, в центре композиции В. Страхов изобразил не Вологодский кремль, а неофициальную «визитную карточку» города - типичный двухэтажный деревянный дом с крыльцом-балконом. Искусствоведы называли такие постройки «дома-комоды». Красота этих зданий - в стройности пропорций, резьбе наличников, балконов и крылец. Не было и нет в Вологде одинаковых домов подобного типа, вариаций было столько, сколько стояло домов. И сегодня трех подобных красавцев видим на улице Благовещенской. В. Н. Страхов и позже часто писал их («Зима пришла», 1998, «Резное крыльцо», 1999, «На Благовещенской улице», 2000, «Сирень. После дождя», 2009).

И уже за этим домом, правее, на дипломном полотне изображены архитектурные массы Софийского собора, колокольни, палат Иосифа Золотого. Рядом с ними высится незнакомая современникам колокольня - оказывается, это звонница Пятницкой церкви, ее уже нет. О ней Страхов узнал от бабушки своей жены. Слева на третьем плане блистает река Вологда; словно игла, пронзает небо шпиль Средтенской церкви.

Этот пейзаж так полюбился знатокам и любителям живописи, что позже Валерию пришлось написать несколько его вариантов («Вологодский кремль ночью», 1990, «Вологда», 1999). На выставке в Вологде 2025 года показан вариант 2016 года «Вологда. Оттепель» с бегущими по небу темными тучами.

Окончив институт, по совету жены Страхов поселился в Вологде. Так в нашем старинном городе появился художник, понимающий его непреходящую, истинную красоту. И по сей день живописца с этюдником можно встретить на исторических улицах Вологды - это набережные Вологды, Соборная горка, улицы Маяковского, Благовещенская. Рядом, на проспекте Победы, - и дом, где живет В. Н. Страхов. Отсюда до всех исторических красот буквально минуты ходьбы. В нескольких метрах - знаменитый дом с двумя входными группами по фасаду, его Валерий Николаевич пишет особенно часто («На нашей улице весна», 1997, «Начало мая», 1998, «Весна», 2002).

Поселившись здесь, художник на себе ощутил, что город удивительно соразмерен человеку, его жизни. Здесь судьба словно берет разбег в детстве и замирает в старости, поэтому в эти периоды лучше всего жить в Вологде. Пейзаж для В. Н. Страхова - особое, обжитое человеком пространство бытия. Поэтому вологжане-старожилы, всматриваясь в его тонко исполненные натурные мотивы, часто освещенные солнцем, такие живые и трепетные, вспоминают свое детство и то чувство счастья и уюта, которое испытывали на этих улочках, когда можно было зайти в любой дом и попросить воды из колодца, посидеть на крылечке...

Надо отметить, что изображение домов для Страхова всегда согрето мыслями о живущих в них людях, он всегда знакомился с ними. У него есть картина с многозначительным названием «В этом доме еще живут» 1995 года. А теперь, когда ни домов, ни людей этих давно нет, художник рассказывает о них, а этюды и картины сохраняют ушедших. Так он соединяет прошлое и настоящее. не дает уйти в забвение исторической, старой Вологде. Например, улица Благовещенская, в советское время - Клары Цеткин, изменилась до

неузнаваемости, но не в живописи Страхова. Она ему по-прежнему очень дорога. Ведь здесь, рядом с Владимирской церковью, Валерий Николаевич снимал комнату для мастерской в маленьком домике у священника, когда-то служившего в ней («Весна», 1984). Рядом стоял двухэтажный дом. Он изображен в летнюю пору под ветвями березы, в варианте 1990 года («Летний вечер»), у крыльца стоит женщина с собакой, позже автор изобразил на ее месте свою маленькую дочку с велосипедом, вечернее солнце бросает на фигуры мощный луч, озаряя сцену.

Надо отметить, что еще до Суриковки Страхов увидел в Костроме выставку В. С. Стожарова (его называли «поэтом русской избы»). Почувствовав родственность восприятия прочных и мощных форм народного зодчества, Валерий Николаевич стал так же энергично лепить форму цветом. В очень многих его пейзажах и интерьерах буквально наслаждаешься этим любованием древесной материей («Красный угол в деревенском доме», 2009).

Но особенно любил В. Страхов в прежние, молодые годы писать зиму. Потому что это требует особого куража, удали: преодолеть холод, мороз, то, что краски стыннут. Живописец вспоминал, как героически, рискуя жизнью, творил на Новой Земле пионер Севера Александр Алексеевич Борисов, и, вероятно, представлял себя на его месте, сопереживая. Валерий Николаевич глубоко погрузился в изучение жизни Борисова, активно пропагандировал его творчество, был инициатором проведения выставки Александра Алексеевича в Вологодской областной картинной галерее в 2019 году. Также он изучает, пропагандирует жизнь и творчество другого вологодского классика - Феодосия Михайловича Вахрушова из Тотмы, первого пейзажиста на Вологодчине.

Настоящая, морозная русская зима - не только особое климатическое явление, от-

Художник на себе ощутил, что город удивительно соразмерен человеку.... Здесь судьба словно берет разбег в детстве и замирает в старости, поэтому в эти периоды лучше всего жить в Вологде. Пейзаж для В. Н. Страхова - особое, обжитое человеком пространство бытия. Поэтому вологжане-старожилы, всматриваясь в его живые и трепетные работы, вспоминают свое детство и то чувство счастья и уюта, которое испытывали на этих улочках, когда можно было зайти в любой дом и попросить воды из колодца, посидеть на крылечке...

личающее Россию от стран Европы с более теплым климатом, но фактор, выражающий особый, выкованный природой русский характер. Снег, преображающий своей белизной пространство земли и быт людей, словно усиливает состояние духовности, свойственной православным российским городам и селам, переключаясь с храмами. Деревья зимой, стоящие «с непокрытой головой», теряют свою летнюю материальность, развеществляются, становясь ближе к миру духовных сущностей. Это особенно заметно в сравнении с приземистыми деревянными вологодскими домами. Художник работает на их контрасте. Искусствоведы заметили, что Страхов унаследовал от А. К. Саврасова обобщенную моделировку крон берез и стволов с минимумом веток.

Если говорить о сюжете в пейзажном жанре, то именно Валерий Страхов окончательно ввел в русскую живопись тему ледохода, до него только П. И. Петровичев писал этот сюжет. Ледоход Страхов начал писать в самом начале 2000-х годов («Ледоход в Усть-Печеньге», 2001), а идея написать большую панораму пришла к Валерию Николаевичу в Тотьме, на высоком берегу Сухоны. Вглядываясь вдаль, видишь множество прекрасных храмов, стоящих на самом берегу, не все из них сохранились, но живописец воспроизвел их по фотографиям конца XIX века. Большая панорама «Ледоход в Тотьме» 2005 года появилась в 2006 году на Всероссийской выставке пейзажной живописи «Образ Родины» в Вологодской областной картинной галерее и имела исключительный успех, за эту картину художнику была присуждена премия имени А. К. Саврасова. Как было и в случае с панорамой Вологды, пришлось делать несколько повторений («Ледоход на реке Сухоне», 2008), на персональной выставке в Вологде 2025 года экспонировался вариант 2017 года «Тотьма. Лед идет». Живописец уже не мог равнодушно смотреть на это исключительно захватывающее природное явление; так появились этюды и картины «Тотьма. Лед идет. Река Песья Деньга» 2008 года; «Вологда. Ледоход» 2010 года; «Вологда. Лед идет», 2017; «Великий Устюг. Лёд идёт» 2018 года.

Круг интересов В. Н. Страхова не замыкался Вологодчиной: после окончания института он регулярно ездил с любимым педагогом, профессором Н. Н. Третьяковым, в село Нёноксу Архангельской области. Валерию было легче, чем москвичам, входить в эту среду - помогала родовая память («Ночь в Нёноксе», 1995).

В 1987 году художники-реалисты, друзья Страхова, создали объединение «Москворечье», их творческое кредо основывалось на идеях патриотизма, правосла-

вия, преемственности в искусстве. Тогда же Валерий занимался на Академической даче им. И. Е. Репина Союза художников РСФСР в Вышнем Волочке у своего педагога В. Н. Забелина. Здесь он познакомился с живописцами Н. В. Колупаевым и А. А. Грицаем. Большая роль в успешной работе Академической дачи принадлежала выдающемуся советскому художнику Ю. П. Кугачу. В плане развития он очень много дал В. Н. Страхову. Особенно в плане живописи интерьеров, интерес к которой появился у молодого художника еще в институте после знакомства с выставкой А. Г. Венецианова. Тогда же Валерий, бывая в Вологде, написал постоянную экспозицию живописи Вологодской областной картинной галереи, размещавшейся в ту пору в Воскресенском соборе («Картинная галерея», 1982).

Важную роль в творческой судьбе Валерия Страхова сыграл выдающийся российский писатель, вологжанин Василий Иванович Белов. Страхов, один раз приехав в деревню Тимонику, на родину Василия Ивановича, не смог расстаться с этой землей. Познакомился с писателем, подружился. А чтобы чаще общаться с ним, даже поселился неподалеку, в деревне Гридинской, купив там дом. В 1993 году он написал этюд к портрету В. И. Белова, а в 2003 - и сам портрет. Он писал его в деревне, в осеннюю пору, поэтому Василий Иванович в пальто и шарфе, потирает руки от холода. Но от всего его облика веет бодростью и энергией. Он в редком для себя в эти годы хорошем настроении. Хотя брови, как обычно нахмурены, но глаза горят веселым, лукавым огнем, пронизывая зрителя насквозь. По этому взгляду понимаешь, как ему нравится пиущий его художник Страхов, какие у них доверительные, сердечные отношения. В. Н. Страхов даже успел познакомиться с матерью писателя. Художник написал целую серию картин о Тимо-

них и ее окрестностях («Дом Миронова в д. Гридинская», 1988; «Сенокос на родине В. И. Белова», 1992; «Осень в Шапше», 2000; «Сохта», 2002; «Азла, деревня Кочериха», 2007; «На родине В. И. Белова. Деревня Котариха», 2007). Страхов запечатлел и кабинет писателя в его деревенском доме («Тимониха. Дом В. И. Белова», 2003; «Дом В. И. Белова», 2005; «Лето в Тимонихе», 2012).

Именно Страхов ввел известных в стране художников, приезжающих из других городов, в трепетно оберегаемый круг писателя. После рассказов Страхова о московских художниках, их искреннем, неподдельном интересе к крестьянскому миру Василий Иванович познакомился с ними, посетив дом Михаила Георгиевича Абакумова, что было большой честью и радостью для семьи художника. В 1995 - 1996 годах Страхов с Абакумовым организовали в Тимонихе первые харовские пленэры на родине В. И. Белова, и они с успехом продолжались многие годы.

По инициативе Василия Ивановича Белова в 2002 году Страхов отправился на остров Валаам, отдав святому архипелагу 20 лет жизни. Было написано немало этюдов и картин («Валаам. Спасо-Преображенский монастырь», 2005; «Валаам. Скалы», 2007; «Валаам. На Святом острове», 2007; «Валаам. Скит Александра Невского», 2012; «Корабль «Святитель Николай», 2018), многие замыслы еще ждут своего воплощения. Особый микроклимат монастыря, водные просторы, суровость климата потребовали выработки новых художественных приемов.

Погрузившись в мир православных ценностей, живописец в 2017 и 2018 годах совершил творческие поездки на Святой Афон с художниками объединения «Русский мир», создав интереснейший большой живописный цикл по монастырям Афона. Он писал Свято-Пантелеймонов и Иверонский монастыри, Великую Лав-

ру, Дохиар, Святую гору Афон. Портал Свято-Пантелеймонова монастыря он показал при и дневном освещении, и ночью. Благодаря особому греческому климату вся серия приобрела своеобразный напряженный колорит. Художник размышляет о роли монастырей в судьбе немущих художников, напоминает, что здесь жили художники Ф. А. Малявин и Н. П. Богданов-Бельский.

Валерий Николаевич хорошо знает родную страну, ее необозримые просторы. Уже став известным в стране художником, он с благоговением посещает родину своего любимого живописца Аркадия Пластова - знаменитую Прислониху, пишет там этюды («Прислониха. Осенняя дорога», 2011). Он совершил творческие поездки в Тобольск («Сибирь. Тобольск», 2011; «Тобольск. Холодно», 2011), в Башкирии руководил пленэром лучших студентов российских художественных вузов («Урал. Миньяр», 2012). Художник даже наблюдал в 2018 году за строительством Крымского моста, написав этюд и картину «Строится Крымский мост».

В последние годы в творчестве В. Н. Страхова большое место занимает Москва. Столицу он показывает по-особому, не открыточно, ищет особые, неповторимые ракурсы. В 2006 году был написан крохотный этюд «На Москва-реке». В 2007 году Валерий Николаевич получил пропуск на посещение святая святых - Кремлевских залов, там были созданы этюды «Кремль. Владимирский зал», «Вид из окна Банкетного зала Государственного Кремлевского дворца», в 2008 году - «Москва златоглавая», в 2009 году - «Интерьер в Благовещенском соборе Московского Кремля», в 2015 году - «Вид из окна

Теремного дворца» и «Лето. Московский Кремль». По этюдам живописец создает большие полотна, это «Владимирский зал в Большом Кремлевском дворце» 2010 и 2019 годов, «Передняя Государева палата» 2010 года, панорама Московского Кремля «Морозное небо Москвы» 2017 года. В этих полотнах столица государства Российскойско предстает поистине державно.

Готовясь к выставке, я посетила мастерскую Валерия Николаевича Страхова, он показывал свои работы. Кажется, уже всё видела, но художник приносит всё новые и новые картины. На больших холстах - суровые мотивы острова Валаам («Валаам. Камни»), пейзажи Севера («Северная Двина», «Пинега. Лесные дали»), начат холст «Батюшков. Последние годы», много этюдов южных регионов страны («Донские этюды», «Батюшка Дон», «Кисловодск», «На родине Шолохова», «Дача Чехова»). На мольберте стоит большой пейзаж с Софийским собором в дни праздника в солнечную погоду, он написан с этюда «Праздник всех вологодских святых» 1997 года. На поверхностный взгляд, работа почти закончена, однако художник ставит перед собой сложную задачу: «Хочу, как К. Юон в «Куполах и ласточках», тоже темперой исполненных, добиться, как у него, легкости и солнечности».

Так, продолжая традиции русской реалистической живописи XIX века, заложенные А. Венециановым и А. Саврасовым, в XX веке - К. Юоном, А. Пластовым, В. Стожаровым, В. Цыплаковым и Ю. Кугачем, Валерий Николаевич Страхов создает новые.

Ирина БАЛАШОВА,
кандидат искусствоведения

Там, где родился Филиппок

За окнами прекрасная пора золотой осени. Именно в это поэтическое время 125 лет назад - 2 октября 1900 года - в моей родной деревне Варламово родился художник Алексей Фёдорович Пахомов.

*Варламово.
Холодный листопад.
Сиротский зов
пустующих скворечен.
Чу! - опадает яблоками сад,
дыханьем инея едва намечен.
Прокошенной тропинки
лёгкий взлёт,
и кубенская даль
блеснёт знакомо.
Вот дом стоит,
здесь из окна
с высот
рисует свою родину
Пахомов.
...Давно отцвёл кипрей
на месте дома.
И дождик пал,
как тихая строка,
на тропочки,
где хаживал Пахомов.
К зиме осиротеют
стены дач,
как лоно
позаброшенных
скворечен...*

Владимир Соколов

«С чего начинается Родина? - С картинки в твоём букваре...» В советском «Букваре» детей 1970-х многие из иллюстраций принадлежали Алексею Фёдоровичу Пахомову. Его рисунки полюби-

А. Ф. Пахомов. Фото 1939 г.

ли мы ещё дошкольниками, зачитывая до дыр «Что такое хорошо» Маяковского или «Рассказ о неизвестном герое» Маршака. И первая из книжек, которую прочли сами, конечно же, «Азбука» Льва Толстого. Филиппок - любимый герой художника. Мальчишка «бедовый, страсть какой ловкий», несмотря ни на какие трудности, бесстрашно шагает в школу. Шестилетний Алёша Пахомов, как и его Филиппок, раньше своих сверстников отправился в школу. Рисовать мальчик начал рано, лет с пяти. А поскольку отец, Фёдор Дмитриевич Пахомов был человеком грамотным, не раз его выбирали старостой деревни, то бумага и каранда-

Продолжая традиции, шествует своим путём

Иллюстрации к статье Ирины Балашовой об академике живописи Валерии Страхове (стр. 136)

Страхов В. Н. Автопортрет

В русском искусстве второй половины XIX века так сложилось, что задачу прославления красоты Божьего мира взял на себя пейзаж, художники выстраивали идеал русской эстетики и нравственности в образе отечественной природы. Буквально через 100 лет эти идеи продолжились. В конце 1970-х - начале 1980-х годов в советском искусстве постепенно народилось, а вернее, возродилось в пейзажном жанре традиционалистское национальное направление.

Страхов В. Н. Март. Чистый снег. 1993 г.

Страхов В. Н. Вологда. Ледоход. 2010 г.

Страхов В. Н.
Зима пришла.
1998 г.

Страхов В.Н. Вологда. Оттепель. 2016 г.

• ИСКУССТВО

Страхов В. Н. Дом в Заречье. 1985 г.

Страхов В. Н. Начало весны. Вологодский кремль. 1999 г.

Страхов В. Н. Колокольня вологодского кремля. 2007 г.

• ИСКУССТВО

Страхов В. Н. Осенний этюд. 2011 г.

Страхов В. Н. Тотьма. Лёд идёт. 2017 г.

Страхов В. Н. Валаамский свет. 2015 г.

Страхов В. Н. Валаам. Корабль «Святитель Николай». 2018 г.

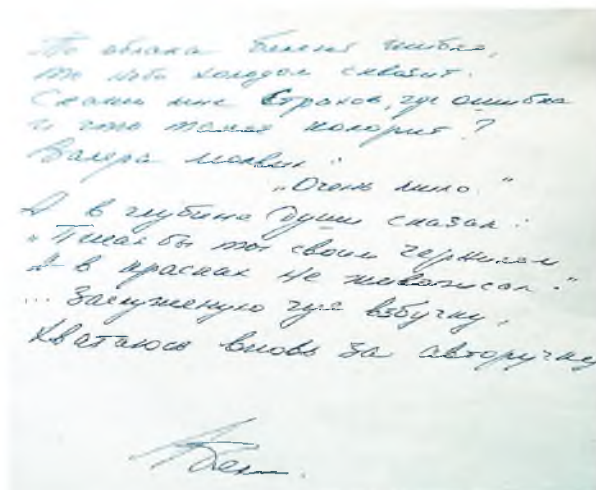

Страхов В. Н. Весна. Владимирская церковь в Вологде

Изображенный на картине В. Н. Страхова храм Владимирской иконы Божией Матери находится примерно посередине между домом, где жил Василий Иванович, и домом, где живет Валерий Николаевич.

К 75-летию юбилею Валерия Страхова сотрудники музея-квартиры В. И. Белова подготовили выставку «Скажи мне,

Страхов...». За долгую, более чем тридцатилетнюю, дружбу с Василием Беловым Валерий Страхов написал два портрета писателя: «В. И. Белов. Этюд» (2003 г.) и «В. И. Белов в рабочем кабинете в г. Вологда» (2010 г.). Василий Иванович отразил дружеские отношения в шутовском стихотворении.

То облака блистают шибко,
То небо холодом охватит.
Скажи мне, Страхов, где ошибка
И что такое колорит?
Валера молвил:

«Очень мило».

А в глубине души сказал:
«Писал бы ты своим чернило,
А в красках не живописал».
...Заслуженную чужь взбучку,
Хватаюсь вновь за авторучку

Белов.

Иллюстрация А. Ф. Пахомова к рассказу Л. Н. Толстого «Филиппок»

ши в доме всегда имелись. Талант деревенского малыша был замечен взрослыми. Учительница церковно-приходской школы при Бережецком храме попросила родителей Алёши отпустить его учиться.

Он рисовал всё, что было интересно, - своих родителей, брата и сестру, деревенских друзей-сверстников. Учиться чему-то новому бойкому деревенскому мальчишке всегда было интересно. И вот однажды, сидя на изгороди и, как обычно, что-то рисуя, он открыл отвод перед тройкой, заезжавшей в Варламово. В ней оказался управляющий на Кубене Влади-

125 лет назад в деревне Варламово Вологодской губернии родился художник Алексей Федорович Пахомов. 150 лет назад был опубликован рассказ Льва Толстого «Филиппок».

ма | мы | лу | лы | ру | ры | на | ны

ма-ма | ра-мы | Шу-ра
Ла-ра | ра-ма | Лу-ша

Ма-ма мы-ла Ла-ру.
Ла-ра мы-ла .
У Ма-ры .
У Шу-ры .

Иллюстрация А. Ф. Пахомова в «Букваре»

мир Юльевич Зубов. Творчество мальчика его поразило. Он пригласил его к себе в усадьбу Кубин Бор, что в восьми верстах от Варламова, где познакомил с литографиями великих мастеров, подарил ему карандаши и бумагу для рисования. И принял дальнейшее участие в его судьбе, собрав по подписке среди кадниковской интеллигенции средства на дальнейшее обучение Алёши в уездном городе Кадникове.

Учёба в чужом городе за много вёрст от дома, куда с десяти лет Алеша попал один-одинешенек и жил на «казенных харчах», оборвала его деревенское детство. И время, проведенное в Варламове у родителей, ему всегда представлялось самым счастливым и беспечным, когда он мог радоваться детским забавам и просто быть сытым.

Потом было училище технического рисования барона фон Штиглица в Петрограде, Академия художеств, блокада, слава блестящего графика, Государственная премия, звание академика и народного художника СССР...

• К юбилею Алексея ПАХОМОВА

А. Ф. Пахомов в мастерской. Шувалово, Ленинград.

Но Пахомов вновь и вновь возвращался в родное Варламово. Если не лично, то своими мыслями и работами. До конца своих дней он оставался крестьянским художником и в этом был созвучен Льву Толстому. Благодаря Алексею Федоровичу дети варламовских крестьян вошли в мировую культуру. Они глядят на нас с иллюстраций к стихам Некрасова и Дрожжина, русским сказкам «Липунюшка» и «Морозко», со страниц рассказа И. Тургенева «Бежин луг»... Работа к произведению Толстого «Русак» так и осталась незавершённой. Это была память его детства. Такая же, как и Филиппок.

Это образ его рано оборвавшегося детства.

Любимым стихотворением Алексея Фёдоровича Пахомова, по воспоминаниям родных, было «Есть в осени первоначальной...» Фёдора Тютчева. Пора, кото-

рую он так любил, в которую он пришёл в этот мир.

Как вспоминали его домашние, художник постоянно «напевал» его вслух, работая в своей мастерской. Восхищался рифмами, метафорами, мелодикой стиха. Пахомова пленяли тютчевские образы неозримого простора убранных полей и отдышающей от крестьянских трудов «праздничной борозды», так напоминавшей ему его родные варламовские поля и нивы.

А для нас, его земляков, он был и навсегда останется просто любимым художником. Откроем книги с его рисунками, чтобы, разглядывая их, оценить всю прелесть тихих осенних вечеров в кругу семьи.

Татьяна СМИРНОВА,
д. Варламово,
Харовский район,
Вологодская обл.

Цвета неба и воды

Книгу о набойке и набойщиках Русского Севера представили вологжанам

В Кириллове и Вологде прошла презентация фотоальбома-каталога «Цвета неба и воды. История о набойке и набойщиках Архангельского Севера». Представила книгу директор Архангельского краеведческого музея Александра Богданова.

Фотоальбом-каталог посвящён истории красильного и набоечного промыслов Русского Севера и основан на уникальных архивных документах искусствоведа Натальи Лютиковой (1957 - 2019). «Автором собран уникальный материал, - отметил генеральный директор Кирилло-Белозерского музея-заповедника Михаил Николаевич Шаромазов. - Приятно, что музеи Архангельской и Вологодской областей работают вместе, что между нами нет границы».

Наталья Павловна Лютикова - народный мастер России, искусствовед, исследователь традиционного северорусского народного искусства, создатель уникальных произведений лоскутного шитья и ткачества. Верховая набойка - старинный народный способ нанесения рисунка на ткань, популярный на Русском Севере. В 30-е годы XX века он практически исчез, вытесненный более дешевыми фабричными ситцами. Но неповторимую красоту украшенной вручную печатным рисунком ткани, как оказалось, невозможно заменить. Мастера, искусствоведы, исследователи восстановили утраченную традицию, и сегодня она переживает второе рождение. Огромный вклад в ее изучение внесла Наталья Павловна Лютикова.

В течение семи лет Наталья Павловна собирала материалы о набойке и набой-

Фотоальбом-каталог содержит список северных красильщиц - это более 1700 имен

щиками по разным музеям и архивам Архангельской, Вологодской областей, республик Карелии и Коми. Она начала готовить книгу, однако завершить работу не успела - в 2019 году она ушла из жизни. Архив Н. П. Лютиковой родственники передали Архангельскому краеведческому музею, где хранится уникальная коллекция набойки. В рукописи говорится об истории кубовой и масляной набойки, собран словарь терминов, связанных с набойкой, например, названия цветов: лавра и лазорь - оттенки синего и голубого, мумия - бурый или рыже-бурый пигмент, близкий к красному. При издании фотоальбома-каталога «Цвета неба

Презентация исследования о набоечном промысле стала одним из первых открытых мероприятий нового вологодского музея - мемориальной мастерской художницы Татьяны Чистяковой.

Мастерская заслуженного художника России Т. А. Чистяковой входит в состав музея-квартиры В. И. Белова, филиала Кирилло-Белозерского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.

В ноябре нынешнего года исполнилось десять лет со дня создания музея-квартиры Василия Белова. За эти годы музей стал заметным явлением в общественной и художественной жизни Вологды. Здесь регулярно проводятся различные выставки, встречи с писателями и художниками; обо многих из них рассказывал «Вологодский ЛАД». Наш журнал давно и плодотворно сотрудничает с коллективом единственного в мире музея, посвященного творчеству вологодского классика, - можно сказать, наше сотрудничество переросло в дружбу. Именно в мемориальной мастерской Т. А. Чистяковой два года проходили презентации свежих номеров «Вологодского ЛАДА».

и воды» материалы рукописи были полностью сохранены, часть данных, не вошедших в книгу, опубликована на сайте Архангельского краеведческого музея. В основу книги легла статья Натальи Павловны по масляной набойке, которую авторам проекта передала Вера Голубева, ее ближайший друг, известный коллекционер и дизайнер. Ранее статья нигде не публиковалась.

Кубовая набойка - это способ окрашивания тканей и нанесения узоров. Окрашивание обычно делали в чане, который имел форму куба, отсюда и название. Чаще всего ткани красили в синий цвет красителем индиго. На ткани наносили цветы, листья, переплетающиеся ветви с крупными и мелкими цветочками, абстрактные и геометрические узоры, изображения птиц.

В рамках проекта было описано и сфотографировано более ста музейных предметов с набойкой из музеев региона: это набойные доски, образцы тканей и сарафаны, скатерти, понёвы, рубахи, церковные облачения. Самые старые экспонаты относятся к XVI веку. Список предметов, фотографии которых помещены в книгу, составила Н. П. Лютикова.

«Собранный Натальей Павловной материал даёт представление о популярности и масштабах красильного промысла, воскрешает картины прошлого Русского Севера», - отметила во вступительной статье соавтор проекта - руководитель студии традиционного костюма «Русские начала» Татьяна Валькова, много лет дружившая с Натальей Лютиковой.

Сохранился список красильщиков, который включает более 1700 имён, составленный Натальей Павловной по четырём основным губерниям: Архангельской, Вологодской, Олонецкой и частично Новгородской. Словари Архангельской и Олонецкой губерний помещены в фотоальбоме-каталоге, словари Вологод-

ской и Новгородской губерний доступны в электронном виде. В каждой губернии списки составлены по городам и уездам. «После выхода в свет нашей книги некоторые потомки красильщиков обнаружили в списках имена своих предков, и для них это стало открытием. Это очень важно, - отметила Александра Богданова, также соавтор проекта, - поскольку музейный предмет обретает личностную историю, а архивные документы помогают в этом».

Обложку книги словно накрыла старинная скатерть из Мезенского района Архангельской области - Мезень Н. П. Лютикова очень любила.

Фотоальбом-каталог содержит фотографии музейных экспонатов из собраний музеев Архангельской области, в которых работала и изучала коллекции Н. П. Лютикова. На страницах каталога можно увидеть 100 музейных предметов с набойкой из фондов Архангельского, Каргопольского, Вельского и Шенкурского краеведческих музеев. Фотографии сделаны по списку, оставленному Н. П. Лютиковой. Это набойные доски, образцы тканей и предметы одежды. Самым любимым на Русском Севере был рисунок, нанесенный белой краской на синюю ткань. Глубокий синий цвет ей придавал популярный в XVIII - XIX веках краситель индиго. А белый цвет рисунку - входящая в состав красителя белая глина. Отсюда и название издательского проекта - «Цвета неба и воды».

Презентации фотоальбома-каталога «Цвета неба и воды» с успехом прошли в музеях - участниках проекта, а также во

Всероссийском музее декоративного искусства в Москве. В январе текущего года книга была представлена на Вологодчине, где также жили и работали мастера набойного промысла, чьи имена можно встретить на страницах книги.

Воспоминаниями об авторе книги поделилась бывший хранитель коллекции тканей Вологодского музея-заповедника Ирина Васильевна Чекалова. Она рассказала, как Наталья Павловна, приезжавшая в наш город для работы в архиве и в фондах музея, помогла хранителям с атрибуцией некоторых предметов. «Меня поразили её знания, объёмы проведённых ею исследований; тогда она была первым человеком, который так серьёзно занимался набойкой», - рассказала Ирина Васильевна.

Завершая презентацию, директор Архангельского краеведческого музея Александра Богданова выразила надежду: «Мы надеемся, что это издание станет источником вдохновения для дизайнеров, художников, мастеров, а также сотрудников музеев, помогая их новым исследованиям».

На презентации экземпляры каталога также были переданы представителям различных музеев, работающих с наследием декоративно-прикладного и народного искусства.

Ксения СОКОЛОВА,

*научный сотрудник музея-квартиры
В. И. Белова*

Иллюстрации к статье - на цветной вклейке в конце номера.

Андрей
Лушников

Андрей Евстафьевич Лушников родился в 1964 году в городе Рубцовске Алтайского края. Окончил факультет журналистики Алтайского государственного университета. Работал на Алтае журналистом, литературным редактором. Печатался в журналах «Алтай», «Сибирские огни», «Север», «Родная Кубань», «Вологодский ЛАД». Автор пяти сборников стихов и прозы, исторического романа «Опрокинутый жертвенник». Член Союза писателей России. Живёт в Вологде.

Мальчишник

РАССКАЗ

В пятницу Илья пригласил своих старых друзей на мальчишник. Всё, баста - теперь у него не будет семи пятниц на неделе. Эта последняя. Никаких сухомяток и разгулов, никаких душевных заморозков и грозových предвестий - всегда только солнце и размеренная семейная жизнь.

«Хорошо было Адаму - он не стоял перед выбором. А сейчас так сложно найти хорошую девушку в нашем испорченном городе», - думал Илья, ожидая друзей в кафе «Светлая пристань». Он стал первым из их троицы, кто отважился на столь ответственный шаг, хотя им всем было уже под тридцать.

Он снял пиджак, вытер платком шею и заказал для начала кружку светлого. Пришла официантка в бордовом фартуке, с вытянутым невыразительным лицом и,

как-то жалко улыбаясь, будто понимая, что шансов у неё нет, поставила на стол внушительную кружку:

- Пейте с удовольствием, - вымученно процедила она и отвела взгляд, как будто ей и дела не было, что сегодня здесь у него мальчишник.

«Хм», - взглянул на неё быстро Илья и ещё раз подумал о том, что как сложно найти хорошую девушку.

В кафе было пусто. Он да ещё парочка щебетала о чем-то в углу с томными интонациями. Илья раз глянул в их сторону близоруко и не понял - парни ли, девушки? Напротив, за бар-стойкой, истатуированный бармен лениво надраивал бокал и время от времени посматривал сквозь него то на парочку, то на Илью. И ему понравилось, что тот вот так вот смо-

трет, что эти двое - там, что «Светлая пристань» пуста, что и пусть жара, и скучная официантка тоже - пусть. Всё его устраивало. Значит, получится у него сегодня с друзьями полуденная знойная закрытая вечеринка, как в старые добрые адамовы времена. Нет, не любил он выставлять свою радость напоказ, как это делают многие жители города: с дикой музыкой, со стрельбой, с лошадьми, козами да ослами.

Илья поднёс кружку к губам и, прежде чем сделать первый глоток, подумал: «Что такое тридцать в нашем-то безвременье? Куда ни кинь взгляд, хоть до самого Мёртвого моря, везде одна пустыня в сердцах. В наши-то лихие годы пора, пора вырывать на верный путь, а то, глядишь, и неровен час...» Он положил ладонь на макушку, как будто прикрывая своё самое уязвимое место. Там, сквозь смоляные кудри, уже посверкивала аккуратная проталина.

Светлое оказалось темноватым, с каким-то осадком, и тёплым. «Да, жара во всей пустыне, даже кондиционеры и те не справляются». Илья зябко передернул плечами, посмотрел себе на подмышки - по рубашке расплывалось тёмное.

И как будто только сейчас он заметил, что официантка так и стоит в двух шагах от его столика. «Для чаевых ещё не время», - мелькнуло в голове у Ильи. «А для чего время?» - отозвалось откуда-то снизу его живота.

Илья почувствовал какую-то неловкость. Девушка, видимо, тоже. Она сделала шаг от столика.

- Простите.

- Да, - оживилась она. В её взгляде мелькнула надежда.

- Я жду друзей. У меня, понимаете ли, торжество. Женюсь вот.

Илья почему-то виновато улыбнулся.

- А-а, - протянула разочарованно официантка. - Поздравляю.

- Нет. В смысле - да, женюсь, но ещё не скоро. Не сегодня уж точно.

Он, ещё не понимая зачем, постарался расположить её к себе.

- Ну тогда это меняет дело, - по-приятельски подмигнула она.

- Да-да. Вас как зовут?

- Лия.

- Лия, мы тут немного с друзьями покутим. Нет-нет, без битья посуды и прочего. Понимаете ли, мои друзья очень порядочные люди.

- Только друзья? - Лия иронически подняла левую бровь.

- Ха... - уловил её иронию Илья. - Может быть, может быть. Лия, мне нужен ваш совет...

- Стоит ли жениться? - кивнула официантка.

- Ха... Ну вы - прямо в карман за словом... Нет, я уже решил. Совет нужен гастрономический. Что посоветуете скромно, но со вкусом, посидеть одиноким бедуинам, пришедшим к вам с трех сторон Аравийской пустыни?

- Хорошо, прикину, - Лия как будто задумалась или сделала вид, что задумалась. - Верблюдов где привязывать будете? - сказала она почти серьезно.

- На заднем дворе, за мусорными баками, - не моргнув, ответил Илья.

У Лии блеснули глаза, ей, очевидно, понравилось шутка про Аравийскую пустыню. Хотя - какая она шутка? В такую жару казалось, что пустыня начинается сразу за стеной «Светлой пристани». «Хоть бы дождь, что ли, пошёл», - подумал Илья, проводил взглядом завязки бордового передника и посмотрел в окно. По-над крышами домов что-то затевалось на востоке неба. Илья скользнул взглядом по другой стороне улицы, вернулся в кафе и заметил, что парочка уже откочевала из «Светлой пристани» и бармен поглядывал сквозь бокал теперь только на него одного.

Хлопнула дверь, и на пороге, в тёмной пиджачной паре с галстуком набекрень, с

наспех приклеенной улыбкой, решительно нарисовался друг Ильи Иван. Он в тричетыре быстрых шага оказался у столика и облапил его, едва успевшего встать:

- Поздравляю, поздравляю, дружище! Или надо сказать «сочувствую»? - отстранился он от Ильи и лукаво прищурил зелёные, как у кошки, глаза.

Ворот его пиджака был как будто чем-то припудрен.

- «Поздравляю и сочувствую», - отозвался Илья. - Ты что, сам муку грузил, что ли? Вон, весь воротник белый.

- А, пустяки, - Иван хлопнул ворот. - Грузчик просыпал на складе. Уволил уже. Ты-то как? Как невесту зовут?

- Потом-потом, всё потом. Давай обсудим, что есть-пить будем. А пока для разгона светлого, а?

- Легко.

Илья красиво щелкнул пальцами:

- Лия, два светлого.

Лия оживилась при появлении нового посетителя - шансы, шансы! - и засеменила, как будто танцует, так, как это бывает у восточных женщин. И из-за столика видно было, как у нее вырастают крылья. Она вернулась быстро с кружками и, с большим чувством надежды, поставила одну из них перед Иваном.

- Лия, - посмотрел с благодарностью на неё Илья, - вот второй гость из голодной пустыни. Рекомендую - Иван. Так что, вы для нас что-то уже придумали?

Лия шевельнула узенькими плечиками:

- У нас на подходе ароматный, невообразимо вкусный кебаб из молодого барашка, - она поцеловала накрашенные ногти. - Мечта бедуина. Предлагаю гарнир из семи жареных овощей - сказка для погонщиков верблюдов, - Лия закатила глаза, - баклажаны, нут и вся вкуснятина, инжир и сыр со слезой младенца.

- Весь мир за слезу младенца. Ну как, Иван?

- Идёт.

- Несите. И лучшее вино из ваших тёмных подвалов, - Илья показал официантке три пальца. - Сейчас ещё один аравиец придёт.

- Аравиец? - переспросил Иван.

- Аравиец или ариец. Разница? - хмыкнул Илья.

Лия почувствовала прилив надежды и ушла на кухню с румянцем на смуглых скулах. «А в ней что-то есть», - подумал Илья. «Нет, - отозвался в нём другой голос. - У тебя мальчишник, и ты женишься. Всё, никаких сухомяток и разгулов».

- А всё-таки так жалко наших холостяцких пирушек...

Он и не сообразил сразу, что сказал эту фразу вслух.

- Ещё не поздно Илюша, - Иван наклонился к нему через стол. - Можно всё вернуть на круги своя. Ты её сильно любишь?

- Кого?

- Невесту свою, как её?

- Люб-лю, - сказал Илья нараспев. Две кружки светлого возымели уже своё действие.

- А что, колеблешься?

- Нет, всё уже решено. Но пирушек наших жалко.

- А ты по ним поминки почаще справляй. И нас с Семёном зови.

- А это идея! - Илья посмотрел в проём в кухню, внутри которой скрылась Лия. - Давай же выпьем за это, а? Да, - спохватился он, - она ничего ещё не принесла.

- Ерунда, - подмигнул ему Иван кошачьим глазом, - у меня всегда с собой.

Он достал из внутреннего кармана пиджака плоскую фляжку, открыл её и налил в кружки.

- Что это?

- Он.

- Чистый?

- Как подол твоей невесты. Ведь она такая? Или нет? - прищурился Иван.

- Такая-такая. Она - ух какая!

- А какая?

Илья открыл было рот, чтобы рассказать Ивану, какая у него замечательная невеста, но тут распахнулась дверь, и в кафе зашел, руки в брюки, длинный сутулый парень в драной по моде на локтях джинсовке. От уха до уха его лицо обнимала аккуратная шкиперская борода. Он повел его в их сторону и кивнул.

- А вот и Семён! - обрадовался Илья.

Семён вытащил руки из карманов и с застывшей в бороде полуулыбкой двинулся к ним.

Илья больше обрадовался не появлению Семёна, а тому, что так ловко ушёл от ответа на прямой вопрос. «Нет, нельзя никого пускать в кладовую своего счастья, - постукал ему в висок назидательно внутренний Илья. - Ты им про невесту, а они тебе палки в колёса. Зря я про поминки, и про Лию. Однако же она всё-таки милая».

Семён протянул Илье, как снующую рыбу, влажную ладонь и снисходительно улыбнулся:

- Мои поздравления. Хотя зря ты всё это.

- Ну-ну, - встрял Иван, - не омрачай момента. Человек проживает последние дни... перед этим, - Иван сложил ладони и изобразил нырок в глубину. - Лучше садись и выпей за молодых, - и блеснул никелированной фляжкой.

- И я тебе тоже рад, Сёма, - сказал добродушно Илья. - Сейчас горячее принесут.

Семён достал из кармана трубку, оглянулся на бармена:

- Я не знаю - как тут?..

- Можно, можно. Кури. - Илья похлопал Семёна по плечу. - Трави уж нас, сапожная душа...

Иван с Семёном пикировались со школьной скамьи. И когда Иван выбился в завсклады, а Сёма выучился на сапожника и открыл ИП, их пикировки приобрели классовый характер.

Семён подался вперёд и выдал через стол:

- Даже если ты обсыплешься всей своей мукой - всё равно она не скроет твоей черноты!

- Парни! - взмолился Илья. - У меня же торжество, давайте не будем! Давайте отмечать. Вон, Лия уже несёт.

И действительно в дверях, ведущих в кухню, появилась сияющая Лия с большим подносом в руках. На нём, обставленный бутылками, в куче жареных овощей парил обещанный бедуинский кебаб.

- Во! - оживился Иван и тут же забыл обидные слова Семёна-сапожника.

Девушка поставила на стол поднос и обвела торжествующим взглядом троицу. На Семёне она задержала его несколько дольше.

- Семён - Лия, - представил Илья. И подумал: «Запала, что ли?»

- Что ещё пожелаете? - спросила она, глядя в упор на Семёна.

- Спасибо, Лия, - отозвался Илья. - Для разгона нам хватит.

Семён вынул изо рта трубку и коснулся её запястья:

- Может быть, девушка составит нам компанию?

- Мне нельзя с гостями, - дернула она плечиком.

Но по её румянцу было понятно, что она не против.

- Сёма, не смущай девушку, - вступился Илья. - Потом, всё потом. Я уже говорил Ивану. И тебе говорю: всё потом, - закончил он заговорщицким шёпотом.

Лия забрала со стола пустые кружки и ушла. Семён закурил чубук трубки и проводил её долгим оценивающим взглядом. Илья потупил глаза и что-то дремучее, косматое шевельнулось в его душе.

- Так! Начнём! - подбодрил он свою радость. - Иван, командуй, ты у нас старший.

- Кто? Он? - ухмыльнулся Семён и спрятал в карман джинсовки так и не раску-

ренную трубку. - Этот мельник всего-то на месяц меня старше.

- А меня почти на полгода. Так что, Ваня, - давай.

Иван снял пиджак, повернулся и повесил его на спинку. Разлил по фужерам вино и поднял тост. Сначала за дружбу. Затем за холостяцкие Илюшины поминки и чтоб часто на них звал. Потом - за Илюшу и его избранницу.

- Кстати, как вы познакомились? - придвинулся он к нему.

Илья нехотя начал:

- Шёл дождь... Я шёл по улице...

- Ну, не тяни.

- У неё был чёрный зонтик.

- Чёрный зонтик? Хм... И только из-за этого зонтика ты обратил на неё внимание?

- Не знаю, может быть, не только из-за этого. Я сейчас уже и не упомяну. Но зонтик, да - зонтик. Меня как-то сбил с толку её зонтик. Большой такой, чёрный. Не цветной, не радужный, понимаешь Ваня, а чёрный. И она под ним - маленькая, худенькая. В платочке, кажется, голубеньком таком была.

- Ну ты и?.. - Иван покрутил рукой, изоображая работу динамо-машины.

- Да нет, что ты! Я даже побоялся к ней прикоснуться. Она искала кошку на улице. Пропавшую кошку.

- Как её звали?

- Кошку?

- Да нет, её.

Илья пропустил вопрос мимо ушей и продолжил:

- Я предложил ей свою помощь, и она не отказалась.

- И как это вы «искали кошку»? - глумливо улыбнулся со своего места Семён.

- Да ну тебя с твоими ухмылочками. Да, искали кошку под дождём. Нашли потом в каком-то переулке. Жалкую, орущую... Она её к себе прижала, и я подумал...

- «Вот бы и меня так», - вставил с деланным восторгом Иван.

- Ну вот, всё и опошил. Нет, я подумал: «Какая же она добрая девушка, если в дождь, в ночь идёт искать пропавшую кошку. Такая добрая девушка будет доброй женой».

- Все они добрые, когда своего дога держат при себе. А как выпустят... - сказал ядовитым полушёпотом Семён.

- Не слушай его, - Иван снял галстук и расстегнул на рукавах манжеты. - Расскажи лучше, Илюша, о своей девушке, из какой она семьи?

- Из хорошей, из хорошей семьи, Ваня.

- Это в каком таком смысле хорошей?

- Не придирайся к словам.

- Нет, все-таки?

- Они приезжие, - Илья посмотрел на Ивана исподлобья и понизил голос. - Не наши.

- Не темни. Что, боишься, отобью?

Илья повёл плечом и промолчал. Он действительно боялся. «Такую добрую девушку ещё поискать надо. Пусть походит под дождём и попробует найти», - подумал он и перевел взгляд снова за окно. На востоке неба уже собирался какой-то заговор, оно всё больше и больше вспучивалось и багровело. Большие тучи, как рассерженные осьминоги, зардели по его краям и потянули к городу свои липкие отвратительные щупальца.

Иван предложил тост за любовь, Илья выпил, поставил на стол пустой фужер и вдруг почувствовал, что как-то некрасиво и быстро захмелел. «Ну да, ну да, две кружки светлого, затем «чистый», вина вон сколько. И куда Ваня гонит? Эх, Илюхавыпивуха», - укорил он в мыслях сам себя.

Семён раскурил-таки свою шкиперскую трубку и, пыхая ему в лицо, убеждал:

- Не женись, Илья. Не женись. Все они одинаковы. Я ей и то, и это. Всё для тебя, дорогая. Только будь со мной. А она говорит: «Хочу завести малыша».

- Ну и? Что тут такого? - совершенно сбитый с толку, пожал плечами Илья. - Де-

вушка хочет завести малыша. Это нормально, Сёма, это нормально.

- Нормально, говоришь? Нормально так - приводит здорового дога и заявляет нормально так с порога: «Вот, милый, - это Малыш. Он будет жить с нами».

- А ты что? - от такого поворота Илья даже чуть отрезвел.

- А я выставил эту псину на улицу и встал «звездочкой» в дверях. Псина воеет, в двери ломится. Моя воеет - за порог к Малышу своему ломится. Всех соседей с этим Малышом развеселили. В общем, полный кирдык.

- Ты что, Сёма, девушку к догу приревновал? - вкрадчиво поинтересовался Иван, подливая ему вина.

- Нет, что ты!

- Да признайся, что подружку к догу приревновал. Здесь все свои.

- Ты... мукомол! - скрипнул зубами Семён. - Сам-то...

- Парни, парни! Не надо. У меня ведь такой день. Вы только представьте. Это же не случайно, - Илья покивал головой, как бы соглашаясь с самим собой. - Вы только представьте. Наша встреча под дождём была ведь не случайна! Это же всё так... - Илья сделал паузу, подбирая нужное слово, - так промыслительно.

- Ты что, Илюха, про Бога сейчас будешь вещать? - замер с бутылкой на разливе Иван.

- Нет-нет. Но это же судьба? Не случайно? - Илья наивно, как ребёнок, посмотрел ему в глаза.

- Судьба не судьба... Радуйся, Илюша, и живи в удовольствие. Ешь, пей, веселись. А время придёт - помирать будем. Когда еще! Верно, Сёма?

Семён махнул из табачного облака трубкой.

Илья ковырнул вилкой кебаб:

- Когда ещё... А если сегодня? Вдруг трах-тарарах - и всё?

- Что всё, Илюша?

- Смерть клюкой постучит в дверь. Вот в эту самую дверь! И всё!

- Не парь мозги ни себе, ни людям, Илья. Живи настоящим моментом. Что у тебя сегодня? Мальчишник?

- Да.

- Вот и пей-веселись в удовольствие. Думай о свадьбе, о свадьбе думай, дружище. Лия! - позвал он. - Освежите нам столик. Принесите еще три.

Со скрипом хлопнула входная дверь. Илья таки подпрыгнул. Семён расхохотался.

В «Светлую пристань» зашли двое в одинаковых светлых плащах, встали на углу барной стойки и заказали апельсиновый фреш. «В такую жару - и в плащах», - подумал нетрезвой головой Илья.

Иван, пошатнувшись, встал:

- Пойду узнаю, кто это так напугал нашего женишка.

Семён ему вслед хохотнул.

У стойки Иван обратился к этим двоим, стоящим, как будто не родные, со стаканами фреша в руках:

- У нас здесь мальчишник, - он повел пальцем по пустому кафе, как будто оно было забито вечеринкой до отказа. - Друг наш женится. Выпьете с нами?

Двое в светлом переглянулись.

- Мы не пьем вина, - ответил один из них, по виду старший.

Иван глупо улыбнулся и широко повёл рукой:

- Так жених же угощает! За здоровье молодых по рюмахе. А, мужики?

Мужик покачал головой.

- Подожди, Иван, - Семён помахал трубкой из-за столика. - Может, они вина не пьют? Пивка, может быть, ребята?

Старший снова покачал головой.

- Вы что, ангелы? - недоуменно уставился на них Иван.

Двое опять переглянулись, быстро допили фреш, рассчитались и вышли.

Иван вернулся в мальчишник недовольный:

- Видали? Нет, этот город надо лечить.

Пришла Лия, принесла новые бутылки и забрала пустые.

Семён попросил принести ещё один прибор и, когда Лия его принесла, усадил девушку за стол. Холостяки сразу же переключились на девушку и забыли о жёнихе. А Илья даже и обрадовался этой перемене. Всё более млея от духоты и выпитого, он пошёл в туалет, расстегнул пуговицы на рубашке, обнажил волосатую грудь, открыл кран, умылся, отворил витражное окно и облегченно вздохнул. На улице накрапывал дождь, и Илья посмотрел с улыбкой, как раскрывают пешеходы под дождем свои радужные зонтики.

Когда он вернулся за столик, Сёма уже обнимал Лию за плечо.

- Вот он, наш жених, - вскинул тот на него шкиперскую бородку. - А мы тут пари с Лией заключили. Ты уже сделал самое главное?

- Что именно?

- Кольца-то купил?

- Конечно, как же, купил.

- С собой?

Илья кивнул.

- Закешь.

Илья пошарил в кармане пиджака и достал розовую муаровую коробочку.

- Вау! - сказала восхищенно Лия.

Семён открыл футляр, достал одно из колец, покрутил его и начал примерять на палец девушке.

- «Женятся граждане Вечного города», - запел он нарочито громко стихиру венчания.

- Э-э, вы чё творите? - испуганно пристал Илья.

- Постоите, - сказал, тряхнув над столом руками, Иван. - Их же надо обмыть. Иначе они недействительны.

- Да, обмыть, - согласился Семен.

- Обмыть! Обмыть! - захлопала в ладоши Лия.

После того как по предложению Ивана друзья обмыли обручальные кольца «по-царски», тройным тостом, Илья начал клевать носом и уже не успевал следить за разговором, который к этому времени и так стал совсем сумбурным. Семён с Лией о чем-то шептались, а Иван обращался с длинной тирадой то ли к ним, то ли к нему, а то ли вообще к Богу.

- Как невесту зовут? - приблизил он вдруг к нему разгорячённое лицо.

- А? - поднял тяжелую голову Илья.

- Ты на ком женишься, дурашка? Помнишь?

Илья отупело упёрся взглядом в стол.

- Что, забыл, как невесту зовут? - улыбнулся ему из шкиперки Сёма.

- Забыл.

Илья наморщил лоб, но и это не помогло.

- Может быть, Лия? - показал на официантку Иван.

Илья поднял пьяные глаза на девушку, та трескуче рассмеялась и показала ему кольцо на своём безымянном пальце.

- Нет, не Лия.

- А как? - не унимался Иван.

Илья промычал что-то невразумительное, сиюсь вспомнить.

- Может, помнишь, чья она дочь? - пришла на помощь ему Лия.

Илья кивнул несколько раз кряду, как цирковая лошадь.

- Ну, соберись, - стукнул его в плечо Иван.

- Она... она... дочь этого, как его... Лота, - вымолвил с натугой Илья и обвёл всех виноватым взглядом.

Громыкнуло тяжело на востоке. Иван посмотрел в окно:

- Во, скоро что-то будет.

- Пора бы уже, дышать в городе нечем, - отозвался Семён.

Виталий Ламов

Виталий Ювинальевич Ламов, руководитель Тарногского районного литературного объединения «Родники», 25 мая нынешнего года отметил 65-летие. Его статью о работе литобъединения читайте в разделе «Литобъединение» на стр. 224. Виталий Ювинальевич живет и работает в д. Першинской Тарногского района. Он автор прекрасной прозы о родной природе, публицист, краевед, бережно хранящий народные традиции. Произведения Ламова являются украшением десятка коллективных сборников. Не раз публиковал рассказы тарногского прозаика из цикла «Бывальщины-ювинальщины» наш журнал. Редакция «Вологодского ЛАДА» поздравляет давнего автора с важной датой в жизни и желает, чтобы наше сотрудничество продолжалось еще многие годы!

Радости осени

Из новых «Бывальщин-ювинальщин»

ПРАЗДНИК

Был праздник. Нет, он не был отмечен на календарях «красным». Это был не религиозный, не юбилейный, не семейный праздник, но это был Большой день. Долгожданный.

Чтобы ничего не пропустить в предстоящем торжестве, из дома вышел рано. Принарядился, конечно, надев подходящий случаю костюмчик, но подарка не взял. Он «хозяину» был просто не нужен, а гости зачастую сами бывали одарены его щедротами. Встретили гостя приветливо. Вообще-то меня здесь хорошо знали, я был частым посетителем. Усадили в

кресло, обитое зелёным бархатом, с причудливо изогнутыми подлокотниками. Я сидел, вытянув ноги к камельку, и любовался картинами на стенах. Это были пейзажи Великого Мастера, которому в пору расцвета своих талантов наверняка завидовали Левитан и Шишкин и пытались подражать ему в своих полотнах.

Просторные «хоромы» «хозяина» не тяготили своим объёмом и не подавляли великолепием. Наоборот, здесь было уютно и душевно, откуда-то ненавязчиво лилась негромкая музыка. Тут слышались и шёпот осинки, и бегущие струи лесного ручья, и поскрипывание дерева... Иногда звучали протяжный крик канюка - «пи-и-ить, пи-

и-ить», жизнерадостный стрекот кузнечика и печально-прощальный голос куличка, задержавшегося с отлётом. В украшенные «витражами» своды «помещения» щедро лилось раннее осеннее солнце, но лёгкие дуновения воздуха слегка колыхали раздёрнутые зелёные гардины и приятно остужали разгорячённые ходьбой щёки. Работающий кондиционер был чудом: от создаваемого им ветерка пахло букетом растений чуть ли не из всей ботаники.

Потом был пир, улада желудка. Я ел с деревянных шампуров горячие ломтики шпика, причудливо размежёванные кольцами лука, помидоров и грибов-подберезовиков. Закусывал хрустящим огурчиком. С ленцой тянулся за черникой или брусникой и запивал всё это божественным напитком - чаем со смородиной. Спиртного «хозяин» не уважал. Правду сказать, голова кружилась и без него.

Я отдал должное застолью, а потом собирался домой. Деликатный «хозяин» ни малейшим намёком не дал понять, что пора, мол, гостю и честь знать. Напротив, он готов был оставить меня ночевать. Но дома ждали, и с глубоким сожалением пришлось попрощаться. Правда, я не сказал «прощай», а просто «до свидания», до скорой встречи.

Возвращался я с «подаренной» дичью. За неё, за чудесно проведённый день, за праздник, в груди теснилась благодарность «хозяину», коим выступал Лес. Это был день открытия летне-осеннего сезона охоты, праздник охотничьей души.

РЯБЧИКИ

По мягкому мху-ковру вплотную наскочил на птиц. Как подброшенный вверх горох из раскрытой ладони, прыснул выводок рябчиков на сосны с задорным треском молодых крыльев! В таких случаях с сердцем охотника что-то происходит. Оно, наверное, ненадолго умирает.

ХОРОШЕГО ПОМАЛЕНЬКУ

Нашёл выводок рябчиков и добыл парочку молодых. А где птица, там и ягоды. Пристроился к ягоднику на коленки, сбрасываю гроздья брусники и вперемешку с черникой отправляю в рот. Подумалось: «А ведь птиц-то объедаю...» Но тут же, другое: «Ничего, их теперь на два едока меньше».

И сразу как кто-то подтолкнул сзади... Поспешно поднимаюсь и ухожу. Не надо забирать много счастья с одного места.

ПОВЕЗЛО!

Изумруд озимого поля. Зелень яркая, сочная и нежная. Окоём леса в разноцветном осеннем убранстве. Строгость тёмно-зелёных ельников озарена чисто-жёлтым берёзовым светом. Такой краской - цвета головок ковтышков* - молодичи красили свои праздничные сарафаны. Жаркими прошвами** пламенеют осины и рябины. Синеватые пики дальних елей подпирают начинающее блекнуть небо. Оно теперь, как голубые глаза у честных людей в пожилом возрасте. Не яркое уже солнце обдаёт сдержанным теплом земное чудо-рай.

На своё счастье я оказался рядом с этим благолепием. Не рядом, нет! В нём!

То было в другом времени. Не в своём, будто. Краски жизни изменились. Не поблекли. Цвета проявились всё больше серые, бурые. Чёрные краски. Суровые! Деревенская «фуфайковая» жизнь, в своей нынешней скромной палитре цветов, ещё течёт кое-где. Вяло и судорожно дышит.

Рябчики! Скромны они в своём оперении... Обитель птиц - ельники - темны и колочи... Но как чисты их песни! Осенние.

*Ковтышки - купальницы европейские; цветут в начале лета.

**Прошва - цветная вставка в одежде.

ПРИЧУДЫ ПАМЯТИ

Прилетела и устроилась на ёлочке птичка. Кругленькая, спинка горбатая, на шейку и грудку оранжевая салфетка повязана. Как колобок, подрумянившийся с одного бочка. Увидела меня, замершего истуканом на лабазе, привстала на тонюсеньких ножках, вытянулась вся. В чёрных глазах-смородинках любопытство и страх. Однако моя неподвижность успокоила птаху, и некоторое время мы были тесными соседями. «Колобок» перекачивался с ветки на ветку и стволы ружья просто так, без цели, а я любовался им. Доверчивая близость оранжевой грудой скрашивала ожидание выхода овсяника на поле.

Вспорхнувший неподалёку дрозд несколько не напугал пичугу. Испортил идилию комар. Холодный вечер сократил их племя, но не извёл вовсе. Вытянув длинные лапки, кровосос спикировал на открытую руку. Никакими ухищрениями согнать я его не смог. Пришлось шевельнуть рукой. Моя подружка заволновалась, спустила каплю, перепорхнула на другую ёлку, покрутилась ещё там и укатилась восвояси.

ЛЕСНОЙ ДОЗОР

Когда менял нестреляный патрон с глухаринной или заячьей дробью на дежурный, рябчиковый номер как наиболее вероятный к использованию, и заглядывал по привычке перед этим в дуло, его внутренняя зеркальная «хромизна» вызывала раздражение. Ствол сверкал, словно фужер на ресторанном столике. Не наполненный. (Скажите, у кого нет аллергии к пустой посуде?). Так и не успев превратиться в полноценный день, осенний серый будень уже скатывался к ночи, а сосуд охотничьей страсти оставался сухим. Не для любования, в самом деле, чистилось ружьё, но для того, чтобы испачкать

ствол свежим пороховым нагаром. Не получалось.

Что делает студент, заваливший экзамен? Бухгалтер, не успевающий в квартальном отчёте свести дебит с кредитом? Поспешивший плотник, у которого гвоздь то гнётся, то прибивается не там и не туда?.. Они переживают, раздражаются, ругаются... Неудачливый охотник рвёт своё сердце ещё пуше.

Некогда широкая тракторная дорога скукожилась до дорожки-стёжки. Она совсем было затерялась на полянке, бывшем пахотном польце, но затем щёлкой приоткрылась в противоположной стенке леса. Словно знала, что от этого охотника с его длинной памятью всё равно не утаиться. Я вступил в податливо раступившийся ельник, усиленно вращая головой вправо-влево, вверх-вниз. Припомнилась вдруг сентенция промысловика: «У хорошего охотника должна болеть шея». Где, думаете, вычитал? В детстве, в газете «Пионерская правда» в очерке об охотнике-соболятнике. Вот и крутил головой, подражая сове: пытался узреть первым и большую чернь на сосне - глухаря, и малую пестринку на берёзе или ольхе - рябчика, и чужеродно белое пятнышко под ёлочкой - зайчика.

Только шагнул раз-другой под полог леса, как наткнулся взглядом на кучку жёлто-охристых с белыми кончиками «червячков» - продукт жизнедеятельности кого-то из куриных. Тетерев? Посмотрел вверх. Нет, берёзы, обычные присады тетеревов, растут в стороне. Значит, помёт свой оставил рябчик. Но как необычно много на одном месте! И тут увидел над этой птичьей уборной на двухметровой высоте дугу тонкого прута ивы, которая явно служила насестом для рябчика. Я достал из-за пазухи пищик*. Поманил «петушком», посвистел «самочкой». Не получил ответа. Понуро шагнул дальше по своей безрадостной охотничьей тропе и тут

же вздрогнул от взбалмошной трескотни рябчиковых крыльев. Фы-ырр! И нет птицы. Рябчик сидел на ближней ёлке и прекрасно видел и слышал все действия незадачливого охотника.

Я ещё постоял какое-то время под птичьим «седалом». Мне самому захотелось быть птицей, чтобы вспорхнуть на гибкий прут и покачаться. Посмотреть на лесной мир птичьими глазами. Я шёл к дому и представлял, как рябчик после утренней или вечерней кормёжки прилетает на свою любимую ветку, часто-часто переступает по ней своими миниатюрными ножками, устраивается поудобнее и замирает. Представлялось: птица обязательно сидит грудкой к зарастающей поляне, чтобы видеть больше неба и горизонта, так недостающих в её глухоманной жизни. Я не представлял рябчика нахохленным, как не думал о его гордой и величавой позе. Рябчик восседал по-лесному просто и... державно. Красиво.

Что же он делал на своём пруте? Конечно же, своим тонким серебряным свистом переговаривался с соседями, предостерегал случайного соперника от поползновений на занятый уголок леса, давал знать о себе подруге. А ещё? Любовался своим лесом? Сторожил его? А может... может, думал? Не зря же из тысяч тысячей веток изо дня в день прилетал на ту самую. У нас, людей, тоже есть свой любимый диванчик, креслице, скамеечка в саду, табуретка на кухне, наконец, не только для отдыха, но и для дум-мечтаний.

Я шёл к дому и уже несколько не догадывал почему-то, что так бездарно упустил того петушка. Наоборот, в груди тепло, когда представлял этого рябчика на лесном посту, в дозоре. Я знал, что лесная застава на другой день для меня будет снова открыта.

*Птичка - манок на рябчика.

РУБЦОВСКИЕ «ЧТЕНИЯ»

Сердце охотника трепыхнулось и куда-то юркнуло, нырнуло в дальний уголок, словно пичуга под куст от налетевшего ястребка. Выбегающая из-за поворота торопливая речная струя, постепенно успокаивающаяся ближе к плёсу, несла на своей поверхности белоснежную, видимо северную, перелётную утку. А охотник торчал на совершенно открытой береговой луговине с таким чувством, будто его застигли нагим лица противоположного пола. Надо бы укрыться, но поздно, да и некуда. Одна надежда на неподвижность и невзрачную цветом охотничью одежку. Могли выдать чёрные сапоги до колена, но их скрывала некое наволока...

В эту осень охотник для знакомого и близкого, как лучший друг, леса, для местной речки, для родной деревни с медленностью, для всей этой малой и милой родины был эмигрантом. Этот «ярлык» охотник приклеил себе сегодня, когда бродил старыми, всеми забытыми и с трудом ужеходимыми дорогами, ложбинами ручьёв и просеками в поисках рябчиков. Подспудно лелеялась мечта о вовемя замеченном белющем зайчике или глухарике... нет, - глухариче! - на сосне. На что ещё можно было надеяться бессобашику?

Впрочем, охотник и не стремился добыть любыми путями побольше дичи. Ему бы только всколыхнуть, окрылить одним, разьединственным метким выстрелом душу, развернуть её, словно гармошку, во всю длину мехов. При всём при этом охотник отлично знал по прошлому опыту, особенно опыту последних пожилых лет, как та же душа свернётся обратно в страдальческий комок, занимая место кратковременной эйфории. Охота как наиболее правдивое и яркое проявление жизни, самым обострённым образом даёт понять всю противоречивость бытия.

Охотнику надо было немного, и в этом была его сила. Он не тянулся к должностям, деньгам, машинам, осознавая всю никчемность этих вещей. В отличие от тех, чья сила была прямо противоположной: в обладании многими дорогими «игрушками» или властью. Была мечта завести новое, красивое и ронкое* ружьё и даже карабин. Ушли и эти охотничьи мечты, сгорели, оставив лишь пепелок грустинки. Теперь ему было достаточно старенькой «ижевки». И он теперь понимал, в чём заключается сила отшельников, которым кроме веры и молитвы почти ничего не нужно. Жестокость и несправедливость человеческой жизни в любое время может отнять всякое имущество... Веру и молитву только с жизнью.

Сам охотник всё же был далёк от аскетизма и не стремился быть сильным, чтобы абсолютно выбраться из плена желаний и греховного бытия. Некоторые его устремления были честолюбивы, а, значит, греховны, но он позволял себе оставаться слабым. Пока позволял. Сегодня охотник в полной мере впитывал радость от общения с родным лесом. «Малая родина» не отстояла от него за тридевять земель, не была за морями-океанами и не закрывалась «железным занавесом». Всего-то «полтинник» вёрст, правда, в некоторые месяцы, на стыке сезонов, - непроезжих. Добровольный « плен » новых привязанностей и обязательств разлучал его с прошлой жизнью. Его ещё не забыли здесь и с надрывом ждали там. Пнёвая труха прежних отношений отталкивала, а каповый нарост на молодом и здоровом стволе любви препятствовал встречам с милой, родной стороной. Встречи с ней имели каникулярный характер: редко, мало и скоро.

И вот встреча - позднеоктябрьская, запоздалая, и грустная. Грустная и печальная не от времени года: осень - распрекрасное время для охотника. Невесёлые раздумья наводила прицепившаяся строка Николая Рубцова: «...И, разлюбив вот

эту красоту, я не создам, наверное, другую». Зачем написано? Зачем прочитано? Охотник брёл куда-то лесами своей прежней жизни, меланхолично подзывал в пищик рябчиков и размышлял о своём предательстве к красоте родного уголка. Он чувствовал себя грешником, изменившим своей вере и поэтому - слабым.

...Речной стрежень прижался к противоположному берегу, и утка заплыла за травянистый мысок, предоставив охотнику свободу действий. Рябчинные номера вон! Патронники алчно заглотили патроны с «двойкой» и с поддержкой пальцами спусков бесшумно захлопнулись стволы. Теперь наклониться... нет-нет, ещё ниже! На колени и вперёд! По ложбинке и как можно ближе к заводинке, укравшей дичь... Когда охотник подполз, выставил шею, словно перископ, и глянул на речку, его взгляду предстали три белых, как будто из пенопласта, комка пены. Им, по своей легковесности, не дано было вырваться из прибрежного водоворотика. «Уток», похожих (очень похожих!) на гоголей, рождал шумевший выше перекат.

Охотник встал и смущённо глянул налево и направо. При существующем безлюдье никто не мог быть свидетелем его оплошки. Подобные ляпы-казусы случались и раньше, ещё по юношеской горячности. Но бывало и наоборот: живые, трепетные, с горячей кровью птицы принимались за холодные пенные шапки, и тогда охотнику оставалось лишь корить** да костерить себя. Не лишней бывает перестраховка для охотника, так же как для сапёра, подводника, шахтёра, строителя...

«...И, разлюбив вот эту красоту, я не создам, наверное, другую».

Охотник шёл на вечеру к деревне, а рубцовская фраза продолжала оставаться с ним. Его «эмигрантство» давно повисло

*Ронкое - убойное, обладающее резким (сердитым) боем.

**Корить - здесь: ругать.

«ключьями» на суках лесных чащоб. Он не был чужд ни оставшемуся за спиной лесу, ни «быстрой, каменистой» речке, подшутившей сегодня над ним. На эту пору речка отпустила своих и проводила временно гостивших северянок туда, где тепло и кормно. Жило, одним словом. Охотник не был перелётной «птицей». Он не изменил и не сбежал из лесов своей памяти, а просто вырвался, разорвал путы жизни, ставшей мелочной, ущербной и убогой. Раздвинул прутья жизненной «клетки», где поселились ложь и обман. Красота лесного мира осталась с ним. Осталась в воспоминаниях, и регулярно будет пополняться щедрыми порциями с каждым походом в лес. На охоту. На рыбалку. За грибами, ягодами. Будут экскурсии за красотой и будут попытки рассказать о ней другим людям.

Эти мысли пришли охотнику в голову уже на горке, приютившей деревню и приближающей огоньки окон к небесным звёздам. Он оглянулся на черноту ночи, в которой уже невозможно было разглядеть контуры леса. Тогда он заглянул в свою душу. В ней не было утренней черноты от присвоенного себе статуса изменщика и перебежчика. Рассеялась она, словно дымок, вылетевший из ствола после выстрела. Да и выстрел-то был не дымным порохом, а бездымкой.

У охотника из кармашка рюкзака одиноким скромным веерочком торчал хвостик рябчика. Это была его единственная добычка. Но ни с каким, самым добычливым выстрелом нельзя было сравнить чувство душевного примирения и успокоения. «Чтение» Рубцова закончилось. Утром автобус вновь отодвинет родной, лесной окоём на полсотни вёрст. Отодвинет, но не отберёт. Охотник знал теперь это наверняка. На стремнину его бытия по реке времени выплыла «уточка». К ней, живой и желанной, созданной отнюдь не из пустой пены, а из женского обаяния, увезёт охотник хранимую в душе красоту.

ЗА ВИТАМИНОМ «С»

Выбрались мы как-то в сентябре за брусникой. На гостевой «Ниве» объездными дорогами и дорожками значительно сократили ножной путь. Оставили вездеход на дальнем краю поля на 8-м посёлке... За полем и окаймляющей его узкой полоской колхозного леса начиналось нечто хаотичное. Нет, никак не привыкнуть к тому, что этот кавардак в виде обломков дерёв, пней, молитвенно протянутых к небу корневищ, перемешанной земли существует там, где ещё недавно была тайга, и где тропили куниц в дремучих ельниках, обрезая след узенькими визирками. Но именно здесь на «концентрированно» осветлённых пространствах (вырубках) через год-другой после рубки разрастается кустарничек с кожистыми листьями и с гроздьями ярко-красных или вишнёво-красных ягод по осени.

Ходьба по современным вырубкам - испытание разве что для десантников. Просто прогонять солдат через леспромхозовские вырубки вместо полосы препятствий. (Современная «стрижка» лесов частниками с помощью комплексов оставляет, пожалуй, ещё более худшие следы...) Приходится выбирать обходной путь и идти «лежнёвкой». На такую деревянную дорогу в две колеи под колёса лесовозов уходит около 600 кубометров древесины на километр пути. В конце «лежнёвка» (ус) выводит на магистраль, поднятую бульдозерами и отсыпанную песком и гравием насыпь. На ней аккуратно, по линейке уложены бетонные плиты, опять же в две колеи. Стрелой рассекает эта шикарная дорога неохватные глазом вырубки с кое-где сохранившимися колками корявых соснячков по болоту или таких же переувлажнённых, а значит низкотоварных ельничков. Синяя дымка скрывает один конец бетонки, ведущий к «преобразователям лика земли», другой тянется в никуда.

Какое-то время, отбивая пятки, шагаем по плитам. В лужах-озеринках за обочинами трассы качает тёмно-бурыми головками вездесущий рогоз, обильно плавает утиный пух. Совсем неожиданно видим перед собой на дороге угольно-чёрных глухарей. Один взлетает и усаживается неподалёку на низенькую ель. По инерции двигаем ногами - другая птица остаётся на дороге. Остановились в шагах пятнадцати - сидит. Вернее, стоит на ж/б плите, покинув кипрейную обочину. Не вечно же длиться противостоянию, и пятеро ягодников сживают птицу с места, заставляют подняться на крыло. Привлекает птиц дорога с отличным искусственным «галечником», созданным строителями-дорожниками. На душе светлеет и теплеет. Может, не так уж всё плохо: много ягод для птицы и защитные условия имеются на зарастающих вырубках, камешки для желудка опять же - глотать, не переглотать.

Но вот и искомая ягодная вырубка, березнячком да осинничком зарастающая. Есть, есть и ёлочки, сосёночки. Что-то сохранилось после утюжки гусениц железных «мастодонтов» лесозаготовителей, что-то растёт посаженное или посеянное руками лесников. Будет лес, не такой хвойный, наверное, не настоящий уже, «вторичный», через символические столетия... Но будет же!

После третьей зобеньки аукаемся, сзывая общий сбор. Кипятится чаёк в лёгком походном котелочке, одиночная снедь вываливается на общую газету. Самый бывалый достаёт с немой значительностью «Русскую», и кружка благодарно обходит круг дважды. Выпиваем за лесников, за новые леса. Как раз третье воскресенье сентября оказалось - День работников леса! Малость от тоста отделяем лесорубам. На их «ниве» брусника-то выросла. Течёт умная беседа с поражающе глубоким проникновением в любую пробле-

му, с упоительным самолюбованием людей, удачно устроившихся в жизни. Философски помалкиваю, слушая этот трёп интеллигентов, расслабившихся на лоне природы. Вся их прорвавшаяся добродетель, поражающая сейчас самих хозяев, облетит как осенний лист под порывом ветра по ту сторону «бетонки».

*... Терпеть не могу
Разговоров на общие темы
Среди молодых
Но уже разжиревших людей!..*

Н. М. Рубцов

Но пора и дело продолжать. Обеденный стан пустеет. Примеченные каждым ягодные уголки манят к себе. Денёк хотя и серенький, но не холодный. Комар уже отошёл. Любо не только ягоду брать, но и находиться пусть и на исковерканной людьми земле. В конце концов, все леса планеты представляют собой в той или иной мере сплошную вырубку. А жизнь, переходя в другие формы, продолжается. Хочется продлить выросшую в душе благодать.

Барабанную дробь и заунывное «киа-а» чёрной желны сменили многоголосие разных куликов и утиное кряканье. Никак не можешь примириться, свыкнуться с такими глубокими переменами в охотничьих угодьях. Подорваны условия обитания куницы, рыси, белки, глухаря, рябчика. Приходилось наблюдать, как испуганный глухарь не сумел одолеть враз вырубного пространства и присел на чудом сохранившуюся сосенку в жердину толщиной для отдыха, с трудом пристроившись на тонких веточках. Повырублены, потревожены многие тока, так что весеннюю песню приходится глухарям справлять на пнях.

Но птица всё же есть. Вон и рябчики посвистывают на опушке недоруба. Вот белке теперь одно остаётся: жить в «кол-

хозных» лесах, ещё на корню остающихся. Не будет уж теперь беличьего «урожая», как, к примеру, ещё в 1960-70-е годы. До тридцати зверьков добывали охотники за день! Нынче такое количество - дай Бог, сезонная норма. (К настоящему времени эта пушнина и вовсе перестала котироваться). Для куницы мышей на вырубках плодится множество. Лосям и зайцам корма вдоволь. Многочисленные следы, кучи «орешков», измочаленные кусты ивняка (время гона) говорят сами за себя. Медведь. Ну, тому неизвестно, что лучше. Глухие ельники или чуть ли не ежегодный обильный урожай ягод? И то, и другое нужно бы, но когда живёшь рядом с людьми, такого не получишь.

Тетерева на вырубках больше развелось, чем в полях. «А уток, болотной птицы сколько обитает на месте бывшей тайги!» - возвращается мысль к перелётной дичи. Вёрткие, стремительные в полёте бекасы с каждой мочажинки по одному - два срываются. Впору охотнику-лаечнику заводить легавую или спаниеля.

О звере и птице крутится в голове дебет-кредит, а руки привычно сбрасывают гроздь ягод в берестяную набирушку. О том, что рубить можно бы не с таким расточительным советским размахом (и с современным капиталистическим тоже!), лесосеки прибирать по-хозяйски и получать двойную и тройную кубатуру (вспомним, как приращивают японцы пресловутый один процент выхода продукции; всё до коры используют!) Об этом и другом негативном уже не хочется думать. Что свершилось - не вернёшь. Пока же экономическая разруха (напомним: был конец 1990-х) даёт передышку природе, и острый глаз охотника, рыбака с глубокой радостью примечает приросшую стайку тетеревов и рачка в речке.

На обратном бетонном пути вновь поднимаем с дороги двойку глухарей - видимо, ту же самую. Один сел несколько в гу-

бине чахлого ельничка, а другой проводил нас острым птичьим взглядом с ёлки, отстоявшей вглубь вырубки от насыпи всего на 3-4 метра. Увы, не часто теперь увидишь такую картину. Ведь не Эвенкия же! Не сторона непуганых птиц.

Вот так довольно неожиданно мои компаньоны помимо ягод унесли с собой и образ глухаря, особенно рельефно смотревшегося сидящим на макушке ели. Я же посоветовал мысленно этой доверчивой птице как можно реже появляться на дороге и улетать во все крылья, услышав или завидев всё, что так или иначе относится к человеку.

ДУШЕВНАЯ СЛЯКОТЬ

Нам же знакома погода последних дней октября: сыростно, мерзостно, пакостно. Это если смотреть на осень из окна, это по дороге в магазин, в сарай за дровишками. Бр-р-р! В лесу же восхитительно, превосходно, радостно. Да, капнет с еловой ветки за шиворот и не раз; да, будет поступать за голенища сапог «забортная» влага и просочится к вечеру по портянкам к подошвам; да, может запятнать снежной слякотью твою ветхую суконную тужурку со стажем лесных скитаний в четверть века...

Но ты знаешь, что вполне можешь сковырнуть с лёжки пряткий белый мячик и отсалютовать ему громом своей одностволки. Ты можешь услышать не раз чистейший в мире звуков свист петушка, самого ловкого в деле маскировки лесного жителя. Тебе мало знаком звон дорогих бокалов, но ты можешь попытаться съмитировать хрустальную трель серенького певца и посадить его на мушку своего ружьишка. Возможно, ты вздрогнешь от ударов могучих крыльев поднявшегося с «пола» (земли) крылатого «мамонта» и проводишь его бесшабашным выстрелом из «ижевки». Впрочем, вполне возможно, что на этот раз ты не выстрелишь ни в

зайчика, ни в рябчика, ни в глухаря. Сегодня ты пришёл за уединением. Оно тебе стало важно, к нему было стремление. Ты его получишь. Ты в лесу. Лес в тебе. Ты пришёл на приём к лесу-доктору лечить душу. Скорее сбежал оттуда, где душа наполнилась тоскливой слякотью.

Надоело слыть блажным, приставучим, озабоченным - влюблённым. Да, одиночество вещь скверная, но чтобы избежать женских игр с собственной персоной, иночество, отшельничество будет, пожалуй, предпочтительнее. Да уж, эти пресловутые женские души! То их люби и люби, а то не подходи, не прикасайся. Крайне капризные растеньица, эти женщины! Не в тот грунт посадил, не в то время, не полил (а полил, так чрезмерно окажется), не подкормил... - всё негоже. А если расслабишься, допустишь на сердце нежность, попытаешься погладить листочек, то тут же получишь крапивный ожог, тут же по тебе пройдутся стеблями шиповника: «Такой, сякой... озабоченный...» Известно: посади это растение под названием женщина в золотую вазу с «грунтом» из американской «зелени», так всё равно скоро будет недовольна. Мы же помним сказку о золотой рыбке - ну, старуху ту? Но одно дело по тексту сказки над глупостью потешаться, и другое - испытать на своей житухе-бытовухе. Никогда женщина не покается в своём непостоянстве, и вечно будет мужик терзаться и задаваться вопросом: «Хрен знает, что ей и надо?!»

Всё для вас, и только тогда, когда вам хочется. «Эй, где ты там, машинка по прозвищу мужик?! Поработай, а потом лежи на своём половике хоть под порогом, хоть в бане, хоть в сарае...», пока тебя не позовут, не возжелают. «Ах, у тебя душа есть? Свои желания? Чушь! Я Женщина, пишу с большой буквы, и этим всё сказано. Пожелаю - иди, так беги вприпрыжку; отре-

жу - нет, так носа не показывай. Чего ты там стенаешь? О равных правах мычишь? Помолчал бы, ведь я Женщина!»

И вы, женщины, ещё твердите: «Куда, мол, мужчины делись?!». «Что это они повымирили?» - недоумеваете вы. Ответ прост. В устроенном вами «концлагере» рабы-мужики долго не живут. Да и не желают!

Ты знаешь способы лечения душевной тоски. Физическая работа - незамысловатая и потная (дурь выбивает хорошо); застольная компания - бесконечная и, в итоге, бесполезная, бессмысленная; сочинительство - мучительно-сладкое дело и отвлекающее. Ты выбрал сегодня лесное отшельничество, охотничье одиночество. Осень, однако! А лесная осень топтит иней на сердце, греет душу, съедает тоску-печаль. Такой опыт уже обретен, наработан. Накоплен не в противостоянии с женщинами, не в борьбе, а в попытках понимания. Надо вновь побродить по лесам своей памяти и любви, попытаться взвесить свинец одиночества. Нет, не только для того, чтобы не стать записным женоненавистником. Ненавистником вообще быть не надо. Просто набраться смирения и терпения. А лесное уединение не озлобит!

У какого-то костра, в глубине какого-то квартала обязательно снизойдёт нечто светлое, тёплое, радостное, благодатное, простое и понятное. И какими же ничемными покажутся тебе прежние обиды и переживания! И позовёт опять дорога обратная, к покинутому порогу... Обиды и непонимание будут выброшены и забыты, словно изношенные до дыр портянки в лесных скитаниях. В конце концов, очень нужно для охотника, чтобы его добыча была «освящена» женским восхищением. Ведь он зовётся добытчиком ради неё - Женщины! С большой буквы.

Николай Устюжанин

Николай Устюжанин - прозаик, критик, литературовед, член Союза писателей России. Автор повестей «Моё советское детство» и «Перестроечная юность», фрагменты которых публиковал «Вологодский ЛАД». Перу писателя принадлежат также рассказы, несколько раз их печатал наш журнал. Предлагаем новую прозу Николая Устюжанина.

Рассказы о море и о мире

МОРЕ ЖИВОЕ

Когда смотришь на море, поневоле задумываешься о жизни - текучей и спокойной, пасмурной и штормовой, но такой короткой...

Первая встреча с Чёрным морем запоминается навсегда. Как только состав, дёрнувшись, трогается и, позвякивая на рельсах, начинает поворот от станции Туапсе, дети и взрослые занимают места «по правому борту» и впиваются глазами в приближающуюся полоску водного пространства, загороженную нефтяными трубами. Ещё несколько десятков метров вдоль металлической сетки - и вот оно, появилось, наконец! Сначала видны камни причала, омываемые пеной прибоя, потом разные танкеры, ожидаемо большие и почему-то маленькие, но детские восторженные глаза устремлены к самому главному - к го-

ризонту, за которым... ничего нет, кроме неба!

Этому голубому сиянию большого и доброго пространства можно довериться сразу, ведь там открывается мир необъятного счастья. Там бесконечность. И кто-нибудь из детворы обязательно воскликнет: «Оно живое!»

Как только устроились в гостинице или гостевом доме - чуть ли не бегом на пляж! И сердце стучит радостно, и душа поёт, и тело жаждет объятий с голубой прохладой. Здравствуй, море!

Пляж шумный не только от плеска волн и ребячьих криков: снуют катера, тянущие за собой на парашютах и вагрушках отдыхающих, продавцы заывают отвезти сахарную вату, варёную кукурузу и «домашнее» вино, гремит музыка из столовок и прибрежных ресторанов. И разговоры, разговоры...

Курортные романы, если они честные и чистые, обычно очень крепкие. Что бы ни случилось - есть воспоминание о счастливой встрече. И глаза весёлые, и души свободные и лёгкие, и тела такие молодые, загорелые, стройные... А не махнуть ли нам, как тогда, на юг?!

Галечный пляж некоторым фифам не нравится - жёстко и ступням больно. Тогда - в путь к песчаному откосу, есть и такие места.

Но сами по себе камни, булыжники и особенно камешки рассыпаны будто специально так, что хочется их собрать в горки, выстелить ими тропинки от воды до жаркого лежбища, разобрать на коллекции... Тут и разноцветные стёклышки, отполированные волнами, и розово-коричневые осколки раковин, и реже - монеты, цепочки и даже кольца, оставленные морю на память или по рассеянности.

Если тянет поохотиться, можно надеть маску с трубкой и нырнуть подальше от людского бултыхания в самое интересное и загадочное морское подполье.

Когда плывёшь под водой и смотришь на дно, то вначале быстро исчезает гряда прибрежных грязных камней и появляется песчаная отмель с редкими булыжниками и мелкими бархатными морщинами, в которых, если приглядеться, схоронились в засаде придонные рыбёшки, только бугорки глаз и видны. А вот ближе к бую неожиданно открывается вид настоящего дна с крупными, наваленными друг на друга камешками. Здесь и начинается особенная охота на жирных крабов и многолетних раковин рапанов, которых и близко не сравнить с мелочью, оставшейся для игр пляжных детей и инфантильных взрослых.

Хватит ли воздуха, ведь глубина тут основательная? На помощь приходит сам организм, вырабатывающий при движении кислород в мышцах.

Для одиночек это просто развлечение, а для местных - доход. Они ныряют до по-

синения, а под вечер выгружают из лодок в сетках гирлянды пузатых раковин. Их вываривают на воздухе, чтобы не дышать вонью, длинным гвоздём вытаскивают моллюсков, похожих на пружинки, чистят и лакируют дары моря, а потом сидят у входа на пляж и торгуют, пока не кончится улов.

А вообще, Чёрное море неоглядное и неуловимое. Оно входит в душу не только синевой, блистающей под ярким солнцем, оно бывает изумрудным или ярко-зелёным в умиротворении, а может взволноваться в белогривом беспокойстве и даже стать лохматым и жёлто-серым в штормовом круговороте. Буйное, разгневанное море невозможно остановить.

Самое нежное море летом - ночное. Тихину и покой можно принять за сон, но оно никогда не спит. Если нет облачной завесы, играет звёздами - попробуй разобраться, где тут небо, а где море? Счастливым парочкам так удобно целоваться на медленно остывающем пляже - никому ничего не разглядеть! Но море всё видит и покрывает влюблённых ласковым дыханием...

А бывает оно и грозным, и безжалостным. Ломает пополам танкеры, выбрасывает на берег сорванные с якорей суда, пускает на дно целые эскадры, рушит набережные и даже порты. А кто-то до сих пор называет Чёрное море лужей...

Корабли, суда, причалы... Ах, если бы всё это длилось вечно!

Сейчас уже нет времени ожидания, оно закончилось. Но, как и тогда, на заре, теперь уже вечерний свет заката вновь осеняет нас.

И никому не надо страшиться - ведь там, за горизонтом, ждёт иная жизнь, именно такая, какой её видишь в детских мечтах! И когда ударит колокол, надо шагнуть ей навстречу, оставив позади сомнения и боль.

Только бы не обернуться... Только бы не обернуться...

МИР ПРЕКРАСЕН

Самойлов и представить не мог, как неожиданно явится старость. Вроде ещё недавно прыгал через ступеньки лестниц, как вдруг ему уже уступают место, называют дедушкой. В глубине души он считал себя ещё крепким, а вот как всё вышло...

Жил он один, как раньше бы сказали, бирюком, но не по собственному желанию - так получилось, что дети и внуки разъехались, близкие стали дальними, словно где-то было приказано оставить его один на один с приближающимся уходом.

И тогда Самойлов стал думать, чем же заняться ему, пенсионеру, на сплошном досуге. Разобрать архив, фотографии, письма, а что дальше?

Он вышел из дома, присел на тёплые доски открытой веранды и стал смотреть на вечеряющее небо.

Середина июля, венец лета... Тусклые огоньки далёких соседних посёлков, затерявшихся на склонах, постепенно разгорались под сенью засыпающей небесной выси, на фиолетовом своде которой стали появляться самые яркие звёзды.

В горах они ближе и яснее, и Самойлов стал различать контуры Большой и Малой Медведиц, созвездия Скорпиона, Девы, свечение Полярной звезды, а в резко наступившей темноте - и красную точку особенно любимого в детстве Марса.

Начало его жизни совпало с утром космической эры. Спутник, полёт Гагарина, выход Леонова в невиданную прежде пустоту... Царила всеобщая эйфория, казалось, что ещё чуть-чуть, через два-три года, мы ступим на Луну, а потом окажемся и на Красной планете, - ракета для полёта на Марс уже проектировалась.

В быту серьёзность намерений проявлялась особенно страстно: речные и морские суда на подводных крыльях называли «ракетами» и «кометами», на баках ижевских мотоциклов красовались изображе-

ния Сатурна и Юпитера, даже игрушки для младенцев, в просторечии «пупсики», выпускались в скафандрах.

Но потом всё резко оборвалось. В 1966-м погиб Королёв, в 1967-м - Комаров, в 1968-м - Гагарин, а в 1969-м американцы высадились на Луне.

Самойлов стал припоминать уроки астрономии, но, кроме электрической модели Солнечной системы, в виде планет на тонких металлических ножках, с тихим жужжанием с разной скоростью двигавшихся вокруг «жёлтого карлика», ничего упомнить не смог.

Он, конечно, читал, как и все сверстники, фантастические романы Алексея Толстого, Беляева, Казанцева, Ефремова, Брэдбери, Лема, Азимова, смотрел художественные фильмы... «Планета бурь», «Туманность Андромеды», «Москва - Кассиопея», «Отроки во Вселенной», «Петля Ориона», «Солярис», «Большое космическое путешествие». А ещё он наблюдал через закопчённое стекло солнечное затмение, разглядывал кратеры на Луне, сжимая слабыми детскими ручками тяжёлый отцовский бинокль... Но всё это была игра. С тех пор, конечно, многое изменилось.

Самойлов поднялся, включил в кабинете компьютер и погрузился в интернет, в котором, как известно, есть всё. Даже реклама...

Его поразили яркие цветные фотографии и видеосъёмки планет, двигавшихся по орбитам вокруг Солнца. Полёт космических зондов и телескопов превратился в изумительный фильм-путешествие!

Вот крутится скоростной Меркурий, затем туманная Венера, наша родная Земля, почти пригодный для жизни рыжий Марс, гигант Юпитер, подмигивающий нам красным глазом, Сатурн с ледяными кольцами и причудливыми спутниками, удивительный голубой Уран, холодный и ветреный Нептун. На соседских плане-

тах есть вулканы, моря, океаны, нет только жизни. А ещё в нашей системе летают планеты-карлики, например, Церера, затаившаяся между Марсом и Юпитером, на ней льда больше, чем на Земле, есть даже водяной пар. Исследованы кометы и астероиды, - к ним прицеплялись приборы, желающие узнать, из какой материи они состоят. Трудно поверить, но некоторые из этих небесных тел - чистые алмазы и сапфиры гигантских карат, покрытые пылью.

Тайны Солнечной системы не дадут уснуть астрономам, заваленным работой познания на десятилетия вперёд, а ведь вокруг ещё галактики, похожие на чудесные фантастические цветы, сказочные скопления звёзд.

Самойлов вспотел, сияясь представить невероятное количество светил, триллионы галактик, непреодолимое пространство между ними во вселенной, возраст которой - почти четырнадцать миллиардов лет!

«Это астрономия, - размышлял он, - осмыслением же мира сущего: как из ничего произошло всё? - занимается космология». И вот тут, листая на экране страницы с обобщениями и выводами, он столкнулся с парадоксом. Оказалось, что самый любимый термин у всех, кто связан с космосом, - «гипотеза», то есть всего лишь предположение. Гипотеза Эйнштейна, гипотеза Хаббла, гипотеза... далее был список величиной в несколько томов.

Он стал изучать биографии астрономов и космологов и удивился - вопрос о происхождении всего и вся рассорил учёных. «Это не к нам! - в отчаянии умоляли

они, - это к философам». А философы отсылали пытливых и настырных читателей к религии.

Самойлов выключил компьютер, встал, потирая затёкшие мышцы, и, чуть прихрамывая, выбрался на свежий воздух.

Уже была глубокая ночь. Он взглянул на Млечный Путь, протянувшийся туманной полосой до самого края неба в ослепительном сиянии бесчисленных звёзд, и ощутил тяжёлый стыд. Как же так получилось, что почти всю жизнь он смотрел под ноги? Карьера, дом, машина, гараж, дача, деньги, деньги... Десятилетия исчезли в погоне за призрачным счастьем, был потерян высший смысл бытия.

«Нет, - думал он, - небесное царство живёт не только в сплетении галактик. Если бы не научный поиск, запечатлевший этот блистающий мир, если бы не наша память, уходящая в вечность и соприкасающаяся с ней, то что бы значили все эти скопления газа, камня и пыли? Потому как царство, почему-то названное небесным, находится не на небе. Оно живёт внутри нас».

Вселенная раскрылась перед Самойловым во всей полноте и неизъяснимой красоте. Чудесная музыка, которую он однажды услышал в детском цветном сне и, проснувшись, страшно огорчился, не сумев её воспроизвести, вдруг вернулась к нему сейчас, в этот радостный миг. Чувство счастья разлилось в душе, словно весенняя вода. Теперь ему было не страшно оставлять этот мир, потому что покинуть бесконечность в себе самом невозможно.

Писатели Валерий Васильевич и Вадим Валерьевич Дементьевы в нынешнем году отметили юбилеи. 11 августа исполнилось 100 лет со дня рождения Валерия Васильевича Дементьева (1925 - 2000), литературоведа, писателя, доктора филологических наук, лауреата Государственной премии России. 75 лет отметил 20 сентября Вадим Валерьевич Дементьев - писатель, общественный деятель. Оба они много писали о родном Русском Севере, его истории и культуре.

Валерий Дементьев и вологодская литературная жизнь

Как критик, профессор Литинститута Валерий Дементьев писал о современном ему литературном процессе и о видных его участниках - поэтах, прозаиках. А вот о древних местах Вологодчины, так или иначе связанных с местом его рождения, он писал как поэт. Так ведь он и был им.

Впервые Валерий Дементьев опубликовал свои стихи в 1947 году в газете «Красный Север». В 1952 году в Вологодском книжном издательстве вышла его первая поэтическая книга «Мои односельчане». Но главным в его творчестве оставался анализ современного литературного процесса.

Так, в Государственном архиве Вологодской области (ГАВО) сохранилось несколько рецензий Валерия Дементьева на произведения вологодских авторов. На летучем семинаре 1965 года (не путать с областным семинаром молодых авторов конца 1965 года) о С. Чухине говорили преподаватели Литинститута В. И. Мильков, М. П. Лобанов, В. В. Дементьев. Записано их консолидированное мнение: «Чухина стоит поддержать. Беда некоторых авторов: что ни пишут, а в одном ритме, как в колодке. У Чухина такого, к радости, нет. Лирика ватная, но жизненные обобще-

ния - хорошо...». Общее мнение: рекомендовать приёмной комиссии Литинститута С. Чухина.

Череповецкий поэт Александр Брагин рассказывает в своих воспоминаниях о ходе областного семинара молодых авторов 1970 года. Стихи Александра разобрал Николай Рубцов: «...закончил Николай Михайлович предложением дать мне рекомендацию в Литературный институт. В перерыве тотчас подошёл Валерий Васильевич Дементьев: «С рекомендацией Рубцова - только в тюрьму! Хотите поступать - поступайте без неё. Я вас поддержу...» Но это - воспоминания 18-летнего, начинающего поэта...

Своё видение творчества Николая Рубцова Валерий Дементьев даёт в очерке

*К 100-летию Валерия
Дементьева в электронной
энциклопедии «Выдающиеся
люди Вологодского края»
областной научной
универсальной библиотеки
создана его страница.*

«Предвечернее» как профессор Литинститута и связывает его с творчеством Александра Блока: «... После смерти поэта, о которой до сих пор свежи и горестны воспоминания, немало вышло его новых стихотворных сборников. И стало особенно ясно, что «грозовое бытие» Николая Рубцова было освещено проникновенной, нежной и грустной любовью к родному Северу, к матери-России. Эта любовь многообразно воплотилась в его элегических раздумьях, в его талантливых стихах. Проходят годы, а над горизонтом все выше подымается скромная звезда Николая Рубцова, его прекрасная звезда полей...». Нельзя не отметить и то, что В. В. Дементьев отправил телеграмму соболезнования в адрес Вологодской писательской организации в связи с трагической гибелью поэта Н. М. Рубцова, которого назвал в ней талантливейшим русским поэтом-земляком.

Вот как о профессоре В. В. Дементьеве говорил поэт Юрий Леднёв, один из его первых учеников в Литинституте: «Чуткости к прекрасному, к настоящему учил он студентов в своём поэтическом семинаре...»

Приведу документ - письмо директору Северо-Западного книжного издательства Борису Семёновичу Пономарёву: «Уважаемый тов. Пономарёв! Простите, что не знаю Вашего имени-отчества. На днях я получил Ваше уведомление, что моя рукопись «Северные фрески» включена в темплан Северо-Западного книжного издательства на 1967 год. С нетерпением буду ждать утверждения плана в Комитете. За уведомление Вам я искренне благодарен. С наилучшими пожеланиями Валерий Дементьев. 5.04.66». Уточню, что книга вышла в Архангельском издательстве в 1967 году - видимо, без всяких обсуждений и рецензий, ибо о них в архиве нет никаких сведений. Очевидно, учитывались авторитет, опыт и литературный талант Валерия Дементьева.

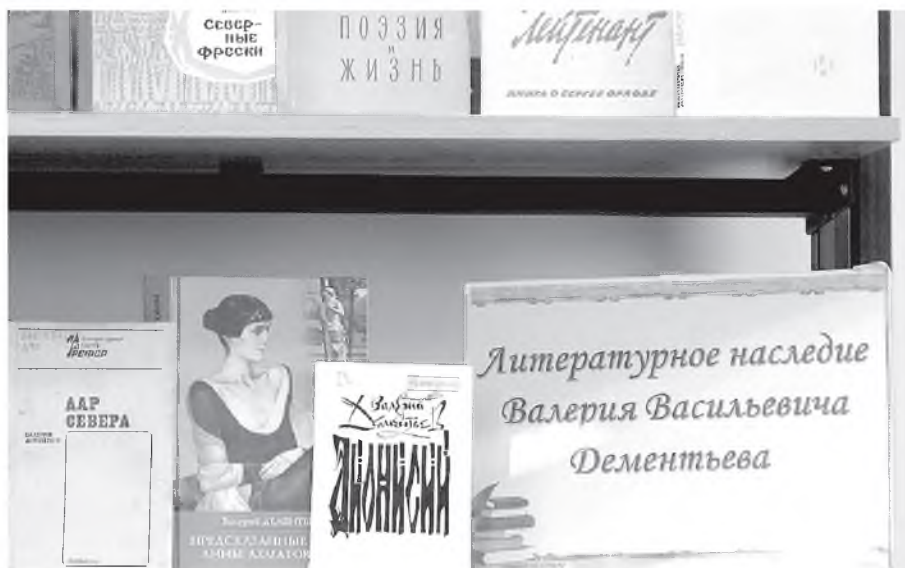
Валерий Васильевич Дементьев (11 августа 1925 - 22 ноября 2000) - советский литературовед, писатель и литературный критик. Родился в деревне Каргачево (ныне Вологодский район).

В 1944 году окончил Московское военно-инженерное училище, воевал, командовал взводом. Был контужен. В 1950 году окончил филологический факультет Вологодского педагогического института, затем - аспирантуру Литературного института имени А. М. Горького. Доктор филологических наук (1984). Член Союза писателей СССР с 1957 года. Автор более 400 научных и критических работ. Валерий Дементьев - один из инициаторов создания Вологодской писательской организации. Он издал несколько книг о родном Кубеноозерье.

А. А. Романов в газете «Русский огонёк» в августе 1995 года писал о повести Валерия Дементьева «Утешение Дионисия», которая входила в книгу 1970 года «Дионисий»: «... Определённо можно сказать, что в нашей исторической литературе пока нет более значительного художественного изображения Дионисия и его времени, чем эта повесть Валерия Дементьева...».

Валерий Дементьев написал поэту Сергею Чухину по получении сборника стихов «Дым разлуки». Как видно из пись-

• ДЕМЕНТЬЕВСКИЕ ЮБИЛЕИ

В Новленской библиотеке имени В. В. Дементьева выставлены книги из библиотеки Валерия Васильевича, его личные вещи

ма, Сергей Чухин оправдал его надежды и чаяния.

«Дорогой Сергей Валентинович! Во- время получил твой «Дым разлуки», для себя как читателя вовремя, - знаешь, иногда выпадает такой вечер, когда на душе тихо и сумрачно, но при всём том и привычно, как привычен стол, заваленный бумагами, как привычна отте- пель за окном, с безвременной капелью, шлепками мокрого снега с ветвей и от- далённым громом самолётов... (Живу я в Переделкино, а посему и оказался в роли «праздного соглядатая природы»). И хо- чется в такой вечер чего-то полузабы- того и тоже привычного, не растрвля- ющего душу, а как бы целящего её. Коро- че, стихи твои увели меня в страну дет- ства и юности. От них повеяло родной живой стариной, той, которая, может быть, только и жива в наших вологод- ских лесах. И я был рад найти в твоём сборнике горькую строку, что мы «па- мятью слабеем год от года». А ты не да- ёшь забыть про всё и про всё ты напоми- наешь: как долга деревенская зима, как

мглисты осенние вечера, как яркок косте- рок в ночном поле.

*Слышно - рядом речка токает,
Ходит перепел в овсе,
Лошадь спутанная топает
Да катается в росе.*

Когда это было - вчера? сегодня? - всег- да! Вот что я понимаю под подозритель- ным словом «старина», которая врачует сердце...».

Ну почему мы сейчас не пишем таких лиричных, мудрых, добрых писем друг другу?.. Пробавляемся эсэмэсками, не- обдуманно эмоциональными поста- ми, сиюминутными комментариями, ко- торые пропадают через неделю, а значит, пропадают и отношения между людьми в нашем компьютеризованном мире... А вот Валерий Васильевич пишет письмо поэту как поэт. Белым великолепным стихом пе- редаёт состояние души, настроение, маз- ками давая описание природы. Видимо, и Переделкино настраивало на такую то- нальность и лирику...

«...При всём том твои стихи могли быть написаны только тобой, челове-

ком более молодого поколения. Превосходно сказано:

*«А говорят, что здесь была деревня...
Но это не на памяти моей».*

Да, не на твоей, но на моей памяти. Превосходны и стихотворения «Она давно живёт одна», «Люблю ночной порой не зажигать огня...», «Долга ты, деревенская зима» и некоторые другие. Но позволь мне высказать и суждение иного порядка. Не увлекайся открытым автобиографизмом: в стихах («Случилась перемена в судьбинушке моей» или «Таблетками накормлен до отвала»), которые повествуют только о тебе, лишь о тебе, нет места для сопереживания, а следовательно, нет и моего соучастия. Нет «тайны», как однажды сказал Николай Рубцов. Вот почему он не очень-то любил свои ранние тралфлотовские стихи. равнодушными оставили меня и стихотворения, казалось бы, весьма острые - про то, как убили зайчика, как мы «сводим лес и травим реки» (хотя концовка и хороша). Это дело по плечу публицисту, а не поэту, мир которого - мир чувств, ощущений, звуков, запахов, едва уловимых оттенков, вернее, доступных только ему одному, и никому другому. Впрочем, и я сам не хочу впадать в назидательность так, как не советую назидать по какому-либо поводу и тебе. Просто «Дым разлуки» доставил мне отраду, а тебе спасибо за этот горьковатый и сладкий дым отчества нашего, нашего Заволочья.

Дружески Валерий Дементьев».

В августе (выпуск 14 - 20) 1995 года в газете «Русский огонёк» напечатано большое интервью к 70-летию Валерия Дементьева. Вот как он отвечает на вопрос, кого бы он хотел выделить из выпускников Литературного института:

« Скажу честно и без обиды для всех - это был Николай Рубцов. Его талант восходил звездой на поэтическом небо-

склоне России. В ту пору я жил у Золотухи, во дворе Дома офицеров. Вот тут-то, у ворот этого дома, я случайно встретился с Николаем. Не скажу, что нас многое разделяло, - возраст, биография, восходящая слава его стихов. Ведь мы были с ним и раньше в добрых отношениях, встречались в институте, не раз вместе выступали на творческих вечерах. А в тот день он показался мне особенно встревоженным, грустным и одиноким. Были какая-то тоска и холод во взгляде, в его рассуждениях о жизни. Я постарался поддержать Николая, говорить о его первой книге стихов, которая вышла в столице и обрела большую известность. Но мне показалось, что тоска и печаль слишком глубоко запали в душу Николая. Эта встреча получилась очень грустной, его одиночество словно впечаталось в меня. Этот эпизод меня волновал многие годы».

Леонид ВЕРЕСОВ,
историк литературы

ОТ РЕДАКЦИИ. *Память о Валерии Дементьеве бережно хранят его земляки. Библиотека в Новленском носит имя В. В. Дементьева, здесь с 2023 года регулярно проводятся литературно-краеведческие Дементьевские чтения.*

В них принимают участие и опытные краеведы, и школьники, исследующие богатое наследие писателя. В библиотеке оформлена мемориальная комната Валерия Дементьева, где представлены книги из личной библиотеки Дементьевых, а также предметы быта и личные вещи писателя - стол, стул, книжные полки.

В текущем году на чтениях говорили о жизни Валерия Васильевича в Коробове, а также о том, как он поддерживал молодых писателей, о его научных исследованиях. Комитет культуры и туризма Вологодского муниципального округа намерен проводить Дементьевские чтения и в дальнейшем.

• ДЕМЕНТЬЕВСКИЕ ЮБИЛЕИ

«20 сентября 75-летний юбилей отметил известный писатель, критик, публицист Вадим Валерьевич Дементьев, - поздравили собрата по перу писатели-вологжане. - Он автор многочисленных книг о русской литературе, краеведческих исследований, острых публицистических статей о проблемах российской современности. Научные и критические интересы Вадима Дементьева связаны с Северным Кавказом, Якутией, Москвой, а в последние годы - с Вологодчиной. Желаем юбиляру крепкого здоровья, счастья, писательского вдохновения и ждём новых открытий!»

Вадим Дементьев родился 20 сентября 1950 года в Вологде. В 1970 г. в тотемской районной газете, в редакции которой был на практике студент журфака МГУ Вадим Дементьев, была напечатана его рецензия на сборник стихов Н. М. Рубцова «Сосен шум». Работал на руководящих должностях в российской литературной прессе и издательстве «Современник». В 1985 г. принят в Союз писателей СССР.

В 1989-1991 гг. - заведующий сектором художественной литературы гуманитарного отдела ЦК КПСС. В дальнейшем - сотрудник аппарата Совета Федерации и Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

Вадим Валерьевич - автор более 20 книг, среди них - посвященные родному Вологодскому краю «Земля русского преображения» (2005), «Отчина и дедина. Свет малой родины» (2008), «Слово о полку Белозерском» (2008), «Дом Спаса. Вологодские каменные Кижи»(2008), «Вологда и вологжане» (2010).

Вадим Дементьев - лауреат Всесоюзных премий и Всероссийского конкурса «Малая Родина» (2005), Большой литературной премии России. В 2009 г. Вадим Дементьев награжден медалью «Патриот России».

И в дни своего нынешнего юбилея писатель-патриот продолжает призывать земляков чтить память героев. Недавно в связи с появлением в Вологде памятника царю Иоанну IV Грозному Вадим Дементьев обратился к вологжанам с предложением увековечить память об отважных белозёрах - героях Куликовской битвы и Бородина.

Современникам - от потомка воина- белозёрца

Белозерский - это великий полк, один из трех первых на Руси, прославленный на Куликовом поле, на Бородинском поле, в боях с немцами под Москвой. Названный по имени города у Белого озера, где он поначалу и формировался. Он достоин, как никто другой, памятника в областном центре.

Древнейшая история этой войсковой единицы начинается с 862 года, когда один из варягов, Синеус, со своей дружиной «сел», согласно летописи, на Белоозеро. Дружина Синеуса, состоявшая из балтийских славян и местных ратников, представляла собой первое войсковое соединение, которое можно назвать Белозерским городовым полком (обращаем внимание - из балтийских славян и местных ратников).

Из домонгольской истории известны также следующие исторические факты. В 1096 году белозерцы вместе с суздальцами и ростовцами участвовали в битве с войсками князя Олега Гориславича под Муромом. В тот же год белозерцы сражались в битве при Колокше.

В 1146 году Юрий Долгорукий послал на помощь князю Святославу «тысячу бронник белозерских» под командованием сына Ивана.

В 1169 году произошла битва двух белозерских дружин (полков) с новгородской дружиной князя Данислава Лозутича.

Так выглядела форма нижних чинов Белозерского 13-го пехотного полка

В 1174 году Андрей Боголюбский командовал войском, состоящим из владимирцев, белозерцев, переяславцев, муромцев, новгородцев и рязанцев.

В 1183 году великий князь Всеволод Большое Гнездо с союзными князьями организовал поход русских войск на волжских булгар. В числе собранной рати, согласно Лаврентьевской и Ипатьевской ле-

• ДЕМЕНТЬЕВСКИЕ ЮБИЛЕИ

тописям, выделялся Белозерский полк во главе с воеводами Фомой Лясковичем, Дорожаем и другими. Он был оставлен сторожить суда русского флота в устье реки Цевцы. Когда князь Всеволод шел приступом к столице булгар, те напали на сторожевой Белозерский полк. Белозерцы не отступили, разбили булгар, более тысячи воинов противника утонули в Волге (видимо, булгары, а шло их к ладьям около пяти тысяч, не ожидали встретить столь мощный заслон - наше прим.).

4 марта 1238 года на реке Сить, притоке Мологи, состоялась битва русского войска с отрядами Батые. Князь Василько Ростовский командовал белозерским и ростовским полками. В неравном сражении белозерцы сложили свои головы, но не отступили. Князь Василько, тяжело раненный, попал в плен и был замучен татарами в Шеренском лесу за отказ изменить своей родине. Он стал национальным героем и был прославляем в годы Великой Отечественной войны.

Первый удельный белозерский князь Глеб Василькович, сын героя Ситской битвы, будучи активным строителем своего княжества и хитрым политиком, воевал в XIII веке на Северном Кавказе и в камской Булгарии.

Подвиг белозерских полков на Куликовом поле в битве с Мамаем в 1380 году отмечают все отечественные летописцы и историки. Полки «чести себе добыли и славного имени», как с гордостью пишет один из летописцев. В «Задонщине» они названы «отважными», в Никоновской летописи белозерцы «мужественные и крепкие зело, славные удалцы», а в «Сказании о Мамаевом побоище» говорится «о прекрасно снаряженном войске их»...

И после Куликовской битвы белозерские ратники активно участвовали в боевых действиях Московского государства, проявляя традиционные для них качества патриотизма, воинской доблести и героизма. К примеру, Белозерский полк участвовал в 1489 году в составе московского

В январе 2010 года делегация Вологодского землячества в Москве вручила реплику исторического знамени возрожденного Белозерского полка 7-му гвардейскому Барановичскому Краснознаменному ордена Красной Звезды инженерно-саперному полку, расквартированному в городе Белеве Тульской области

войска Ивана III в покорении Вятки. Немало белозерцев сражалось в первом и втором земском ополчении в период «смуты». Именно они позднее бились с отрядами поляков и казаков в самом Белозерском уезде, превратили Кирилло-Белозерский монастырь в неприступную крепость, которую поляки так и не смогли взять штурмом. Белозерцы участвовали в 1687 - 1689 годах в Крымских походах и в 1695 и 1696 годах - в Азовских походах против турок.

Новый этап в истории Белозерского полка наступил в годы правления Петра Великого, когда царь-реформатор приступил к созданию регулярной русской армии. Историк Белозерского полка капитан Э. М. Мержейовский, служивший в этом соединении, писал в 1894 году: «Сформированный в одну из тяжелых минут, переживаемых государством, 13-й пехотный Белозерский полк принадлежит к числу старейших полков русской армии. Спустя три месяца после формирования полк этот начал уже проливать кровь для защиты Отечества, и победные клики его не умолкали более 150 лет. В жизни полка не было ни одного темного пятна, которое могло бы омрачить членов нынешней Белозерской семьи. Если в течение своего 200-летнего существования полк и потерпел несколько неудач на поле брани, то лишь потому, что и для героев есть невозможное. Огромные потери Белозерского полка в этих случаях свидетельствуют нам о его мужестве и храбрости»...

По воле Петра Первого продолжилась история белозерских дружин, и с 10 марта 1708 года началось их новое служение Отечеству. Свой полковой праздник - 6 декабря - белозерцы отмечали более 200 лет. Белозерский полк до 1918 года ни разу не был расформирован, считался одним из старейших петровских пехотных полков... Название пехотного полка носило не только память о героических белозерских дружинах с Куликова поля, но и имело

определенный территориальный смысл. «В 1711 году, - пишет историк русской армии А. А. Керсновский, - полки были расписаны по губерниям и содержались за счет этих губерний. Каждый полк имел свой определенный круг комплектования - провинцию, давшую полку своё имя. В Псковском полку служили псковичи, в Бутырском - солдатские дети Бутырской слободы (ныне известный московский район), в Ингерманландском - жители северных новгородских пятин.

Северяне в русской армии считались лучшими солдатами. В истории известны (кроме Белозерского) Вологодский, Архангелогородский, Каргопольский, Вятский, Олонецкий, Пермский, Устюжский полки. По подсчетам историков, войсковые соединения из северян составляли в 1708 году почти пятую часть пехотных и четвертую часть кавалерийских полков в армии России...

Белозерский полк участвовал в Северной войне 1700 - 1721 годов, бился в Полтавском сражении 1709 года и первым вступил в Ригу. Нужно отметить, что после Петра Первого на сохранение территориальной системы не было обращено надлежащего внимания, полки непрерывно меняли свои квартиры и округа комплектования, переходя из одного конца России в другой.

Белозерским полком в разное время командовали великие русские полководцы Миних, Волконский, Суворов, Багратион, Ермолов. Последний назвал в своих записках Белозерский полк «отличным».

Белозерский полк всегда был в числе элитных в русской армии. Впечатляет перечень боевых действий прославленного в сражениях полка за двести лет. Северная война (1700 - 1721 гг.). Прутский поход (1711 г.). Продолжение Северной войны (с 1712 г.). Военный поход в Польшу и Австрию. Война за польское наследство (1733 - 1735 гг.). Первая турецкая

• ДЕМЕНТЬЕВСКИЕ ЮБИЛЕИ

война (1736 - 1739 гг.). Семилетняя война (1756 - 1763 гг.). Военный поход в Польшу и вторая турецкая война (1763 - 1774 гг.). Шведская война (1788 - 1790 гг.). Англо-русская война. Экспедиция в Голландию (1799 г.). Первая и вторая война с Наполеоном (1805 - 1807 гг.). Финляндская война (1808 - 1809 гг.). Отечественная война (1812 г.). Война за независимость Германии (1813 - 1815 гг.). Турецкая война (1828 - 1829 гг.). Польская война (1831 г.). Венгерская война (1849 г.). Восточная война (1854 - 1855 гг.). Польское восстание (1863 - 1864 гг.)...

С такой же отвагой белозерцы сражались и на фронтах Первой мировой войны. Нетрудно подсчитать, что за 200-летнюю историю Белозерский полк провел в боевых сражениях почти 65 лет, то есть воевал год из трех.

Об истории полка может рассказать и военная символика. Известен знак 13-го пехотного Белозерского полка, утвержденного 3 апреля 1908 года в память 200-летнего юбилея полка (6 декабря 1908 г.). Знак представляет собой золотой Очаковский крест с надписью на трех концах: «Полтава, Бородино, Севастополь». На нижнем конце юбилейные даты: «1708 - 1908». В центре - герб Белозерского полка: в голубом озере две стерляди, над ними белый месяц с золотым крестом.

Многие ли из нынешних белозерских школьников знают, что современный герб Белозерского муниципального района, ставший постоянным атрибутом знамени Белозерского полка, гордо развевался на всех крупнейших реках Европы - Висле, Сене, Рейне, Дунае?.. Ни одно соединение, даже легендарной Советской Армии, не может похвалиться такой великой боевой историей. Полк за оборону Севастополя в годы Крымской войны, где он проявил героизм и отвагу на знаменитом Малаховом кургане, награжден почетнейшим в русской армии Георгиевским знаменем

с надписью «За Севастополь в 1854 и 1855 годах». Каждый из двух батальонов белозерцев получил по этому высшему знаку воинского отличия.

21 декабря 2006 года в Севастополе на улице Белозерской, названной в честь знаменитого полка, вологодская делегация во главе с помощником Губернатора Вологодской области В. М. Бабкиным открыла памятную доску «Героическим защитникам Севастополя - солдатам Белозерского полка от земляков».

Белозерскому полку и на Бородинском поле поставлен памятник. На Утицком кургане возвышается каменная колонна с православным крестом на вершине. Надпись на памятнике: «Славным подвигам 17-й дивизии 26 августа 1812 года. Благодарные потомки». И ниже: «13 пехотный Белозерский генерал-фельдмаршала Ласси полк». 17-я пехотная дивизия, в составе которой воевал Белозерский полк, вошла во 2-й пехотный корпус, находившийся в начале Бородинского сражения на правом фланге. По приказанию М. И. Кутузова к девяти часам утра дивизия была переброшена к Утицкому кургану, где к этому времени сложилась тяжелая обстановка. Превосходящие силы французов теснили дивизию Строганова. Получив подкрепление, отряд Тучкова перешел в наступление. Дивизия нанесла мощный удар по левому флангу неприятеля, что способствовало общему успеху. К вечеру 17-я дивизия повела наступательные бои, в ходе которых неприятель был отброшен к деревне Утица и далее...

После событий 1917 года и молодая Красная Армия не отказалась от наименования древнейшего и славного Белозерского полка, также сохраняя лучшие традиции русского воинства. Полк был воссоздан в 20-е годы под именем 26-го Белозерского кавалерийского полка Северо-Кавказского военного округа с местом расквартирования в Пятигор-

ске Терской губернии. Позднее он получил номер 96.

В годы Великой Отечественной войны белозерцы участвовали в Московской битве на самых ее ответственных участках, где проявили геройские боевые качества. Сначала в составе 2-го кавалерийского корпуса генерала П. А. Белова Белозерский полк не дал возможности 2-й немецкой танковой армии, которой командовал любимец Гитлера Гудериан, охватить столицу в клещи, за что был отмечен гвардейским именем. Белозерцы вместе с другими частями разгромили хваленую танковую армию, до этого оставившую следы своих траков на дорогах пяти стран Европы. Белозерцы и здесь внесли решающий вклад в победу, не позволили сдать Москву, затем гнали немцев от советской столицы, освобождая от оккупантов в составе легендарного 1-го гвардейского кавалерийского корпуса калужскую землю. В январе 1942 года советское командование отдало приказ гвардейцам-кавалеристам выйти к Варшавскому шоссе, а конникам П. А. Белова - совершить рейд по тылам врага с целью соединения с войсками Калининского фронта.

Таким образом, боевой путь Белозерского полка прослеживается с IX века, с прихода на Белоозеро дружины князя Синеуса, брата Рюрика, до сражений Великой Отечественной войны в веке XX. Мы не найдем другого подобного по старшинству воинского соединения, как Белозерский полк, которое было бы известно сегодня и в иностранных армиях.

«Ни разу белозерцы, - пишет историк полка, - не согрешили против воинской че-

сти и святой присяги. Они, крепкие данной клятвой, терпеливо переносили лишения и невзгоды, сражались храбро, как львы, и умирали, но ни один противник не коснулся дерзкой рукой их святыни - знамен. Наоборот, в церквах обеих столиц наших, в арсеналах и в Московском Кремле собрана масса знамен и других видимых знаков побед над врагами, из числа которых немалое количество добыто кровью белозерцев, взято их мощными руками».

В вологодском храме святого благоверного князя Александра Невского есть уголок воинской славы. Здесь установлена памятная доска с именами военных и служащих органов внутренних дел, павших в боях за Родину, в также благоговейно хранятся знамена и штандарты вологодских воинских формирований. Флага Белозерского полка в экспозиции пока нет - а ведь этот прославленный в боях полк, несомненно, заслуживает благодарной памяти потомков. Надеюсь, найдутся люди, которые помогут заказать флаг славного воинского формирования, чтобы установить его в храме в память о героях прежних лет.

Вадим ДЕМЕНТЬЕВ,
*чей прадед Александр Александрович,
рядовой Белозерского пехотного полка,
воевал с турками под Плевной и был там
ранен, дед Василий Александрович воевал
с немцами и погиб в 1943 году
на Карельском фронте,
отец Валерий Васильевич командовал
эскадрой инженерно-саперной разведки,
освобождал от немцев Польшу
и Чехословакию*

Слово о Павле Беляеве

В июне нынешнего года исполнилось сто лет со дня рождения космонавта Павла Беляева. Издательство «Вологодские древности» выпустило к вековому юбилею нашего знаменитого земляка книгу Ирины Суворовской «Путь к звёздам. Рассказы о космонавте Павле Беляеве».

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Шестьдесят лет назад над миром прозвучало: «Человек вышел в космическое пространство! Человек вышел в космическое пространство! Находится в свободном плавании!» Голос, произносивший эти слова с еле заметным, но всё-таки узнаваемым вологодским акцентом, принадлежал командиру корабля «Восход-2» Павлу Ивановичу Беляеву. В открытом космосе находился второй пилот - Алексей Леонов.

Тот полёт, несомненно, был героическим - от начала и до конца. Но время имеет очень неприятное свойство - терять смыслы. Сегодняшний школьник (да и не только школьник) вряд ли ответит на вопрос: почему же была так важна космическая экспедиция «Восхода-2»? А ответ на него очень прост, хоть и звучит отчасти высокопарно. Без того полёта наш современный мир был бы иным, ведь им давно правят технологические прорывы.

И потому, когда в издательстве «Древности Севера» началась подготовка к изданию новой детской серии книг о выдающихся людях, чьи судьбы связаны с вологодской землёй, имя Павла Беляева было названо одним из первых.

Детские книги лишь кажутся простыми. На деле перед авторами серии «Вологжане - верные сыны Отечества» ставилась не такая уж и лёгкая задача: рассказать младшим школьникам истории героев так, чтобы было интересно, но в то же время правдиво.

Уроженец Вологодчины космонавт Павел Иванович Беляев

Как автор двух книг буду говорить за себя: несмотря на обилие публикаций разных лет, биографии моих героев - лётчика Евгения Преображенского и космонавта Павла Беляева - пришлось выверять заново. Причин тому было несколько: какие-то сведения раньше были недоступны, какие-то уже устарели. Местами факты просто не сходились между собой, требовалось уточнять их с опорой на документы.

В создании обеих книг самое активное участие приняли земляки героев - жители Кирилловского и Бабушкинского округов. Они же стали первыми читателями. И, надо сказать, Павлу Беляеву повезло чу-

точку больше: о его вологодском детстве было кому рассказать.

Павел Иванович родился в деревне Челищеве, а позже переехал в село Миньково (ныне - Бабушкинский округ), где и пошёл в школу. Будучи шустрым мальчиком, он быстро обзавёлся друзьями на новом месте. Воспоминания одного из них - Николая Дмитриевича Анфалова - легли в основу книжки (конечно же, в той части, где речь шла о детских годах). Николай Дмитриевич родился в селе Миньково в 1925 году, как и Павел Иванович. Они жили недалеко друг от друга, ходили в один класс и сидели за одной партой. Судьба разлучила их примерно в шестом классе, когда семья Беляевых переехала на Урал.

Так почему воспоминания Николая Анфалова, ставшего впоследствии учителем в родной Миньковской школе, оказались так важны для книги? Мало ли кто с кем дружил и что вспоминал... Но всё дело в том, что дружбу с ним подтвердил лично Павел Иванович. Уже после полёта в космос он написал письмо своей учительнице Антонине Евгеньевне Токуевой, в котором, в числе прочего, были такие строки: «Передайте привет Николаю Дмитриевичу. Мы были хорошими друзьями. Помню, как ходили на лыжах, вместе спали на сеновале. Даже помню, как в селе от грозы сгорел дом у Николая. Помню всё детство».

Получалось, что Павел Беляев не просто говорил о дружбе с Николаем Анфаловым. Несколькими короткими предложениями он описал своё вологодское детство и, сам того не зная, подтвердил воспоминания друга.

Николай Дмитриевич в своих записях рассказывал, автору же требовалось показывать, причём обоим мальчишек. Книга, при всей своей энциклопедичности, всё-таки должна была быть художественной, а значит, иметь

какой-никакой сюжет. Что примечательно, он нашёлся. Если хорошенько взглядеться, то детские и взрослые годы жизни Павла Беляева имеют немало переплетений и сходств. Каких? А вот об этом юный читатель как раз и должен узнать из книги.

В заключение добавлю, что одна из дочерей Николая Дмитриевича - Татьяна Николаевна Анфалова - проживает в Вологде, и воспоминания отца были взяты с её разрешения, за что ей огромное спасибо. Я также благодарю Ирину Сорокину, Елену Сысоеву, Елену Данилову, без которых книга о Павле Беляеве, конечно, получилась бы совершенно иной.

Предлагаем читателям отрывок из книги о вологодском космонавте.

В ЗИМНЕМ ЛЕСУ

В один из дней зимних каникул Павлик тепло оделся, достал лыжи, которые отец прикупил ему у одного старичка, и вышел на улицу. Мороз сразу начал легонько пощипывать щёки, но мальчик не обратил на это никакого внимания. Надев лыжи на валенки, он спрятал руки в тёплые варежки, которые связала ему мама, и быстро покатился по деревенской улице.

Ещё в школе они с Колей договорились поехать сегодня в лес, где бывали уже много-много раз. Подъехав к Колиному дому, Павлик увидел, что друг тоже вышел на улицу.

- Готов? - весело спросил его Павлик.

- Готов! - бодро ответил Коля.

Их сборы не остались незамеченными. По дороге к Коле и Павлику присоединились их друзья - Вася и Славик.

Наконец ребята выехали за околицу. Плохо накатанная после снегопада дорога повела их через поле напрямик в лес. По освещённому зимним солнцем полю словно кто-то разбросал серебряные монеты и драгоценные камни: всё сияло, искрилось и слепило юным лыжникам глаза. Мальчики ехали тихо, любуясь этой красотой.

Подъезжая к лесной опушке, Вася радостно воскликнул:

- Гляньте-ка, заячьи следы!

- А ведь недавно проскакал! - отозвался Павлик, внимательно разглядывая след: впереди две большие ямки, а зади две маленькие - одна за другой.

- Поехали по следу! - предложил Коля.

В лесу стояла такая звенящая тишина, какую можно услышать только зимой. Огромные ели-великаны обступили маленьких гостей. Их большие пушистые лапы были укрыты снегом, будто покрывалом.

Когда ребята подъехали к знакомой полянке, они услышали, как захлопали чьи-то крылья. С ветвей посыпался снег. Это, испугавшись юных лыжников, вспорхнули две куропатки.

- Эй, ребята, смотрите! Заяц, заяц! - вдруг крикнул Коля, показывая рукой куда-то вперёд. Мальчишки поехали в ту сторону, но зайка, ловко петляя по снегу, скрылся в зимнем тереме-лесу.

- Ловко удрал! - сказал Павлик. Его правая варежка слетела прямо в сугроб. Мальчик поднял её и отряхнул от налипше-

го снега. Теперь Павлик дул себе на руку, стараясь согреть дыханием замерзшие пальцы.

- Как морозит сегодня, а?! - поёжился Славик.

- Надо бы к дому поворачивать, - сказал Вася, глядя на небо. Оно было по-прежнему голубым, но краски понемногу начали сгущаться. Короток зимний день!

- Прокатимся ещё немного! Мороза, что ли, испугались? - засмеялся Павлик.

- Если далёко уедем, домой не поспеем до темноты.

- Так ведь мы ж не челюскинцы на льдине! Дом-то вон он, рядом. Добежим быстро! - и Павлик махнул в сторону Минькова.

Ребята поехали дальше. По дороге они увлечённо разговаривали обо всём на свете, но особенно много и охотно говорили о челюскинцах. История людей, отправившихся в арктическую экспедицию на корабле «Челюскин» и попавших в беду, облетела всю страну. Когда корабль был раздавлен льдами и затонул, участники экспедиции больше двух месяцев жили на льдине. На помощь им пришли отважные лётчики, которые смогли на самолётах спасти людей из ледяного плена. И, конечно, каждый мальчишка хоть раз представлял себя летящим в самолёте над бескрайними льдами туда, где его очень ждали...

- Буду учиться на лётчика! - твёрдо говорил Павлик всякий раз, когда речь заходила о спасении челюскинцев.

Домой ребята вернулись уже в сумерках. Переодевшись и развесив сырую от снега одежду, Павлик поужинал и забрался на горячую печь. С собой он прихватил собой книгу и полностью погрузился в книжный мир.

Любовь к книгам ему и его друзьям ещё в начальных классах привила учительница Мария Александровна. Она часто читала детям вслух интересные рассказы. Чем старше становился Павлик,

тем больше он увлекался чтением. Поначалу брал книги в школьной библиотеке, потом - в сельской.

От волшебных сказок он постепенно перешёл к приключенческим историям. Сначала читал о выдуманных книжных героях вроде Тома Сойера. Затем его полностью захватили книги о настоящих героях Гражданской войны, о первых лётчиках и полярных экспедициях. В 1930-х годах в нашей стране развивалась авиация, велось исследование Арктики, и об этом много писали.

И СНОВА В ПУТЬ

Однажды в соседнюю деревню Елифаново приехал в отпуск лётчик. По вечерам он часто приходил в Миньково на гулянье. Старшие объясняли, что он был авиамехаником, но мальчишки всё равно считали его самым настоящим лётчиком и расспрашивали о самолётах. Павлик, всё больше мечтавший о небе, беседовал с ним чаще других.

Для исполнения заветной мечты нужно было хорошо учиться. Павел это отлично понимал. Его папа учился, даже став взрослым! Когда-то он тоже был босоногим мальчишкой, бегал по широким полям и лесным тропинкам, рос и креп. А потом случилась беда - началась Первая мировая война, и девятнадцатилетний Иван Беляев ушёл на фронт. На войне он стал санитаром и с тех пор начал осваивать медицинское дело.

В те дни, когда Павлик в Минькове беззаботно играл в прятки, его папа был в далёком городе Архангельске. Он сдавал экзамены в медицинском училище. Вернувшись домой, Иван Парменович вместе с дипломом об окончании училища и гостинцами для детей привёз волнительную весть.

- Собирайтесь, скоро снова уезжаем, - сообщил он семье.

И Павлику сделалось очень-очень грустно! В этот раз уезжать предстояло далеко, совсем далеко - на Урал. В школе висела карта Советского Союза, и мальчик знал, что от Минькова до тех мест расстояние гораздо больше, чем пятьдесят километров.

На другое утро Павлик проснулся раньше всех. Пробравшись потихоньку в сени, он взял удочку, банку для червей, старый чайник с помятым боком и вышел из дома.

На этот раз он не стал, как обычно, заходить за Колей, а отправился в путь один. Дорога до Микешонковой мельницы, где находился большой омут, была неблизкой, но хорошо знакомой. Чаще всего ребята именно там вместе удили рыбу. Ранним утром они бежали босиком по сырой от росы траве, оставив позади Миньково и соседнюю деревню Грозино. По дороге Павлик и Коля искали червей, а для поимки крупной рыбы ещё накануне днём ловили бабочек, стрекоз и оводов.

Добежав до омута, Павлик остановился и перевёл дух. Затем он ловко забрался на крышу старой мельницы, насадил большого червя на крючок и закинул удочку. Один он просидел недолго. Совсем скоро послышались мальчишеские голоса. Это были Коля и его сосед Толя. Увидев друзей, Павел не смог сдержаться и торжествующе указал рукой на свой чайник. Из него торчал хвост большого хариуса.

- Ух ты, ничего себе! - воскликнул Толя, разглядывая рыбу.

- Как ты хоть удержал-то его! - восхитился Коля.

Павлик лишь пожал плечами.

- Забирайтесь скорее, - поторопил он друзей.

Через минуту на крыше мельницы, наблюдая за поплавами, сидели трое ребят. Павлик так и не решился поделиться с друзьями новостью. Увидятся ли они когда-нибудь после его отъезда?

Ирина СУВОРОВСКАЯ

Награды вологжанам

Подведены итоги XX открытого конкурса «Просвещение через книгу»

Издательского совета Русской Православной Церкви. Дипломом III степени в номинации «Лучшая книга для детей и юношества» отмечена серия «Вологжане - верные сыны Отечества», которую выпускает вологодское издательство «Древности Севера».

Это книги для детей младшего школьного возраста, написанные и иллюстрированные вологжанами, рассказывающими детям на доступном им языке о судьбах и свершениях известных вологжан от Средневековья до наших дней. Вот эти книги: Наталья Мелёхина, «Жизнь и подвиг Александра Панкратова», «Константин Батюшков: поэт и воин»; Ирина Суворовская, «Наши самолёты над Берлином. Рассказы о лётчике Евгении Преображенском»; «Путь к звёздам. Рассказы о космонавте Павле Беляеве»; Елена Аникина, «Путь в небо. Рассказы об изобретателе Александре Можайском»; Татьяна Ермакова, «Дорогой верности. Рассказы о поэте Сергее Орлове», «От земли до

неба. Рассказы об авиаконструкторе Сергее Ильюшине».

Детских книг не существует без художников. Иллюстраторы в данном случае - соавторы прозаиков. Вот наши соавторы: Дарья Ятвицкая, Надежда Леонтьева, Наталья Ромодина, Владимир Абросимов и Владимир Лупандин. Серия «Вологжане - верные сыны Отечества» выходит при поддержке Президентского фонда культурных инициатив. Инициатором, редактором и руководителем проекта является Марина Викторовна Васильева, директор «Древностей Севера».

К слову, награждены в этом же конкурсе - «Просвещение через книгу» - ещё два издания «Древностей Севера». Диплома высшей, I степени в номинации «Лучшее справочное и краеведческое издание» удостоена книга «Церковно-исторический атлас Вологодской митрополии. Череповецкая епархия». Руководитель проекта - протоиерей Алексей Сорокин. Дипломом III степени в номинации «Лучшая историческая книга» отмечена книга Марины Сергеевны Черкасовой «Троице-Сергиев монастырь XV - XVIII вв.».

Серия в этом году была также отмечена дипломом «За вклад в популяризацию истории родного края» в рамках XI Межрегионального фестиваля национальной книги «Читающий мир».

По итогам конкурса «Вологодская книга года - 2024» в номинации «Лучшее издание для детей и юношества» награды получили Т. А. Ермакова за издание «Дорогой верности: рассказы о Сергее Орлове» (победитель) и И. А. Суворовская за издание «Наши самолёты над Берлином: рассказы о летчике Евгении Преображенском» (лауреат).

Книга Татьяны Ермаковой «Дорогой верности. Рассказы о поэте Сергее Орлове» вошла в длинный список премии имени Корнея Чуковского, учрежденной правительством Москвы.

В ноябре 2025 года серия «Вологжане - верные сыны Отечества» стала дипломантом ежегодного всероссийского конкурса «Лучшие издания по истории России» в номинации «Детская литература».

Когда готовился к печати номер журнал, который вы держите в руках, в самом разгаре производственного и творческого процесса находились также восьмая, девятая и десятая, заключительная, книги серии. Это рассказы про соловецкого юнгу Николая Астахова (автор - Наталья Мелёхина, художник - Владимир Абросимов), белозерских князей (автор - Татьяна Ермакова, художник - Владимир Лупандин) и про Героя России, участника СВО Владимира Зозулина (автор - Елена Скупинова, художник - Дарья Ятвицкая). В отборе сюжетов и героев для произведений есть своя логика: создатели идут от древности, от князей Белозерских, принимавших участие в Куликовской битве, до Константи-

на Батюшкова, участника трёх Наполеоновских войн, от него к фронтовикам Великой Отечественной и завершают серию биографией героя СВО, показывая преемственность поколений воинов-вологжан.

Детская литература нашего региона не будет прежней после этого проекта, потому что, когда он завершится, опыт, накопленный коллективом писателей, художников и издателей, останется и, я уверена, будет применён ещё не раз и в личном творчестве, и в других коллективных проектах для детей.

Хочется отметить, что большинство авторов отмеченных книг сотрудничают с «Вологодским ЛАДОМ».

Наталья МЕЛЁХИНА

• «НОВЫЕ ДЕРЕВЕНЩИКИ»

Раздел «Новые деревенщики» впервые появился в предыдущем номере нашего журнала.

Мы открыли его статьей известной русской писательницы, живущей в Вологде, - Натальи Мелёхиной. Наталья Михайловна рассуждала о нынешнем состоянии «новой деревенской прозы». Андрей Рудалёв, продолжая разговор об этом явлении современной русской прозы, размышляет о том, какие он видит задачи и перспективы у авторов этого направления русской прозы.

*Андрей
Рудалёв*

Андрей Геннадьевич Рудалёв - литературный критик, публицист. Родился в городе Северодвинске Архангельской области 10 июня 1975 года. Окончил филологический факультет Поморского государственного университета (Архангельск). Лауреат литературной премии «Эврика!» (2006 год) и Всероссийской литературной премии «Чистая книга» им. Ф. А. Абрамова (2020 год) в номинации «Литературная критика». С 2011 года член Союза писателей России. Живет в Архангельске.

Деревенская проза времен нового русского эпоса

Новая деревенская проза должна быть, в первую очередь, новой.

Но, конечно же, и не подвешенной в безвоздушном пространстве, оторванной от традиции. Только традиции живой, развивающейся, а не подобия фольклорной деревни или пыльного чулана в паутине.

Такая литература должна быть не калькой, не письменами по трафаретам и из-

вестным шаблонам, не раскраской в стиле той или иной народной росписи.

Ей следует наполниться деятельной энергией, действовать на разрыв стереотипов. Удивлять. Иначе и быть не может. Слишком много, как любят говорить чиновники, новых вызовов.

Как-то беседовал в Архангельске с одним отличным российским писателем. Тот

сказал, что не любит деревенскую прозу. Собственно, и понятно отчего. Стереотипный образ: тоска зеленая, кондовый тяжелый язык и стиль, через который приходится пробираться с ощущением, что будто в старом сундуке в пыльном тряпье покопался, при этом имитируя охи-ахи о былом, безвозвратно ушедшем. Этаким предсказуемый ритуал, который уже мало кого цепляет и вдохновляет.

Но ушло ли всё, не оставив и следа, или стало другим, особенно когда разговор идет о культурной преемственности, когда Отечество воспринимается через призму единой цивилизационной общности? На лицах внуков и правнуков с годами проступают черты их предков. Постепенно происходит узнавание через себя и их, через отражения в зеркале. Веками с лучинами не просидишь. Консервативное всегда дополняется революционным, преобразованием. Это и составляет жизнь.

Мы как раз про жизнь, а не про ту самую фольклорную деревню, не про мир теней и фантомных воспоминаний. Говорим о непреходящей человеческой породе и ее поколенческом рукопожатии.

Помните героя рассказа Василия Шукшина «Как мужик переплывал через реку волка, козу и капусту» Лобастого, на которого засмотрелся автор-рассказчик?

«Лобастый долго, терпеливо, осторожно мнет в толстых пальцах каменную «памирину», смотрит на нее... И я вдруг ужасаюсь его нечеловеческому терпению, выносливости. И понимаю, что это не им одним нажито, такими были его отец, дед... Это - вековое». Вот и сейчас следует проследить это вековое отражение в человеческой породе, всё это нажитое веками, в том числе через нечеловеческое терпение, труд, выносливость. Что особенно наглядно проявляется во время СВО.

Нужно говорить об остроактуальном, о главных проблемах современности - развернувшегося нового отечественного эпо-

са. И в этом плане деревенская проза вполне может быть в авангарде большого разговора, ухватить и зафиксировать эпическое, а не представлять собой что-то нишевое, ориентированное на локальную аудиторию.

Конечно, в первую очередь следует понять, что такое деревня сейчас и какие проблемы с ней связаны.

Уже давно понятно, что локализация на малом населенном пункте - деревне - довольно условна. Это замыкание следует преодолеть.

Понятно, что условная деревня сейчас вовсе не та, что была в 70-80-е годы XX века. Произошла серьезная деформация, порой естественная, порой трагическая. Но в ней необходимо увидеть определенную логику, провиденциальность и историческую связанность. Поэтому и проза должна осмыслить феномен современной деревни, человека в ней, потому что, так или иначе, но это корневое. Здесь и шифры генетического года отечественной цивилизации, и вопрос его жизненного пространства, которое в последнее время неуклонно сужалось, а человеческие ресурсы засасывали мегаполисы.

Еще со времени распада СССР было очевидно, что «деревня» сейчас - это и поселки, и малые города. Это свертывающееся жизненное пространство, объявленное бесперспективным. Это борьба деструктивных сил распада с сущностной отечественной географией. Чем не тот же самый сюжет распутинского «Прощания с Матерой», только территории поглощают не воды, а пустота и безнадега?..

Именно поэтому важно преодолеть стереотипную оптику, ведь в современной литературе деревня - зачастую территория отверженности, место хтони, нечто маргинализированное, заброшенное и присутствующее на обочине жизни. Но это совершенно не так, это взгляд поверхностный и свидетельствующий о том, что

литература в последнее время крайне отдалилась от того же простого человека, не старается его понять, а только лишь оперирует штампами.

Региональные городки и сейчас если не вымирающие, то с убывающим человеческим потенциалом. Но при этом они являются «пылесосами» для близлежащих районов. Дают хоть какие-то перспективы, связанные со здравоохранением, образованием, работой. И опять это столкновение психологий: городской и деревенской, процесс адаптации людей. Одно время, например, фиксировался всплеск тяжких преступлений, связанных именно с процессом этой адаптации.

Вопросы демографии - главная беда современной России. Всё больше раздается голосов, что корень проблемы заключается, в том числе, в концентрации людей в крупных городах, в агломерациях. Что именно разворот к малым населенным пунктам, к развитию территорий, к земле и может стать одним из толчков для демографического прорыва. Но для этого необходимо корректировать существующую идеологию в стране со ставкой на прагматику и быструю выгоду-результат. По сути, это равносильно той самой остановке проекта разворота северных рек, что в свое время было сделано во многом благодаря голосам писателей-деревенщиков. Сейчас вновь необходимы эти голоса, чтобы вернуть жизненные цивилизационные потоки в традиционное русло. Преодолеть засушливые времена гиперпрагматики и наживы с превалирующим восприятием пространств и территорий как неперспективных.

Култ агломераций, который до последнего времени превалировал в стране, - проявление ведущейся битвы с отечественной географией, пространством, воспринимаемым в качестве обузы. Из этой битвы, развернувшейся в постсовет-

ской реальности, и проистекают истоки демографической засухи.

Безусловно, новая деревенская проза не может и не имеет права обойти стороной тему СВО. Уж слишком эпохальные события развернулись, которые затрагивают всю отечественную цивилизацию. Как они резонируют в пространстве огромной России, в том числе вековым отражением (здесь возникает большая система рифм). Как воспринимаются, как интерпретируются и как влияют на жизнь людей. Сюжетов огромное количество, и все они перекликаются с глубинным историческим массивом.

Отсюда и выход на шивание времен и собирание истории, в том числе истории общности народов, преодоление цивилизационных расколов. В этом состоит огромная задача деревенской прозы.

Так, достаточно активно раскручивается и стимулируется в литературе так называемая колониальная линия с расчесыванием национальных травм, реальных и мнимых. Этакое идеологическое оружие по устройению внутренних разломов с образом России - «тюрьмы народов». Эта альтернативная история постепенно возводится в разряд данности. Необходимо же рассказать о настоящей реальности, а не выморочной. Об уникальном отечественном феномене - симфонии собирания истории общности, культурном синтезе, открытости. Многонациональной. Сейчас это невероятно важное дело и является пространством для работы новой деревенской прозы.

Через этот разговор намечается выход на такие константные цивилизационные понятия, как род, семья, дом. Вера и Отчизна. Какие изменения они претерпевают. Сформулировать ответы на вопрос: что такое традиция? Это не нечто пыльное и паутинное, не закостенелое.

Большой разговор, который может развернуть новая деревенская проза, ста-

нет и попыткой обозначения подходов к формулированию идеологии, о необходимости которой у нас давно и страстно говорят. А идеология - не что иное как целеполагание, образ будущего, воля и мотивация.

Новая деревенская проза должна держать руку на пульсе современности, при этом находясь в большом цивилизационном контексте. Видеть систему рифм и отражений, чувствовать логику и волю исторического процесса.

Такая проза должна отличаться и стилевой многоголосицей. Преодолевать непроходимый сугроб вязкого и тяжкого стиля, подойти к способности сочетания медитативного, глубокого, всепроникающего, ясного и энергетически заряженного. Хлесткого, деятельного и мобилизующе-

го. Где будет чувствоваться волевой призыв: время, вперед! Где время - это вовсе не точка «здесь и сейчас», а вся слитность и нераздельность времен отечественной цивилизации.

И, конечно же, важно, что такая проза должна научиться удивлять и через удивление вести к сопричастности к чуду, к погружению в реальный историко-культурный, цивилизационный контекст. К новому откровению о России после десятилетий постсоветских блужданий.

Необходимо раздвинуть рамки. Деревня вовсе не для деревни, ее голос крайне важен в хоре современности. Если хотите, то ее необходимо навязать обществу, как и разговор о ней, потому как она вовсе не периферийный феномен, а фундаментальный, цивилизационный.

ИЗДАНО В ВОЛОГДЕ •

О самом главном

Сборник Нины Павловны Гавриковой «Драгоценные крошечки» в нынешнем году вышел уже вторым изданием - впервые он был выпущен издательством «Союз писателей» в 2024 году и быстро разошелся. Книга участвовала во множестве литературных конкурсов, получила золотой диплом международного конкурса «Золотой Витязь».

Знаменательно, что дополнительный тираж вышел в день памяти и скорби, 22 июня: Нина Павловна собрала истории, рассказанные вологжанами об их жизни, в том числе - и о времени великой войны. Читатели найдут в книге материалы о ветеранах Великой Отечественной войны и о тружениках тыла, о том тяжелейшем времени, о голоде и холоде, о

любви и верности... Земляки говорили о простых ситуациях, важных для тех, кто в них оказался, их родных, близких, соседей и всего края нашего края. «Драгоценные крошечки» говорят читателям о вечных ценностях, среди которых важную роль играет стремление помогать друг другу, приходить на помощь в беде, ничего не прося взамен.

Максим Васюнов

Максим Александрович Васюнов - писатель, журналист, режиссер документального кино. Родился в 1988 году в Нижнем Тагиле. Выпускник Уральского государственного университета. Финалист премии «Лицей», участник форумов молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья. Рассказы и очерки Васюнова публикуются в журналах «Наш современник», «Дружба народов», «Знамя», «Юность»... Лауреат российских и международных литературных и журналистских премий, в том числе - первой премии Всероссийского конкурса имени В. И. Белова (2022).

Терехов и пустота

Терапевт районной больницы Василий Петрович Терехов уже третий час принимал больных за сменой. То есть его рабочий день уже закончился, но коридор был еще полон людьми. Полгорода ходило к нему, как к самому опытному и золотому.

«Врач от Бога». Если люди тебя так начинают называть - значит, ты уже не работаешь, а служишь. Терехов так и говорил своей жене по утрам: «Ну пошел, послужи». Жена крестила его - это все, что она могла сделать. Уговаривала на пенсию уйти, пять лет над душой стояла, свечки жгла перед иконами святых Пантелеймона и Луки Войно-Ясенецкого - сберегите, мол, отпустите вы его. И уже отмолила, да тут эта зараза, ковид проклятый. Главврач сразу: «Не справимся, Петрович, сам понимаешь, на весь район три терапевта».

Неделю ходила лисой вокруг, каких только надбавок не обещала, на совесть давила. И убедила.

- Так что, бабка, еще послужу, - сказал он жене в тот вечер, когда решил не уходить из больницы.

Та промолчала.

Народ к нему все идет и идет. И в последнее время с других районов приезжать стали. И большинство - не по записи. Как сегодня.

Сколько мог, принял, но пора было уходить - нынче Терехов торопился. Открыл двери кабинета - коридор полон. Тут и старики, и мамы с детьми, и мужики с потемневшими лицами, и даже совсем девушки.

- Нет-нет, всё, братцы, простите, всех приезжих я принял, а вы, люди добрые, завтра давайте. Завтра, завтра, - проби-

рался он сквозь толпу. - Всё-всё, дела у меня... Дела, обещал, не могу. Завтра, завтра.

- А еще врач называется! - злобно выкрикнула какая-то незнакомая женщина.

Терехов остановился, даже маску с лица стянул, посмотрел на нее. Хотел ей сказать что-то, да потом подумал, обратно маску на нос, поверх лейкопластыря - и в кабинет сестры-хозяйки, там переодевались нынче.

И хотя сам себя Терехов пытался успокоить, упрек этот никак не выходил из головы.

«Ну что за люди, что за эгоисты такие, - злился терапевт. - Сутками работаю, чуть не помер два раза сам, никому ничего не говорю, но нет, все равно неблагодарные найдутся. И ведь, поди, пришла с какой-нибудь ерундой, могла и участкового своего напрячь, так нет, ко мне сама же заявилась, меня же и охаяла, а потом по городу трепаться пойдет, какая скотина я».

Терехова не пугала молва, он свое имя уже давно в городе закрепил, но становилось обидно от одной мысли, что какая-то наглая злая тетка про него свой язык распустит.

Когда врач выходил, уже разоблачившись, из всего защитного костюма только маска и перчатки остались. Он еще раз поискал глазами в коридоре ту, которая ему в спину нахамила, но не нашел. И хорошо, что не нашел... Зато многие всё еще оставались, чего-то ждали. Заголосили, запричитали, но он поспешил выбежать на улицу. На морозный декабрьский воздух.

И когда вдохнул морозца всей грудью, когда впервые за десять часов почувствовал что-то свежее, не медицинское, только тогда смог отойти от услышанного, успокоился.

- Всё-таки какой нехороший дух в больнице, - пробормотал он и заскрипел своими кожаными ботинками по тонкому снегу. Зима в этих краях в последние годы - как нерешительный интерн: хала-

тик белый лишь накинёт поначалу, походит недельки две и тут же скинет. Поминай как звали.

С нынешними интернами - то же самое. Сколько уж этих молодых приходило к нему на практику - никто не остался. Не те нынче времена, чтобы мечтать терапевтом в районной больнице вкальвать. Нынче все сразу в Москву бегут, даже в областных центрах не задерживаются.

Но Терехов никого не осуждал - наоборот. Даже сам говорил молодым: «Нечего тут делать, идите туда, где вас ценить будут, а тут людей нынче не ценят». И потом называл свою зарплату - в 25 тысяч рублей. Как последний аргумент того, что делать нечего здесь, добавлял: «Это еще хорошие деньжищи, мне за стаж сорокалетний, за все мои награды доплачивают. А так - 16 тысяч чистыми у всех, вот и думайте».

Практиканты и не думали, они уже всё для себя решили. Их только одно интересовало:

- А вы, Василий Петрович, почему отсюда не сдернули?

Он честно признавался, что думал об этом. Но не смог. Родился здесь, в больнице этой всю жизнь проработал. Сначала боялся подвести наставников своих, тех, кто его всему обучил, потом уже не смог оставить пациентов своих. Как откажешься? Сидит с людьми и их болячками до ночи. Устал, не устал - никого не волнует.

Вот и сейчас шел по темным улицам, то и дело оступался - дорога вся в ямах, под снегом их не очень увидишь - и снова думал: «Уйду, сколько можно, хоть для себя пожить, всё равно народ уже не тот пошел, неблагодарный, как будто все им обязаны, да еще бабы эти злые...» Не давала та тетка в очереди ему покоя. Думал, что успокоился, простил ее, но нет.

«Знала бы ты, дуреха, куда я иду, так живьем бы меня сожрала», - посмеивался Терехов.

• «НОВЫЕ ДЕРЕВЕНЩИКИ»

Он и сам не понимал, зачем шел туда. Но пациентки его, смотрительницы местного музея, пригласили. Говорят, режиссер какой-то приедет православный из Москвы, фильм свой привезет. И ведь не боится никакой заразы, сам позвонил, напросился... Вот только где взять зрителя, все забились по своим конурам, да и отвыкли уж от жизни. «Хоть ты, Петрович, не подведи, приходи, развейся».

Спустя пятнадцать минут мучительной дороги по ямам и потемкам он наконец вышел на хоть как-то - через три столба - освещаемую улицу. И тротуар здесь был выложен плиткой. Всё легче идти стало, пусть и скользко было - вечер подморозил, заголодело.

«Живу здесь всю жизнь, никогда дороги не посыпали, никому ничего не нужно», - уже миллион раз он говорил эти слова, как заклинания, но они ни на кого не действовали - с осени по весну все улицы в городе превращались в каток.

Но вот эта улица ему нравилась. Здесь еще сохранялась старая постройка. Купеческие особнячки, колонны, балясины, лепнина. Маленький Петербург будто. Терехов в Ленинграде учился, вспоминал его часто, хотя после студенчества так там и не довелось побывать. Теперь на Неве дочь его единственная живет, фотографии иногда присылает, Василий Петрович вспоминает знакомые места, улыбается, иногда плачет. Дочь зовет в гости, он с женой уж собрался, когда на пенсию в очередной раз хотел выйти, но опять не судьба. «Да и, если честно, мать, то не очень-то хочется ехать, сил уж нет», - признался он как-то жене своей.

- Да мы потихоньку, на такси да на поезде, - не поняла его та. Он же про силы духовные. Это же не просто поездка к дочке была бы. Это же поездка была бы в свою другую жизнь. Ведь ему, отличнику-интерну, предлагали остаться в Ленинграде, место хоршее обеща-

ли, квартиру даже. Но не остался. Думал, что не готов еще к работе видной, что надо сначала опыта набраться, потом уже столицы покорять. Да и, опять же, ждали его в районе. Главный врач тогда был Степан Федорович, хороший мужик, фронтовик, он сказал как-то, когда Терехов на каникулы приезжал: ты там, мол, не зазвездись от успехов, про нас не забудь, мы без тебя здесь никак, в Ленинграде-то вон специалистов сколько из провинции, а здесь никого из столицы-то, так что ты первым будешь, хоть немного поработай, уважь.

И каждый раз это мучило Терехова. Сколько он на эту тему думал-передумал: останься он тогда в Ленинграде, всё же по-другому было бы, уж давно бы жил как в раю, а тут даже на машину не заработал - всё пешком, скользить, оступаться. Он - еще ладно, как-то Бог уберег, а жена его раз шесть ноги ломала на этих улицах. Бедная. Вот уж кто бедная. Он-то ее из областного центра привез. Интеллигентная девушка, в библиотеке познакомились. Как в кино. Хотя тогда все как в кино знакомились, потому что кино про жизнь было реальную. А не как сейчас - показывают какие-то сказки-страшилки, чернуху... И ту не могут показать, как есть на самом деле. У них вон в районе как-то выборы были, бандиты выиграла, зашел в горуправу новый мэр: давайте мне, говорит, бюджет. Ему говорят: так нет никакого бюджета. Это всё на бумаге, нет наличных, ты чего. А тот не верит, холуям своим приказывает сейфы все вскрыть, а там везде одни бумаги. Так они стены начали ломать, порушили полздания... Всё бы порушили, да милицию из области прислали - местные-то связываться с ним не стали. Приезжие быстро объяснили дуракам, что если не успокоятся, то пристрелят на месте прямо. Это Терехову секретарша мэрская рассказывала - тоже его пациентка, естественно.

Говорят, неделю новый мэр из запоя не выходил, а потом куда-то исчез. Но это как раз понятно - весь район уж про его поиски бюджета знал, все смеялись в голос, попробуй с таким-то авторитетом поуправляй. Вот история, которую бы в телевизоре показать. Да и чего только тут не бывает, в провинции-то. Если бы режиссеры столичные хоть раз сюда приезжали, то, может быть, и смотреть было бы чего. А то вот странное дело - Терехов задумался сейчас об этом - наверное, потому что шел как раз на встречу с режиссером - странное дело, вот они же все приезжают в Москву откуда-то, не все же столичные, у всех же за плечами хоть что-то свое, все же видели, как на самом деле люди живут... Так нет, все забывают, Москва, она все стирает - и память, и совесть. Потому что на жизни-то реальной не зарабатываешь, а зарабатывать - это главное дело нынче для всех.

Да что для всех, самому хочется заработать, очень хочется той же дочке помочь, да и самому пожить нормально, хотя бы дом отремонтировать, а то халупа, стыдно друзей на свой юбилей пригласить, приходится в местном клубе зал арендовать. Там, правда, не лучше, тоже всё осыпается, всё в трещинах, но всё равно приличнее.

А что до трещин - так весь город в них. И дом его, и больница, и особняки вон любимые и те - такие щели, что можно голову просовывать. Однажды даже с этими щелями сон приснился. Страшный, ужас просто.

Это было в то время, когда еще силы были с женой по городу разгуливать. «Давай хоть в воскресенье после храма пройдемся, отец!» А она уверовала к старости, что еще интеллигентной женщине делать в маленьком городе, как не верить, и вот всё подбивала: ты меня после службы встретить, вместе домой пойдем, хоть подышим, на людей посмотрим. «А то мне людей на работе не хватает», - думал Терехов,

но жене не стал перечить. Да и жалко ее, и чувство вины перед ней...

Вот в воскресенье очередное они погуляли, а день был пасмурный, народу мало на улицах, никто почти и не подходил к ним, обычно все здороваются, слово за слово, с каждым минут по пять болтали, а тут шли себе спокойно, говорили о том о сем, всматривались в старые домики, восхищались. Даже трогали дерево, камни, кирпичи. Дышали их ветхостью.

- Ну, что-то мы, бабка, с тобой сегодня совсем романтики! - пошутил Терехов тогда.

Бабка лишь улыбнулась, голову ему на плечо положила. Так и шли, миловались.

А ночью вон как впечатления дня сказались. Увидел он, что будто голову сует в щель одного из особняков. Желтое такое здание, бывший театр, теперь здесь тюрьма городская, и вот он голову, как бы шутя, в щель, как дрессировщик в пасть льву, а стены давай резко съезжаться. И душат врача, душат, жена - она тоже во сне была - за ноги ухватилась, тянет, пытается выгашить, но стены все плотнее, плотнее. И совсем уже дышать нечем, вот-вот шея треснет, уж и потемнело все в глазах, и вдохнуть нет сил, и слышно, только как бабка ревет и зовет на помощь...

Тут и проснулся. Весь в поту. До утра не смог потом уснуть. А после завтрака бабка снова его перекрестила и отпустила с Богом. Так ничего и не узнала она про тот сон окаянный, который никак не может выйти из его головы. Сейчас вспомнил о нем, едва снова увидел это желтое здание. Недавно побеленное. Ни одно здание в округе не белили, так и стояли все отцветшие-потускневшие, а тюрьму каждый год красили, и всё - в желтый!

А за зданием был единственный в городе перекресток со светофорами. Светофоры, правда, тут лет двадцать уже стояли. И в последнее время по вечерам даже пробки у них стали скапливаться - не та-

• «НОВЫЕ ДЕРЕВЕНЩИКИ»

кие как в Москве, конечно, но метров до пятидесяти бывало. Этому Терехов не переставал удивляться: зачем люди машины берут? Знал он по своим пациентам, что машины эти у всех в кредит, что многим детей накормить нечем - зато с иностранкой. Не понимал этого врач, как ни старался - не понимал.

Но сегодня перекресток был пуст, час пик уже прошел, только машина ГАИ у обочины. Когда Терехов с ней поравнялся, из окна высунул лысую свою голову начальник районного ГИБДД, тоже пациент Терехова.

- Чо, Петрович, тоже, поди, в музей, ага? - спросил тот, расплывшись в улыбке.

- Да, уболтали девки. Как не уважить, схожу, думаю. Ты как, оклемался? - дежурно спросил Терехова, хотя по бледному лицу и красным глазам видел, что не оклемался тот и зря вышел с больничного. Но чего его винить - работать в полиции теперь, как и в больнице, некому.

- Да какой там... Я тебе, Петрович, больше скажу: тупить начал не по-детски. На зеленый иногда стою, на красный - еду... это как, пройдет, нет?

- Многие после этой заразы так теряются. А пройдет, нет - кто его знает, я вон иногда забываю, как читать.

- Думаешь, оружие биологическое? - гашишник почему-то перешел на полусшепот.

Терехов не любил всех этих разговоров. Версий в последнее время много. Сплетен - еще больше. Даже его сестра, помощница, с которой двадцать лет бок о бок проработал, и та недавно выдала: «Как есть, китайцы занесли, им надо нас поработить, им-то негде жить, вот и устроили зачистку, как фашисты. Я тебе говорю!»

Хотел сначала расхохотаться, но потом подумал, что про китайцев - это еще ничего версия, он и смешнее слышал. Недавно секретарша главврача всерьез уверяла всех, что ковид инопланетяне завезли. Это она сама лично по телевизору видела.

И это ведь не бабки на улице говорили, а медики. Чего удивляться тому, что первых пациентов, у которых коронавирус подтвердился, в городе чуть не избили. Мол, смерть нам принесли.

Смерть-то принесли: семьями целыми в районе вымирали, так только никто об этом не сказал никому. Всё засекречено. Терехов долго этого понять не мог. Но с области, а тем с Москвы, указание пришло - панику не поднимать. То есть - попросту врать. И никто не возмущался. Да и кому возмущаться? - никто не спрашивал. Только болтает народ по кухням да по дворам полусшепотом, как раньше - о лагерях.

Журналисты недавно приезжали, показывали работу врачей во время пандемии. Репортерша - девчонка молодая, бойкая - спросила после того, как камеру выключили: «У вас тоже сотни умерших?»

- Сотни. Уж если не тысяча будет. Давай на камеру скажу, - предложил Терехов и серьезно так посмотрел на девушку, как она отреагирует. А та, бедняжка, испугалась, крикнула своему оператору:

- Пошли отсюда!

И ушла. Вот дожили...

Ну ладно, может, сейчас чего покажут хорошего в кино в этом. Сказали, что режиссер этот правдивые фильмы снимает, потому их в телевизор не пускают, а только вот по музеям да библиотекам - и то не везде якобы разрешают.

Терехов уже подходил к музею. Тоже купеческое наследие. И тоже уже в упадке: страшно иногда на стену облокотиться - кажется, что завалится здание. А облокотиться в последнее время все чаще хочется - годы берут свое, требуют опоры, требуют чего-то надежного для равновесия. Но какое равновесие в наше-то время, даже старые крепкие дома, про которые говорили, что на века сделаны, и те нынче подводят.

Мир стал качаться, и Терехов часто убеждал себя, что это только его мир за-

качался, что это всё старость виновата да усталость его. Не могут же кирпичи устать, только человек теряет силы.

И вот он дошел до музея. Нырнул в арку, дернул на себя старые деревянные двери. Изнутри потянуло запахом плесени. Там было темно, но Терехов помнил, что в музее крутой порог, поэтому осторожно стал спускаться...

- А, Василь Петрович, проходи, все уже собрались, - услышал он знакомый голос. Это смотрительница Надежда Петровна, жены его подруга по приходу. И тоже, конечно, его пациентка - жена и сосватала в свое время.

Глаза немного попривыкли к темноте - оказалось, впрочем, что горит под потолком какая-то тусклая лампочка, вот уже и лицо Надежды Петровны перед ним проявилось.

- Ну хорошо, что пришел. Молодец, - и Надежда Петровна взяла его под руку. - Пойдем. Я тебя провожу, кавалера.

- Ой, хорошо, что моя дома осталась, а то бы тебе глаза выщарапала за такие флирты, - пошутил Терехов. И добавил, чтоб уж совсем приятно было смотрительнице:

- А что, женщина ты красивая, можно и под руку с тобой пройтись.

- Ой, да какое там красивая! Моя красота уже всё, того...

Они зашли в первый большой музейный зал. Там, в полумраке, белел киноэкран, напротив сидели люди. Много было зрителей, почти все расставленные ряды стульев заняты. Первым делом Терехов заметил, что большинство людей - без масок. Это ему не понравилось. Вторым делом он подумал, что раз так много желающих, то, может, и не надо оставаться - режиссер не обидится, если один уйдет, причем уйдет еще до начала. Но решил всё-таки присесть - зря, что ли, столько шел по рыхлым и скользким улицам?

Фильм был документальный. Про что конкретно, Терехов не понял. Режиссер

за кадром всё кого-то в чем-то обвинял: кто-то разрушает семьи русские якобы, какие-то фонды «работают против России и ее устоев».

Кино Терехову не нравилось. Где-то минут через сорок он снова захотел уйти, но его неудобно посадили - вроде бы, как он и попросил, в уголок от всех, на расстоянии, на дистанции, как сегодня говорят, но при этом загородили ему выход другими скамейками, стульями.

Так и остался Терехов в своем углу.

Когда свет включили, все захолопали. Терехов только не аплодировал. Режиссер - мужчина лет сорока в очках с кудрявой головой - поклонился. Он улыбался, был счастлив такому приему. Василий Петрович даже порадовался за него, что не зря тот тащился в такую даль, народ вот что-то понял, а то, что он, Терехов не додумал, так это же не значит, что режиссер плохой: «Это же просто я старик, мне уж ничего не интересно».

Но тут поднялась какая-то женщина в первых рядах, Терехов не узнал ее со спины, и голос показался незнакомым. Женщина поблагодарила за фильм и спросила вдруг: «А о чем ваше кино, что вы хотели сказать этим?» И Терехов, который на этот раз совсем уж было собрался уходить, остался. Ему стало интересно, что же ответит режиссер. А тот разошелся, перешел даже на крик, иногда повизгивал и все обвинял, обвинял какие-то фонды, западные страны, Америку и почему-то Швецию...

- Россия всегда была страной семейной. И у нас чтити всегда государя-батюшку, батюшку в храме и отца семейства. Теперь... смотрите, что происходит, - режиссер манерно вытянул вперед кулак и стал по одному разгибать пальцы: - Целенаправленно в наших глазах журналисты, которые все давно работают на Запад, уничтожают в нас веру в нашего президента. Они же убивают, фигурально выражаясь, авторитет церк-

ви. И, конечно же, идет большая мощная атака на институт семьи. Русский мужик - уже не мужик, он бандит, пьяница, похабник, жену бьет, детей мучает, да и вообще мужик-неудачник. А зачем всё это делается? Зачем нас пытаются убедить, что больше нет у нас отцов, что верить нам больше не в кого?! Да потому что хотят, чтобы Россия всегда была нищая, потому что без сильного президента, без церкви и без уважения к семье и к отцу Россия тут же рухнет. Всё развалится. Больше не будет того цемента, который всех нас держит уже больше тысячи, слава Богу, лет.

И еще много чего говорил этот режиссер. Все сыпал и сыпал цифрами, миллионами, которые тратят враги на разрушение России.

Тут поднял руку вверх Николай Егорович, учитель на пенсии, его Терехов давно заприметил. Как не заприметить? Раньше, когда помоложе были, так приятельствовали даже, вместе в баню ходили. Николай Егорович был одно время в районе депутатом, говорить умел и, главное, не боялся. «Вот сейчас он скажет что-нибудь. Это не я - я буду молчать, а этому только дай повод...» И в своих надеждах Терехов не ошибся. Бывший учитель прямо с языка у него снял.

- Вы, молодой человек, полагаете, что вы для нас, извините за мой неловкий каламбур, Америку открыли, - начал Николай Егорович. - Вы бы лучше рассказали, как нам жить тут, с каким соусом, так сказать, лучше гренки жевать, какие книги вместо дров в первую очередь в печь бросать, а про отопление и канализацию я уж и не спрашиваю, это, видимо, балаболам только вот таким положено, так сказать, а мы тут люд рабочий и на ведро сходим, а потом с этого же ведра голову еще вымоем. Простите, сегодня я к вам с грязной вот головой пришел, потому, наверное, ничего не понял. Вам делать нечего, молодой человек?

Кто-то одобрительно закивал, кто-то усмехнулся. Режиссер же пошел пятнами, из его рта полетела слюна, голос уж совсем начал напоминать женский.

- Вон вы, оказывается, здесь как рассуждаете! А я-то думаю, зачем меня сюда Николай Угодник привел! Вы же совсем ничего не знаете тут! Ой, Боже мой! - закачал режиссер головой и почему-то стал креститься на киноэкран.

Потом продолжил:

- Да вы что, даже телевизор не смотрите? Вы не видите, сколько всего у нас делается? Сколько строится! Мосты, школы, храмы, Россия никогда так не развивалась, как за последнее время. А всё почему? Потому что после проклятых девяностых власть, наконец, услышала народ. И церковь слышит. Такой симфонии государства и церкви никогда в России не было! Вы что?! Ваши дети и внуки это время будут вспоминать как рай, если мы с вами не дадим им себя же самих уничтожить. Сломить наш духовный хребет! Понимаете? У вас тут такие разговоры, да вы что! А как страна достойно переживает пандемию! У нас же самая низкая смертность! Это не может не раздражать всех наших так называемых друзей.

Совсем Терехову стало не по себе. Василию Петровичу захотелось наговорить этому очкастому заводиле о том, как реально они живут и о чем тут, в провинции, думают. Хотелось даже обозвать его дураком и другими словами, и он уже даже тянул руку и даже уже чуть не вскочил с места, но тут вспомнил про свою жену. Как она сейчас там одна в пустом старом доме сидит у газовой конфорки, потому что отопление в городе не работает уже вторую неделю, укутанная в шаль, в двух кофтах, сидит и читает или любимого Чехова или даже Шолохова, а рядом дымится чай с мятой. И так потянуло его к жене, так стало грустно Тере-

хову, что она там одна, ждет, а он тут теряет время, даже чуть слезы не проступили на глазах. И еще большей глупостью показалось ему всё то, что он только что услышал, еще большей несуразицей, совсем не обязательной, пустой и даже наглой, ведь хватает же наглости говорить такие слова и даже обвинять нас здесь! Откуда же такие люди берутся!

Не выдержал Василий Петрович. Встал с места, пошел к выходу, наступая на чьи-то ноги, задевая чьи-то колени, шептал: «Извините, извините, милые, простите, ухожу, не отвлекаю».

В дверях его догнала смотрительница.

- Ну как, Петрович, ты не пожалел, что пришел? - как бы извиняясь, спросила она. - Нам с области навязали этого чудика, мы сами не знали, сами не знали...

- Всё хорошо, что ты, всё хорошо.

На улице поднялся сильный ветер. Да и стало куда морознее, чем было еще полтора часа назад; Василий Петрович шел быстро - насколько позволяли здоровье и дорога. На полпути вспомнил, что идет в маске, снял ее, стало легче дышать. Терехов попутно пытался обдумать всё услышанное, даже найти оправдание режиссеру, но настолько всё ему казалось пустым, что мысли даже не за что было зацепиться. К тому же стала кружиться голова, налетела слабость - так всегда у него на морозе.

Да тут еще и уличное освещение выключили - в этом году оно почему-то до восьми вечера только работает - и идти приходилось на ощупь, соображая, куда правильно наступить, чтобы не подвернуть ногу или, чего доброго, не упасть.

Когда Терехов дошел до дома, жена его уже спала. Но газовая конфорка горела - оставила для него, чтоб не холодно было раздеваться, чайник тоже был горячим. На деревянном столе на кухне лежал последний том собрания сочинений Чехова. И очки жены в тонкой позолоченной оправе - пода-рокдочки. Рядом - железная тарелка, накрытая разделочной доской. В тарелке - теплая вареная картошка и два соленых огурца.

Василий Петрович не стал пить чай. И есть не стал - перекрыл газ и пошел в спальню.

- Ты вернулся? - ласково спросила жена сквозь сон.

- Дома, дома я, матушка. Спи, спи, - погладил он ее седые волосы.

- Интересно хоть было?

Василий Петрович не ответил, чтобы не разбудить жену лишним разговором, а то она и так спит плохо в последнее время.

Василий Петрович тоже спал не очень - годы. Да и усталость... И сейчас, когда уже укрывал себя ватным одеялом, понял, что сна опять ни в одном глазу. Да тут еще вспомнилась та злая бабенка из коридора и ее противное, мерзкое: «А еще врач называется».

Василий Петрович почувствовал, что всё вокруг него закачалось, будто тело его оторвалось от кровати. Пошли навстречу друг другу стены, в комнате стало так тесно, что даже темнота, поскрипывая, пропустила отсюда в окна.

«Надо же, пустота скрипит», - подумалось Терехову. И в следующую секунду снова этот мерзкий голос:

- А еще врач называется!

Через пять минут Терехов крепко спал.

Артем
Попов

Артем Васильевич Попов родился в г. Северодвинске Архангельской области. Член Союза журналистов и Союза писателей России. Автор трех книг прозы. Основная тема творчества - жизнь современной деревни Русского Севера. Рассказы Артема публиковали журналы «Роман-газета», «Юность», «Наш современник», «Двина» еженедельник «Литературная Россия» и др. Автор журнала «Вологодский ЛАД».

Есть ли кто дома?..

РАССКАЗЫ

ЕСТЬ ТАКАЯ ДЕРЕВЕНЬКА...

Лето. С другом Денисом трясем на «газике» по грунтовке. Пыль долго стоит в воздухе, чтобы потом незаметно осесть на придорожных берёзах и осинах. Листва на них уже седая. На дороге всюду коварные ямы «прощай подвеска». Бицепсы на руках у Дениса что трёхлитровые банки: покрути-ка весь день баранку, уваливая от ухабов. Наша дорога находится на границе двух областей, власти одной надеются на другую и про ремонт дружно забыли.

Вдруг впереди видим старичка, который топает чуть ли не посередине грунтовки, хотя вроде и не пьяный.

- Надо остановиться... - говорит Денис и сразу же тормозит. Он парень совестливый. - Мало ли что с ним.

- До Деревеньки подбросите? - заглядывает в кабину старик.

Это название такое, оказывается, - Деревенька. Денис знает, я - впервые слышу. Друг, не раздумывая, соглашается: нам как раз по пути. Роста старик выше среднего, аккуратная седая борода, как у святого с иконы. И глаза голубые, словно небо, - такие бывают у маленьких детей.

В разговоре выяснилось, что дед-то полуслепой! Вместо нашего «газика» видел лишь какое-то тёмное пятно. А возвращался он сейчас из магазина за три километра, где покупал курево. И как не сбили местные ухаи за рулём? Довезли мы его и денег, разумеется, не взяли, друг даже обиделся, когда старик вздумал расплатиться...

Забыл эту историю, пока следующим летом снова не оказался на той же самой по-прежнему не ремонтируемой дороге. И тут вспомнил этого полуслеплого старца и деревню под названием Деревенька. Зарулю-ка на полчаса!

Несколько сотен метров в сторону. Небольшое поле, на котором то тут, то там высятся старые кряжистые берёзы. Прощёл чуть подалее - видны и остатки срубов. Одна изба почти полностью ушла в землю, только несколько венцов на поверхности, а вот крыша - чудо! - в целости. Фронтон украшен резной доской, на чердачном оконце - наличники. Выпиливали, скорее всего, вручную. Белое эмалированное ведро закрывает трубу, чтобы дождь не испортил печь. Жив ли этот рукастый хозяин?

В окнах другой избы призывно колыхается белая кружевная занавеска, а стёкол уже нет. Очередная умершая деревня... Не сразу понял, что у каждого дома - будто сговорились хозяева - посажена берёза, исконно русское дерево. Изб почти не осталось, а берёзы всё растут. Природа им отмерила жизни больше, чем человеку.

Рядом с берёзами нагло и мощно прёт крапива: стебель высокий и мясистый, лист пышный, тёмно-зелёный. Наверное, когда-то здесь был огород или стоял двор, мычали коровы в ожидании хозяйюшки. Земля помнит заботу и до сих пор родит сочную траву, пусть и сорную.

Близко к берёзам не подхожу: крапива может маскировать колодцы, которые наверняка имелись у домов, а сейчас заросли, обвалились, но если упадёшь в них, пропадёшь.

Один дом в деревне точно жилой. Трава около него выкошена идеально ровно, будто английский газон. Изба старая, бревна почти чёрные, как крепкая чайная заварка. Между ними для тепла современный материал - пена, которая смотрится, будто пломбы во рту. Открываю калит-

ку: тихо, хозяева собаку не держат, иначе давно бы шум подняла. На территории много резиновых покрышек, самых разных по размеру - от трактора, грузовика, легковой. Края их аккуратно вырезаны, и в каждой растут яркими шапками цветы. Напуганные моим появлением, нехотя взлетают дрозды и трясогузки, они здесь порхают и поют, как в саду Эдема. Если бы из кустов выскочил заяц за морковкой - я ничуть бы не удивился.

К дому пристроена веранда, обшитая вагонкой. Около дверей прибита эмблема тепловоза с гербом уже не существующего государства СССР.

В окне замечаю того самого старика, которого год назад мы с другом подвозили. Он что-то старательно делает у оконной рамы: то ли штукатурит, то ли красит. Стою, смотрю - он всё работает, словно не замечает меня.

А ведь и точно - не видит!

- Есть кто дома? - так в деревнях принято говорить, даже зная, что дома кто-то есть.

Услышав мой вопрос, старик неспешно положил кисть и вышел на крыльцо. Прямой, как гвоздь. Та же аккуратная борода, выбритые щёки, будто только из парикмахерской. Одежда рабочая, но чистая.

- Здравствуйте! Это я в Деревеньку попал? - спрашиваю. Надо же найти ниточку разговора, а для этого лучше притвориться несведущим.

- Да, Деревенька и есть. А вы к кому здесь? - кажется, будто старик смотрит сквозь меня.

Объясняю, что ехал мимо, остановился отдохнуть, а название когда-то слышал раньше. Да, поясняет, была когда-то деревня, а нынче с женой они одни зимовали.

На разговор выходит женщина, выглядит чуть моложе хозяина.

- Ой, я переоденусь, обождите, - и быстро уходит в дом. Не принято перед гостями появляться в повседневной одежде.

• «НОВЫЕ ДЕРЕВЕНЩИКИ»

Выходит через пару минут в яркой кофточке. А как похожа лицом на мужа! Вспомнилась примета, что счастливо и долго живут те пары, где супруги внешне похожи друг на друга.

Если хочешь расположить хозяина - похвали его дом. Старик с гордостью рассказывает, как поднял дом на бетонный фундамент, иначе бы тот ушёл в землю, как все остальные в деревне, а сейчас стоит стопочкой, ровно.

А женщина поведала мне загадочную историю этого дома:

- Несколько лет назад в деревню прибился кот. Серый, пушистый, видно, что домашний. Близко не подходил, но, когда давали еду, всё съедал. Наведывался так несколько дней подряд.

Как-то раз мы поехали за продуктами в соседнее село и на двери магазина увидели объявление: «Потерялся кот, домашний, привезён в деревню на лето. Очень скучают дети». И указан номер телефона. Позвонили по этому номеру, рассказали про нашего приبلудного кота: похож...

На следующее утро рано-рано приезжает старушка и спрашивает:

- Это вы вчера про кота звонили? Со мной разговаривали.

Пригласили её пройти. Говорим, что кот тут где-то ходит, вы подождите, вдруг он появится. Пока она ждала, разговорились. Оказалось, что дом, который мы купили в начале девяностых годов и куда она к нам пришла, начал ещё до войны строить её отец. Когда его забрали на войну, достраивала мать. После войны они продали дом и уехали. А сейчас, много лет спустя, старушка собралась к дальним родственникам в гости в соседнее село. И как же удивилась, что родительский дом по-прежнему крепко стоит!

Пробыла здесь старушка целый день. Малины насобирала, по деревне погуляла, но кота, правда, не нашла. Да и котя-

ра после того дня ни разу не приходил...

Вот такой сюжет. Уверен: так всё и было, потому что коты знают чуть больше нас. Недаром к ним такое уважение у верующих, что и в церковь пускают.

Даже после этой личной истории, которую рассказали единственные жители Деревеньки, не решаюсь на вопрос, который меня сюда привёл.

Разрешилось всё само собой, в разговоре. Легко и обыденно рассказывает старик про свой недуг, словно это пустяковый насморк:

- Лучше б всё было и с домом, и огородом, если бы я видел. А так - одни тени да силуэты. Животин не держим. Из забот - только огород. Нет, не скошу морковь и лук, не волнуйтесь - досками отделаны гряды. Цветы вон жена посадила тоже в колёсах, а то раньше не успевали распуститься - скашивал.

- А откуда у вас эмблема с тепловоза? - любопытствую.

- Дак я на тепловозе сцепщиком работал. Предприятие «Локомотив» называется. Сцеплял цистерны с мазутом на нефтебазу и вагоны, возившие грузы на военный завод. Нельзя ошибиться.

Как же это возможно?

На моё вопросительное молчание ответил спокойно:

- Паря, я же не всегда слепой был! Когда уже на пенсию вышел, это случилось. Беда-то. Никто из врачей толком причину назвать не может. Ну и вылечить тоже. Один доктор даже сказал, что эта аномалия у меня с рождения. Потом я рассказал, что сцепщиком работал, он и язык прикусил. Инвалидность только не дают - плохо. Пенсия бы другая была.

- В Пенсионном фонде всё удивлялись, что есть такая Деревенька. Думали, мы шутим, - жена продолжила о непростых взаимоотношениях с казённым ведомством.

Так мы долго проговорили. И тут меня осенило: я даже не спросил, как зовут эту пару! А теперь спросить уже и неудобно.

Меня всё интересовало, как они живут - одни и почти в лесу.

- Да у нас как в столице. Продукты с доставкой на дом, что закажем, то и привозят теперь из соседнего села. Магазин там, - ответила женщина. - Постоянно кто-то приезжает в гости, много у нас тут родни живёт. Жаль, дочка в этом году не навесит летом: только на новую работу устроилась. А видите дорогу за огородом? Там на Заимку путь. Деревня ещё дальше нашей. Не-е, не жилая. Дети и внуки приезжают иногда в Заимку посмотреть родительские дома, вернее, то, что от них осталось. Тянет... Они там и беседку поставили, чтобы от дождя укрыться.

Пора мне собираться в путь, прощаюсь. Хозяин уверенно вкладывает руку прямо в мою, как будто видит протянутую ладонь. Или чувствует.

- Счастливо вам добраться! Заезжайте, если надумаете, подольше погостите. Ну, с Богом, - прощаются меня.

Кажется, остаётся что-то недосказанным. Грустно уезжать, но стараюсь говорить бодрым голосом:

- А вам счастливо оставаться!

Эх, сколько таких безымянных деревенек в многострадальной России, где доживают свой век один-два человека!

Милые, добрые старички, они ещё долго смотрели мне вслед. Он - опершись на калитку, она - рядом. Моя машина через минуту подняла придорожную пыль, и Деревенька скрылась. А я до сих пор вижу эту картинку ясно, как в тот солнечный день.

ИВАН-ЧАЙ ЦВЕТЁТ ОДИН РАЗ

На дворе у соседей петух прокричал хриплым, словно прокуренным, голосом. Пора Андрейке вставать. Допоздна он играл в компьютер, даже палец от мышки онемел.

Глаза будто затянуты плёнкой, не помогла и холодянка из уличного рукомоёйника. Вяло почесал жиденькую, как у молодого священника, бородёнку. С утра пораньше надо ехать за иван-чаем: к обеду приёмщица Маруська будет ждать с травой.

Андрейка собрал нехитрый перекус в дорогу: яйцо, пару огуречиков, хлеб. Сегодня ехать за иван-чаем придётся подальше, потому что у дороги траву уже давно подчистую оборвала Зинка-алкоголичка - собирает на опохмелку. Седло старого Андрейкиного велосипеда скрипит о прошлом.

Со своей матерью Ангелиной он приехал в деревню издалека, из Североморска - города, даже от названия которого, казалось, веет холодом, а на зубах похрустывают колючие льдинки. Там всю жизнь она работала в ателье швей. В 90-х годах мода шить своё ушла, люди стали покупать готовые китайские и турецкие тряпки. Ателье терпело убытки, приходилось занимать деньги на хлеб.

Взяла как-то раз Ангелина до зарплаты микрокредит в шарашкиной конторе, а отдать вовремя не смогла. Долг тикал, как секундные стрелки. Коллекторы нагрянули раз, другой... В общем, с квартирой пришлось расстаться. Хорошо, хоть жива осталась.

Бедная женщина вынуждена была вернуться с сыном в родную деревню. Отец с матерью к тому времени уже умерли, дом стоял пустой, но жить в нём было можно.

Весной Ангелину согнуло: сильный кашель, высокая температура. Тогда коронавирус ещё только заявлял о себе. Долго не обращалась к врачу, а когда приехала-таки в больницу, было уже поздно... Ночью оторвался громб - почти мгновенная смерть.

Так Андрейка остался сиротой.

Он с малолетства был замкнутым, никогда не улыбался, словно не хватало ему чего-то, чтобы радоваться жизни. Как на Севере растениям мало солнца, так и Ан-

• «НОВЫЕ ДЕРЕВЕНЩИКИ»

дрейке не доставало внимания отца, который ушёл к любовнице, когда у сына только зубки прорезались. В садике он ревел все дни, Ангелине приходилось забирать сына на работу, там он и рос. Школа стала для Андрейки тюрьмой. Со сверстниками не общался, старшаки пинали. Он ходил, глядя в землю, не поднимая глаз. Дома играл в те же самые игрушки, что и в пять лет. Психиатр в поликлинике хотел поставить ему диагноз «аутизм», но Ангелина раскричалась:

- Мой ребёнок - не даун!

- Женщина, успокойтесь! Зря вы так. Аутист - это не даун... Намучаетесь вы с ним, - вздохнул старый врач.

Ангелина боялась: что скажут родные, друзья, соседи? Да и не был Андрейка в чистом виде аутистом. Но, так или иначе, от инвалидности они отказались.

Чудом, а точнее - из жалости учителей Андрейка еле-еле окончил девять классов и дальше учиться не стал. Разносил почту, пока как-то раз в подъезде не изувечили подростки, выбив зубы и свернув челюсть. Есть не мог, Ангелина кормила из трубочки.

В деревне, куда они приехали, почтальонские места были давно и прочно заняты. На лесопилку его не брали, боясь, что изуродуется: отвечать за инвалида никому не хотелось. В общем, Андрейка сидел в компьютере, а правильное сказать, на шее у матери. Благо, «северная» пенсия у Ангелины заработана была большая.

Весной, когда умерла мать, надеяться парню осталось только на огород. Раскапывать участок у дома пришлось тяжело - в красную глину не входила лопата. Когда-то здесь, на угоре, стоял кирпичный завод, и теперь на этой земле рос только хрен, жирный, белый, соседи выкапывали его и делали хренодёр. Сломал две лопаты, Андрейка всё-таки разработал огород. Тётка Ленка, дальняя родственница, пожалела - дала мелкую пророщенную картошку,

которую, по её же совету, он сажал по два клубенька в лунку. Но пока картошка только росла, и надо было чем-то кормиться.

Андрейка пошёл к доске объявлений у сельсовета, как по привычке называли местную администрацию. Здесь, на деревянном щите, кнопками прикрепляют важные объявления. Смоченные дождями бумажки с расплывшимися буквами могут дать фору интернету. Прочитаешь - и все деревенские новости узнаешь: когда цыплят с птицефермы на продажу привезут, будет ли в амбулатории стоматолог для удаления зубов, где подработать можно. «Куплю рога лося» - ну, это явно не для Андрейки. «Принимаю иван-чай» - крупно напечатано на компьютере и адрес приёмщицы.

Про этот способ заработать хотя бы на хлеб говорила всё та же сердобольная тётка Ленка:

- Раньше-то никто и не думал его собирать. И что за мода теперь пошла? Пользительная вдруг трава стала.

Андрейка искренне думал, что иван-чай цветёт один раз, а на следующий год погибает, поэтому так старается, высоко выбивается к небу. Ничего-то он не знал о деревенской жизни.

Едет Андрейка на велике сквозь туман. По лугам расплескался малиновыми озёрами иван-чай. Едет и переживает: о чём-то надо будет разговаривать с приёмщицей Маруськой, напоминавшей злую барыню из рассказов Тургенева. А он был будто Герасим - слова из него не вытащишь.

- Не у дороги хоть рвал? Чего молчишь? Эх, сирота ты казанская! - то ли насмеялась, то ли всё-таки жалела пожилая приёмщица.

Потупив глаза, Андрейка вываливал из мешков листья иван-чая.

На вырученные деньги он первым делом покупал молоко Тишке - кошке, которую они с матерью привезли из Севе-

роморска. Недаром говорят, что эти хвостатые чем-то похожи на хозяев. Он смотрел в Тишкины глаза, когда-то зелёные, а теперь выцветшие, слезящиеся, и словно видел мать. А точнее, это Ангелина наблюдала за сыном через кошку...

Ещё Андрейка покупал себе в лавке хлеб, иногда - самую дешёвую колбасу. А за электричество платить было уже нечем. Каждый день он боялся, что придут электрики и отрежут провода.

Иван-чай пожирнее и погуще рос у деревни Петунино, где семь домов и ни одного постоянного жителя. Кто переехал в село, где жил Андрейка, кто ушёл на вечный покой.

В это раннее утро никак он не ожидал увидеть спешащего в Петунино Женю-автобусника. Черноватый, с крепкими ручищами, он был старше Андрейки от силы года на три. Жил на той же улице, в самом её начале, у автостанции, работал водителем. Недавно построил основательный дом, в четыре окна, в хозяйстве порядок всегда - казалось, состоявшийся мужик. Только вот пил запоями, а почему - неизвестно. Пьётся... Прогуливал тогда и работу. Жена, медсестра в амбулатории, симпатичная блондинка, вроде не изменяла, росли два белобрысых пацанчика, маленькие копии Жени. Кредит взял на новую тачку... А что у мужика было на душе - никто не разбирался, кроме всегда «добрых» собутыльников.

Женя шёл странной походкой напрямки по крапиве к родительскому дому. Его сильно трясло от похмелья и чего-то невыносимо тяжёлого, давно подступавшего к самому сердцу. Андрейку, хоть и был тот ростом не мал, в зарослях гигантского иван-чая мужик не заметил.

Андрейка оставил мешок, наполовину уже забитый травой, и проследил за Женей, почувствовав неладное. Тот, почему-то обогнув крыльцо, с треском отодрал доски, которыми была заколочена дверь

в хлев, словно и не в родной дом шёл. Андрейка задрожал, но, пригнувшись, тоже подкрался к раскрытому двору. На полу чернели клочки заплесневелого, слежавшегося сена, не скормленного скоту, у стены стояли грабли с редкими деревянными зубьями, плетёные корзины. Женя достал из кармана верёвку, подставил старый ящик.

Глаза Андрейки расширились. Он вспомнил старый советский фильм про войну, который смотрел ещё в детстве, где фашисты вешали для устрашения на виду у всей деревни партизан. После этого кино он долго не мог спать, мать ложилась рядом.

А Женя уже обматывал верёвкой старую матицу, пробовал образовавшуюся петлю на крепость...

И тогда Андрейка тоже шагнул в хлев. Доски громко закрипели, и Женя обернулся:

- Ты... Чё тут делаешь?

- Я... иван-чай собираю, - голос Андрейки дрожал.

- Какой, на хрен, иван-чай? - заорал сосед. - Иди отсюда, пока ноги не переломал!

- Не уйду! - парень сам не ожидал от себя такой смелости.

- Слушай, ты, дебил, вали, я сказал! - Женя продолжал стоять на ящике.

Андрейка не сдвинулся с места. От обидного слова «дебил» ему стало больно, будто его наотмашь ударили по лицу. Из глаз потекли слёзы, и он заплакал, как маленький, навзрыд, и далеко был слышен в это безмолвное утро плач взрослого с виду мужчины, так и оставшегося в душе ребёнком.

- Ты это... чего? - Женя наконец прыгнул с ящика, подошёл к Андрейке. Парень трясся, как молоденькая осинка на ветру, и Женя не знал, как его успокоить. Вроде не баба, почти ровесник. Тогда он шагнул к Андрейке и крепко, по-отцовски, прижал к себе. Через минуту парень затих. Исчез

• «НОВЫЕ ДЕРЕВЕНЩИКИ»

и похмельный озноб у Жени, тяжесть отпустила.

- Ну, всё, всё, тише... Всё прошло, - Женя неловко гладил широкой ладонью по голове этого странного Андрейку. - Только никому не говори, что тут видел. Забудь. Хорошо?

Они пошли домой: Женя вёл велосипед Андрейки, тот волочил мешок иван-чая. Вместе обрывали по пути эту розовую чудо-траву и быстро заполнили мешок. Солнце приятно пригревало спины. Впереди был долгий летний день.

БЕРЕЗКИ НА КРЫШЕ

Светлана Сергеевна не понимала, откуда этот звук - жалобный, похожий на стон или тихий плач ребёнка. Тишина в Ястребове вечерами стояла такая, что было слышно, как, взлетая, тяжело хлопают крыльями старые вороны. Три жителя села, а точнее - жительницы, зимовали в трёх бывших совхозных домах, построенных в семидесятые годы. Совхоза давно нет, а так и не обшитые вагонкой дома, чёрные от старости, стоят. В каждом четырёхквартирном доме осталось по одной хозяйке. Другие ястребовцы разъехались по городам или ушли в иной мир. Светлана Сергеевна, Надежда и Галина втроём доживали свой век в Ястребове: учительница, доярка и почтальон. Все, конечно, бывшие. Давно в селе нет школы, фермы и почты. Жизнь ещё теплилась в соседней деревне Чернышёво, до которой два километра пешком. Женщины ходили туда в магазин, автолавка ради трёх покупательниц ездить отказывалась: невыгодно.

Светлана Сергеевна - светловолосая, чуть полноватая, с грудным тихим голосом. Пройдёшь мимо - вроде и взгляду не за что зацепиться: обычная деревенская баба. Галина и Надежда, наоборот, чернявые, худенькие, будто состарившиеся подростки, громкоголосые. По деревенскому

обычаю подруги называли Светлану Сергеевну по имени-отчеству, никак не иначе: учителей, пусть и бывших, уважали.

Мужья Светланы Сергеевны и Надежды померли один за другим - надорвались на тяжёлой совхозной работе, а ещё больше их здоровье отравил технический спирт, который пили из-за безнадёги девиантных.

В отличие от подружек, Галина семьёй за жизнь не обзавелась: старая дева. Деревенские беззлобно шутили:

- Ты же ходила по всем домам округи, а мужика себе не высмотрела? Хоть бы какого-нибудь худого, завалящего...

Она не обижалась, чего на правду обижаться-то.

К Светлане Сергеевне и Надежде прилетали на лето из душных городов внуки: женщинам скучать было некогда, только успевай поворачиваться. В другие частные дома Ястребова наезжали дачники.

Но майские праздники только закончились, никого из гостей в деревне пока не было. Только в округе шумно властвовали птицы: разноголосый птичий гомон доносился из ближнего леса, в ивняке у старой ручьевины распевались соловьи, исподволь готовясь к ночному концерту.

Так откуда же этот тревожный и жалобный монотонный звук? Светлана Сергеевна, закончив домашние дела, неподвижно стояла на крыльце и напряжённо слушала. От домов - тишина. Соседки, скорее всего, давно спали.

Звуки с определённым интервалом раздавались от церкви. Храм Живоначальной Троицы, или попросту Троицкий, стоял метрах в двухстах от совхозных домов. Службы в нём не велись с тридцатых годов. Раньше здесь шумел дизель-генератор, дававший электрический свет всему селу, а потом разместили мастерскую. Был сделан огромный проём в одной из стен, и трактора заезжали прямо в храм... Чудо, что стена тогда не обру-

шилась: кирпичи будто висели в воздухе.

Храм был большой - нижний зимний и верхний летний, к которому вела деревянная лестница с широкими ступенями. Идеально круглый кирпичный барабан венчала миниатюрная луковичная главка. Креста давно не было, на сложной ломаной крыше выросли за последние десятилетия три берёзки. Как они там появились? Рядом с храмом - старая берёзовая роща. Кора у деревьев была толстая, задубевшая, уже далёкая от белого цвета. Семена у берёз с крылышками: могут далеко лететь. И прорастают быстро, потому что у них нет твёрдой скорлупы. Берёза, говорят, дерево-первопроходец - первой появляется на пожарищах.

Видно, одной осенью ветер занёс семена на крышу заброшенной церкви, они задержались в ворохе листьев у водосточной трубы, а весной с первым теплом проклюнулись. Странно, конечно, что их не смыло долгими осенними дождями. Жизнелюбы какие! В первый год берёзки выросли совсем крохотными. Скучную пищу они получали из глины, кирпичей и подгнивших досок обшивки, но при этом и разрушали их. С влагой на крыше проблем не было. Берёзки кормили себя сами: опавшая листва на следующий год стала превосходным органическим удобрением. Так и выросли три берёзки на крыше. Вырасти их тут больше - не выжили бы: на всех не хватило бы питания. Закон природы.

Светлана Сергеевна любила смотреть из своего окна на деревья. Берёзы успокаивали. Она могла часами наблюдать за трепетом листочков. Сколько же их? Миллион? Миллионы?

Когда-то рядом с церковью был пруд с толстыми карасями, а сейчас он затянут тиной, превратившись в болотце, в котором, как войско, стоял рогоз с тугими коричневыми початками на макушках.

Светлана Сергеевна, хоть и знала, что не дело это - поздним вечером идти к хра-

му, тем более по кладбищу, ничего с собой поделывать не могла: она должна была понять, что это за звук, откуда он доносится. Иначе не уснуть. Осторожно обошла болотце стороной. Отметила про себя: трава-то какая уже высокая! Дожди прошли - и вытянулась сразу. Вот и церковь.

На минуту загляделась на разноцветные домики пчелиных ульев, которые стояли у храма. Виктор, муж Светланы, когда-то держал пчёл. Чужаки боялись, что их ужалят, и не подходили лишний раз к церкви. Но всё равно мусора внутри были горы: пакля, ветошь, опилки, поеденные молью коровьи шкуры, осыпавшаяся штукатурка... Стены исписаны погаными словами, повествующими, кто и когда «здесь был», будто это скамейки вокзала или кресла автобуса. На одном из сводов начертано крупно выраженьице «Андрей, держи свой бодрей!»

Светлана Сергеевна, оглядываясь, через проём зашла в храм, наступила на стёкла, и они затрещали. Где-то на втором этаже взлетели испуганные чёрные галки, закричали срывающимися, недовольными голосами. И тишина. Не слышно стало и странных звуков, которые в поздний час привели сюда женщину.

Прямо на Светлану Сергеевну смотрел лик Богородицы - роспись неплохо сохранилась. Странно, почему раньше она не подумала, что эта Богородица, изображённая на иконе «Нерушимая Стена», может, и сохранила храм от полного разрушения. Местами штукатурка отстала, но всё же образ угадывался легко. А вот и Святая Троица. Чернота от выхлопных газов тракторов закоптила роспись.

На другой стене изображена Тайная Вечеря. Бородатые мужи - словно живые; казалось, сейчас Светлана Сергеевна услышит их голоса, картина оживёт. Но, конечно, нет, всё тихо.

Бывать ночью в храме Светлане Сергеевне раньше никогда не доводилось, и ей

• «НОВЫЕ ДЕРЕВЕНЩИКИ»

было немного не по себе. Нет, не от страха. Святые не с укором, а словно с сожалением смотрели на женщину. Мусор под ногами - и эти лики святых, будто живые люди смотрят... Светлана Сергеевна заторопилась наружу.

Вернулась домой. Спала беспокойно, ворочалась с боку на бок, сменяя простыню. Ей приснилась дочка Раечка. Она прожила всего полгода на белом свете, но глаза были как у взрослой. Однажды заплакала, посинела за несколько минут - и всё...

- Сердце, - врач сказал после вскрытия.

«Разве у маленьких могут быть проблемы с сердцем?» - тогда подумала Светлана Сергеевна.

Малышку Раю похоронили на новом кладбище. Светлана Сергеевна ездила туда редко, раз в год - на дочкин день рождения. Потом на свет появились трое сыновей, друг за другом - через два-три года, и никаких проблем со здоровьем ни у которого; выросли ребята, отслужили в армии, счастливо женились и разъехались по разным городам.

«Раечка! Вот кто плакал вечером, вот кто звал!» - осенило Светлану Сергеевну. Едва дождавшись рассвета, она собралась на кладбище к дочке.

- Ты куда это намылилась-то? - увидела Галина соседку, ещё по туману торопящуюся на гравийку.

- По делам, - отмахнулась Светлана Сергеевна.

Повезло: быстро поймала попутку - и вот она на новом кладбище, рядом с Чернышёвом. В сосняке, что здесь вырос, дышалось легко, но у Светланы Сергеевны сердце стучало где-то не в груди, а будто у горла, готовое вырваться.

«Что же я так нервничаю? Надо успокоиться. Ничего же не случилось. Просто приснилась дочка, что такого?..» - размышляла женщина. Издалека всматриваясь, искала знакомую оградку. Вот уже и на месте. Нет, всё вроде хорошо... Травы,

конечно, многоросло. Светлана Сергеевна открыла калитку, надела прихваченные из дома перчатки, чтобы навести порядок, и вдруг увидела множество голубеньких, нежных незабудок. Всё было ими усеяно. Не-забудки. Не забуду никогда... Светлана Сергеевна тихо заплакала. Кажется, никогда не плакала по дочке с тех пор, как похоронила. Кем бы выросла Раечка? Ей было бы уже сорок. Раиса Викторовна... Жила бы с ней, не уехала, как сыновья, в мегаполисы, помогала... Ей всё время хотелось дочку, но рождались сыновья... Убралась на могилке, оставила шоколадных конфет, поломала печенюшек. Помянула вишневым соком.

Приехав домой, Светлана Сергеевна что-то машинально делала по хозяйству, а у самой в голове крутилась мысль: к чему этот детский плач, незабудки, лики святых в осквернённом храме?.. «Надо помолиться за упокой Раечки... А если пригласить на службу в нашу церковь батюшку?» - подумалось вдруг.

Уже несколько лет, после смерти мужа, каждый день молилась - просила Господа о самом простом и в то же время самом важном: о здоровье сыновей, внуков, единственной внучки Вики. И ещё - и чтобы не было войны: вдруг призовут её мужчин? Иконок размером с игральную карту Светлана Сергеевна накупила множество, они стояли на шкафу в спальне.

- Молиться мало, - посоветовал отец Антоний. - Надо исповедоваться, причащаться, соблюдать посты.

Светлана Сергеевна послушалась: ездила в городской храм на службу и на исповедь к этому батюшке, старалась придерживаться поста.

В Чернышёве несколько лет назад срубили часовенку Николая Чудотворца, поставили много икон - новых, глянцевых. Выстроена она была на случайном месте - рядом с клубом, где проходили праздники, пьянки-гулянки. Все желающие из

близлежащих деревень по праздникам в часовенку не умещались, теснились в дверях. В город, что в пятидесяти километрах, на богослужения пожилым людям ездить тяжело. А тут Троицкая церковь, считай, в ста метрах от дома - старая, в начале девятнадцатого века построенная, намоленная предками.

В нижнем - зимнем - храме два престола: Живоначальной Троицы и Рождества Пресвятой Богородицы; летний храм, на втором этаже, - в честь иконы Пресвятой Богородицы «Утоли моя печали».

«Может, на Троицу, на престольный праздник, и пригласить священника из города?» - подумала Светлана Сергеевна и устрашилась своей мысли. Батюшку пригласить - значит, начать возрождение храма. А кто она такая, чтобы святым делом заниматься? Нет у неё ни права на это, ни - главное - сил. Да и что возрождать? Ведь там развалины - не только мусора по колено, стёкла выбиты; да и от одной стены, считай, только половина осталась, и берёзки на крыше растут. Нет, ничего не получится...

Но разгоревшийся в душе огонёк было уже не потушить.

Вечером по давней привычке Светлана Сергеевна пришла в гости к соседкам, сидели в этот раз на крыльце у Галины. Женщины заметили перемену в её поведении: она всё время молчала и только к концу дружеских посиделок решила поделиться.

- Бабоньки, а что если нам заняться своим храмом? Прибраться? Тяжело в Чернышёво ходить каждый раз, тесно там, да всё не то... Может, нам батюшку пригласить на службу?

Галина и Надежда удивлённо посмотрели на соседку.

- Так там же грязюка! Нехристи всё испоганили! - мигом вскипела Надежда.

- Да уж, не храм, а скотный двор, - подержала Галина.

В самом деле, в углу церкви, выгороженном дощатой переборкой, была устроена уборная, куда мужики во время работы ходили по нужде.

- Когда же только заниматься? Огород ещё не посажен. Рассада капустная переросла уж вся... - Галина отвела глаза.

Светлана Сергеевна была рада такой реакции: выговорилась, чокнутой не назвали - уже хорошо. Придут или не придут помогать - их дело.

- Главное, чтобы батюшка согласился приехать, - вздохнула по-бабьи.

- А ты к кому хочешь обратиться? К отцу Антонию? - полюбопытствовала Надежда.

- К нему, к кому же ещё. Он добрый, не должен отказать! - убеждала, скорее всего, саму себя Светлана Сергеевна. - Вот бы на Троицу службу провести! Ещё есть время - почти месяц.

- Хорошо бы. Да разве успеем! Там работы - вагон и маленькая тележка, - всплеснула руками Галина.

- Это же праздник нашего храма. Надо успеть! - сказала твёрдо Светлана Сергеевна и сама поверила в сказанное. Теперь отступать было уже нельзя.

В субботу она собралась в город пораньше, отстояла утреннюю службу и после всех прихожан робко подошла к отцу Антонию.

Батюшка был ещё совсем не старым. Солнечная рыжая борода будто заряжала светом надежды, праздником даже в хмурые дни. Служба ведь всегда праздник. Прихожане городских храмов, которых он окормлял, любили его за то, что сложные вещи он умел объяснять просто и доходчиво.

- Отец Антоний, здравствуйте! Я из села Ястребово, у нас там есть замечательный храм... - начала Светлана Сергеевна, запинаясь.

- Знаю-знаю, как же! И что вы хотите? Его возродить? - улыбнулся отец Антоний.

• «НОВЫЕ ДЕРЕВЕНЩИКИ»

Он как будто читал её мысли. - А сколько у вас жителей в селе?

«Трое», - чуть не вырвалось. Осеклась.

- Мы давно мечтали... И решились, - смущённо опустив глаза, сказала Светлана Сергеевна.

После секундной паузы, показавшейся ей такой долгой, отец Антоний ответил:

- Святейший Патриарх сказал: чтобы храм жил, достаточно хотя бы одной-двух служб в году. Я постараюсь в ближайшее время получить благословение у епископа на службу. Давайте ваш номер телефона.

Это прозвучало так неожиданно и просто, что она не сразу вспомнила свой телефон.

- Возьмите мой номер в лавке, вам дадут, - улыбнулся в бороду отец Антоний. Светлана Сергеевна поцеловала крест, потом руку отца Антония.

- Я верю, что вернутся люди в деревню, не могут не вернуться. Будут у нас прихожане, - радостно сказала она.

Приехав домой, женщина уже по-другому смотрела на храм: будто это был родной дом, а она стала ответственной за его судьбу.

В то майское утро Светлана Сергеевна пошла не в огород, а в храм. Взяла с собой веник-голик и ведро.

В церкви было прохладно - самое то для труда. Постояла с минуту, не зная, с чего начать. Решила с той части храма, где был алтарь.

Начала мести и тут же закашлялась: сколько пыли! Сбегала домой, принесла белые медицинские маски, запасённые с ковидных времён, нацепила. Мусор выносила в стоявшую поблизости тракторную телегу - это всё, что осталось от мастерских. После развала совхоза технику распродали по дешёвке, осталась только телега с высокими деревянными бортами - на ней возили копны сена с дальних покосов. После третьего ведра грязи

Светлана Сергеевна поняла, что вытянула руки, а дело продвинулось всего на пару метров. Вспомнила про соседок: что же они не идут? Неужели не помогут?

И только она так подумала, как Галина с Надеждой появились в проёме, тоже с ведрами. Надежда предусмотрительно взяла совковую лопату.

- Чего не дождалась-то нас? Ну что, девочки, взялись? С Богом! - Надежда перекрестилась и тут же приступила к делу.

- Может, вместе помолимся? Перед началом всякого дела, - предложила Светлана Сергеевна. И впервые за многие, многие десятилетия зазвучала молитва в храме.

Сначала женщины убрали разноцветные стёкла. Мужики в мастерских пили, а бутылки били.

- А ведь ещё живут, наверное, люди, которые участвовали в глумлении над нашей церковью, - предположила Галина за обедом на травке у храма. - И что им в голову пало, как решились на такое?

- Да, такие времена были. Бог их наказал уже, и детей их, - вставила Надежда. - Говорили, мужик из Тепляшина, что скинул крест с храма, сгорел в своей избе через год.

- Господь никого не наказывает. Он всех любит, - покачав головой, сказала Светлана Сергеевна.

После обеда женщины принялись убирать остатки штукатурки, осыпавшейся со сводов и стен.

В углу были приспособлены деревянные полки, на которых, видимо, хранились запчасти к тракторам. Вместе стали выносить эти чёрные доски - и вдруг на обратной стороне одной из них увидели лики святых Петра и Павла. Во лбу святых оказались отверстия от гвоздей.

- Ироды! - заругалась Надежда на тех, кто посмел это сотворить.

Женщины платками стали осторожно счищать с иконы грязь, и всё им казалось,

будто они вытирают кровь, вытекающую из раны живого человека.

Уже около дома Светлана Сергеевна заметила, что белая маска, в которой она работала, стала чёрной. Это грязь была не только с колёс тракторов: это была грязь от богохульства поколений людей, забывших веру.

Дома Светлану Сергеевну ждал сюрприз: внучку Вику как отличницу отпустили домой раньше, вот и поспешила она в деревню, к бабушке. Вика училась в Петербурге на дизайнера.

- Господи, худющая-то какая, бледнолицая! В Питере не кормят вас, что ли? Ничего-о, на свежем воздухе быстро поправишься! - обняла внучку Светлана Сергеевна.

Вика хотела уже ругаться, где это бабушка пропадала, а потом, узнав, что та задумала оживить старую церковь, сама предложила помощь:

- Ба, давай я кину клич в соцсети, может, кто откликнется. Как правильно называется наша церковь?

- Храм Живоначальной Троицы. А эти сети прямо в телефоне плетут?

Светлана Сергеевна не разбиралась в социальных сетях и вообще в телефонах. На вопрос, какой у неё телефон, отвечала «красенький» - по цвету корпуса. Не понимала, что есть другие средства общения, какие-то сообщества.

Весь следующий день Вика бегала с телефоном около храма и внутри - фотографировала, потом двумя руками, как обезьянка, что-то быстро набирала. Вечером внушка показала на своём телефоне сообщество, созданное в одной популярной социальной сети. Светлана Сергеевна в очках рассматривала фотографии и не узнавала храм: красивый-то какой! Как будто белый пароход в зелёном море трав плывёт!

- А телефон у тебя привязан к банковской карте? - спросила Вика.

- Что это значит? Не понимаю.

Светлана Сергеевна в самом деле ничего не смыслила в переводах, но банковской картой пользовалась.

Через десять минут на телефон Светланы Сергеевны пришла эсэмэска: некая Наталья С. перевела три тысячи рублей.

- Вика, на мою карту какая-то женщина деньги перевела! Ошиблась, бедная! - растерянная Светлана Сергеевна прибежала с кухни, держа в руках телефон.

- Нет, ба, это не ошибка. Это первое пожертвование на ремонт нашего храма, - ответила Вика.

Как девушка радовалась быстрому отклику на её призыв в новой группе «Спасём Троицкий храм в Ястребове!»! Участниками группы стали жители Чернышёва, других близлежащих деревень, выходцы из этих мест, которые разъехались по разным городам, но следили за новостями малой родины. От них стали приходиться добрые сообщения: «Молодцы!», «Бог в помощь!».

Через час на телефоне пискнула ещё эсэмэска, а потом ещё и ещё. Сто рублей от Светланы Т. Потом пятьсот рублей от Сергея Н., десять тысяч от Николая Д., пять тысяч от Елизаветы Т.

- А как же я буду отдавать? У меня отродясь таких денег не бывало! Что ты наделала! - Светлана Сергеевна хотела уже отругать внучку.

- Не надо отдавать, ба! Это пожертвование, оно даже налогом не облагается, - убеждала Вика.

За вечер пришло двадцать тысяч. Вика улыбалась, а Светлана Сергеевна плакала - не горькими слезами, а от благодарности. Не ожидала, что столько добрых людей откликнется:

- Думала, что одни богатеи отзовутся, ведь в старые времена купцы помогали храмам! Оказывается, простой народ отзывчивее всех нынешних толстосумов. Пусть хранит Господь всех добрых людей!

• «НОВЫЕ ДЕРЕВЕНЩИКИ»

Буду молиться за их здоровье каждое воскресенье.

Среди предпринимателей тоже нашлись благородные люди. Брус и доски через день привёз хозяин пилорамы Серёга Зеленин. Надежда рассказала, что его отец и был первым заведующим мастерскими, это по его указанию разломали стену церкви. Последние три года после инфаркта Серёгин отец лежал у сына дома, не вставая с кровати.

Зеленин-младший на неделю отправил бригаду мужиков для ремонта церкви. В храме зарычала бензопила, запахло опилками, смолой. На подсобных работах - подай-принеси - помогали двое подростков, Бориска и Глеб. Хотя про них в округе говорили «отпетые хулиганы». В то, что пацаны будут помогать в ремонте храма, вначале мало кому верилось. А ребята так увлеклись новым делом, так трудились - пот тёк с их загорелых лиц.

Дня за два, не разгибаясь, рабочие временно зашили досками проём в стене, установили новые двери, освободили Царские врата от кирпичей, которыми они была заложены.

А ещё построили лестницу на второй этаж - в летний храм.

- Иди первая, Сергеевна, - предложили мужики. Она аккуратно ступила на широкую лестницу.

- Не бойсь! Ступай смело! Крепко сделано, - улыбались вслед мужики, и грубые их лица стали радостными, даже морщины будто разгладились.

Первое, на что упал взгляд Светланы Сергеевны, когда она попала в летний храм, - ангелочки на стенах, сохранившаяся лепнина. На секунду лица ангелочков чем-то напомнили личико Раечки, когда новорожденная улыбалась...

Своды украшали сцены из Святого Писания - Рождество и Успение Пресвятой Богородицы, Рождество Христово. И ро-

списи здесь сохранились намного лучше, чем на первом этаже: в летнем храме устроили склад запчастей, потолок не был закопчён выхлопными газами.

Вечером, закончив работу, Светлана Сергеевна, Галина и Надежда по привычке собрались на крыльце.

- Бабоньки, я так благодарна вам, что согласились мне помочь. Если бы не вы... - голос Светланы Сергеевны дрогнул.

- Ну, что ты! Давно это надо было сделать! Как ты догадалась! - Надежда обняла соседку.

- Грешная я, всю жизнь только для себя жила, работа-дом-огород. Пора о другом подумать на старости лет, - призналась Галина. - Буду тебе помогать в церкви, Светлана!

На Галину удивлённо посмотрели: тоже не ожидали такого откровения.

- Ну какая же ты грешная... - пожалела Светлана Сергеевна.

- А церкви в Волочках не повезло: взорвали, а из кирпича льнозавод построили, - заметила Надежда, чтобы сменить тему. - Ничего у волочковцев нет. Льнозавод стоит, не работает какой уж год. А наша Троицкая церковь, того и гляди, снова оживёт.

- Уже ожила! А давайте-ка я вас, бабоньки, угощу сладкой настойкой рябины на коньяке? - неожиданно предложила Светлана Сергеевна.

- А что, не откажемся! - почти одновременно ответили бабоньки. Быстро организовали стол, отметили начало работ в храме.

Неделя прошла в хлопотах по огороду. Сердце у Светланы Сергеевны было не на месте, ведь у неё оставались собранные людьми деньги. Она решила потратить их на спил берёз с крыши. Вика нашла по интернету рабочих с автовышкой. На следующий же день бригада приехала в Ястребово.

- Хозяйка! У нас два часа на всё про всё. Что пилить? - спросил Светлану Сергеевну бугай из автовышки.

- Вот эти берёзы на храме. Только осторожно!

- Да уж! Как бы ненароком всю вашу церковь не разворотить, - хлопнул дверкой водитель.

«КАМАЗ» подъехал к стене, в люльку залез мужик с бензопилой.

Все местные жительницы и Вика, подняв головы, следили за историческим событием - берёзы, которые росли не одно десятилетие, через несколько минут нехотя, одна за другой, полетели вниз вместе с корнями. Храм преобразился, даже выше, кажется, стал, будто скинул с плеч неподъёмную ношу. Берёзовыми ветками Светлана Сергеевна решила украсить храм к Троице, до которой оставалась всего неделя.

А вечером к Ястребову подошла первая весенняя гроза.

Чёрный занос на небе выглядел страшным. Светлана Сергеевна побежала в храм, и что-то необъяснимое потянуло её на второй этаж. Там она увидела в образовавшемся проёме крыши грозное небо - это сдвинулись железные листы, которые берёзы раньше худо-бедно держали своими корнями. Гвозди, скреплявшие кровлю, давно заржавели и выпали. Плохо закреплённые железные листы при порывах ветра жутко скрипели - этот скрип и могла слышать Светлана Сергеевна в тот майский вечер, когда ей показалось, что со стороны церкви доносился то ли стон, то ли плач ребёнка. Когда берёз не стало, листы и вовсе разъехались по сторонам.

Совсем близко громыхнуло, и тут же дождь потоком полил по стене - как раз по той, где неизвестным иконописцем была изображена Святая Троица. Много лет сохранялась красота, а теперь могла быть размыта ливнем. Светлана Сергеев-

на никак не могла допустить, чтобы главное богатство церкви было испорчено перед самым праздником.

Она увидела в углу доски, которые остались после строительства лестницы. Схватила самую длинную, с усилием подняла и подпёрла железный лист изнутри. Вода перестала течь в церковь...

Светлана Сергеевна выдохнула - но тут же поняла, что доску придётся держать всё время, пока идёт дождь. Между тем гроза только усиливалась.

Руки занемели. Это стояние скоро стало похоже на пытку. «Надо мне выдержать и это испытание. Всё не случайно», - успокоила себя женщина и начала читать молитву Пресвятой Богородице. «Богородице Дева, радуйся, - повторяла она слова, которым еще в детстве научила её мама. - Благодатная Марие, Господь с тобою....»

Вика хватилась бабушку не сразу; подумала, что Светлана Сергеевна, наверное, ушла к Галине в гости, а в дождь не хочет возвращаться. Только спустя полчаса внучка стала беспокоиться: «Куда же она могла деться! В церкви, что ли? Там всё время пропадала».

В храме Вика и нашла бабушку. Она всё сразу поняла, перехватила доску у Светланы Сергеевны:

- Ба! Я держу, отдохни!

Дождь начал понемногу стихать. Только когда последние капли перестали стучать по железу, Вика убрала доску.

- И всего-то надо было прибить эти листы! - смахивая пот со лба, выдохнула Вика.

Роспись была спасена. На следующий день мужики залезли на крышу и быстро закрепили саморезами сорванное ветром железо.

В праздник Троицы Светлана Сергеевна повесила на магазине в Чернышёве написанное от руки объявление о первой службе. Столько было проде-

• «НОВЫЕ ДЕРЕВЕНЩИКИ»

лано работы, столько человек перевели пожертвования, а придут ли люди на службу? Нужен ли им храм? Неужели зря все усилия?

- Ба, не переживай ты так! Придут, придут! - успокаивала Вика. - Я приглашу. Придут из соседних деревень!

Светлана Сергеевна позвонила вечером отцу Антонию, напомнила о службе. Он ответил кратко: буду, конечно.

Подготовка продолжалась. На храмовых подоконниках Галина и Надежда расставили в принесённых из дома вазах берёзовые веточки, в углах храма поставили в вёдра с водой вершинки берёз - всё для того, чтобы дольше не засохли зелёные листочки. Храм оживился, запахло лесом. Женщины побелили известняковую плиту у алтаря. Там, где не смогли убрать масляное пятно на полу, застелили цветными тканями половиками. Стало по-домашнему уютно. Прибирая в храме, каждый день начинали и заканчивали молитвой. Дни промелькнули в труде.

Зря переживала Светлана Сергеевна: из Чернышева и других деревень на праздник Троицы с раннего утра приехали три десятка человек. Праздничный крестный ход возглавил отец Антоний. С иконой Святой Троицы обошли церковь. Литургии не получилось - хора не было, но праздничный молебен совершили.

В гулкой тишине храма отдавалось каждое слово проповеди отца Антония:

- Иоанн Кронштадтский сказал, что десница Господа коснётся каждого, кто строит храм. Вы не строите, а возрождаете. Это ещё ценнее. Всё начинается с прихожан. Пока вас немного. От вашей веры зависит, каким станет храм. А Святая Церковь всегда молится за своих строителей.

Священник вручил приходу икону Божией Матери «Утоли моя печали». Молящиеся были растроганы: батюшка подарил икону, написанную в Валаамском монастыре, а не напечатанную в типографии

многотысячным тиражом. Первой иконе приложилась Светлана Сергеевна.

А потом прямо у стен храма началась трапеза. Все сели за столы, застеленные яркими скатертями. Праздничности престольному дню добавила погода: не жарко, назойливые комары ещё не появились - благодать!.. Нехитрую деревенскую закуску собрали сами: картошку со свежим укропом, прошлогодние солёные огурчики, маринованные помидоры. Женщинам разлили красное полусладкое, мужикам, конечно, налили беленькой: заслужили.

Сухонькая бабулька лет под сто, сидевшая на почётном месте в центре застолья, утирала выплывшие от старости глаза:

- Думала, не доживу, чтобы услышать молитву в этом храме...

Лица мужиков, занимавшихся ремонтом, подобрели.

- Хорошо сидим! - выпалил кто-то киношную фразу, и все засмеялись.

В самом деле, сидели весело. Как водится, начали перемывать косточки знакомым и малознакомым. В разговоре вспомнили и Зеленина-старшего. Мужики заступились:

- А что ему оставалось делать? На морозе или под дождём технику ремонтировать? Вот и сделали мастерскую в храме, каменных-то строений у нас больше нет. Да и так Бог не забыл: все, кто тут работал, радикулитом страдают...

Зеленин-младший, что помог материалами и рабочими, сам на праздничную службу не пришёл. Но деревенские не осуждали.

- Его помощь - это молитва сына за отца, - заключила Светлана Сергеевна. И с ней согласились...

Светлана Сергеевна уходила последней, прибрав после трапезы столы. Земля около храма была выезжена техникой, и Светлана Сергеевна вдруг увидела в траве угол белой плиты с еле заметными бук-

вами. Это были старые могильные плиты, почти полностью ушедшие в землю.

«Здесь же было кладбище, совсем рядом с церковью, деревянная ограда стояла», - она вспомнила рассказы матери. Холмики простых крестьянских могил давно сровнялись с землёй, а вот под плитами покоился то ли местный священник, то ли помещик. Не был случайным плач в тот майский вечер. Усопшие подавали знак. Может, это был знак и от Раечки...

В то жаркое, сухое лето Светлана Сергеевна забросила свой огород: хлопоты по реставрации занимали всё время. Да и внуки уже стали большими, вынянчила.

На кирпичи, чтобы заложить проём в стене, деньги удалось собрать с помощью всё той же социальной сети. Вика уже из Петербурга продолжала вести страницу храма, через день выкладывала посты с отчётом, как потрачены народные деньги. Каждый кирпич жертвователей стал именным. Заделывать стену позвали известного в округе печника. Кладку он закончил быстро, а он оплаты наотрез отказался:

- Какие деньги! Награда для меня уже и то, что доверили... - признался пожилой мужчина. - Такой работы я ещё в жизни не делал.

Глава округа выделил материал, и в августе во все окна вставили стёкла. Галина и Надежда помогали Светлане Сергеевне оштукатурить и побелить стены внутри храма.

- Может, оставим одну стену такой, как была, - чёрную от копоти, с матерными надписями? А что, это ведь тоже история, - не поймёшь, пошутила Галина или сказала всерьёз. Но кисточка с белилами у нее в руках ходила резво, как и у её подруг.

На Литургии в праздник Успения Пресвятой Богородицы пел церковный хор - из

города привезли. Кроме певчих, на праздничную службу приехали на машинах несколько горожан. Они потом и в другие праздничные дни про Троицкий храм в Ястребове не забывали, и друзей с собой приглашали. Настоящее паломничество началось, можно считать, с Преображения Господня. В первый за десятки лет Яблочный Спас в ястребовском храме отец Антоний освятил яблоки - в то лето их у всех народилось видимо-невидимо. Они с глухим шумом то и дело падали с яблонь в траву, их не успевали собирать. Возрожденный народом храм привлекал и жителей округа, и горожан...

- Цель возрождения храма - молитва, - не уставал повторять отец Антоний.

К началу осени травы поникли под тяжестью семян, пожелтели, иссохли. Люди убирали с огородов урожай, торопились до дождей выкопать картошку в поле.

В Троицкой церкви предстояло ещё многое сделать: Светлана Сергеевна задумала поставить на куполе крест - непременно позолоченный, как листва на солнце ранней осенью в берёзовой роще. Поруганную икону Петра и Павла, которую обнаружили в первый день, отдали на реставрацию в областной центр. Помог опять же отец Антоний. А ещё нужно было восстанавливать росписи стен и сводов...

В сентябре впервые закрыли храм на ночь. Повесили маленький замок, и ни у кого не возникло вопроса, кому отдать ключ. Хранительницей стала Светлана Сергеевна. Ей не хотелось уходить из храма, где пахло воском, живительным теплом и чем-то ещё необъяснимым, где под самой маковкой умиротворённо ворковали голуби. И спокойно было на душе, как никогда прежде не бывало.

Елена
Антипова

Елена Алексеевна Александрова (псевдоним Елена Антипова) родилась в 1991 году в Нижнем Новгороде. Окончила филологический факультет ННГУ имени Н. И. Лобачевского. Участник литературных конкурсов и мастерских для молодых писателей. Лауреат Национальной литературной премии «Слово» и международного фестиваля-конкурса «Русский Гофман». Финалист литературной премии «Болдинская осень». Проза Елены Антиповой публиковалась в российских журналах «Звезда», «Дружба народов», «Роман-газета», «Сибирские огни», «Нижний Новгород», а также на порталах «Литература» и «Литературная Россия».

Братья

Михаил и Николай решили, что больше они друг другу не братья. И никогда прежде они не были так единодушны.

Николай - спортсмен и первый на селе красавец, Михаил едва доставал брату до подбородка.

Николай в детстве любил солдатиков, а Михаил - конструктор.

Николай легко поступил в институт, без экзаменов даже, но так и не окончил, вернулся в родное село в щетине и на щите. Михаил долго готовился, поступил и получил красный диплом.

Николай рано женился, но и развёлся скоро, оставив жену Ленку и сына. Семья Михаила - большая и крепкая. Всё как полагается: двое прекрасных деток - Петя и Юля.

С работой у Николая тоже раз от раза: где подкальмит, где разнорабочим устро-

ится. Михаил - начальник испытательного цеха на оборонном заводе, мимо его портрета на Доске почёта уже весь город успел пройти. Но всегда они находили чем согреть друг друга и разболевшихся к старости родителей. Мать, выпускница лесного института, собиравшая в чешских стенках альбомы с репродукциями, тихо улыбалась успехам младшего сына и горько плакала над причудами старшего. Отец - председатель сельсовета на пенсии - сохранял бодрость, несмотря на болезнь, но всё чаще улетал в своих мыслях в недоступное прошлое, путал годы, города, живых и мёртвых.

Николай жил с родителями в одном селе и каждый день заглядывал к ним на чай или стопочку. Михаил приезжал всего несколько раз в месяц, но после этого в доме снова появлялось что-то к чаю или стопочке.

Когда ослабевший разумом отец ушёл в метель, Михаил примчался быстрее, чем односельчане смогли выйти с фонарями на осмотр местности. В первых рядах утопал в снегу, прощупывал длинной палкой сугробы. Николай шёл рядом, глотку сорвал в бесплодном зове.

Но отца нашли только весной. Ни один из братьев так и не увидел его, опознали по часам «Ракета» с дарственной надписью. После этого мать начала горбиться, чаще ронять ложки. Николай навещал старушку в обед, ел наготовленную по привычке на двоих кашу. Михаил привозил из города крупу, сахар и масло.

По праздникам собирались разросшиеся семьями в доме, с каждым годом всё меньше принадлежавшем людям. Братьям не хватало ни рук, ни души на него. Измученная болями в спине мать редко стала подниматься на второй этаж. В окно, оставленное по забывчивости открытым на весь июнь, залетали птицы, рылись в кадках с засыхающими фикусами, поглядывали с верхних ступенек лестницы. Сперва гоняла, потом отступилась. Сил оставалось всё меньше, а к зиме и вовсе ничего не осталось.

Михаил приехал похвастаться внучкой и застал брата над кроватью матери, едва различавшей голоса и видевшей лишь очертания предметов. Николай рыдал над миской остывшей каши. Одной рукой он пытался кормить мать, а второй сжимал рёбра наполненного водкой стакана. Михаил сходил в социальную службу и договорился о ежедневных посещениях сиделки.

Разрубить родственные узы братья решили в день похорон, сразу после поминального обеда. Слово за слово, и вот уже Михаил сотрясает двор шагами, едва калитку с петель не срывает, хлопает дверью автомобиля. Жена и двое детей его, уже взрослых, семянят следом, прячутся в коробочке «Жигулей» и уносятся в город. По лобовому стеклу изнутри барабанят, как град, слова:

- Сволочь! Набил карманы бабкиными деньгами. Они у него чуть ли не валяются оттуда! - сын Петя перекрикивает звук мотора.

Михаил кивает:

- Ага, разорился ещё, что они с вырождением его непутёвым - единственные достойные наследники. Слышал? Да матери от них всю жизнь одни слёзы. Что тот, что другой - неудачники, каких поискать.

И жена наперебой:

- Самое главное, Ленка чего припёрлась? Она им уже никакая не родня, а первая завела разговор о доме!

- Да, её-то какое собачье дело, как мы будем его делить. Уселась посреди зала, курит. Попробовала бы она при матери такое вычудить!

- Видела бы бабушка, как дядь-Коля топором пол ломал, пока нычку искал, ещё раньше бы...

- Петя!

- Ладно, что уж теперь... А как он нас стервятниками назвал, слышали? Мою семью! - Михаил рулит одной левой, опасно оборачивается назад к детям. Юля бьёт его по плечу:

- Пап! На дорогу смотри! И он же третий день пьяный. Трезвый дядя Коля бы никогда...

- Юль, знаешь поговорку про то, что у трезвого на уме? Во-во. Он первый сказал, что я не брат ему. Мне ли перечить?

Проспавшийся Николай звонками батарею разрядил мобильнику брата. Михаил был твёрд и трубку брать не собирался. Тогда на другом конце города начал надрываться телефон его сына Пети. Мягко-сердечный в силу возраста, он выслушал покаяния Николая, полные похмельных слёз и обещаний, запомнил всё и слово в слово передал отцу.

- Ха! Быстро же он заднюю дал.

- Жаль его, пап. Совсем один остался...

- Мы уже всё про себя решили, а ты не лезь!

• «НОВЫЕ ДЕРЕВЕНЩИКИ»

Петя пожал плечами, но трубку от дядьки брал при каждом звонке, выслушивал, угукал, даже когда Николай на том конце не вязал лыка. Но через неделю, когда они вдвоём с отцом приехали за вещами в бабушкин дом, даже его зефирное сердце вздрогнуло от ярости.

Оказалось, что за прошедшую с похорон неделю куда-то пропали и крупноформатные альбомы, и ценные книги, и картины со второго этажа. Всё сколько-нибудь стоящее исчезло, всё! Пете особенно было жаль миниатюрного памятника Горькому, которому он в детстве случайно отколотил голову. Михаил же взорвался бранью, когда понял, что на месте нет его фигурки олимпийского мишки:

- Скотина! На что позарился, гад? Это мне в школе вручили за победу в лыжной гонке, мне, а не ему!

Делать нечего, пошли выручать мишку.

Николая дома не оказалось, а жившая через дорогу с сыном Ленка дверь не открыла, кричала из бойницы кухонного окна:

- А вот и забрали! Неужто надо было дожидаться, когда вы всё вывезете? У меня тоже сын! Вы-то за отцом в наследство вступили, а Колька-дурак в пользу матери отказался. Ни винтика не отдам!

Михаил плюнул на порог, развернулся и потащил Петю к участковому: это же грабёж среди бела дня, самая натуральная кража!

В милиции их встретил замшелый капитан, дал каждому по стакану воды, предложил закурить. На отказ от сигарет кивнул одобрительно:

- Хорошо, что не травитесь. Значит, так: заявление я у вас не приму. Завтра, или когда удобно, здесь, возле пункта, жду вас, обоих братьев. Только никаких жён и детей! Поговорите по-мужски, а я за порядком прослежу. Лады?

На том и разошлись до следующей субботы, нестерпимо жаркой и душной. На доро-

ге едва ли асфальт не плавится, солнце превращает машину в духовку на колёсах. Как и условились, Михаил поехал в посёлок один. На въезде, возле таблички «Добро пожаловать!» увидел глянцевого от пота брата. Николай махал руками, требовал остановиться. В опущенную форточку он прохрипел:

- Ну что мы, дети, что ли, Миш? Без мента уже и договориться не сможем?

Михаил разблокировал пассажирскую дверь.

Молча, под «Радио Дача» доехали до глухих ворот перед родительским домом, синхронно бахнули жёсткими жигулиными замками. Вытянулись, в нерешительности, позвякивая каждый своим комплектом ключей. Воздух густой, осязаемый. Разум мутится от дурманного запаха иссыхающей на солнце травы.

Николай кивнул: «Открывай».

Михаил отпер створку ворот, но вместо того, чтобы войти, отшатнулся, присев на капот «пятёрки». Николай заглянул во двор и тоже отпрянул:

- Ты видел?

На бетонном крыльце дома, положив локти на колени, сидел отец:

- Отпирайте. У меня ключей нет. Забыл.

Выглядел он совсем не так, как в день исчезновения. Тогда из дома сбежал полумумный обрюзгший диабетик в вытянутых на коленях трико. Теперь не осталось ни следа лишнего веса, волосы на голове поседели совершенно, и в глазах снова светился пронизательный разум советского номенклатурщика, острый и строгий.

- Ну, чего встали? - он поднялся, привычным жестом оправил ремень, под который была заправлена выглаженная рубашка с жёстким воротом. Из-под шерстяных брюк сверкали носы кожаных туфель.

Михаил открыл входную дверь:

- Папа, ты как здесь?

- Потом. Есть хоч.

Отец прошёл в кухню и сел на обыкновенное своё место за столом. Между тем

в доме не нашлось даже чёрствого пряника. Николай предложил сгонять «к своим», принести что-нибудь съедобное. Михаил кивнул, но, едва оставшись наедине с отцом, вылетел следом:

- Погоди, я с тобой. Это же что-то ненормальное, Коль. Это же в милицию надо!

- Нам его Господь послал. Вот теперь-то он нас рассудит!

Ленка только глазами хлопала и пальцем крутила у виска:

- Вы нажрались, что ль, оба? А ну дыхни! Сами же в землю закопали его, а теперь сочиняете, что он воскрес? Зачем вам сало? На закуску не дам! Колька, забыл, что ли, как говорил, что с Мишкой в одном поле... А ну положи булку, это сыну! Эй, куда вы?

Отец неподвижно сидел за столом. Когда перед ним появилась тарелка с отварной картошкой, тонко нарезанное сало и булка, он попросил воды и принялся за еду. Первым не выдержал Николай:

- А мы ведь думали, что ты того, бать...

Отец прервал его поднятым вверх указательным пальцем и уложил на хлеб очередной полупрозрачный кусочек.

- Коль, в милицию надо! - Михаил пинал брата под столом по ноге.

- Да погоди ты! Это же наш отец, живой! Ты не рад, что ли?

Когда на столе перед ним не осталось ни единой крошки, отец поднялся и буркнул:

- Бардак!

Братья отошли ближе к выходу из кухни, отец двинулся навстречу:

- Самим не совестно? Меня, что ли, дожидались? Я кого спрашиваю?

Михаил дал петуха на первом же слове:

- Пап, да ведь здесь же никто не живёт уже. Мама, ты знаешь...

- И что? В полу половины досок нет! Лестницу птицы засрала! Под потолком тенёта! Мышиное говно кругом! Кто это должен убирать, а?

Братья пятились к выходу. Николай, едва не провалившись в дыру между половиц, взвыл:

- Да ладно тебе, бать! Это же радость какая! Ты живой! Сейчас в магазин сходим, отметим это дело. Ленка увидит тебя - обалдеет. Да что она, все, весь посёлок на твоих поминках щи хлебал. Вот так будет номер!

- Слушай меня! - отец рявкнул и, расправив сухие плечи, продолжил надвигаться на братьев, ставших словно меньше и младше, - в гараже обрезающая доска на половицы. Ошкурить, уложить. Лестницу отдраить, чтобы блестела, как у кота... И вообще всё натереть и вымыть. Устал. Проснусь - проверю.

Отстукивая каждый шаг набойками туфлей, отец поднялся на второй этаж. Братья слышали, как скрипнула петлями дверь родительской спальни.

Вёдра наполнились водой, на высокую, некошеную траву легли на удивление ровные доски. Запел круг шлифовальной машинки, завизжал электролобзик, дела пошли на лад. Остатками плиточного клея и старого кафеля подлатали облицовку крыльца, шваброй с влажной тряпкой на конце сняли паутину и пылевой мох. Михаил лез наверх, Николай держал табуретку. Николай пилил, а Михаил прилаживал готовые доски, стучал молотком. Как в детстве, не знали усталости и пили воду из колонки, как живую. Смеялись друг другу полупрошепотом, вдыхали влажный воздух вперемешку с ароматом свежих опилок. Наверх не лезли, боялись разбудить отца.

На закате, когда глаза в сумерках начали подводить, но силы, невесть откуда взявшиеся, остались еще, пришёл участковый.

- Да вы молодцом! Сами справились.

- А тут такое дело, товарищ начальник... - Николай замылся, посмотрел на брата, Михаил кивнул, - у нас отец вернулся.

- Как так? Это вы, ребята, перегрелись, похоже. Я же сам его видел, там, после. И часы эти вы опознали. Нет, не может...

- Сами посмотрите, он наверху, отдыхает.

Следом за капитаном вошли в помолодевший на добрый десяток лет дом. Не сговариваясь, сняли в прихожей обувь. Поднялись, остановились перед запертой дверью спальни. Михаил постучал, но с той стороны никто не ответил. Участковый потянул ручку на себя.

В красноватом закатном свете они уви-

дели обнажённый пружинный остов кровати, пустые полки шкафов и подвижное пылевое облако.

- Да он в общей, наверное, на диване. Здесь же не постелено.

Но и в просторной общей комнате на втором этаже его не было, и внизу, и в гараже, и нигде его не было. Но совершенно невозможно стало теперь жить так, будто его не было вовсе.

ИЗДАНО В ВОЛОГДЕ •

«Главная книга В. А. Наволоцкого»

Выпущенная к 100-летию автора книга под таким названием представляет собой сборник материалов о труде «Родословная Наволоцких и Кузнецовых» - истории генеалогического исследования двух древних родов, сформировавшихся на Вологодчине.

В. А. Наволоцкий - не профессиональный историк: участник Великой Отечественной войны, полковник медицинской службы в запасе, кандидат медицинских наук, профессор. Выйдя в отставку, серьезно занялся краеведением. Любовь к родному краю, его истории позволила Владимиру Анатольевичу создать труд, в котором автор сумел показать, как в истории двух больших семей отражается история великой России. Исследование вызвало немалый интерес у общественных деятелей и профессиональных историков.

Составители включили в книгу публикации в российских средствах массовой информации о труде Владимира Анатольевича Наволоцкого, отзывы о нем вид-

ных историков, писателей и общественных деятелей современной России. Также издание представляет материалы о жизни В. А. Наволоцкого и его родных, не вошедшие в «Родословную Наволоцких и Кузнецовых».

Владимир Анатольевич был глубоко убежден: «Изучение родословных помогает глубже исследовать историю своей Родины».

Жизнь Владимира Анатольевича Наволоцкого (1926 - 2019), как и всех его ровесников, не была легкой. В 17 лет ушел на фронт. После войны - военно-медицинская академия, окончив которую, 44 года служил в войсках и в военном институте усовершенствования врачей. Выйдя на пенсию, занялся краеведением, выпустил несколько книг, в основном об истории своего родного Кичменгско-Городецкого района. Подробнее о жизни В. А. Наволоцкого рассказывают материалы, составившие книгу, которую он называл «трудом своей жизни», «главной своей книгой».

Нина
Веселова

Нина Павловна Веселова родилась в 1950 году в Ленинграде. После окончания факультета журналистики ЛГУ работала в газете «Вологодский комсомолец» (1972 - 1984). В 1979 году была участницей 7-го Всесоюзного совещания молодых писателей в Москве. По его итогам в 1982 году в издательстве «Молодая гвардия» вышла книга прозы «От отца и матери». С очерками, прозой и стихами выступала в газетах «Сельская жизнь», «Литературная Россия», в журналах «Наш современник», «Вологодский ЛАД», «Сибирские огни», «Север», «Советская женщина», «Памир», «Поэзия», «Очаг», «Сельская новь», «Мир женщины», «Друг», «Нижний Новгород», «Дружба народов», «День и ночь», «Вологодская литература», «Невский проспект», «Двина», в многочисленных сборниках и альманахах. Финалист и лауреат литературных конкурсов, автор книги о Шукшине «Калина горькая», романа в стихах «Ласточка», романа-исповеди «Годовые кольца».

Счастливая - часов не наблюдаю

Я люблю чёрных линий тревожный
излом

По-над зубчатым лесом за старым
колодецем,

Когда солнце давно погрузилось на дно
И лучи его больше не могут колоться.

Я люблю тёплый пар над политой
грядой

И комарье круженье над местом
промокшим,

И свинцовые тучи, тяжёлой грядой
Проползавшие утром над полем
продрогшим.

И акаций стручков взрывы
в нашем саду

Я люблю, словно в детстве салют
наблюдаю.

Всех наивных и добрых с собой уведу
В те края, где кольшутся отцветыряя.

От мелькнувшего зверя
в чащобе лесной

• «НОВЫЕ ДЕРЕВЕНЩИКИ»

Убегать не посмею, боясь изобидить.
Для кого-то во первых строках
он съестной,
Но, чтоб есть, его надо сперва
ненавидеть.

Я же просто люблю всю округу взахлёб,
Даже ветры когда низвергают деревья,
И по лужам глубоким, как девочка,
- шлёп! -
И теперь по дождю я хожу за деревню.

Там такая с холма открывается даль,
Что душа размыкает засохшие
створки.
И в ногах тихий ветер качает вуаль
Занавески из пуха на мышьиной норке.

А за кромкой лесов, в несусветной дали,
Где другие края и другие законы,
Проплывают в холодных морях корабли
И моржей раздаются протяжные
стонь.

Паровозов гудки, тишину раскроив,
Возвещают о том, что кончается
лето,
Что раздолье плакучих
заброшенных и в
Обльсеет привычно, никем не отпето,
Что огни будут тлеть на рябине
лесной,
Если стая клестов их опять
не потушит,
Будут помнить тревожно
истаявший зной
Островки уцелевшей
от дождиков суши.

Вот тогда убреду я туда, где излом
Старых крыш дополняет гармонию
линий,
И пойму, что напрасно сражалась
со злом
Вместо тихих часов возле
дремлющих лилий,

Что опять распускались на старом
пруду,
Невзирая на хлам по всему побережью,
Что и в этом засушливом
трудном году
Нас проведывал клин журавлей
обережных.

Значит, выпадет жить,
забывая про тень,
Что всегда ниспадает
при солнечном свете,
Значит, будет ещё не один ясный день
На уставшей от горечи нашей
планете.

Значит, так, ибо воля во всём не моя,
И не ваша, как этого б вам ни хотелось.
Поясочки потуже, родные края,
Чтобы песня протяжная дольше
пропелась!

Занемевшей струною
Заворочался свет.
Над моею странною
Снова хмурый рассвет.
Всё святое скосили
И посеяли тьму.
На просторах России
Нелегко одному.

Хоть на два бы денёчка,
Хоть на пол бы денька
Навестила бы дочка
Да увидеть сына.
Злые ветры носили
Их во тьме и дыму.
На просторах России
Нелегко одному.

Я налажу им баню,
Испеку им пирог.
Пусть заставою станет
Им домашний порог.

Выносить лихолетье
Нелегко одному.
Пусть легко спится детям
В родимом дому.

А когда мне придётся
Их назад проводить,
Пусть за мильми вьётся
Путеводная нить.
Пусть хранят их молитвы
От страданий и бед.
Пусть закончатся битвы
И наступит рассвет.

Не надо мне большого мира -
Мне малый мой велик вполне!
В нём тоже есть созвездье Лиры
И тропки млечные в стерне.
И в нём весеннюю порою
В истоме соловьи поют,
А в жаркий полдень под горою
Стада устало воду пьют.
По образу и по подобию
Больших мерцающих миров
Здесь возвышаются надгробья
И наш простой уютный кров.
И замирает очень поздно
Кормящий всех тяжёлый день,
И светят в темноте, как звёзды,
Огни забытых деревень.
Большие пыльные столпцы -
Какая, право, ерунда!
Упасть на сено и забыться,
На час, на сутки, навсегда...

Две недели страда сенокосная,
Две недели грибная страда...
Ах, судьба моя, доля несносная,
Увела ты меня не туда!
Где-то царские стыннут обитатели,
Где-то денежки льются дождём,
А деревню нещадно обидели.

А она всё твердит: «Подождём!»
Подождём - и посыплется манна,
Подождём - и придёт судья...
Обмерла от сплошного обмана
Золотая сторонка моя.
Я ей глажу зелёные косы
И слезу утираю с полей,
Но зимою вернутся заносы,
А по лету придёт суховей.
Как ни кинь - всё получится клином,
Как ни меряй - отрежешь не так.
И печаль журавлиная клином
Обрыдает заморский пятак.
Мне б оставить амбары упавшие
И иссохшее напрочь жнивье -
Только кто эту землю пропащую
Приголубит, напоит её?!Отравиться заморскою колою
Доброхоты помогут с лихвой!
Ну, а мы бы вдвоём на Николу
Зеленели густою травой,
Родниковой умыты водицей
Под напевы друзей Коляды,
Хороводы бы стали водиться
И на все бы звучали лады...
Так бы славно мы снова все зажили,
Памятуя о прежних деньках...
Кабы всё не схоронено заживо,
Кабы речи не все о деньгах!
Не очнуться стране от дурмана,
И всё глубже в ночи колея.
Обмерла от лихого обмана
Непродажная мати моя...

Да, я оттуда, из глуши,
Хоть горожанка.
Там, по-за печкою, в тиши,
Моя лежанка.
Там, по-за домом, до лесов,
Не хватит взгляда,
Катится солнце колесом
В мои усады,
И шает небо до утра
Немым кострищем,

• «НОВЫЕ ДЕРЕВЕНЩИКИ»

И в мелководье детвора
С сетями рыщет.
Барашков белые стада
Выносит в небо,
И я плыву вослед - туда,
Где смертный не был,
От горькой нашей маеты
Открывши средство,
Лечу туда, где я и ты,
Где наше детство,
Где есть мужицкое плечо,
Где лёгки беды,
Туда, где любят горячо,
Где наши деды,
Закрывши двери без ключей,
Хлеба косили,
Где пахло супом из печей
По всей России.

Кузнечики, как брызги, врассыпную
Из-под сапог моих летят, звеня.
Макушка лета. Середина дня.
В печи июля плавится стерня.
И землю, как золу, устало мну я.

Черникою измазан рот и нос,
А руки - как в перчатках до запястья.
Пот ручейками. Но какое счастье -
Урвать денёк у нудного ненастья!
Про это знает лучше всех мой пёс.

Мы с ним лежали на пружинах мха
И ртом ловили ягодные слёзы,
И на лицо садились мне стрекозы,
А вдалеке опять гуляли грозы...
Но как душа моя была тиха!

Теперь идём назад, в кольцо забот,
Как будто прилетев из дальних
странствий,
И в нашем малом жизненном
пространстве
Мы любим мир в его сухом убранстве
И рады, что скопили сил на год.

Мой тихий деревянный скит -
Где рифма по-за печкой спит,
Где на закате солнца луч
Украдкой шарит там, где ключ
Я прячу от своих дверей,
Где рвётся к небу лук-порей
И земляника пьёт росу,
Где паутинка на весу
Сверкает искрами зари,
Где бьют крылами сизари,
Спускаясь на резной конёк,
Где от ночного огонёк
Во тьме сияет, как маяк,
Где даже самый хитрый враг
В болото будет заведён,
Где связки старых веретён
Ночами песнею звучат,
Где ножки пухлые внучат
Поутру топчут мураву
И где кувшинки на плаву
Ведут неспешный хоровод,
Где дремлет старенький удод
И на курятник метит лис...
Здесь ни салонов, ни кулис,
Ни прочей жалкой шелухи,
Которой хвалятся верхи,
Чтобы безделье оправдать
И черни лишнего не дать.
Всё есть в затерянном краю,
Чтоб душу согреть мою!
И в миг, когда весь мир затих,
Она опять рождает стих,
И не кончаются слова...
Они, как новая трава,
Что вместо скошенной растёт
За годом год, за годом год!

Надкусили луну и подбросили,
И она обнажила рога.
Пробираюсь остывшими росами,
Оставляя вдали берега
Задремавшей заилненной заводи,
Вырываясь из тягостных пут.

Пробудившись до солнышка, загодя
На меня опустил паут.
Не кусает, а смотрит встревоженно,
Как несу я его по лугам,
Где табун притаился стреноженный,
Где, чуть свет, разгуляется гам
Всякой жизни, плодится назначенной,
И туман примостится внизу,
Чтобы долго смотреть озадаченно
На ползущую с юга грозу.

Только свет, а она собирается
Заявить на живое права.
И жуки впопыхах забираются
В тайники возле старого рва.
Мотыльки, крылья свесивши влажные,
По углам притаились гурьбой.
Ну, а ласточки, птицы отважные,
С мошкаркою затеяли бой.

Капли первые, словно разведчики,
Крупный в зарослях пробуют лист.
И, в траву забираясь по плечики,
Замирают от горя кузнечики:
Горизонт и грохочущи, и мглист.

Ах, не бойтесь, зверушки и птенчики!
Не навек разразится гроза.
Ждут на небе иные младенчики
И уже протирают глаза.
Быть не может, чтоб все их забросили.
Им земля, как и нам, дорога...

Вон - луну надкусили, подбросили,
И она обнажила рога.
И бреду я по травам остуженным,
Оставляя темнеющий след.

Каждый в мире и дорог, и нужен нам,
И конца возрождению нет.

Счастливая - часов не наблюдаю,
Бруснику собираю на пенках
И радуюсь распахнутому раю
И запаху хмельному на руках.

Придёт пора, и ворогом гнетущим
Зима вползёт в любимые края,
И перед бестелесностью грядущей
Склоню покорно голову и я.

Но не теперь. Весёлые пичужки
Клюют со мною ягоды в лесу.
А вечером сушить в своей печушке
Я две корзины белых принесу

И прикорну на стареньком диване,
Пока трещат поленья на поду,
И покупаюсь в жалостном обмане,
Что никуда вовеки не уйду,

А буду так же зябко кутать плечи
И на других смотреть со стороны,
Угадывая то, как годы лечат
Зияющие раны у страны...

Ну, а пока не время, не горюю
И в долгом одиночестве моём
Себе блаженство тихое дарую
Смотреть по вечерам на окоём -

Ведь осенью он цветом, как брусника,
Которая танцует на пенках
И превращает грусть мою в грустнику,
И кровью остаётся на руках.

Мы сильнее, когда мы вместе!

К 20-летию «Родников»

Почему мы особенно любим отмечать юбилейные даты, индивидуальные или общественные? Подводим итоги, строим планы?.. Наверное, главное - это повод заявить о себе или просто напомнить, что мы есть. А мы - литературное объединение «Родники» Тарногского округа (района) - есть! Существоем с 16 февраля 2005 года.

Инициатором создания литературного союза была Надежда Михайловна Юрова, её поддержал районный отдел культуры, в то время его возглавляла Галина Александровна Угрюмова. Надежда Михайловна, член Союза журналистов, сотрудница местной газеты «Кокшеньга», стала первым руководителем нашего объединения (Н. М. Юрова - активный автор «Вологодского ЛАДА» - прим. редакции). Это было время самых радужных надежд, планов, идей, различных инициатив. Встречи с читателями, выезды в другие районы, приём гостей-литераторов у себя, издание авторских сборников - вот чем жили «Родники». Впоследствии объединение возглавила Галина Угрюмова.

Литературные объединения или союзы, кружки, клубы появились, пожалуй, во всех районах области на рубеже столетий (даже тысячелетий). А где-то и раньше... Назывались объединения самодеятельных литераторов по-разному, но суть была одна: местные авторы под предводительством энергичных организаторов сходились вместе - всякое единство придаёт энергию, силу и волю. Сплочение пошло только на пользу. Последовали издания авторских и коллективных сборников. Регулярные встречи со школьниками и взрослыми, контакты с литераторами других округов насыщают энергией, заряжают

бодростью и желанием творить. Поэтому авторы уважают и берегут участие в своих объединениях. Мы сильнее, когда вместе!

Сколько же нас, «родниковцев»? После создания объединения количество членов быстро выросло до 12. В настоящее время в нашем объединении - 40 человек (это на фоне 12 тысяч населения района). Мы рады, конечно, каждому новому участнику, но не ставим главной своей целью прирост членства. Здесь применима известная формулировка: «Лучше меньше, да лучше». Для всех нас каждый автор - это находка! Все они талантливы, все с искрой Божией.

Первый состав организации был довольно молодым, но 20 лет оставили, конечно, свой след. В наше время в объединении состоят и работающие авторы, но большинство составляют люди пенсионного возраста. Что же, их накопленный жизненный опыт и знания, появившееся свободное время подталкивают к литературному самовыражению. Если говорить о вливании в наш состав молодёжи, то можно упомянуть об идее создать объединение или клуб юных талантов. Не случайно также среди наших литераторов значительное количество преподавателей - и трудящихся ныне, и уже пенсионеров. Разумеется, в составе наших «Родников» присутствуют люди самых разнообразных

профессий: и «лирики, и физики», и технари... Как-то на одной из наших недавних встреч с читателями было замечено, что среди присутствующих «родниковцев» все - из учителей и воспитателей, кроме автора этих строк. Пришлось заметить:

- Я растил и «воспитывал» лес, а он, соответственно, - меня.

Тарногские авторы с местными корнями и привязанностями к родной земле проживают и в иных городах и весях, и не только на Вологодчине есть тарножане, живут «родниковцы» в Ростовской области, в Брянске. Современные средства связи и регулярное посещение «малой родины» позволяют им полноценно участвовать в нашей деятельности.

Тарножане гордятся своим земляком - известным всей России писателем Станиславом Михайловичем Мишнёвым (24.06.1948 - 19.04.2020). Со дня организации «Родников» и до своих последних дней Станислав Михайлович принимал самое активное участие в нашей работе. Он всегда относился к каждому из нас добросердечно, по-товарищески и ни в коей мере не поучительно - это создавало тёплую и сердечную атмосферу на наших собраниях. Станислав Мишнёв писал о людях деревни. Не побоимся сказать, что для нас сочинения о деревне - наивысший по значимости раздел литературы, самый честный и правдивый рассказ о настоящей жизни, её истоках. Об уровне писательского мастерства Станислава Михайловича говорит тот факт, что В. И. Белов его поддерживал, а вологодские писатели единодушно приняли тарногского прозаика в Союз писателей России.

На стене Тарногской центральной библиотеки установлена мемориальная доска в память С. М. Мишнёва. Нам также очень хотелось бы и самой библиотеке присвоить имя писателя, который первым из тарножан получил всероссийское признание. Администрация Тарногского

округа, отдел культуры, Тарногская библиотека, Вологодская писательская организация раз в два года проводят литературную премию имени С. М. Мишнёва «Под синим небом». Вышли в свет сборники с творчеством лауреатов. «Родники», конечно же, не остаются в стороне от этих очень важных мероприятий.

Есть среди нас и член Союза писателей России - Александр Всеволодович Силинский. Многие годы он был сотрудником районной газеты «Кокшеньга» (ранее - «Ленинец»), несколько лет работал главным редактором «районки». Александр Всеволодович - член Союза журналистов, пишет стихи и прозу, активно занимается краеведением.

За два десятка лет существования «Родников» установились дружеские отношения с писателями Вологодчины. Многие из них побывали в Тарноге. Наши авторы многократно выезжали на творческие встречи в Великий Устюг (литературное объединение «Северок»), Никольск («Откровение»), Кичменгский Городок («Истоки»), Тотьму («Тотьмяне»). Постоянно посещаем мы фестиваль «Восток литературный» в Нюксенице. Памятна поездка в Подосиновский район Кировской области («Родник»), где родился маршал Конев. В своё время эта местность относилась к Вологодчине, что даёт основание считать знаменитого военачальника нашим земляком.

Как видим, наши притязания на литературные встречи и знакомства имели восточный вектор. Но 2024 год подарил большой группе наших авторов незабываемую поездку в Харовск (объединение «Созвучие») и Тимонию, где давно мечтали побывать. Литераторы «Родников» очень благодарны руководству округа, отделу культуры, библиотеке за выделяемый транспорт, помощь и поддержку.

В последнее время получили распространение выезды в разные уголки округа

• ЛИТОБЪЕДИНЕНИЕ

на встречи со школьниками и взрослыми читателями. Мы называем их «литературными десантами». Чувствуется, что литературное творчество земляков востребовано. Авторы всегда увозят с этих встреч наилучшие впечатления и вновь стремятся к читателям на периферию.

Разумеется, мы озабочены изданием своих сборников. Можно отметить, например, сборник произведений тарногских авторов «Красное становье», редактор-составитель А. А. Цыганов (Вологда: Полиграф-Периодика, 2019, 456 стр.). Особенно важен для пишущих людей наш коллективный сборник (альманах) «Тарногские просторы». Вначале выпуски имели газетный, журнальный формат. За последние годы изданы три солидных тома (по 240-270 стр.), благодаря поддержке администрации и спонсорской помощи. В настоящее время наши усилия направлены на подготовку и издание альманаха «Тарногские просторы» № 7. Эти выпуски - творческие отчёты пишущих людей и «визитная карточка» объединения «Родники».

Первое время после создания «Родников» нас «приютил» Дом культуры. Потом мы перешли под крыло районной библиотеки, что вполне естественно. Двери уютных помещений современного книжного «храма» всегда для нас открыты. Жизнь, конечно, вносит свои коррективы в наши желания. Та же пандемия чего стоила!

Но и сегодня хочется сказать, что нам не хватает общих встреч, так сказать, литературных «посиделок» с разбором творчества каждого из нас. Добрые слова хочется сказать нашей газете «Кокшеньга» за регулярные публикации «Литературных страниц» с творчеством авторов. Мы есть и на просторах интернета - в соцсети «ВКонтакте». Наше сообщество также называется «Литературная страница», приглашаю читателей присылать свои произведения.

За два десятка лет нас покинули 12 членов литературного объединения. В 2024 году уже 10 лет минуло, как нет среди нас старейшего литератора Тарногского края Евграфа Фёдоровича Бакшеева - ныне исполнилось 110 лет со дня его рождения. Также десятилетие не с нами Александра Ивановна Вячеславова - исполнилось уже 90 лет со дня её рождения. На «небеса вечной поэзии» 10 лет назад ушёл от нас Владимир Степанович Горынцев. Его 70-летний юбилей мы вспоминали недавно. Все они были талантливы, каждый оставил свой след в литературе и наших душах. Светлая им память! Мы помним!

Желаю «Родникам» всяческих успехов на ниве литературы. Удачи и благополучия всем авторам, творческих свершений!

Виталий ЛАМОВ,
руководитель литобъединения
«Родники»

Что связывает Киргизию, Австралию и Русский Север?

«Австралийский связной» - так называется роман вологодского прозаика Антона Янковского, который выпустило в свет издательство «Родники».

Это произведение уже известно читателям и критикам: «Австралийский связной» в номинации «Крупная проза» вошёл в шорт-лист независимой литературной премии «Дебют» в 2000 году. «Пронзительным» назвал роман «Австралийский связной» известный русский писатель Роман Сенчин. В центре сюжета, основанного на реальных событиях, - история трёх мальчишек, один из которых после распада Советского Союза смог выбраться вместе с мамой из охваченной межнациональными распрями Киргизии и вернуться на родину, другой остался в республике, третий эмигрировал в Австралию.

Автор романа закончил факультет прозы московского Литературного института, трудится обозревателем в информ-агентстве «Вологда регион». Член Союза

журналистов России и Союза писателей Москвы. С нашим журналом Антон Александрович сотрудничает с 1992 года, когда его детективный рассказ «Выстрела никто не слышал» опубликовал областной журнал для семейного чтения «Лад» («Вологодский ЛАД» - преемник этого издания).

В марте нынешнего года издательство «Родники» выпустило книгу Антона Янковского «Шхуна из Бухты-Барахты». Это уморительная детская сказка, в которой в Тридевятом царстве Устюжанске неожиданно объявляется... сицилийская мафия Коза Ностра, замаскированная под циркачей. Но царь Пантелеймон и двое школьников поднимают на борьбу с жуликами всех - от мудрого филина Ацидо до ловкого вора Тяни-Толкая. Остроумная, абсурдная и невероятно смешная история, которая одинаково нравится и детям, и взрослым.

Обе книги Антона Янковского были представлены на книжном фестивале в рамках Беловских чтений - 2025.

Десятый, юбилейный

С 23 по 26 октября в Володе проходил традиционный семинар молодых авторов

Окончание. Начало на цветной вклейке в начале номера.

- Многие пишут о любви, о событиях, недавно пережитых в школе или в студенчестве, - считает постоянный эксперт семинара прозы, член Союза писателей России Артём Попов из Северодвинска (Архангельская область). - А кто-то придумал настоящий детектив в американском духе. Одна участница прислала рассказы о пира-

Инга Никитина-Чурбанова - эксперт номинации «Поэзия» Беловского семинара

тах - прямо «Остров сокровищ»... Порой ребята пишут о возвращении в деревню своего детства - часто с грустью: внучата бывали у бабушки, радовались деревенскому быту, а спустя много лет находят село опустевшим...

О деревенской жизни молодые прозаики не только с печалью вспоминают, но и размышляют, как можно её наладить. В одной из конкурсных работ описывается, как молодой москвич отправился учительствовать в нищую сельскую школу. И вдруг всё пошло на лад - герой остался в деревне, хотя его и звали вернуться; потом в селе появляется энергичный деловой предприниматель (тоже, конечно, молодой), деревня оживает, о её возрождении снимают фильм - и потекли «Молочные реки»: так многообещающе назвали кооператив, созданный в погибавшей когда-то, а ныне процветающей деревне. Насмешка над реальностью? Сказка? А может, идея для разработки плана развития - такая мысль появилась в ходе обсуждения текста. Возможно, просто автору невмоготу стало читать бесконечные стоны о гибели деревни (сам он, кстати, - житель сельской местности), вот он и решил написать хоть что-нибудь хорошее о деревенской жизни...

- Литературные семинары в Вологде растут и набирают обороты, - считает председатель Мурманского отделения Союза писателей России, эксперт секции «Поэзия» Илья Виноградов. - Помню первую поездку в Вологду, когда мероприятие было камерным, но тщательно продуманным. Сегодня география участников расширилась, количество и качество работ стало выше, а сама программа обо-

гатилась интересными событиями, экскурсиями и выступлениями. Организаторы проделали огромную работу, которую сложно переоценить. Вологда и сегодня продолжает с честью нести звание литературной столицы, бережно храня наследие своих великих писателей, не только Василия Белова, но и Константина Батюшкова, Николая Рубцова.

Своим мнением о десятом семинаре поделилась Наталья Мелёхина, председатель экспертного совета:

- В текущем году программу семинара можно разделить на три части. Первая - разбор текстов экспертами. Вторая - учебно-воспитательная часть, включающая экскурсии и мастер-классы. Третья - мероприятия для широкого круга читателей: встречи с молодыми авторами в библиотеках Вологды, Грязовца и Сокола; концерт «Рабочий полдень» для трудового коллектива Вологодского вагоноремонтного завода и фестиваль «ЛитСИмена», который длился целый день».

Прозвучало на семинаре и сообщение о нашем журнале - короткое, правда, но вполне достаточное для того, чтобы дать «семинаристам» некоторое представление о «Вологодском ЛАДЕ». Ребята узнали, как предложить редакции для публикации свои стихи или рассказы. Кстати, в обоих номерах прошлого года были напечатаны произведения участников Беловского семинара - 2024, так что путь будущим авторам, можно сказать, известен, только пиши хорошо.

Профессор, доктор филологических наук из Архангельска Андрей Васильевич Петров прочел лекцию о северном тексте в русской литературе. Кстати, несколько лет назад А. В. Петров оценивал прозаические тексты, представленные на Беловский семинар. Продолжить участие в качестве эксперта Андрею Васильевичу не позволила занятость - профессор Петров не только читает лекции в САФУ, но

В конкурсе на право участия в Беловском семинаре участвовала 261 работа из 63 регионов России - от Калининграда до Владивостока, от Мурманска до Севастополя, и даже одна из Туниса (для сравнения: в прошлом году было 174 заявки). После строгого отбора в финал вышли 12 прозаиков (113 заявок), 12 поэтов (126 заявок) и 6 критиков и публицистов.

Лия Красовская участвует в Беловском семинаре второй раз. Эксперты прозаической секции отметили её творческий рост: осваивает новые темы, требовательнее относится к стилю. Лию сопровождала дочка - возможно, будущий молодой автор?..

Дискуссия о новой деревенской прозе прошла очень живо

и ведет большую работу как председатель Абрамовского сообщества.

«Мне хочется поблагодарить сотрудников детской библиотеки в Соколе за теплый прием, радушие и внимание. Было приятно пообщаться с юными жителями города, рассказать о своём творчестве, зачитать отрывки из своих произведений. Чудесная и незабываемая встреча, спасибо!!!» - поделилась с читателями на своей странице в социальной сети «ВКонтакте» Екатерина Дудник из Донецка. Традиционные творческие встречи финалистов и экспертов семинара с читателями прошли в нескольких городских и районных библиотеках Вологды, Сокола и Грязовца.

Ярким финальным аккордом стал книжный фестиваль «ЛитСИМЕНА» (загадочное название, по мысли организаторов, означает «Литература_Современные имена»). Он проходил в областной научной универсальной библиотеке и включал в себя и книжную выставку, и встречи с писателями, и представление издательств. Фестиваль стал не «литтусовкой», а местом встречи читателей с теми, кто пишет, оформляет и издает их любимые книги.

Оживленный разговор о произведениях «новых деревенщиков» сфокусировался на презентации сборника «Новосёлы» - «первой ласточке» участников объединения писателей, причисляющих себя к новой деревенской прозе. Инициаторы встречи - Анастасия Астафьева, Артём Попов, Максим Васюнов и Наталья Мелёхина - заявили о себе как о наследниках традиций классического реализма.

- Мы не призываем всех вернуться в сельскую местность. Мы говорим о смысле жизни русского человека на русской земле, - считает Наталья Мелёхина. - Я пишу о людях, которых я люблю, о своей Родине, потому что, если я этого не сделаю - никто этого не сделает.

Анастасия Астафьева выразила уверенность, что их книга станет «глотком свежего воздуха» для читателя, испытывающего «голод» на качественную русскую прозу.

Другая дискуссия, «Патриотическая и гражданская литература: вызов времени», началась с главного - с поиска определения патриотизма сегодня. Участники в своих ответах сошлись на том, что в

основе этого чувства лежит любовь. Говорили о роли литературы в сохранении исторической памяти, о том, как помочь читателю выбирать книги, формирующие гражданскую позицию без пафоса и конъюнктуры, и о новой миссии библиотек как центров объединения поколений. Завершилась работа долгим и заинтересованным обсуждением документального фильма Максима Васюнова «Доктор Пауст», лауреата премии ТЭФИ. Эта лента рассказывает о замечательном русском писателе Константине Паустовском как о «врачевателе совести».

Частью книжного фестиваля стали творческие встречи с писателями. Екатерина Блынская - автор трёх романов: если «Пойма. Курск в преддверии нашествия» и последовавшее за ним «Всё, во что мы верим» - это пронзительная хроника надвигающейся и наступившей войны, то «Время ласточек» предлагает неожиданное и глубокое воплощение, казалось бы, хрестоматийного сюжета отношений между городом и деревней.

Атмосферу лаборатории живого слова создали Анастасия Астафьева и Нина Веселова - авторы нашего журнала. Кстати, авторов «Вологодского ЛАДА» на семинаре было немало и среди экспертов, начиная с председателя экспертного совета Н. М. Мелёхиной, и среди гостей. Надеюсь, появятся «ладные» авторы и среди «семинаристов».

Фестиваль завершился концертом «Наша молодость жаркая», название которого родилось из строки стихотворения Василия Белова. «В глазах молодых авторов, которые выходили на сцену, действительно пылал огонь - живой и неугасимый», - считает Марина Григорьев-

И мать, и дочь - писательницы: Нина Веселова и Анастасия Астафьева. Обе - авторы «Вологодского ЛАДА», между прочим

Участник семинара молодых авторов Егор Сыроежкин из Казани - не только даровитый поэт, но и отличный пианист. Его выступление на открытии книжного фестиваля вызвало бурю оваций

на Колесникова, руководитель Беловского центра. Семинар молодых авторов для того и проводится, чтобы огонь творчества в молодых сердцах разгорался и не затухал.

Андрей САЛЬНИКОВ,
эксперт семинара молодых авторов

Фото автора, сайта Центра писателя В. И. Белова, cultinfo.ru

При подготовке материала использованы тексты, опубликованные на сайте Центра писателя В. И. Белова в Вологде.

Встреча с классиками

Нынешний год - юбилейный для знаменитого русского писателя Владимира Личутина: 13 марта ему исполнилось 85 лет. Юбилей - 10-летие со дня основания - отметил нынче и коллектив музея-квартиры Василия Ивановича Белова.

Так что визит Владимира Владимировича в Вологду вполне можно назвать праздничным. Впрочем, праздничной для знатоков литературы становится каждая встреча с замечательным писателем. Автор широко известных романов «Фармазон» (1979), «Любостай» (1983), трилогии «Раскол» (2000), «Миледи Ротман» (2001), «Беглец из рая» (2005), «В ожидании Бога» (2017) посетил музей-квартиру Белова, вспомнил, как он навещал Василия Ивановича.

На встречу с читателями пришли писатели, любители литературы, библиотекари. Собственно говоря, одним из поводов побывать на Вологодчине стало открытие в нашем городе памятника Грозному царю. Писатель полагает, что это событие станет еще одним шагом к возвращению доброго имени «нашему первому императору» (так Личутин называет государя Иоанна IV).

Писатель рассказал о своей книге «Русский царь Иоанн Грозный», вышедшей в издательстве «Вече» в 2023 г. В этом историческом исследовании Личутин высказывает своё мнение об истории русского народа и его происхождении. Владимир Владимирович объездил Поморье, беседовал со старожилами, которые еще сохранили в памяти русский язык, на котором говорили наши предки, а также образцы древнего фольклора.

Встреча с Владимиром Личутиным, которого уже по праву называют классиком, стала подарком для всех, кто пришел в этот вечер в музей-квартиру Белова. Гостя тоже ждал подарок: поэтический мини-спектакль по стихам Николая Рубцова (тоже, кстати, современного на-

Владимир Личутин рассказал о своем исследовании «Русский царь Иван Грозный»

шего классика), подготовленный студентами областного колледжа искусств. Ребята не просто читали рубцовские строки - они их проживали: ярко, эмоционально, как может только юность... Гостю выступление понравилось. В тот же день В. В. Личутин выступил на встрече с вологжанами в областной библиотеке.

Встреча эта имеет особенное значение для читателей нашего журнала; несколько лет мы публиковали произведения Личутина, которые писатель специально присылал в редакцию. Мы договорились возобновить сотрудничество и с будущего года начнем публикацию новых произведений Владимира Владимировича.

Молодые актеры не просто декламировали рубцовские строки - они их проживали: ярко, эмоционально!

В. В. Личутин высоко оценивает творчество В. И. Белова: «Белов - один из немногих русских писателей, которые так болезненно приросли пуповиной к родному очагу... На родине Белова чтили, им восхищались, ибо, несмотря на шумную славу, писатель не возгоржлся, не кичился именем, не изменял внутреннему нравственному закону, но оставался человеком свойским, в деревне - мужичком-словотворцем и гармонистом, умеющим сыграть плясовую и поднять стопарик «веселья для», в верхах же - народным заступником, резким на слово, но которого стоит послушаться. Из Белова вырос с годами не просто писатель, но хранитель неизбывного русского мира во всех крестьянских подробностях. Многие его работы печальны, но духоподъемны, излечивают от тоски. Он стал пастырем и путеводителем, звонарём и летописцем, автором крестьянского евангелия «Лад».

Краеведческие задачи

Издательство «Древности Севера» выпустило книгу, в названии которой странным образом сочетаются банальность и необычность: «Город, где резной палисад: краеведческий задачник».

Краеведческий задачник «Город, где резной палисад» призван разубедить тех, кто считает краеведение делом скучным и неинтересным. Более полутора сотен вопросов на разные темы, в том числе и в форме арифметических задач, позволят читателю не только узнать неизвестные многим факты о Вологде, но и взглянуть с неожиданной стороны на известные. В отличие от учебника по арифметике или традиционной краеведческой викторины, у этой книги в литературе Вологодской области нет аналогов. Некоторые вопросы и за-

дачи не имеют однозначных ответов и решений, что может вызвать у читателя внутреннее несогласие и желание самому разобраться в теме. На это и рассчитывают авторы. Пробуждение интереса к вологодской истории и развитие самостоятельного взгляда на неё - главная цель этого издания.

Необычный задачник подготовлен Вологодской городской патриотико-краеведческой общественной организацией «Держаться корнями» под редакцией председателя этой организации Михаила Юрьевича Глазова. Кроме него, над краеведческим изданием работали автор нескольких книг о Вологде Александр Иринеич Сазонов и экскурсовод Елена Владимировна Пологих, основатель сообщества «Родные огоньки». Статья Елены Владимировны «Сундучок с семейными историями» опубликована в первом номере «Вологодского ЛАДА» за нынешний год.

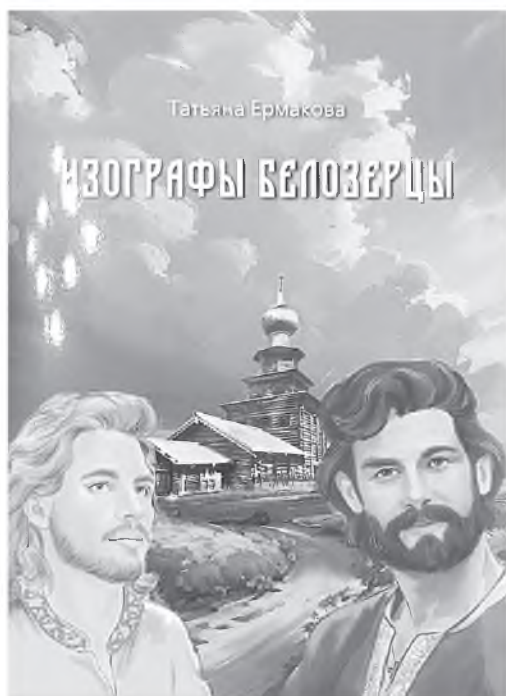

Иконописцы из древнего города

Книга «Изографы Белозерцы» - насковзь белозерская: она напечатана по заказу Белозерского областного краеведческого музея, её автор - жительница Белозерска Татьяна Алексеевна Ермакова, а иллюстрации созданы белозерской художницей Натальей Ливерьевной Ромодиной.

В семнадцатом веке в древнем городе Белоозеро, который в наши дни называется Белозерск, была выстроена деревянная церковь Пророка Ильи. Украшали её росписями и иконами братья Михаил и Димитрий по прозвищу Белозерцы. Книга рассказывает о том, как братья шли к профессии изографа - художника, иконописца. С детства Михаил и Димитрий вслед за отцом учились готовить краски, расписывали прялки и сундуки. Когда они выросли и узнали тонкости мастерства, расписали Ильинскую церковь. Широкий пятигранный проём между трапезной и храмом они расписали замысловатым, но удивительно лёгким орнаментальным узором - его теперь называют белозерской росписью.

Книга состоит из десяти рассказов о пути братьев к своей профессии. Издана она в рамках реализации проекта «Ильинка в глубинке», посвященного реставрации церкви Ильи Пророка в Белозерске. Проект стал победителем конкурса «Пра-

вославная инициатива» и получил грант на подготовку и издание книги. Был проведен также конкурс детских рисунков «Ильинка в глубинке» для школьников с первого по девятый класс. На конкурс поступило 143 работы. Ребята изобразили внешний вид и внутреннее убранство храма, его архитектурные элементы и уникальные росписи, этапы реставрации.

Книга о художниках, расписавших Ильинскую церковь в Белозерске, выпущена вологодским издательством «Древности Севера» и была представлена на Ильинской ярмарке. Тогда же состоялась и выставка детских работ, присланных на конкурс.

ЕСЛИ КРИКНЕТ РАТЬ СВЯТАЯ:
«КНИНЬ ТЫ РУСЬ, ЖИВИ В РАЮ!»
Я СКАЖУ: «НЕ НАДО РАЯ,
ДАЙТЕ РОДИНУ МОЮ».

Сергей Есенин.

На скамейке рядом с Сергеем Есениным? Пожалуйста!

Городские власти Вологды планируют посвятить часть Осановской рощи устройству парка памяти замечательного русского поэта Сергея Есенина.

В октябре нынешнего года Россия отметила 130-летие со дня рождения Сергея Александровича. В жизни любимого народом поэта есть и вологодский эпизод: 30 июля 1917 года в небольшой сельской церкви святых Кирика и Иулитты под Вологдой поэт сочетался узами брака с актрисой Зинаидой Райх. На месте села раскинулась Осановская роща, давно ставшая любимым местом отдыха горожан. Нет больше и храма. На его месте установлен памятный камень.

О вологодской линии в биографии Сергея Есенина известный вологодский писатель Александр Цыганов написал обстоятельную статью, опубликованную в нашем журнале. Писатель высказал предложение посвятить памяти Сергея Есенина новую зону отдыха в Осановской роще. С просьбой поддержать эту идею А. А. Цыганов обратился к вологодским городским властям - и нашел понимание и поддержку.

Мэр Вологды Сергей Жестянников написал в своих соцсетях: «Тематические об-

щественные пространства - это отличная идея. В дальнейшем ее можно будет реализовать и на других территориях нашего города».

Идет проработка концепции преобразования Осановской рощи. В парке установлена скамья, на которой - скульптура Сергея Есенина. Рядом - небольшая скульптура, изображающая легендарного пса Джима; это к нему обращался поэт: «Дай, Джим, на счастье лапу мне, / Таковую лапу не видал я соду...».

В парке появятся скамейки, на которых будут выгравированы строки из стихотворений Есенина, разделенные на темы: «Родина», «Любовь», «Философская лирика». Таблички, указывающие направления движения, будут оформлены шрифтом, напоминающим старославянские буквы. Стихотворные строки Есенина будут выгравированы и на указателях. Проект выполнен на основе консультаций со специалистами: его обсуждали не только дизайнеры и архитекторы, но и литераторы и экскурсоводы.

А недавно на стене дома, который стоит напротив Осановской рощи, появился огромный мурал с портретом Сергея Есенина.

- Планируется слева от входа в парк поставить небольшую часовню в память о святых Кирике и Иулитте, - рассказал Александр Александрович Цыганов. - А в ней хорошо бы поместить копию иконы Кирика и Иулитты, которая украшала прежде храм, где венчался Сергей Есенин. Храм снесли богоборцы, а храмовый образ чудом уцелел. Мы с библиотекарем Ириной Николаевной Трапезниковой увидели его в Казанской церкви на Торговой площади в Володе и поразились - вполне возможно, образ был в храме и в 17-м году...

По материалам
пресс-службы Вологды

Автор идеи создания Есенинского парка писатель Александр Цыганов жмет лапу герою есенинского стихотворения

Мурал, посвященный поэту Сергею Есенину, появился на фасаде дома рядом с Осановской рощей

80 ЛЕТ ПОБЕДЫ

Кузнецов Е. Рассказы о детстве№ 2, 2

БЕЛОВСКИЙ СЕМИНАР

Десятый, юбилейный№ 2, цв. вклейка
..... в начале номера, 228

ВЫСТАВКИ

Остались только в памяти людской № 1,
..... цв. вклейка в конце номера
Тихая родина Валерия Гаврилина № 1,
..... цв. вклейка в начале номера

ДЕМЕНТЬЕВСКИЕ ЮБИЛЕИ

Вересов Л. Валерий Дементьев
и вологодская литературная жизнь№ 2, 170
Дементьев В. Современникам
от потомка воина-белозерца№ 2, 175

И НЫНЕ, И ПРИСНО

Вересов Л. Русский просветитель
священник Иоанн Анурьев.....№ 2, 132
Давыдов П. Итальянец в Вологде№ 1, 116
Сальников А. Чудо в Нижнем Долу№ 1, 120
Он искренне и горячо служил Богу и людям.
К 70-летию со дня рождения протоиерея
Сергия Колчевца№ 2, 126

ИЗДАНО В ВОЛОГДЕ

«Главная книга В. А. Наволоцкого».....№ 2, 218
Журнал краеведов№ 2, 22
Иконописцы из древнего города№ 2, 235
Краеведческие задачи№ 2, 234
На языке сердца и памяти№ 2, 55
Награды вологжанам№ 2, 184
О лётчике-герое - книга для детей№ 1, 171
О самом главном№ 2, 189
Сборник с ёмким названием№ 1, 171
Слово о Павле Беляеве.....№ 2, 180
Что связывает Киргизию, Австралию
и Русский Север?№ 2, 227

ИСКУССТВО

Балашова И. Ладный мир на щедрой земле.
Юбилейная выставка Георгия Попова.....№ 1, 129,
..... цв. вклейка в середине номера
Балашова И. Продолжая традиции, шествует своим
путём. Об академике живописи
Валерии Страхове.....№ 2, 136, цв. вклейка
..... в середине номера
Смирнова Т. Там, где родился Филиппок.
К юбилею Алексея Пахомова№ 2, 144
Соколова К. Цвета неба и воды.....№ 2, 147,
..... цв. вклейка в конце номера
У Валерия Страхова - юбилей..... № 1,
..... 2-я стр. обложки

К 80-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Белоусов В. Вечная память отважным!№ 1, 2
Кузнецов М. Подарок.....№ 1, 6
Таких Героев в России всего четверо№ 1, 4

КНИГА В ЖУРНАЛЕ

Блицко Е. Ленкины рассказы№2, 91
Ермаков Д. Берестяные грамотки№ 2, 108
Ехалов А. Тайна села Великого №2, 57
Жил-был поэт №2, 62
Однажды в июле..... №2, 65
Цыганов А. Оборона Таланихи. Рассказы ..№ 1, 74
Юрова Н. Нищенка №2, 70
Тринадцатая №2, 73
Чужое - всегда чужое.....№2, 76
На всё воля Божия..... №2, 88

КОНКУРС

При белом свете вологодской прозы№ 1, 115

«ЛАДНЫЙ» ДЕБЮТ

Галочкина Л. Приключения Лии,
её родных и друзей№ 1, 229
Егорова А. Старая учительница№ 1, 223

Ишмухаметова Я. Зёрнышко на ладони .№ 1, 227

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

И Бог помогает!№ 1, 69

Международный конкурс современной
духовной художественной литературы

«Молитва»№ 2, 125

Рубцов на бенгальском№ 1, 139

Центру Белова - двадцать№ 1, 55

ЛИТОБЪЕДИНЕНИЕ

Ламов В. Мы сильнее, когда мы вместе!

К 20-летию «Родников»№ 2, 224

МНЕНИЕ ЧИТАТЕЛЯ

Белова О. О стихах Николая Цыганова№ 2, 29

НАШ ГОСТЬ

Встреча с классиком№ 2, 232

«НОВЫЕ ДЕРЕВЕНЩИКИ»

Антипова Е. Братья№ 2, 214

Астафьева А. Кирюша№ 1, 212

Васюнов М. Терехов и пустота№ 2, 190

Веселова Н. Счастливая - часов не наблюдаю.

Стихи№ 2, 219

Кемакова И. Фиалки расцвели!№ 1, 218

Мелёхина Н. Феномен не периферийный,

а цивилизационный№ 1, 179

Пиценко А. Последний день тысячелетия .№ 1, 184

Попов А. Есть ли кто дома?.. Рассказы№ 2, 198

Рудалёв А. Деревенская проза времен

нового русского эпоса№ 2, 186

ПО СЛЕДАМ НАШИХ ПУБЛИКАЦИЙ

На скамейке рядом с Сергеем Есениным?

Пожалуйста!№ 2, 236

ПОЭЗИЯ

Алексеев А. Я здесь живу - и это важно... № 1, 147

Виноградов И. Прорезающие тишь№ 2, 42

Иванов Г. Осень смотрит в моё окно.....№ 2, 12

Касецкая А. Свято место№ 2, 15

Корзова О. Синичье царство№ 2, 19

Коричева В. Картонное наследство№ 2, 30

Лешуков Л. Синели, стьлы вечера...№ 1, 143

Некрасов Е. Солянка под названием

«жизнь»№ 1, 140

Пошехонов А. Лиры негромкие струны ..№ 1, 132

Саблина Е. Осенний дворик№ 1, 137

Цыганов Н. Всё вижу белую дорогу...№ 2, 23

ПОЭТЫ О ПОЭТАХ

Дегтерев Н. Лирическая маска Павла

Широглазова.....№ 1, 235

Максин Ю. На склоне лет... *О книге стихов*

Александра Пошехонова№ 2, 53

Чурбанова-Никитина И. Улица Поэта

Романова.....№ 2, 46

ПРОЗА

Алёшинцев Н. История одной лошади№ 1, 10

Ламов В. Радости осени. *Из новых*

«Бывальщин-ювинальщин»№ 2, 157

Ларионов О. Короткая проза№ 1, 39

Лушников А. Мальчишник№ 2, 150

Макурин Д. Вологодские впечатления.....№ 1, 46

Небыков А. Сани.....№ 1, 50

Плотников В. Камень№ 1, 16

Устюжанин Н. Рассказы о море и о мире № 2, 166

Чернышёва С. Рассказы Воздушного№ 1, 56

Чурбанова-Никитина И. Тирания выбора № 1, 29

РАЗГОВОР С ЧИТАТЕЛЯМИ

Сальников А. Герои - без героизма?.....№ 1, 1

Сальников А. Печаль моя светла...№ 2, 1

РОДИНОВЕДЕНИЕ

Пологих Е. Сундучок с семейными

историями.....№ 1, 172

СЛОВО ПРОЩАНИЯ

Елена Виноградова№ 1, 239

ТЕАТР

Рудой Л. «Бедолаги сердешные». *Сцены*

из театральной жизни минувших лет№ 1, 150

Столярова Я. Спектакль на стыке

искусств№ 1, 168

УРОКИ КЛАССИКА

Трикоз Э. Кто заставил Белова плакать№ 1, 70

СОДЕРЖАНИЕ

БЕЛОВСКИЙ СЕМИНАР
Десятый, юбилейный цв. вклейка
..... в начале номера, 228

РАЗГОВОР С ЧИТАТЕЛЕМ
Андрей Сальников. Печаль моя светла... 1

80 ЛЕТ ПОБЕДЫ
Евгений Кузнецов. Рассказы о детстве 2

ПОЭЗИЯ
Геннадий Иванов. Осень смотрит в моё окно..... 12
Алла Касецкая. Свято место 15
Ольга Корзова. Синичье царство 19
Николай Цыганов. Всё вижу белую дорогу... 23
Вера Коричева. Картонное наследство 30
Илья Виноградов. Прорезающие тишь 42

МНЕНИЕ ЧИТАТЕЛЯ
Ольга Белова. О стихах Николая Цыганова 29

ИЗДАНО В ВОЛОГДЕ
Журнал краеведов 22
На языке сердца и памяти 55
Слово о Павле Беляеве 180
Награды вологжанам 184
О самом главном 189
«Главная книга В. А. Наволоцкого» 218
Что связывает Киргизию, Австралию
и Русский Север? 227
Краеведческие задачки 234
Иконописцы из древнего города 235

ПОЭТЫ О ПОЭТАХ
Инга Чурбанова-Никитина. Улица Поэта
Романова 46
Юрий Максин. На склоне лет... *О книге
стихов Александра Пошехонова* 53

КНИГА В ЖУРНАЛЕ
Анатолий Ехалов. Тайна села Великого 57
Жил-был поэт 62
Однажды в июле 65
Надежда Юрова. Нишенка 70
Тринадцатая 73
Чужое - всегда чужое 76
На вёе воля Божия 88
Елена Блицко. Ленкины рассказы 91
Дмитрий Ермаков. Берестяные грамотки 108

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ
Международный конкурс современной духовной
художественной литературы «Молитва» 125

И НЫНЕ, И ПРИСНО
Он искренне и горячо служил Богу и людям.
*К 70-летию со дня рождения протоиерея
Сергия Колчева* 126
Леонид Вересов. Русский просветитель
священник Иоанн Анурьев 132

ИСКУССТВО
Ирина Балашова. Продолжая традиции,
шестьует своим путём. *Об академике
живописи Валерии Страхове* 136, цв. вклейка
в середине номера
Татьяна Смирнова. Там, где родился Филиппок.
К юбилею Алексея Пахомова 144
Ксения Соколова. Цвета неба и воды 147,
цв. вклейка в конце номера

ПРОЗА
Андрей Лушников. Мальчишник 150
Виталий Ламов. Радости осени. *Из новых
«Бывальщин-ювиальщин»* 157
Николай Устюжанин. Рассказы о море
и о мире 166

ДЕМЕНТЬЕВСКИЕ ЮБИЛЕИ
Леонид Вересов. Валерий Дементьев
и вологодская литературная жизнь 170
Вадим Дементьев. Современникам -
от потомка воина-белозерца 175

«НОВЫЕ ДЕРЕВЕНЩИКИ»
Андрей Рудалёв. Деревенская проза времен
нового русского эпоса 186
Максим Васюнов. Терехов и пустота 190
Артем Попов. Есть ли кто дома?.. *Рассказы* 198
Елена Антипова. Братья 214
Нина Веселова. Счастливая - часов
не наблюдаю. *Стихи* 219

ЛИТОБЪЕДИНЕНИЕ
Виталий Ламов. Мы сильнее, когда мы вместе!
К 20-летию «Родников» 224

НАШ ГОСТЬ
Встреча с классиком 232

ПО СЛЕДАМ НАШИХ ПУБЛИКАЦИЙ
На скамейке рядом с Сергеем Есениным?
Пожалуйста! 236

Содержание за 2025 год 238

На обложке фото Данила Зинченко «Памятник С. А. Есенину в Вологде».

Электронный вариант всех номеров «Вологодского ЛАДА» размещен на сайте Вологодской областной
универсальной научной библиотеки имени И. В. Бабушкина www.booksite.ru

ВОЛОГОДСКИЙ
ЛАД

Литературно-художественный журнал
В 1991-1995 годах выходил под названием «Лад. Журнал для семейного чтения». С 2006 года - «Вологодский ЛАД»

2025, № 2 (45)

Главный редактор - А. К. Сальников

Адрес редакции: 160000, Вологда, ул. Зосимовская, д. 54-а.
e-mail: salnikovandre@yandex.ru

Отпечатано в ООО «ПД „Череповецкая Полиграфическая Компания“
г. Череповец, ул. Металлистов, д. 22. т. 8 (8202) 59-64-29.

Тираж 700. Объем 15 п.л. Формат 70x100/16. Печать офсетная. Подписано в печать 01.12.2025.

Время подписания номера по графику - 10 час., номер подписан в 10 час.

Дата выхода номера - 30.12.2025. Заказ № 363. Свободная цена.

Редакция не имеет возможности рецензировать и возвращать рукописи.

Учредитель - автономное учреждение Вологодской области
в сфере средств массовой информации
«Вологодский областной информационный центр»

Адрес издателя: АУ ВО «Вологодский областной информационный
центр», юридический адрес: 160000, Вологда, ул. Зосимовская, д. 54-а;
почтовый адрес: 160000, Вологда, ул. Зосимовская, д. 54-а.

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по
надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций по Вологодской области, свидетельство
ПИ № ТУ 35-069 от 28 декабря 2011 г.

16+

Цвета неба и воды

Иллюстрации к статье Ксении Соколовой на стр. 147

Обложка фотоальбома-каталога

Самым любимым на Русском Севере был рисунок, нанесенный белой краской на синюю ткань. Отсюда и название книги - «Цвета неба и воды».

• ИСКУССТВО

Автор идеи проекта «Цвета неба и воды» - искусствовед Наталья Павловна Лютикова

Неповторимую красоту украшенной вручную печатным рисунком ткани, как оказалось, невозможно заменить. Мастера и ценители древнего искусства восстановили утраченную традицию, и сегодня она переживает второе рождение.

«Автором собран уникальный материал, - отметил генеральный директор Кирилло-Белозерского музея-заповедника Михаил Николаевич Шаромазов. - Приятно, что музеи Архангельской и Вологодской областей работают вместе, что между нами нет границы»

«Мы надеемся, - сказала Александра Богданова, директор Архангельского краеведческого музея, - что это издание станет источником вдохновения для дизайнеров, художников, мастеров, а также сотрудников музеев, помогая их новым исследованиям»

• ИСКУССТВО

Фелонь (в обиходе - риза) - верхнее богослужебное облачение православного священника без рукавов. XVIII век. Тафта, шёлк, набойка льняная, ручная работа. На красном фоне - крупные белые цветы с черно-белыми стеблями (маки)

Доски набойные, вторая половина XIX века, Шенкурский район Архангельской обл. Дерево, металл, столярная работа, резьба по дереву, ковка металла

Фотоальбом-каталог об истории набойки на Русском Севере послужил основой для создания образов коллекции «Цвета неба и земли» театра костюма «Каприз», который действует в Архангельском дворце детского и юношеского творчества. Авторы коллекции вдохновлялись традиционным северным костюмом, они использовали технику кубовой набойки. Юные архангелогородцы заняли третье место на национальном конкурсе детских театров моды и студий костюма «Золотая игла». Приз ребята взяли в номинации «Переосмысление этностиля». Конкурс проходил в Москве при поддержке Министерства просвещения РФ и Национальной академии индустрии моды. В состязании участвовали 50 творческих коллективов из России и стран СНГ.

A photograph of a park setting. In the foreground, a dark metal bench with a decorative scrollwork base is partially visible on the right. The ground is paved with reddish-brown bricks, transitioning to a dirt path with sparse grass. In the background, there are trees with long, thin, yellowish-green leaves, possibly a weeping pine or similar species. The lighting is soft, suggesting late afternoon or early morning.

В Осановской роще
в Вологде устраивается
парк памяти замечатель-
ного русского поэта
Сергея Есенина.
В Есенинском парке
установлена скамья,
на которой - скульптура
Сергея Есенина